

ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2026, Том 6, № 9

Подписано к публикации: 20.08.2026

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025 г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

Содержание

Акинина П.С., Грибанов А.А.

Некоторые аспекты оптимизации медицинского перевода в условиях цифровизации общества (на материале английского языка) 6-10

Архипов Е.В.

Генеративный искусственный интеллект и визуальная коммуникация в социальных медиа: сравнительный анализ научных подходов 11-17

Багдасарова И.Ю.

Лингвостилистическая репрезентация монастырского и рыцарского хронотопов в романе А. Конан Дойла «Белый отряд» и стратегии их перевода 18-24

Бандурко З.В., Алиева В.А.

Когнитивно-аксиологический аспект перевода культурного кода в мультикультурном документально-художественном дискурсе (на материале произведения Г. Мортенсона и Д.О. Релина «Три чашки чая») 25-32

Башкирцева О.А., Алексеева А.Е.

Об одном модном выражении: семантика и прагматика «ну такой (-ое, -ая) себе» 33-38

Билялова А.А., Яруллина А.Ш., Польшкина Г.М.

Перевод идеологически маркированной лексики в политическом интервью 39-45

Верещагина М.В.

Структурно-семантический и когнитивный анализ артиллерийской терминологии французского языка в период с XX по XXI век 46-53

Власова Е.Е., Демьянова Ж.В.

Взаимосвязь вербальных и невербальных коммуникативных компонентов как фактор успешности коммуникации (на материале английского и русского языков) 54-59

Воскобойникова Л.П., Райхель П.А.

Функционирование англицизмов в журнальном дискурсе (на материале французского журнала Psychologies) 60-66

Гайдарлы Н.

Лингвокогнитивная репрезентация отношений человека и природы в неологизмах экологического дискурса (на материале французского языка) 67-74

Гарькавец В.Д., Куприянова М.Е.

Метафорический сценарий глобального кризиса в официальном переводе китайского дипломатического дискурса 75-81

Горбач С.Р.

Репрезентация метеорологического кода во фразеологической системе английского языка 82-88

Городищева А.Н., Городищев А.В., Новиков С.Д.

Доверие к бренду в цифровой реальности: как встраивать технологии в бренд и не потерять аудитории 89-95

Давлетмурзаева У.Д.

Религиозный дискурс в языкознании: теолингвистический и лингвокультурологический аспекты 96-101

Евченко Е.В.

Фоносемантический анализ – катализатор интерпретационных возможностей художественного текста 102-106

Ермолова К.А.

Концепт «Театр» в литературе научно-учебного дискурса 107-113

Ефремова Л.В. Объект прогностических конструкций в медицинском дискурсе	114-118
Власова Л.И. Газетный заголовок как инструмент речевого воздействия: структурно-синтаксический и стилистический анализ (на материале рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian”)	119-125
Игонина С.В. Функциональные стили русского языка: современное состояние	126-133
Кононова Е.А. Жанрово-стилистические стратегии освещения подвигов советских воинов и партизан в военных корреспонденциях Донбасса	134-140
Крапивник Л.Ф. «Тексты культуры»: лингвометодический потенциал в обучении русскому языку вне языковой среды	141-146
Ликари К., Шаронов И.А. Дискурсивная трансформация концептуального поля беззвучие в послевоенной лейтенантской прозе	147-152
Маркина П.В., Кин С.Г. Человек читающий по-русски: культурные традиции в цифровом мире	153-157
Мустафина Ю.А., Королева А.С. Анализ иероглифа “舞” от древних времен до наших дней	158-162
Николаев С.А. Переход от 2d к 3d в интерфейсах: влияние стереоэффектов на скорость принятия решений пользователем	163-168
Никольская А.В. Структура комментариев в Telegram-каналах как индикатор горизонтальной солидарности	169-175
Пинчукова А.Е. Роль анализа языковых средств в развитии профессиональной коммуникативной компетенции студентов в рамках курса по нарративной медицине	176-186
Прасова Э.Е. Поэтика пространства в повести Петера Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым»	187-193
Проторенко И.Е. Исповедь зависимого сердца: любовь и аддикция на материале творчества IAMX	194-199
Руденко П.В. Типология военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. в системе экстремальных медиакommunikаций	200-206
Рябкова Г.В. Лингвистические особенности языка научно-популярной литературы об авиации и космонавтике	207-213
Селиверстова О.А., Кабаненко В.А. Языковой ландшафт туристического центра (на материале г. Суздаля)	214-218
Семенова М.Ю. Региональная вариативность постстандартного испанглийского идиома на Западном побережье США	219-225
Серета С.П. Образ судьи-взяточника в русской сатирической литературе XIX века: от Н.В. Гоголя до А.П. Чехова	226-232

Содикова Р.А. Грамматические трансформации при переводе английских текстов на таджикский язык	233-239
Цитриков М.Е., Хатямова М.А. Роль субъектной сферы в становлении лирического сюжета книги Саши Черного «Сатиры»	240-249
Шакович Ю.В. Лингвосемиотические механизмы формирования образа противника в газетном медиадискурсе периода ВОВ	250-256
Шалков Д.Ю. Функционально-смысловой синкретизм мифологических и христианских аллюзий в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет»	257-264
Семенова М.Ю. Диахроническая динамика моделей интра- и интерсентенционального переключения кодов в постстандартном испанглийском идиоме США	265-272
Якшик Диахрония русских переводов «Бхагавадгиты»: сравнительно-сопоставительный и лингвопереводческий анализ (1788–1984)	273-280

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811. 111 378.14

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-6-10

¹ Акинина П.С., ¹ Грибанов А.А.

¹ Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (Владимирский филиал)

Некоторые аспекты оптимизации медицинского перевода в условиях цифровизации общества (на материале английского языка)

Аннотация: в статье авторами анализировались современные способы медицинского перевода в период цифровизации общества. Были рассмотрены следующие виды перевода: использование сервисов онлайн – перевода, нейросетевые модели и авторский вариант перевода. Сопоставительный анализ переводов был проведен на материале статьи “Gene editing therapy shows success against severe sickle cell disease” из англоязычного медицинского журнала New England Journal of Medicine. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить оптимальные переводческие решения путем сопоставления трех вариантов перевода. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: 1) сравнить качество машинного перевода и авторского; 2) рассмотреть возможности и ограничения машинного перевода. Полученные результаты показали, что нейросетевые модели могут использоваться как вспомогательный инструмент при осуществлении медицинского перевода, значительно экономя время при работе с текстом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке методик и рекомендаций, которые могут быть внедрены в работу переводчиков, медицинских организаций, разработчиков ПО и образовательных учреждений.

Ключевые слова: онлайн-перевод, ИИ, нейросетевые модели, медицинский перевод, цифровизация, авторский перевод, медицинский текст

Для цитирования: Акинина П.С., Грибанов А.А. Некоторые аспекты оптимизации медицинского перевода в условиях цифровизации общества (на материале английского языка) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 6 – 10. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-6-10

Поступила в редакцию: 2 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Akinina P.S., ¹ Gribanov A.A.

¹ 1Volga Research Medical University of the Health Ministry of the Russian Federation (Vladimir branch)

Some aspects of optimizing medical translation in the context of society's digitalization (based on the English language)

Abstract: the article analyzes modern methods of medical translation in the context of societal digitalization. The following types of translation were examined: the use of online translation services, neural network models, and a translator's (human) version. A comparative analysis of translations was conducted using the article "Gene editing therapy shows success against severe sickle cell disease" from the English-language medical journal New England Journal of Medicine. The aim of the study was to identify optimal translation solutions by comparing three versions of the text. To achieve this goal, the following objectives were set: 1) to compare the quality of machine

translation with that of human (authorial) translation; 2) to examine the capabilities and limitations of machine translation. The obtained results showed that neural network models can be used as an auxiliary tool in performing medical translation, significantly saving time when working with texts. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its findings to develop methodologies and recommendations that can be implemented in the work of translators, healthcare organizations, software developers, and educational institutions.

Keywords: online translation, AI, neural network models, medical translation, digitalization, author's translation, medical text

For citation: Akinina P.S., Gribanov A.A. Some aspects of optimizing medical translation in the context of society's digitalization (based on the English language). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 6 – 10. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-6-10

The article was submitted: June 2, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Развитие цифровых коммуникаций облегчает процесс общения и обмена информацией, ликвидирует барьеры между странами и культурами [7]. Процессы глобализации наблюдаются и в сфере здравоохранения. Этому способствуют развитие в экономическом, политическом, правовом плане и других аспектах [2]. Говоря о процессе глобализации, необходимо выделить одно из важных условий: обмен актуальной информацией между медиаторами сферы здравоохранения, которые являются представителями разных культур.

Данное требование определяет актуальность темы статьи. В статье авторами рассматривается процесс оптимизации медицинского перевода с использованием нейросетевых переводчиков и сервисов онлайн – перевода.

Необходимо отметить, что язык медицины представляет собой уникальное явление. Он используется врачами в профессиональной коммуникации более 2500 лет [6]. Развитие медицинской терминологии является актуальным и современным явлением, поскольку международное сотрудничество в медицинской сфере делает необходимым перевод самых разнообразных медицинских текстов [5].

Медицинский текст – это вид научного текста, который создавался для медицинских специалистов, главной темой которого являются вопросы человеческого здоровья [1]. Для медицинского текста характерен высокий процент терминологии, что представляет собой одну из основных проблем при переводе [3].

Материалы и методы исследований

Авторами использовались общенаучные и теоретические методы исследований, а именно: анализ научной литературы в области переводоведения, медицинской терминологии, цифровой лингвистики и социологии медицины. Сравнительно – сопоставительный анализ: сопоставление англоязычных медицинских терминов с их русскоязычными эквивалентами. Материалом исследования послужила статья из англоязычного медицинского журнала New England Journal of Medicine.

Результаты и обсуждения

Были рассмотрены в сопоставительном аспекте переводы статьи “Gene editing therapy shows success against severe sickle cell disease” [10] из англоязычного медицинского журнала New England Journal of Medicine с помощью сервисов онлайн – перевода, нейросетевых переводчиков и авторского перевода. *Цель исследования* – выявить оптимальные переводческие решения путем сопоставления итоговых вариантов перевода. Для этого были поставлены следующие задачи: 1) провести сопоставительный анализ качества машинного перевода и перевода, выполненного человеком; 2) рассмотреть возможности и ограничения машинного перевода.

Рассмотрим сначала варианты перевода, где использовались сервисы онлайн – перевода. В рамках данной статьи использовался такой сервис, как Reverso.

Принцип работы онлайн – переводчика достаточно прост: в специальном окне вводится текст для перевода. Затем пользователь выбирает нужный язык и кнопку «Перевести». Программа сравнивает введенные слова со встроенным в ходе разработки словарем и демонстрирует дословный перевод [9].

Однако, когда речь идет о переводе медицинского текста, результат может оказаться не совсем логичным, поскольку слова переводятся так, как они представлены в словаре, и если в источнике отсутствует нужный медицинский термин, онлайн – сервисом выполняется транслитерация, часто с потерей смысла переводимого термина или аббревиатуры. В этом случае переводчик проводит дополнительные преобразования для получения необходимого результата, учитывая смысловую нагрузку переводимого текста [7].

Рассмотрим некоторые примеры. **Оригинал:** “achieving what physicians call a “functional cure”. **Reverso** предлагает следующий перевод – «функциональное лечение». **Авторский вариант:** «врачи называют это «функциональным излечением». Reverso перевел “cure” как «лечение», что искажает смысл. Речь идет именно об излечении (пусть и функциональном, не полном), а не просто о терапии.

Оригинал: “increases levels of fetal hemoglobin—which prevents red blood cells from forming into sickle-shaped cells”. **Reverso:** «увеличивает уровень гемоглобина у плода, что предотвращает образование красных кровяных клеток в виде sickle-shaped клеток». **Авторский вариант:** «повышает уровень фетального гемоглобина, который предотвращает превращение эритроцитов в клетки серповидной формы». Во-первых, в данном фрагменте, при переводе, Reverso был использован англицизм (sickle-shaped), но не сам перевод термина, а также буквализм («гемоглобин у плода» вместо устоявшегося «фетальный гемоглобин»).

Оригинал: “there is no rejection, so it's different from traditional bone marrow transplants, which is standard treatment”. **Reverso:** «поэтому она отличается от традиционных пересадок костного мозга, которые сейчас являются стандартным лечением для больных серповидными клетками». В данном переводе допущена ошибка: «больные серповидными клетками» (буквально *sickle cell patients*), правильный вариант – «пациенты с серповидноклеточной анемией». **Авторский вариант:** «заключается в отсутствии отторжения – в этом её отличие от традиционных трансплантаций костного мозга».

Оригинал: “received chemotherapy to clear their bone marrow, making room for the repaired cells”. **Reverso:** «получили химиотерапию, чтобы очистить костный мозг, освободив место для отремонтированных клеток». Слово «отремонтированных» является неподходящим в данном случае, демонстрируя вариант буквального перевода. Оптимальным решением могут быть такие варианты, как «восстановленные» или «исправленные». **Авторский вариант:** «получили курс химиотерапии для очистки костного мозга – это освободило место для восстановленных клеток».

Из приведенных выше примеров и вариантов перевода, можно сделать вывод, что онлайн – сервис перевода Reverso не смог выполнить перевод на адекватном уровне, что, конечно же, объясняется наличием медицинских терминов [8], которые либо транслитерируются, либо не переводятся вовсе. Тем не менее, стоит отметить, что Reverso в некоторых случаях способен перевести термин, но отдельно от контекста.

Из минусов сервиса онлайн-перевода можно выделить следующие: дословность, игнорирование контекста, не совсем адекватный перевод терминологии. Плюсом является доступность и быстрота выполнения.

Рассмотрим вариант перевода, выполненный при помощи нейросетевых моделей, а именно: DeepL, GigaChat, Microsoft Translator, Alice AI.

Оригинал: “New results from a clinical trial show promising outcomes for a gene- edited treatment...”.

DeepL: «Новые результаты клинического испытания показывают многообещающие результаты для генетически модифицированного лечения...».

GigaChat: «Новые результаты клинического исследования показывают обнадеживающие результаты генно-редактированной терапии...».

Microsoft Translator: «Новые результаты клинического исследования показывают многообещающие результаты для генной терапии, редактируемой методом CRISPR...».

Alice AI: «Новые результаты клинического исследования демонстрируют многообещающие итоги применения генной терапии...».

GigaChat и Alice AI используют корректный термин «генно-редактированная терапия» /«генная терапия». Microsoft Translator добавляет «CRISPR», чего мы не наблюдаем в исходном варианте, что можно трактовать как вольность. Словосочетание “promising outcomes” DeepL и Microsoft Translator перевели как «многообещающие результаты», GigaChat – «обнадеживающие результаты» (стилистически чуть мягче), Alice AI – «многообещающие итоги». “Few curative options” практически все переводят близко, но DeepL «с ограниченными возможностями для излечения» – менее удачно, чем «мало вариантов радикального лечения» (вариант GigaChat).

Таким образом, лучше всего проявили себя такие нейросетевые переводчики, как Alice AI и GigaChat. DeepL продемонстрировал более буквальный вариант, и данная нейросетевая модель больше подходит для выполнения технического перевода.

Перевод с применением ИИ позволяет выделить такие преимущества, как высокая скорость перевода, сохранение смысловой целостности и меньшее количество ошибок, по сравнению с сервисами онлайн – перевода. Также есть возможность уточнить запрос, при необходимости, и получить более точную информацию. Тем не менее, возможно появление неточностей в переводе, при избыточном количестве запросов (промтов), так как в этой ситуации ИИ забывает содержание текста-оригинала.

Выводы

Если говорить о медицинском переводе, выполненном профессиональным переводчиком, то он будет более узкоспециализирован и направлен на выполнение конкретной задачи. Ключевым отличием работы профессионального медицинского переводчика от работы нейросетевых переводчиков и сервисов онлайн-перевода будет являться квалификация, приобретенная благодаря опыту. В процессе перевода специалистом применяются различные переводческие стратегии, системные знания об основных закономерностях функционирования языка, с которого переводят [4].

Работа профессионального переводчика отличается способностью сохранять смысловую целостность и осуществлять пред- и послепереводческий анализ переводимого текста. Переводчик способен адаптировать переводимый фрагмент, подобрать синонимичное выражение, а объем его лексического запаса значительно превосходит объемы сервисов онлайн – перевода.

Если сравнить перевод, выполненный нейросетью и человеком, то качество перевода, выполненного специалистом, будет выше, так как автор может редактировать свой перевод неограниченное количество раз, то есть проводить критический анализ своей работы, в отличие от нейросетевой модели, которая не может исправить допущенные ошибки без запроса пользователя.

Минусом работы профессионального переводчика может являться более длительное выполнение перевода, в отличие от искусственных алгоритмов. Стоит отметить, что ИИ может использоваться переводчиком – специалистом, как вспомогательный инструмент, в целях экономии времени.

Таким образом, цифровизация выступает мощным катализатором оптимизации медицинского перевода, предлагая инструменты для работы с колоссальными объемами данных на английском языке. Однако она не отменяет, а лишь видоизменяет требования к специалисту, перенося акцент с механической трансляции терминов на управление качеством гибридных переводов, этический контроль и технологическую экспертизу. Будущее отрасли лежит в плоскости создания симбиотических систем, где вычислительная мощь НМТ используется для снятия рутины, а когнитивные способности человека-эксперта направляются на обеспечение максимальной безопасности пациента.

Список источников

1. Абросимова Н.А. Введение в медицинский перевод: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ – Медиа, 2021. 116 с.
2. Алексеев В.А., Борисов К.Н. Международная практика глобализации в системе здравоохранения// МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 1 (21). С. 98 – 102.
3. Грибова Н.С., Чаплыгина О.В. Проблемы перевода профессиональной лексики (на примере специальных терминов в области медицины) // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 9. № 1 (30). С. 204 – 206. DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0046.
4. Киселева О.М. Взаимосвязанное обучение письменному выражению мыслей и переводу письменных текстов в подготовке переводчиков в сфере профессиональной деятельности (медицина): автореф. дис. ...канд. пед. наук: 5.8.2. Москва, 2024. 22 с.
5. Куйбышева О.П. Вопросы перевода эпонимов в английской медицинской терминологии // Биология и интегративная медицина. 2021. № 2 (42). С. 167 – 176.
6. Макаренко Е.Д., Колесникова В.В., Бочкова О.С. Современные лингвистические тенденции в медицинской неологике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (147). С. 149 – 152.
7. Новожилова А.А. Машинные системы перевода: качество и возможности использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 67 – 73.
8. Платонова Е.С. Полисемия и омонимия в английской медицинской терминологии // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: сборник научных трудов, посвященный 20-летию факультета клинической психологии / под общ. ред. И.А. Сучкова. Рязань: ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, 2024. С. 145 – 148.
9. Сунаргулова Р.И., Матвеева Н.В. Сравнительный анализ онлайн-переводчиков// Международный журнал «Цифровая наука» /отв. ред. Н.В. Емельянов. 2022. № 6. С. 21 – 28.
10. Anna R. Gene editing therapy shows success against severe sickle cell disease. The New England Journal of Medicine. Vol. 394. No. 13. P. 25 – 27. DOI: 10.1056/NEJMoa2415550.

References

1. Abrosimova N.A. Introduction to Medical Translation: A Study Guide. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2021. 116 p.
2. Alekseev V.A., Borisov K.N. International Practice of Globalization in the Healthcare System. MIR (Modernization. Innovation. Development). 2015. No. 1 (21). P. 98 – 102.
3. Gribova N.S., Chaplygina O.V. Problems of Translation of Professional Vocabulary (Based on Specialized Terms in Medicine). Baltic Journal for the Humanities. 2021. Vol. 9. No. 1 (30). P. 204 – 206. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0046.
4. Kiseleva O.M. Interconnected teaching of written expression of thoughts and translation of written texts in the training of translators in the field of professional activity (medicine): author's abstract. diss. ... cand. ped. sciences: 5.8.2. Moscow, 2024. 22 p.
5. Kuibysheva O.P. Translation issues of eponyms in English medical terminology. Biology and integrative medicine. 2021. No. 2 (42). P. 167 – 176.
6. Makarenko E.D., Kolesnikova V.V., Bochkova O.S. Modern linguistic trends in medical neolexicon. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. No. 4 (147). P. 149 – 152.
7. Novozhilova A.A. Machine Translation Systems: Quality and Possibilities of Use. Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics. 2014. No. 3 (22). P. 67 – 73.
8. Platonova E.S. Polysemy and Homonymy in English Medical Terminology. Intercultural Communication in a Unified Educational Space: Problems and Prospects: Collection of Scientific Papers Dedicated to the 20th Anniversary of the Faculty of Clinical Psychology. Edited by I.A. Suchkov. Ryazan: Ryazan State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, 2024. P. 145 – 148.
9. Sunargulova R.I., Matveeva N.V. Comparative Analysis of Online Translators. International Journal “Digital Science”. Edited by Ed. N.V. Emelianov. 2022. No. 6. P. 21 – 28.
10. Anna R. Gene editing therapy shows success against severe sickle cell disease. The New England Journal of Medicine. Vol. 394. No. 13. P. 25 – 27. DOI: 10.1056/NEJMoa2415550.

Информация об авторах

Акинина П.С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (Владимирский филиал), г. Владимир, Россия, ak-pol@yandex.ru

Грибанов А.А., Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (Владимирский филиал), г. Владимир, Россия

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070:004.8:316.77

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-11-17

¹ Архипов Е.В.

¹ Московский университет «Синергия»

Генеративный искусственный интеллект и визуальная коммуникация в социальных медиа: сравнительный анализ научных подходов

Аннотация: генеративные нейросети за короткое время превратились из специализированного инструмента в широко доступную технологию. В статье анализируется, как это меняет визуальную коммуникацию в социальных медиа. Рассматриваются основные подходы к изучению ИИ в медиа, проводится их сравнение и выявляется главный пробел: исследователи чаще обращаются к автоматизации журналистики, чем к трансформации визуального общения в соцсетях. Выделены три подхода – технологический, медиакоммуникационный и социокультурный. Каждый из них обладает собственной значимостью, но по отдельности не дает целостной картины. Новизна работы – в систематизации этих подходов и в обосновании комплексного взгляда: нейросети меняют не только технологии создания изображений, но и механизмы производства, передачи и восприятия визуальных смыслов в цифровой среде.

Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением генеративного искусственного интеллекта в практике создания медиаконтента и ростом его влияния на процессы цифровой коммуникации. Особое значение данные изменения приобретают в социальных медиа, где визуальные сообщения становятся одним из ключевых инструментов привлечения внимания аудитории и формирования общественных представлений. В работе использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа и систематизации исследовательских подходов. Проведенное исследование показывает, что влияние генеративного ИИ выходит за рамки технологических аспектов и затрагивает коммуникативные, культурные и социальные характеристики медиасреды. Сделан вывод о необходимости комплексного изучения трансформации визуальной коммуникации с учетом особенностей производства контента, алгоритмов его распространения на цифровых платформах и практик восприятия аудиторией. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях медиакоммуникаций, цифровой культуры и социальных медиа.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, нейросетевые технологии, визуальная коммуникация, социальные медиа, медиакоммуникации, медиапроизводство, визуальный контент, цифровая медиасреда

Для цитирования: Архипов Е.В. Генеративный искусственный интеллект и визуальная коммуникация в социальных медиа: сравнительный анализ научных подходов // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 11 – 17. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-11-17

Поступила в редакцию: 2 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Arkhipov E.V.

¹ Moscow University "Synergy"

Generative artificial intelligence and visual communication in social media: a comparative analysis of scholarly approaches

Abstract: generative neural networks have rapidly evolved from a specialized tool into a widely accessible technology. This article examines how this transformation is reshaping visual communication in social media. The study reviews the main approaches to researching artificial intelligence in media, compares them, and identifies a key research gap: scholars tend to focus more on the automation of journalism than on the transformation of visual communication in social networks. Three approaches are distinguished – technological, media-communication, and sociocultural. Each of them is significant in its own right; however, none provides a comprehensive understanding when considered separately. The novelty of this study lies in the systematization of these approaches and in substantiating an integrated perspective: neural networks are changing not only the technologies of image creation but also the mechanisms of production, transmission, and perception of visual meanings in the digital environment.

The relevance of the research is determined by the rapid spread of generative artificial intelligence in media content production and the growing influence of these technologies on digital communication processes. These changes are particularly important in social media, where visual messages have become one of the key instruments for attracting audience attention and shaping public perceptions. The study employs methods of scientific literature analysis, comparative analysis, and systematization of scholarly approaches. The findings demonstrate that the impact of generative AI extends beyond purely technological aspects and affects the communicative, cultural, and social characteristics of the media environment. The study concludes that the transformation of visual communication should be examined through a comprehensive approach that takes into account content production practices, algorithms of content distribution on digital platforms, and audience perception patterns. The results may be used in further research on media communications, digital culture, and social media.

Keywords: generative artificial intelligence, neural network technologies, visual communication, social media, media communications, media production, visual content, digital media environment

For citation: Arkhipov E.V. Generative artificial intelligence and visual communication in social media: a comparative analysis of scholarly approaches. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 11 – 17. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-11-17

The article was submitted: June 2, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Социальные медиа сегодня представляют собой среду, где визуальный образ часто обладает большим значением, чем текст. Картинка, короткое видео или мем определяют, остановится пользователь или продолжит пролистывать ленту [2, 12]. Именно в эту среду активно внедряются генеративные нейросети. Midjourney, DALL-E, Stable Diffusion, Kandinsky и другие инструменты позволяют любому пользователю создавать изображения по текстовому запросу – без специальных навыков и длительного обучения. Барьер входа в визуальное производство практически исчез.

Ранее визуальный контент был признаком профессионализма: требовалось умение рисовать, снимать или монтировать. Теперь доступность стала почти абсолютной. Это затрагивает все этапы – от выбора обложки для поста до доверия зрителя к увиденному. Как отмечают О.Н. Ткаченко и Д.К. Красноярова, визуальный образ представляет собой не просто передачу данных, а сконструированный смысл, опирающийся на культурный контекст, авторский замысел и ожидаемую реакцию аудитории [12]. С.Б. Бхат добавляет, что в цифровую эпоху визуальный контент перестал быть иллюстрацией текста и превратился в самостоятельный фактор, влияющий на восприятие реальности [2].

Проблематика ИИ в медиа активно разрабатывается в российской науке, однако акценты расставлены по-разному. Комплексный анализ использования технологий искусственного интеллекта в российских медиаорганизациях и журналистике показывает, что внедрение ИИ затрагивает разные уровни медиапроизводства [3]. В статье А.П. Суходолова, А.М. Бычковой и С.С. Ованесяна ИИ рассматривается, прежде всего, как инструмент автоматизации. Авторы анализируют зарубежный опыт (Associated Press, Reuters) и де-

лают вывод: внедрение ИИ представляет собой закономерный этап эволюции цифровой журналистики, позволяющий снять рутинные нагрузки с человека [11]. Похожую позицию занимают О.О. Чертовских и М.Г. Чертовских. Проследившая историю от первых экспертных систем до современных нейросетей, авторы приходят к выводу, что ИИ расширяет возможности журналиста, но не заменяет его [14].

Однако существуют исследования, которые акцентируют не только преимущества, но и риски. С.С. Бодрунова и К.Р. Нигматуллина обращают внимание на новые профессиональные противоречия: непрозрачность алгоритмов, размывание ответственности за контент, снижение доверия аудитории. ИИ, по их мнению, становится не просто инструментом, а полноценным – и слабо контролируемым – участником коммуникации [1]. К.Л. Зуйкина и Д.В. Разумова на основе опроса представителей 71 российской редакции показывают, что нейросети пока используются для рутинных задач (расшифровка, подбор иллюстраций), но уже сейчас прежние стандарты качества и достоверности оказываются под вопросом [6].

Отдельное направление – анализ влияния ИИ на творчество, авторство и профессиональную подготовку. С.С. Распопова задает ключевой вопрос о возможности нейросети быть автором. Ответ исследовательницы отрицательный. Творчество личностно мотивировано, у алгоритма нет биографии, субъектности, интуиции. Нейросеть – инструмент, пусть и высокого уровня сложности [9]. Н.Д. Мальцев поднимает вопросы, на которые пока нет ответов: принадлежность прав на сгенерированное изображение, ответственность за содержание контента, созданного ИИ [7]. Н.В. Рубцова фокусируется на том, как внедрение нейросетей трансформирует систему профессиональной подготовки [10].

Обнаруживается главный пробел: перечисленные работы практически не касаются трансформации визуальной коммуникации именно в социальных медиа. Одни исследователи видят в нейросетях эффективный инструмент [11, 14]. Другие – глубокий сдвиг [1, 6, 7, 9]. Однако системный анализ именно визуальной коммуникации в соцсетях отсутствует.

Цель исследования – выявление и сравнительный анализ российских научных подходов к изучению влияния генеративного искусственного интеллекта на визуальную коммуникацию в социальных медиа.

Задачи:

1. проанализировать основные направления российских исследований ИИ в медиасфере;
2. рассмотреть существующие в науке подходы к пониманию визуальной коммуникации в цифровой среде;
3. выявить особенности интерпретации генеративного ИИ в исследованиях медиакommunikаций;
4. провести сравнительный анализ научных подходов к оценке влияния нейросетей на визуальную коммуникацию;
5. сформулировать авторское понимание трансформации визуальной коммуникации под влиянием генеративного ИИ.

Методологическая основа – методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, интерпретации научных концепций, а также систематизации и обобщения исследовательских результатов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступили отечественные научные публикации, посвященные искусственному интеллекту, медиакommunikациям, визуальной коммуникации и цифровой медиасреде. Методологическую основу составили методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, интерпретации научных концепций, а также методы систематизации и обобщения научных результатов. Сравнительный анализ позволил выделить основные направления исследований и определить различия в трактовке роли генеративного ИИ в социальных медиа.

Результаты и обсуждения

Развитие технологий ИИ привело к формированию самостоятельного направления исследований в области медиакommunikаций. Анализ российской научной литературы показывает, что единого подхода к роли ИИ в медиасреде не сложилось. Можно выделить три основных направления.

Технологический подход. ИИ рассматривается, прежде всего, как инструмент автоматизации медиапроизводства. Основное внимание уделяется обработке данных, подготовке материалов, персонализации, оптимизации редакционных процессов. А.П. Суходолов, А.М. Бычкова и С.С. Ованесян на зарубежных кейсах демонстрируют, как автоматизация освобождает журналистов от рутины [11]. О.О. Чертовских и М.Г. Чертовских проследивают эволюцию интеллектуальных систем и приходят к выводу: ИИ представляет собой средство модернизации, расширяющее возможности человека [14].

С этой точки зрения, генеративные модели представляют собой средство ускорения создания визуального контента и повышения его доступности [4]. Сокращаются временные затраты на иллюстрации, графику, рекламные макеты. ИИ рассматривается как новая ступень развития инструментов обработки изображений

[11, 14]. Однако ограничение подхода заключается в том, что изменения в коммуникации объясняются как прямое следствие технологических инноваций, тогда как вопросы смыслов и коммуникативных практик остаются на периферии.

Медиакоммуникационный подход. Здесь акцент смещается с технологии на изменение самой структуры коммуникации. С.С. Бодрюнова и К.Р. Нигматуллина пишут о рисках: непрозрачность алгоритмов, размывание ответственности, снижение доверия. ИИ, по их мнению, становится активным элементом медиасистемы, влияющим на производство, распространение и потребление информации [1]. К.Л. Зуйкина и Д.В. Разумова на эмпирическом материале показывают, как внедрение ИИ в российских редакциях уже сейчас меняет стандарты качества [6].

В данном подходе изменения видятся более глубокими. ИИ влияет на всю коммуникационную среду. Пользователь всё чаще не способен определить, создано изображение человеком или нейросетью. Привычные представления о достоверности фотографии, складывавшиеся десятилетиями, разрушаются. Алгоритмы становятся не просто инструментом, а фактором, определяющим видимость контента и уровень доверия к нему [1, 6].

Социокультурный подход. Фокус на человеке, творчестве, авторстве. С.С. Распопова анализирует, как нейросети меняют журналистское творчество, и обосновывает невозможность алгоритма быть автором [9]. Н.Д. Мальцев поднимает правовые и этические дилеммы [7]. Н.В. Рубцова исследует, как внедрение нейросетей трансформирует подготовку будущих медиаспециалистов [10]. Таким образом, акцент делается на творчестве и профессиональной культуре.

Каждый из трёх подходов обладает собственной значимостью, однако ни один не дает полного ответа на вопрос о трансформации визуальной коммуникации в социальных медиа. Технологический подход упускает коммуникативные последствия. Медиакоммуникационный подход не фокусируется на специфике именно визуального контента. Социокультурный подход часто оставляет без внимания роль платформенных алгоритмов. Именно на пересечении этих направлений формируется проблемное поле данного исследования.

Визуальная коммуникация как объект трансформации в цифровой медиасреде. В социальных медиа визуальная коммуникация вышла на первый план. Если в традиционных СМИ иллюстрация часто лишь дополняла текст, то в цифровой среде изображение становится самостоятельным носителем смыслов [2, 12].

В российской науке отсутствует единое определение визуальной коммуникации. О.Н. Ткаченко и Д.К. Красноярова понимают её как процесс передачи информации через визуальные образы и символы, выполняющий не только информационную, но и эмоциональную, культурную, идентификационную функции. Ключевая особенность, по мнению авторов, – креативная природа визуальной коммуникации. Визуальные сообщения представляют собой не механическую передачу данных, а творческое конструирование смыслов, где значение имеют авторский замысел, культурный контекст и ожидаемая реакция аудитории [12].

С.Б. Бхат отмечает, что цифровизация привела к значительному росту объема визуальной информации и расширению возможностей её распространения. Визуальные сообщения стали частью повседневного медиапотребления и всё сильнее влияют на восприятие реальности, а также на поведение аудитории [2]. Исследование Н.С. Писаревской и И.В. Толмачевой подтверждает, что цифровой медиаконтент оказывает значительное воздействие на потребительское поведение и выбор аудитории [8].

С.Л. Уразова вводит понятие «цифровое ускорение»: объем информации растёт, скорость её распространения увеличивается, время на восприятие сокращается. В таких условиях визуальные формы коммуникации получают преимущество, поскольку позволяют быстрее привлечь внимание и передать смысл [13].

Социальные медиа добавили еще один важный фактор: пользователь здесь одновременно выступает потребителем, интерпретатором и производителем визуального контента. Граница между профессиональным и любительским контентом стирается. Кроме того, алгоритмы платформ самостоятельно определяют, какой контент показывать. Визуальный контент начинают создавать с учетом особенностей этих алгоритмов [5, 16].

С развитием генеративного ИИ данная тенденция получает новое измерение. Если раньше изображение создавалось человеком с помощью инструментов, то теперь алгоритм способен генерировать его самостоятельно на основе текстового запроса [15]. Возникает вопрос об изменении природы визуальной коммуникации, когда значительная часть процесса создания образа передается вычислительной системе.

Таким образом, визуальную коммуникацию в цифровой среде следует понимать не как обмен изображениями, а как процесс производства, распространения и интерпретации смыслов. Генеративный ИИ влияет на все три этапа.

Проведенный анализ показал, что в российской научной литературе можно выделить три основных подхода к изучению искусственного интеллекта в медиасфере. Каждый из подходов даёт значимые для понимания положения, однако ни один не является достаточным. Поэтому генеративный искусственный интеллект целесообразно рассматривать как комплексный фактор трансформации визуальной коммуникации. Речь идет не только об изменении технологий создания изображений, но и о преобразовании механизмов формирования визуальных смыслов, способов их распространения и особенностей восприятия аудиторий. Это многоуровневый процесс, одновременно затрагивающий технологические, коммуникативные и социокультурные аспекты функционирования социальных медиа.

Выводы

Генеративный ИИ становится одним из ключевых факторов трансформации медиасреды. Внедрение нейросетей влияет не только на производство контента, но и на механизмы визуальной коммуникации в социальных медиа.

В российской науке сложилось три подхода. Технологический видит в нейросетях инструмент автоматизации и повышения эффективности, медиакоммуникационный – фактор изменения структуры медиасреды и коммуникационных процессов, социокультурный сосредоточен на трансформации творчества, авторства и профессиональной идентичности.

Влияние генеративного ИИ на визуальную коммуникацию носит комплексный характер и не может быть объяснено одними технологическими изменениями. Нейросети меняют процессы создания визуальных сообщений, способы их распространения на платформах и практики восприятия аудиторий.

Особое значение имеет изменение роли визуального образа. Как отмечают О.Н. Ткаченко и Д.К. Красноярова, визуальная коммуникация всегда представляет собой творческое конструирование смыслов [12]. Ранее это конструирование было доступно преимущественно профессионалам. Теперь генеративные технологии сделали его доступным для миллионов пользователей. Визуальная коммуникация стала более демократичной, но одновременно обострились вопросы достоверности, авторства и качества.

Проведенный анализ также показал, что существующая литература преимущественно сосредоточена на автоматизации журналистской деятельности и работе медиаорганизаций. Влияние генеративных технологий именно на визуальную коммуникацию социальных медиа остается малоизученным. Недостаточно разработаны вопросы визуального доверия, трансформации авторства, влияния нейросетей на самопрезентацию пользователей, взаимодействия сгенерированного контента с алгоритмами платформ.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации существующих научных подходов и уточнении роли генеративных технологий в трансформации визуальной коммуникации. **Практическая значимость** определяется возможностью использования результатов при дальнейшем изучении цифровых коммуникаций, в образовательных программах по журналистике и медиакоммуникациям, а также при анализе современных практик создания и распространения визуального контента в социальных медиа.

Перспективы дальнейших исследований включают проведение эмпирических работ о восприятии аудиторий контента, созданного нейросетями; анализ влияния нейросетей на визуальную идентичность пользователей; исследование механизмов формирования доверия к визуальной информации в условиях алгоритмической медиасреды.

Список источников

1. Бодрунова С.С., Нигматуллина К.Р. Искусственный интеллект в медиасфере: направления исследования, профессиональные противоречия и новые риски // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 5. С. 4 – 15.
2. Бхат С.Б. Развитие визуальных средств массовой коммуникации от традиционных «старых» до цифровых «новых» // Культура и искусство. 2017. № 6. С. 38 – 42
3. Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 5. С. 5 – 17.
4. Дроздов Д.Н. Генерируемый искусственным интеллектом контент как составная часть контент-стратегии современных медиа // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2024. № 2. С. 26 – 29.

5. Жеребненко А.В. Влияние ИИ-технологий на социальные медиа // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2025. С. 124 – 126.
6. Зуйкина К.Л., Разумова Д.В. Технологии искусственного интеллекта в работе российских СМИ: инструменты, проблемы и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 5. С. 81 – 97.
7. Мальцев Н.Д. Журналистика и вызовы эпохи искусственного интеллекта: правовая неопределённость, этические дилеммы и стилистическая трансформация медиатекста // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 3. С. 94 – 96.
8. Писаревская Н.С., Толмачева И.В. Воздействие цифрового медиаконтента на потребительское поведение // Вестник Московского Международного университета. 2024. № 3. С. 131 – 135.
9. Распопова С.С. Журналистское творчество в эпоху нейросетей // Неофилология. 2024. Т. 10. № 2. С. 444 – 448.
10. Рубцова Н.В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 1. С. 158 – 167.
11. Суходолов А.П., Бычкова А.М., Ованесян С.С. Журналистика с искусственным интеллектом // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 4. С. 649 – 664.
12. Ткаченко О.Н., Красноярова Д.К. Креативная основа визуальной коммуникации // Омский научный вестник. 2013. № 5 (122). С. 265 – 267.
13. Уразова С.Л. Метаморфозы медиасистемы в ракурсе цифрового ускорения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22. № 1. С. 100 – 104.
14. Чертовских О.О., Чертовских М.Г. Искусственный интеллект на службе современной журналистики: история, факты и перспективы развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8. № 3. С. 557 – 566.
15. Шафир Т.В., Токарский Д.Е. Интеграция искусственного интеллекта в процессы создания медиаконтента // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 2. С. 73 – 80.
16. Шрейдер Ю.С., Бурдовская Е.Ю. Искусственный интеллект в SMM // Научный Лидер. 2026. № 3 (256). URL: <https://scilead.ru/article/11028-iskusstvennij-intellekt-v-smm> (дата обращения: 20.05.2026).

References

1. Bodrunova S.S., Nigmatullina K.R. Artificial Intelligence in the Media Sphere: Research Directions, Professional Controversies, and New Risks. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2025. No. 5. P. 4 – 15.
2. Bhat S.B. Development of Visual Media from Traditional “Old” to Digital “New”. Culture and Art. 2017. No. 6. P. 38 – 42.
3. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krashennnikova M.A., Lukina M.M. Use of Artificial Intelligence Technologies in Russian Media and Journalism. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2023. No. 5. P. 5 – 17.
4. Drozdov D.N. Artificial Intelligence-Generated Content as an Integral Part of the Content Strategy of Modern Media. Journal of the Belarusian State University. Journalism. 2024. No. 2. P. 26 – 29.
5. Zhrebnenko A.V. The Impact of AI Technologies on Social Media. Journalism in the Era of Digital Transformations: Values and Practices. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2025. P. 124 – 126.
6. Zuykina K.L., Razumova D.V. Artificial Intelligence Technologies in the Work of Russian Media: Tools, Problems, and Threats. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2025. No. 5. P. 81 – 97.
7. Maltsev N.D. Journalism and the Challenges of the Artificial Intelligence Era: Legal Uncertainty, Ethical Dilemmas, and Stylistic Transformation of Media Texts. Issues of Media Business. 2025. Vol. 4. No. 3. P. 94 – 96.
8. Pisarevskaya N.S., Tolmacheva I.V. The Impact of Digital Media Content on Consumer Behavior. Bulletin of Moscow International University. 2024. No. 3. P. 131 – 135.
9. Raspopova S.S. Journalistic Creativity in the Age of Neural Networks. Neophilology. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 444 – 448.
10. Rubtsova N.V. Neural Networks in Media: Possibilities, Problems, and Prospects for Future Media Specialists. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 158 – 167.
11. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M., Ovanesyan S.S. Journalism with Artificial Intelligence. Issues of Journalism Theory and Practice. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 649 – 664.
12. Tkachenko O.N., Krasnoyarova D.K. Creative Basis of Visual Communication. Omsk Scientific Bulletin. 2013. No. 5 (122). P. 265 – 267.

13. Urazova S.L. Metamorphoses of the Media System in the Light of Digital Acceleration. Bulletin of SUSU. Series "Social Sciences and Humanities". 2022. Vol. 22. No. 1. P. 100 – 104.
14. Chertovskikh O.O., Chertovskikh M.G. Artificial Intelligence in the Service of Modern Journalism: History, Facts, and Development Prospects. Issues of Journalism Theory and Practice. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 557 – 566.
15. Shafir T.V., Tokarsky D.E. Integration of Artificial Intelligence into Media Content Creation Processes. Issues of Media Business. 2025. Vol. 4. No. 2. P. 73 – 80.
16. Shreider Yu.S., Burdovskaya E.Yu. Artificial Intelligence in SMM. Scientific Leader. 2026. No. 3 (256). URL: <https://scilead.ru/article/11028-iskusstvennij-intellekt-v-smm> (accessed: 20.05.2026).

Информация об авторах

Архипов Е.В., факультет Дизайна и рекламы, Автономная некоммерческая организация высшего образования Московский университет «Синергия», r3visionn@gmail.com

© Архипов Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'44

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-18-24

^{1, 2, 3} Багдасарова И.Ю.

¹ Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы

² Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского

³ Московский Политехнический университет

Лингвостилистическая репрезентация монастырского и рыцарского хронотопов в романе А. Конан Дойла «Белый отряд» и стратегии их перевода

Аннотация: в статье рассматриваются лингвостилистические особенности репрезентации монастырского и рыцарского хронотопов в историческом романе А. Конан Дойла «Белый отряд» (на материале сцен ухода послушника из аббатства и принятия на рыцарскую службу) и стратегии их передачи в двух русских переводах: каноническом (В. Станевич, 1966) и дореволюционном (Н. д'Андре). Освещается специфика использования архаической лексики, книжного синтаксиса и стилистических фигур для создания эффекта исторической достоверности в оригинале, а также способы их воссоздания в переводческих версиях. В ходе сопоставительного анализа и классификации переводческих трансформаций исследуются приемы сохранения архаизмов, инверсий, риторических вопросов, метафор и аллюзий, маркирующих указанные хронотопы. Результаты работы позволяют выделить две доминирующие стратегии: академическую (В. Станевич), тяготеющую к форенизации и сохранению архаического колорита, и адаптивную (Н. д'Андре), ориентированную на доместикацию, упрощение и достижение динамической эквивалентности текста. Полученные выводы могут быть применены в курсах по теории перевода, исторической лингвистике и методике преподавания перевода художественных текстов.

Ключевые слова: исторический роман, лингвостилистика, архаическая лексика, переводческие стратегии, сцены собеседования, хронотоп, Конан Дойль, «Белый отряд», Станевич, д'Андре

Для цитирования: Багдасарова И.Ю. Лингвостилистическая репрезентация монастырского и рыцарского хронотопов в романе А. Конан Дойла «Белый отряд» и стратегии их перевода // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 18 – 24. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-18-24

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

^{1, 2, 3} Bagdasarova I.Yu.

¹ Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

² Zhirinovskiy University of World Civilizations

³ Moscow Polytechnic University

Linguostylistic representation of monastic and knightly chronotopes in A. Conan Doyle's The White Company and translation strategies

Abstract: the article examines the linguostylistic features of the representation of monastic and knightly chronotopes in A. Conan Doyle's historical novel *The White Company* (based on the scenes of a novice leaving the

abbey and entering knightly service) and the strategies of their rendering in two Russian translations: the canonical one by V. Stanevich (1966) and the pre-revolutionary one by N. d'André. The study highlights the specifics of using archaic vocabulary, bookish syntax, and stylistic figures to create the effect of historical authenticity in the original, as well as the methods of their recreation in the translated versions. Through contrastive analysis and classification of translation transformations, the research investigates the techniques of preserving archaisms, inversions, rhetorical questions, metaphors, and allusions that mark the specified chronotopes. The findings allow for the identification of two dominant strategies: the academic strategy (V. Stanevich), leaning towards foreignization and the preservation of archaic coloring, and the adaptive strategy (N. d'André), oriented towards domestication, simplification, and achieving dynamic equivalence of the text. The conclusions can be applied in courses on translation theory, historical linguistics, and the methodology of teaching literary translation.

Keywords: historical novel, linguistics, archaic vocabulary, translation strategies, interview scenes, chronotope, Conan Doyle, *The White Company*, Stanevich, d'André

For citation: Bagdasarova I.Yu. Linguistic representation of monastic and knightly chronotopes in A. Conan Doyle's *The White Company* and translation strategies. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (9). P. 18 – 24. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-18-24

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Интерес к историческому роману как жанру, воссоздающему прошлое через художественное слово, не ослабевает на протяжении десятилетий. Особое место в этом ряду занимает творчество Артура Конан Дойля, чьи исторические романы «Белый отряд» (1891) и его приквел «Сэр Найджел» (1906) остаются в тени его знаменитых детективных произведений. При этом «Белый отряд» представляет собой уникальный материал для лингвистического анализа, поскольку автор сознательно стилизует язык, синтаксис и диалогические структуры под английскую речь XIV века, создавая эффект исторической достоверности. Лингвистические особенности, а именно передача архаической лексики и синтаксических конструкций в оригинале и существующих русских переводах, до сих пор не становились предметом системного исследования. Настоящая работа исследует основные лингвистические приемы стилизации историзма на материале двух глав романа, содержащих сцены «выпускного экзамена» в аббатстве (глава II) и «собеседования на должность оруженосца» в замке рыцаря (глава XI) и их передачи в двух русских переводах, разделённых более чем полувековым периодом: классическом переводе В. Станевич (1966 г.) и дореволюционном переводе Н. д'Андре (1911 г.).

Первое знакомство российского читателя с романом «Белый отряд» состоялось в 1893 году, когда в журнале «Наблюдатель» был опубликован анонимный перевод, приуроченный к выходу самого романа. Впоследствии появлялись новые переводческие версии: в 1904 году увидел свет перевод Н. д'Андре под названием «Чёрный принц», а в 1907 году перевод Н.Д. Облеухова «Белая рота». Отдельным интересным вопросом является почему титул, который в оригинале звучит как «The White Company» разными переводчиками был переведен неодинаково. Каноническим признан перевод Веры Оскаровны Станевич, впервые изданный в 1966 году в составе собрания сочинений Конан Дойля и многократно переиздававшийся в дальнейшем. Самым современным из официально изданных переводов на сегодняшний день является перевод, выпущенный в 2011 году издательством «Книговек» под собирательным именем издательства Н. Романова.

Как отмечается в исследовательской литературе, сам Конан Дойль считал «Белый отряд» своим лучшим произведением, однако в мировом и российском читательском восприятии роман оказался в тени цикла о Шерлоке Холмсе [16]. В Великобритании роман пользовался значительной популярностью, о чём свидетельствуют многочисленные переиздания и журнальные публикации конца XIX и начала XX века. В России интерес к историческим романам Конан Дойля оставался на периферии читательского внимания. Этим, вероятно, объясняется и незначительное количество системных лингвистических исследований, как самого романа, так и его перевода на русский язык.

В литературоведении роман рассматривался преимущественно в контексте жанровой традиции викторианского исторического романа [8; 12], обходя вниманием подробное исследование языковые средства, создающие эффект исторической стилизации. Так, Х. Орел анализирует роман как наиболее амбициозное ис-

торическое произведение Конан Дойля, отмечая сознательное использование архаичной лексики и технической терминологии для создания исторического колорита [13]; Д. Сташоуэр рассматривает роман в контексте творческой эволюции писателя [14].

В отечественной лингвистике к роману обращались в нескольких аспектах. С.Б. Волкова провела концептуальный анализ романа, исследовав языковые средства выражения дихотомии «служба-служение» в языковой картине мира Конан Дойля [5]. И.Н. Пучкова на материале романа и его перевода проанализировала способы передачи историзмов, выделив основные группы устаревшей лексики и типичные ошибки переводчика [10]. А.М. Геращенко и В.Ю. Немонежная исследовали языковые особенности иноязычных вкраплений в «Белом отряде» и «Сэре Найджеле», показав, что в русском переводе архаичность вставных текстов утрачивается, тогда как французский и латинский языки сохраняются с переводами в сносках [9, 7]. В работе «От рыцарей до мемов» на материале ассоциативного эксперимента со студентами были выявлены механизмы восприятия лексики романа современной аудиторией [2]. В исследовании, посвящённом дискурсивным стратегиям репрезентации христианского дискурса, сопоставлялись архаизированная лексика и сложный синтаксис романа с современным русскоязычным видеолекционным материалом [3].

Целью данного исследования является выявление и сопоставление лингвостилистических приёмов создания эффекта историзма в двух главах романа «Белый отряд» (общим объёмом около 17 000 слов) и анализ их передачи в двух русских переводах.

Материалы и методы исследований

Теоретической рамкой для отбора материала послужило понятие хронотопа, введённое М.М. Бахтиным [4]. В главе II романа, действие которой происходит в аббатстве, реализуется монастырский хронотоп, маркированный церковной иерархией, книжной речью и сакральной лексикой. Глава XI, разворачивается в рыцарском замке и представляет военно-феодальный хронотоп, для которого характерны военная терминология, геральдика, диалогическая структура речи и рыцарский кодекс поведения. Такое разделение позволяет рассматривать лингвостилистические средства не изолированно, а в их связи с пространственно-временной организацией текста.

Методологической основой лингвостилистического анализа послужили работы И.Р. Гальперина [6], И.В. Арнольд [1] и Ю.М. Скребнева [11], в которых разработана уровневая классификация стилистических средств: фонетических, лексических и синтаксических. В рамках данного исследования анализ проводится на двух уровнях: лексическом (архаизмы, историзмы, тропы) и синтаксическом (инверсии, риторические вопросы, параллелизм). Для оценки переводческих решений применяется оппозиция форенизация/доместикация, предложенная Л. Венути [15].

Материалом исследования послужили две главы романа «Белый отряд» (глава II и глава XI) в оригинале и двух русских переводах. В работе применялись метод сплошной выборки, сопоставительный анализ оригинала и переводов, а также сопоставительный анализ выявленных языковых средств в двух вариантах перевода. При цитировании фрагментов дореволюционного перевода Н. д'Андре орфография источника (включая буквы «ять», «фита», «і десятиричное» и твёрдый знак на конце слов) не сохраняется; все примеры приводятся в современной орфографии.

Результаты и обсуждения

Монастырский хронотоп в главе II романа «Белый отряд» задаётся с первых строк: торжественная атмосфера аббатства, иерархия церковной власти и книжная речь персонажей создают пространство, отмеченное сакральной лексикой, архаическими синтаксическими конструкциями и библейскими аллюзиями. Открывающее главу предложение с инверсией “Never had the peaceful atmosphere... been so rudely ruffled. Never had there been insurrection so sudden, so short, and so successful” (Станевич: «Никогда еще мирная атмосфера старинного цистерцианского монастыря так грубо не нарушалась. Никогда еще не бывало в нем восстаний столь внезапных, столь кратких и столь успешных»; д'Андре: «Спокойная атмосфера, царившая в стенах старого цистерцианского монастыря, никогда еще не нарушалась столь грубо. И никогда прежде дерзкий бунтовщик не ускользал так легко от справедливого наказания») задает ритмический тон эпического повествования, где анафора (повтор Never had), инверсия и градация (sudden, short, successful) создают эффект торжественной книжности. Станевич сохраняет и анафору, и инверсию («Никогда еще... Никогда еще...»), тогда как д'Андре, хотя и начинает с инверсии, заменяет вторую часть утвердительной конструкцией («дерзкий бунтовщик не ускользал»), ослабляя анафорический эффект и смещая акцент с нарушения покоя на самого бунтовщика.

Речь аббата маркирована архаизмами: “Art ready, then, fair son?” (Станевич: «Собрался в путь, любезный сын мой?»; д'Андре: «Видишь, ты готов, сын мой»). Форма art, утраченная в современном английском, в обоих переводах нейтрализована, однако Станевич сохраняет книжное обращение «любезный сын мой», тогда

как д'Андре упрощает до «сын мой». Лексический архаизм *fain* в “what we are fain to look upon as our choicest blossom” (Станевич: «кого мы готовы считать нашим лучшим цветком»; д'Андре: «который по истине носит на себе отпечаток Божьего благословения») в обоих переводах нейтрализован, но Станевич сохраняет книжный оборот «готовы считать», тогда как д'Андре уходит в описательную конструкцию, вставляя формальное «по истине». В этом же высказывании разворачивается центральная метафора монастырского хронотопа: «аббатство вырвало с корнем свой вредный сорняк и теперь вынуждено расстаться с тем, кого мы готовы считать нашим лучшим цветком». Образ сада, где есть плевелы и цветы, отсылает к евангельской притче о пшенице и плевелах. Оба переводчика сохраняют эту метафору, но Станевич передаёт её более буквально и ритмично («вырвало с корнем», «лучший цветок»), тогда как д'Андре заменяет «цветок» на «отпечаток Божьего благословения», что ослабляет образный контраст между сорняком и цветком.

Диалог аббата и Аллейна строится как катехизический опрос, где цепочка вопросов-ответов “You have been porter?” – “Yes, father.” “Exorcist?” – “Yes, father.” “Reader?” – “Yes, father.” “Acolyte?” – “Yes, father.” (Станевич сохраняет все четыре вопроса с параллелизмом: «Ты был привратником?» – «Да, отец.» «Молитвы об изгнании демонов читал?» – «Да, отец мой.» «Свещеносцем был?» – «Да, отец мой.» «Псалтырь читал?» – «Да, отец мой.»; д'Андре этот фрагмент опускает полностью) создаёт синтаксический параллелизм, подчёркивающий иерархичность церковного посвящения, а сами церковные должности (porter, exorcist, reader, acolyte) являются историзмами, маркирующими средневековую церковную структуру. Пропуск этого фрагмента у д'Андре – существенная потеря: исчезает не только цепочка историзмов, но и ритмический рисунок диалога, характеризующий Аллейна как послушного клирика.

Архаический синтаксис сохраняется и в речи аббата, обращённого к прошлому: “It was his desire and request, however, that you should not remain in the cloisters, but should at a ripe age return into the world”. Здесь противительный параллелизм (not... but...) создаёт синтаксический рисунок, который в переводах передаётся конструкцией «не... а...». Религиозная лексика (orisons, cell, spiritual aid, shrine, crucifix, psalter, the holy Julian) формирует семантическое поле сакрального пространства, где каждое действие осмысливается в категориях греха, искупления и благодати. В переводах эта лексика передаётся калькой (Станевич: «молитвы», «келья», «духовная поддержка», «рака», «распятие», «псалтырь», «святой Юлиан»; д'Андре: «молитвы», «келья», но ряд терминов опущен или обобщён). Прощание Аллейна с монастырём описано через библейскую аллюзию: “the cluster of white-robed figures” – белые одежды монахов напоминают об облечённых в белые одеяния праведниках Апокалипсиса. Таким образом, монастырский хронотоп в главе II строится на взаимодействии архаической лексики, книжного синтаксиса и библейских аллюзий, при этом перевод Станевич в целом сохраняет эти маркеры (за исключением архаизмов, которые нейтрализованы), тогда как перевод д'Андре демонстрирует пропуски и обобщения, ослабляющие сакральный колорит.

Рыцарский хронотоп в главе XI романа «Белый отряд» контрастирует с монастырским пространством главы II: вместо сакральной тишины и книжной речи здесь доминируют военная терминология, геральдика, грубоватый солдатский юмор и динамичные диалоги. Замок Туинхэм (у Станевич, или Твайнгем у д'Андре) предстаёт как воплощение военной мощи, описание которого с самого начала насыщено историзмами и терминами фортификации: “Black was the mouth of Twynham Castle, though a pair of torches burning at the further end of the gateway cast a red glare over the outer bailey...”. Инверсия, открывающая главу, сразу задаёт эпический тон (Станевич: «Темным был вход в Туинхэмский замок, хотя в глубине ворот пылали факелы...»; д'Андре: «Вход Твайнгемского замка был мрачен, хоть в дальнем конце его горели факелы...»). Следующие за ней escutcheon (гербовый щит), drawbridge (подъёмный мост), portcullis (опускная решётка), bailey (двор), keep (главная башня), buttery (кладовая), archers и men-at-arms (лучники и ратники) образуют плотный лексический пласт, маркирующий средневековую военную реальность. Описание замка начинается с исторической аллюзии: “Erected by Sir Balwin de Redvers in the old fighting days of the twelfth century”, по структуре, представляющей собой инверсию с причастным оборотом, создающей ощущение монументальности (Станевич: «Воздвигнутый сэром Болдуином де Редверсом в былые боевые годы двенадцатого века...»; д'Андре: «Замок Твайнгэм, воздвигнутый сэром Бальдвином де-Редвиром, в те старыя, воинственныя времена XII века»), подчёркнутой сравнением с более поздними роскошными замками.

Диалогическая часть главы резко контрастирует с книжной речью аббата: речь лучников Эйлварда, Черного Саймона, Хордла Джона изобилует архаическими восклицаниями и междометиями, создающими грубоватый, но живой колорит воинского братства. “By my hilt!”, “Fore God!”, “By the rood!”, “Pasques Dieu!”, “Parbleu!”, “Mort-Dieu!” – эти устаревшие формулы не просто маркируют эпоху, но и характеризуют персонажей: солдаты клянутся оружием и святыми, их речь грубовата, но честна (Станевич: «Ей богу!», «Клянись Богом!», «Черь побери!», «Слава Господу», «Господь, да поможет мне!»; д'Андре: «Клянись распять-

ем!)). Архаизмы *quoeth* («молвить»), *sooth* («правда»), *hath* («иметь»), *ere* («прежде чем»), *anon* («вскоре») создают в языке оригинала стилизацию под средневековый нарратив при этом они естественно вплетены в диалоги. В русском языке, как видно из приведенных словарных переводов подобная лексика не отражается. Диалог Эйлварда и Саймона строится на синтаксическом параллелизме и анафоре, что придаёт их речи ритмическую упорядоченность: перекичка вопросов и ответов, повтор клятв, градация эмоций от радости встречи до воспоминаний о былых битвах. Синекдоха “the best lances” (Станевич: «лучшие копейщики») и сравнения “hugged like bears” (Станевич: «стали обниматься, словно медведи»; д'Андре: «обнялись с медвежьей грацией»), “with a name as long as a Gascon's pedigree” (Станевич: «название длинное, как целая гасконская родословная»; д'Андре: «имя ее было такое же длинное как родословная гасконца») создают образ грубой, но прямой солдатской души.

Речь леди Мод, дочери сэра Найджела, напротив, более изысканна: используя её метафора “soldiers of the Spirit”, противопоставляющая духовное воинство светскому (Станевич: «воины Духа»; д'Андре: «пропущено»), а библейская аллюзия “not made of another clay” придаёт её словам глубину (Станевич: «он из того же теста»; д'Андре: «он такой же, как и мы, грешные»). Эллиптический параллелизм в “Castle Twynham is my home, and Sir Nigel Loring my father” создаёт эффект книжной сжатости, характерной для речи образованной женщины (Станевич: «Да, правда, замок Туинхэм - мой дом, а сэр Найджел Лоринг - мой отец.»; д'Андре: «Да, конечно, замок Твайнгэм-мой дом, а сэр Найгиль Лорин-мой отец»). Описание главного зала замка с его гобеленами, изображающими деяния сэра Бевиса из Хамптона (аллюзия на средневековый рыцарский роман), золотыми чашами и серебряными подносами создаёт образ рыцарской культуры, где воинская доблесть сочетается с феодальной роскошью.

Сопоставительный анализ переводов В. Станевич и Н. д'Андре позволяет выделить две стратегии передачи лингвостилистических маркеров исторического романа. Перевод Станевич ориентирован на максимальное сохранение архаической лексики, книжного синтаксиса и стилистических фигур оригинала, что проявляется в сохранении инверсий, анафоры, синтаксического параллелизма и библейских аллюзий; архаизмы при этом нейтрализуются, но книжный регистр сохраняется за счёт лексики высокого стиля. Перевод д'Андре, напротив, представляет собой адаптивную стратегию, ориентированную на доступность текста для массового читателя: синтаксис перестраивается, фрагменты опускаются, специфические историзмы заменяются общими понятиями, однако там, где д'Андре сохраняет образные средства, её перевод оказывается более естественным и живым, что свидетельствует о сознательном выборе в пользу динамической эквивалентности в противовес формальной.

Таким образом, Станевич тяготеет к форенизирующей стратегии, стремясь сохранить стилистическое своеобразие оригинала, тогда как д'Андре выбирает доместицирующую стратегию, адаптируя текст к нормам русского языка и ожиданиям русского читателя. Обе стратегии имеют свои сильные стороны: академическая точность Станевич сохраняет исторический колорит, тогда как адаптивность д'Андре делает текст более доступным и естественным для восприятия.

Выводы

Проведённый анализ двух переводов романа «Белый отряд» показывает, что разница в переводческих стратегиях определяется не столько степенью точности, сколько установкой на сохранение или адаптацию стилистического колорита оригинала. Академическая стратегия В. Станевич, тяготеющая к формальной эквивалентности, позволяет сохранить архаический синтаксис и книжный регистр, тогда как адаптивная стратегия Н. д'Андре делает текст более доступным, но ведёт к утрате части исторических маркеров. Оба перевода по-своему воссоздают средневековый мир романа, но разными средствами, что делает сопоставительный анализ не просто описанием расхождений, а исследованием границ переводческой интерпретации.

Список источников

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / науч. ред. П.Е. Бухаркин. 14-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 384 с.
2. Багдасарова И.Ю. От рыцарей до мемов: как современные студенты декодируют средневековый текст (по данным ассоциативного эксперимента на примере лексем из романа «Белый отряд») // Мировые цивилизации. 2026. Т. 11. № 1. URL: <https://wcj.world/PDF/03PSMZ126.pdf> (дата обращения: 27.06.2026).
3. Багдасарова И.Ю., Епифанцева Н.Г., Пониделко Л.А. Речевые стратегии репрезентации христианского дискурса на примере англоязычного исторического романа и русскоязычной публичной видеолекции. 2026. № 8. (В печати)

4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234 – 407.
5. Волкова С.Б. Языковые средства выражения дихотомии «служба – служение» в историческом романе А. К. Дойла «The White Company» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 5. С. 80 – 86.
6. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник. М.: URSS, 2022. 334 с.
7. Геращенко А.М. Языковые особенности вставных текстов в оригинале и в переводе на русский язык на материале романов А. Конан Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2019. № 1. С. 137 – 141.
8. Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 320 с.
9. Немонежная В.Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2006. 24 с.
10. Пучкова И.Н. К вопросу о переводе историзмов в художественном тексте [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-istorizmov-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 08.07.2026).
11. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Высшая школа, 2003. 224 с.
12. Шапкина А.В. Романы А.К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2008. 24 с.
13. Orel H. Sir Arthur Conan Doyle and The White Company // The Conan Doyle Review. 1995. Vol. 1. No. 2. P. 3 – 12.
14. Stashower D. Teller of Tales: The Life of Arthur Conan Doyle. New York: Henry Holt and Company, 1999. 472 p.
15. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995. 353 p.
16. Wilson K. Fiction and Empire: The Case of Sir Arthur Conan Doyle // Victorian Review. 1993. Vol. 19. No. 1. P. 22 – 42. URL: <http://www.jstor.org/stable/27794725> (дата обращения: 08.07.2026).

References

1. Arnold I.V. Stylistics. Modern English: A Textbook for Universities. Ed. P.E. Bukharkin. 14th ed., reprinted. Moscow: FLINTA, 2021. 384 p.
2. Bagdasarova I.Yu. From Knights to Memes: How Modern Students Decode Medieval Texts (Based on an Associative Experiment Using Lexemes from the Novel "The White Squad"). World Civilizations. 2026. Vol. 11. No. 1. URL: <https://wcj.world/PDF/03PSMZ126.pdf> (accessed: 27.06.2026).
3. Bagdasarova I.Yu., Epifantseva N.G., Ponidelko L.A. Speech Strategies for Representing Christian Discourse: An English-Language Historical Novel and a Russian-Language Public Video Lecture. 2026, No. 8. (In press)
4. Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Problems of Literature and Esthetics. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. P. 234 – 407.
5. Volkova S.B. Linguistic Means of Expressing the "Service-Ministry" Dichotomy in A.K. Doyle's Historical Novel "The White Company". Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2010. No. 5. P. 80 – 86.
6. Galperin I.R. Stylistics of the English Language: A Textbook. Moscow: URSS, 2022. 334 p.
7. Gerashchenko A.M. Linguistic Features of Inserted Texts in the Original and in Russian Translation Based on A. Conan Doyle's Novels "The White Company" and "Sir Nigel". Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. 2019. No. 1. P. 137 – 141.
8. Dolinin A.A. History Dressed as a Novel: Walter Scott and His Readers. Moscow: Kniga, 1988. 320 p.
9. Nemonezhnaya V.Yu. Foreign-Language Insertions in a Fiction Text as a Translation Problem: Abstract of Cand. Sci. (Philology): 10.02.20. Moscow, 2006. 24 p.
10. Puchkova I.N. On the Translation of Historicisms in Fiction [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-istorizmov-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed: 08.07.2026).
11. Skrebnev Yu.M. Fundamentals of English Stylistics. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 224 p.
12. Shapkina A.V. A. Doyle's Novels "The White Company" and "Sir Nigel": the Problem of National Identity: Abstract of Cand. Sci. (Philology): 10.01.03. Moscow, 2008. 24 p.
13. Orel H. Sir Arthur Conan Doyle and The White Company. The Conan Doyle Review. 1995. Vol. 1. No. 2. P. 3 – 12.

14. Stashower D. Teller of Tales: The Life of Arthur Conan Doyle. New York: Henry Holt and Company, 1999. 472 p.
15. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 1995. 353 p.
16. Wilson K. Fiction and Empire: The Case of Sir Arthur Conan Doyle. Victorian Review. 1993. Vol. 19. No. 1. P. 22 – 42. URL: <http://www.jstor.org/stable/27794725> (accessed: 08.07.2026).

Информация об авторах

Багдасарова И.Ю., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Московский политехнический университет, artameli@mail.ru

© Багдасарова И.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'25

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-25-32

¹ Бандурко З.В., ¹ Алиева В.А.

¹ Херсонский государственный педагогический университет

Когнитивно-аксиологический аспект перевода культурного кода в мультикультурном документально-художественном дискурсе (на материале произведения Г. Мортенсона и Д.О. Релина «Три чашки чая»)

Аннотация: в статье рассматривается специфика перевода культурного кода в рамках мультикультурного документально-художественного дискурса. Анализируются ценностные доминанты дискурса и их взаимосвязи с когнитивными схемами. Опираясь на концепцию фреймовой семантики Ч. Филлмора авторы показывают, как фреймы, будучи когнитивными структурами, наполняются аксиологическим содержанием в процессе языковой репрезентации. На материале произведения Г. Мортенсона и Д. О. Релина «Три чашки чая» анализируются механизмы взаимодействия когнитивных структур и ценностных доминант в процессе межкультурной коммуникации. Обосновывается, что адекватность перевода определяется способностью переводчика раскрыть когнитивную схему оригинала и сохранить её аксиологический потенциал для принимающей стороны.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, мультикультурный документально-художественный дискурс, когнитивный фрейм, аксиологическое содержание, культурный код, ценностные доминанты, «Три чашки чая»

Для цитирования: Бандурко З.В., Алиева В.А. Когнитивно-аксиологический аспект перевода культурного кода в мультикультурном документально-художественном дискурсе (на материале произведения Г. Мортенсона и Д.О. Релина «Три чашки чая») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 25 – 32. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-25-32

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Bandurko Z.V., ¹ Alieva V.A.

¹ Kherson State Pedagogical University

Cognitive-axiological aspect of translating the cultural code in multicultural documentary and literary discourse (based on the work «Three Cups of Tea» by Greg Mortenson and David Oliver Relin)

Abstract: the article examines the specifics of translating the cultural code within the framework of multicultural documentary and artistic discourse. The article analyzes the value dominants of discourse and their interrelationships with cognitive schemes. Based on Ch. Fillmore's concept of frame semantics, the authors show how frames, being cognitive structures, are filled with axiological content in the process of linguistic representation. Based on the work "Three Cups of Tea" by G. Mortenson and D.O. Relin, the article analyzes the mechanisms of interaction of cognitive structures and value dominants in the process of intercultural communication. It proves that translation adequacy is determined by the translator's ability to reveal the cognitive scheme of the original and preserve its axiological potential for the target audience.

Keywords: *intercultural communication, multicultural documentary and artistic discourse, cognitive frame, axiological content, cultural code, value dominants, “Three Cups of Tea”*

For citation: Bandurko Z.V., Alieva V.A. Cognitive-axiological aspect of translating the cultural code in multicultural documentary and literary discourse (based on the work «Three Cups of Tea» by Greg Mortenson and David Oliver Relin). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 25 – 32. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-25-32

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В постоянно меняющемся и быстро развивающемся современном мире взаимосвязь всех государств достигла уровня, при котором изоляция одного из них фактически невозможна. Такое динамичное развитие международных отношений [9] требует от стран постоянной адаптации ко всем изменениям. В таких условиях на передний план выходит межкультурная коммуникация – «процесс, в котором люди из разных культур пытаются взаимодействовать и создавать общее понимание для достижения своих личных целей, а также для установления отношений с другими» [12, с. 168].

Исследования феномена межкультурной коммуникации берут своё начало во второй половине XX века. Фундаментальный вклад в анализ культурных различий делает Эдвард Холл. «Антрополог предлагает теорию, на основании которой все культуры мира можно разделить на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные в зависимости от отношения информации к контексту» [24, с. 98]. Данная теория обосновывает наличие коммуникативных барьеров [11], возникающих из-за контекста получаемой информации, который может содержать скрытые смыслы. Как отмечает Е.А. Скаврон, «контекст при контакте с воспринятым текстом порождает конкретную интерпретацию» [20, с. 82].

В нашем исследовании отмечаем, что вопрос скрытых смыслов остается ключевым в анализе проблем межкультурного дискурса, поскольку последний представляет собой сложный процесс столкновения различных систем человеческих ценностей, норм поведения и мировосприятия [21].

Важным элементом для анализа систем ценностей является понимание социальных норм – «систем общепризнанных стандартов поведения, сложившихся в процессе исторического развития общества и направленных на регулирование взаимодействий между индивидами и социальными группами» [2, с. 3]. Важно, что социальные нормы одного народа могут стать источником возможного недопонимания контекста сообщения для представителей другой культуры.

Для избежания подобных культурных барьеров в процессе межкультурной коммуникации необходимо изучение культурных кодов, «представляющих собой традиционный устойчивый способ передачи знаний о мире, а также навыков и умений. А согласно концепции американского психолога Клотера Рапайя, культурный код представляет собой неосознаваемый смысл вещей и явлений в рамках культуры, в которой мы воспитаны» [6, с. 110]. Именно культурные коды определяют специфику восприятия окружающего мира, ценностные ориентиры и формы взаимодействия внутри определённого социума [5]. Понимание культурных кодов является определяющим фактором для адекватного перевода, поскольку помогает преодолеть не только культурные барьеры, но и обеспечить полноту передачи первоначального смысла и сохранить тем самым аксиологическое наполнение текста [1].

Основная цель данной статьи – через призму когнитивно-аксиологического подхода рассмотреть специфику передачи культурного кода в мультикультурном документально-художественном дискурсе, который в рамках данного исследования понимаем, как коммуникативное пространство, основанное на реальных событиях, репрезентированных с помощью различных лингвистических и выразительно-образных средств, в котором взаимодействуют различные культурные системы. Аксиологические доминанты данных систем находят свое отражение в языковой репрезентации, что обуславливает необходимость адекватной передачи в процессе перевода.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили бестселлер “Three Cups of Tea: One Man’s Mission to Fight Terrorism and Build Nations – One School at a Time” Грега Мортенсона (G. Mortenson) и Д.О. Релина (D.O. Relin) [28] и его перевод Т.П. Новиковой [17]. Для практического анализа были отобраны отдельные фрагменты текста, содержащие культурные реалии и религиозные концепты, репрезентирующие культурный код Пакистана.

Методологической основой исследования послужили теоретические положения когнитивной лингвистики, фреймовой семантики и аксиологии.

В ходе исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода, контекстуальный анализ, фреймовый анализ.

Результаты и обсуждения

В нашем исследовании мы полагаем, что структурной единицей кода, позволяющей выявить скрытые смыслы контекста, выступает когнитивный фрейм. Н.Н. Болдырев уточняет, что «понятие фрейма Чарльз Филлмор определяет, как когнитивную структуру, знание которой предполагается (ассоциировано с) концептом, представленным тем или иным словом» [3].

Таким образом, фрейм – это система взаимосвязанных понятий, активируемая при восприятии и интерпретации определённого концепта на основе имеющихся знаний, накопленного опыта и культурных установок. Как подчёркивает Ч. Филлмор, «очень часто фрейм или фон, на котором определяется значение слова, – это довольно большой фрагмент окружающей культуры» [27, с. 118].

В рамках данного исследования мы полагаем, что фрейм не является пустой когнитивной структурой, а наполнен аксиологическим содержанием. «Семантический фрейм служит элементом смыслообразования, так как несёт в себе знания о том или ином культурном явлении и позволяет установить значение текста культуры, его аксиологический смысл» [22, с. 169].

Как отмечает Н.Э. Шандроха, транслируя ценностные доминанты, писатель «влияет на формирование ценностного сознания человека и его представлений об основах бытия» [25, с. 25].

И.А. Ильин в своём манифесте утверждает: «все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, уклада и духа» [10].

В нашем исследовании, опираясь на концепцию Л.В. Кушниковой, в рамках мультикультурного документально-художественного дискурса мы рассматриваем перевод как синергетическое переводческое пространство [13]. Данное пространство представляет собой активную систему равноправного взаимодействия трёх субъектов: автора, переводчика и реципиента.

Мы считаем, что адекватность перевода [8], требующая сохранения уникальной идентичности определенной культуры, может оцениваться через способность этой системы достичь баланса, при котором аксиологическое содержание оригинала становится понятным и соразмерно интерпретируется не только переводчиком как носителем определенной культуры, но и инокультурным реципиентом.

Переходя к анализу текстовых компонентов мультикультурного дискурса, следует отметить, что двумя ключевыми элементами текста здесь являются культурные реалии и религиозные концепты.

Согласно классическому определению болгарских учёных С.В. Влахова и С.П. Флорина, изложенному в работе Ю.М. Демоновой, В.А. Лавриченко и В.П. Кемечеджиевой, «реалии – это, в первую очередь, слова или устойчивые словосочетания, которые называют объекты, характерные для жизни в целом, и в частности, быта, культуры, социального контекста одного конкретного народа и чужды другому народу. Слова, содержащие культурный код определенной нации и являющиеся носителями национально культурного колорита, довольно часто не имеют аналогов, а точнее, переводческих эквивалентов в других языках, а, следовательно, не могут быть переведены дословно и требуют особого подхода» [7, с. 146].

В отличие от реалий, отражающих национальную специфику текста и материальную составляющую жизни, религиозные концепты репрезентируют духовную сферу. Как отмечает А.А. Бувеч, «религиозный концепт представляет собой базовую единицу религиозной картины мира того или иного народа» [4, с. 72]. Такие ментальные структуры несут в себе имплицитную информацию о сакральном [19] и нормативных установках, регулирующих поведение верующих.

Опираясь на изложенные выше теоретические положения, перейдем к практическому исследованию произведения “Three Cups of Tea” Г. Мортенсона и Д.О. Релина в оригинале [28] и в переводе [17]. Учитывая, что данное произведение представляет собой реконструкцию реальных событий из жизни автора, исследуемый текст интерпретируется нами как процесс двойной расшифровки культурных кодов. Первичная дешифровка – это восприятие и репрезентация культуры Пакистана автором, вторичная – передача культурного кода переводчиком реципиенту с учётом авторской интенции [16]. Исходя из этого мы видим более экспрессивный текст в оригинале и стратегически выверенную его передачу при переводе.

Отметим, что исследуемый нами текст характеризуется высокой плотностью слов-реалий, которые несут определённую прагматическую нагрузку и оказывают непосредственное влияние на восприятие текста реципиентом. Вслед за Л.А. Фурс, мы полагаем, что в процессе перевода активизируются «когнитивные механизмы, направленные на обработку информации и её интерпретацию с учётом намерений автора» [23, с. 250]. Переводчик, со своей стороны управляя вниманием читателя, акцентирует разные аспекты тек-

ста. Другими словами, он перераспределяет когнитивный фокус в соответствии с коммуникативной задачей перевода.

Репрезентация фрейма «Величие гор»

Рассмотрим фрагмент из первой главы:

Пример № 1

Оригинал:

Dressed in a much-patched set of mud-colored shalwar kamiz, like his Pakistani porters... [28].

Перевод:

Ему, одетому в потрепанный костюм пакистанского носильщика... [17].

Комментарий:

Определим когнитивный контекст рассматриваемого фрагмента: на начальном этапе автор формирует пространственный вектор восприятия, активизируя в сознании реципиента когнитивный фрейм «Величие гор». Насыщая текст географическими реалиями, он создаёт образ величественного и в то же время опасного горного пространства, на фоне которого разворачиваются события, приводящие к состоянию физического истощения и эмоциональной подавленности героя.

Анализируя данный фрагмент, можно сделать вывод, что переводчик, следуя стратегии доместикации [18], стремится сделать текст максимально доступным для восприятия принимающей стороны и, как следствие, намеренно трансформирует культурную реалию *shalwar kamiz*, поскольку на данном этапе приоритетной становится репрезентация фрейма «Величие гор», а не трансляция этнографического кода. Для реализации данной задачи переводчик использует приём функциональной замены, что позволяет не только сохранить материальный элемент чужой культуры, но и сместить когнитивный фокус с дешифровки культурно-специфической единицы текста на восприятие ситуативного контекста.

Репрезентация фрейма «Личностная драма»

Рассмотрим второй фрагмент из первой главы:

Пример № 2

Оригинал:

Reaching into the pocket of his shalwar, he fingered the necklace of amber beads that his little sister Christa had often worn [28].

Перевод:

Сунув руку в карман, он нащупал янтарное ожерелье, которое носила его младшая сестра Кристиа [17].

Комментарий:

Определим когнитивный контекст рассматриваемого фрагмента. В отличие от предыдущего примера, где когнитивной доминантой выступала репрезентация внешнего пространства и актуализация фрейма «Величие гор», в данном фрагменте происходит смещение вектора восприятия на внутреннее состояние героя и актуализацию фрейма «Личностная драма».

Анализируя данный фрагмент, можно сделать вывод, что переводчик, сохраняя стратегию доместикации, выбирает иное переводческое решение и реализует его посредством приёма опущения культурной реалии *shalwar*. Данное решение обусловлено смещением когнитивного фокуса с внешнего мира на внутреннее состояние героя и сохранением эмоционально-прагматической функции текста.

Опущение культурной реалии *shalwar* представляется оправданным, поскольку на данном этапе приоритетной становится репрезентация фрейма «Личностная драма», когнитивным маркером которого выступает янтарное ожерелье, актуализирующее эмоционально значимое содержание фрагмента.

Столкновение когнитивных фреймов Запада и Востока

Рассмотрим третий фрагмент из третьей главы:

Пример № 3

Оригинал:

Haji Ali's wife, Sakina, saw him stir and brought a lassi, a fresh-baked chapatti, and sweet tea [28].

Перевод:

Жена Хаджи Али, Сакина, увидела, что гость ворочается, и принесла ему ласси, свежее испеченные лепешки чапатти и сладкий чай [17].

Комментарий:

В данном фрагменте происходит переломный момент в восприятии главного героя. После долгих и изматывающих испытаний в горах он не просто оказывается в чужом доме, а попадает в абсолютно иной мир, который на тот момент был для него загадкой.

Здесь происходит столкновение двух фреймов у представителей разных культур: у Грегга Мортенсона, как представителя западной культуры, активизируется фрейм «Дом\Безопасность\Интерес», в то время как у хозяев дома (представителей восточной культуры) активизируется фрейм «Сакральное гостеприимство».

Анализируя текстовые компоненты, мы отмечаем наличие слов-реалий и видим, что для сохранения аксиологического содержания данных фреймов автор намеренно не использует функциональные аналоги. Выступая в роли проводника чужой культуры, автор воспроизводит звучание иноязычных реалий, воспринятое им на слух, посредством графической репрезентации средствами английского языка.

Переводчик, в свою очередь, выступая как полноценный субъект синергетического переводческого пространства [15], стремится передать интенцию автора и воссоздать атмосферу погружения в мир Востока, что обуславливает выбор стратегии форенизации.

Реализацию данной стратегии он осуществляет через такие переводческие приёмы, как транслитерация для *lassi* и транскрипция для *chapatti*, но уже средствами языка перевода.

Однако для репрезентации когнитивного образа переводчик использует приём лексического добавления (введение пояснения «лепёшки» перед реалией *chapatti*) и описательный перевод (использование затекстовых сносок). Мы считаем, что переводчик, действуя таким образом, минимизирует когнитивный разрыв между восприятием автора как непосредственного участника межкультурного диалога и восприятием читателя.

При таком подходе транслитерированные и транскрибированные реалии перестают быть «пустыми» когнитивными структурами фрейма и наполняются аксиологическим содержанием. Перевод становится соразмерным оригиналу за счет гармонии [14] и понятным реципиенту на уровне восприятия русской лексики за счет экспликации смыслов.

Таким образом происходит адекватная передача культурных реалий реципиенту и сохраняется эмоциональная интенция автора.

Мы также считаем, что, используя затекстовые сноски, переводчик реализует ещё и просветительскую функцию, переводя знания из абстрактной категории в чувственно-осоздаваемую, что в свою очередь является не менее важным аспектом в условиях всемирной глобализации.

Взаимодействие когнитивных фреймов

Рассмотрим четвёртый пример из третьей главы:

Пример № 4

Оригинал:

He took a bite of warm chapatti dunked in lassi, wolfed all that he'd been served, and washed it down with sugary tea. Sakina laughed appreciatively and brought him more. If Mortenson had known how scarce and precious sugar was to the Balti, how rarely they used it themselves, he would have refused the second cup of tea [28].

Перевод:

Стоило ему откусить первый кусочек теплой чапатти, размоченной в ласси, как он понял, что страшно голоден. Мортенсон с волчьим аппетитом проглотил все, что принесла Сакина, и выпил сладкий чай. Женищина приветливо улыбнулась и принесла еще. Если бы Мортенсон знал, насколько дорог сахар для балти, как редко они сами употребляют его в пищу, он отказался бы от второй кружки чая [17].

Комментарий:

В данном фрагменте мы наблюдаем дальнейшую трансформацию ранее заявленных фреймов, которые начинают работать на разных уровнях восприятия. Если в первом примере происходит актуализация фреймов через знакомство автора и реципиента с культурными маркерами, представленными в виде бытовых реалий (*lassi, chapatti*), то во втором примере происходит переход от зрительной фиксации к сенсорному восприятию.

Западный фрейм «Дом\Безопасность\Интерес» репрезентируется через чувственный опыт и действия героя, тогда как восточный фрейм «Сакральное гостеприимство» реализуется через поведенческую модель хозяйки дома, выражающую доброту и заботу. Мы наблюдаем переплетение обоих фреймов: западный наполняется восприятием и реакцией Г. Мортенсона, а восточный – действиями хозяйки, обусловленными её ценностными установками.

Бытовые реалии, введенные в первом фрагменте, изначально выступают как внешние маркеры инокультурной среды. В данном примере они переходят в область непосредственного опыта героя, для которого на данном этапе первостепенное значение приобретает удовлетворение его физиологических потребностей. Иными словами, посредством этих реалий Г. Мортенсон включается в быт чужой культуры, однако на данном этапе его восприятие ограничивается принятием ситуации без полного осознания её ценностных смыслов.

В данном контексте основным аксиологическим маркером выступает *sugar* (сахар), значимость которого раскрывается через различие ценностных установок участников межкультурной коммуникации. Мы видим отсутствие реакции на сладкий чай у героя в силу того, что это часть повседневной жизни западной культуры. Однако для народа Балти как представителей восточной культуры это дефицитный ресурс. И здесь фрейм «Сакральное гостеприимство» реализуется через жертвенную модель поведения хозяйки, ориентированную на приоритет ценности гостя над материальным ресурсом.

Когнитивный разрыв между участниками межкультурного взаимодействия объясняется через авторскую ремарку, в которой эксплицируется ценностная доминанта «сахара» как маркера сакрального гостеприимства.

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод, что в условиях мультикультурного документально-художественного дискурса перевод культурного кода основывается на передаче объективной реальности и на приоритете содержания над формой [26].

Следовательно, адекватность перевода культурного кода достигается путём сохранения аксиологического содержания когнитивных фреймов, актуализирующихся в определённом контексте. При этом функция переводчика как регулятора когнитивного фокуса реализуется через вариативность выбора переводческих решений.

Проведённый анализ показал, что сохранение культурных реалий как маркеров когнитивных фреймов не является обязательным условием адекватности перевода, поскольку для репрезентации культурного кода приоритетом выступает сохранение аксиологического содержания актуализируемых фреймов, обеспечивающее соразмерность восприятия текста инокультурным реципиентом.

Список источников

1. Алиомарова Г.И. Аксиологическая составляющая художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 448 – 450.
2. Байрамов М.Т. Понятие, признаки и виды социальных норм. Право и мораль // Новый юридический вестник. 2025. № 7 (49). С. 3 – 4.
3. Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Academia.edu. 2013. URL: https://www.academia.edu/3625741/Фреймовая_семантика (дата обращения: 09.06.2026).
4. Бувеч А.А. Религиозные концепты: дефиниции, базовые признаки, методики описания // История, философия, филология. 2023. № 3. С. 71 – 78.
5. Гуревич Л.С. Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 119 – 126.
6. Демина А.М. Понятие «культурный код» и его уровни значения // Вестник магистратуры. 2024. № 6-4 (153). С. 108 – 110.
7. Демонова Ю.М., Лавриненко В.А., Кемечеджиева В.П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2023. № 1. С. 144 – 153.
8. Едиханов И.Ж. Межкультурная коммуникация в переводном тексте (на материале произведения татарского писателя З. Зайнуллина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Ч. II. С. 93 – 95.
9. Зеленова В.С. Основные тренды современных международных отношений // Либерально-демократические ценности. 2021. № 2. С. 83 – 91.
10. Ильин И.А. За национальную Россию // Архипелаг Святая Русь. URL: <https://rysh-arhipelag.ucoz.ru/publ/6-1-0-119> (дата обращения: 09.06.2026).
11. Исянова Д.Д. Коммуникативные барьеры и приемы их преодоления // Экономика и социум. 2016. № 2 (21). С. 404 – 407.
12. Корякина А.А., Гоголева Н.М. Барьеры межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82-1. С. 167 – 169.
13. Кушникова Л.В. Переводчик и реципиент как субъекты дискурса: аксиологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17. № 4. С. 55 – 63.
14. Кушникова Л.В., Аликина Е.В. Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4 (10). С. 46 – 51.

15. Кушникова Л.В., Фоменко Е.А. Культура оценки перевода в свете экокognитивной парадигмы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 269 – 276.
16. Литвяк О.В. Проблема авторской интенции в рамках лингвистики текста // Символ науки. 2018. № 3. С. 54 – 57.
17. Мортенсон Г., Релин Д.О. Три чашки чая / пер. с англ. Т.П. Новиковой. Москва: Эксмо, 2011. 448 с.
18. Надточенко И.А., Попова А.С. Доместикация и форенизация в переводе: критерии выбора стратегии и практические примеры // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2026. № 03 (131). С. 76 – 82.
19. Осыка Я.М., Мишенин В.Ю. Сакральное в современной культуре: подходы к определению и границы понимания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). № 25. С. 262 – 267.
20. Скаврон Е.А. Уровни понимания текста (экспериментальное исследование) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 82 – 85.
21. Тарева Е.Г., Дорохова А.М. Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2024. № 1 (53). С. 124 – 135.
22. Филатьева Т.В. Семантический фрейм как элемент смыслообразования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 2. С. 169 – 174.
23. Фурс Л.А. Специфика интерпретационных фокусов в медиадискурсе: когнитивный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24. № 3. С. 250 – 256.
24. Цуй Чжэюань. Скрытый семантический контекст при употреблении китайских выражений // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 2. С. 95 – 110.
25. Шандроха Н.Э. Аксиологический аспект художественно-публицистического текста (национальный и европейский контекст) // European Science. 2020. № 4 (52). С. 24 – 27.
26. Bandurko Z.V. Art tenor the “New Objectivity” as a cultural phenomenon of Germany at the time of the Weimar Republic // Science and Education a New Dimension. Philology. Budapest. 2016. Vol. IV (24). Iss. 104. P. 18 – 21.
27. Fillmore C.J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111 – 137.
28. Mortenson G., Relin D.O. Three Cups of Tea: One Man’s Mission to Fight Terrorism and Build Nations – One School at a Time. New York: Viking Penguin, 2006. 349 p.

References

1. Aliomarov G.I. Axiological component of the fiction text. The world of science, culture, education. 2024. No. 5 (108). P. 448 – 450.
2. Bayramov M.T. Concept, features and types of social norms. Law and morality. New legal bulletin. 2025. No. 7 (49). P. 3 – 4.
3. Boldyrev N.N. Frame semantics as a method of cognitive analysis of linguistic units. Academia.edu. 2013. URL: https://www.academia.edu/3625741/Фреймовая_семантика (accessed: 09.06.2026).
4. Buevich A.A. Religious Concepts: Definitions, Basic Features, and Description Methods. History, Philosophy, Philology. 2023. No. 3. P. 71 – 78.
5. Gurevich L.S. Problems of Translation of Culturally Deterministic Meanings: “Untranslatable” Cultural Codes. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2024. Issue 9 (890). P. 119 – 126.
6. Demina A.M. The Concept of “Cultural Code” and Its Levels of Meaning. Bulletin of the Magistracy. 2024. No. 6-4 (153). P. 108–110.
7. Demonova Yu.M., Lavrinenko VA, Kemechedzhieva VP Realities as a Linguistic Phenomenon. Bulletin of the A.P. Taganrog Institute. Chekhov. 2023. No. 1. P. 144 – 153.
8. Edikhanov I.Zh. Intercultural Communication in a Translated Text (Based on the Works of the Tatar Writer Z. Zainullin). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2013. No. 11 (29). Part II. P. 93 – 95.
9. Zelenova V.S. Main Trends in Contemporary International Relations. Liberal Democratic Values. 2021. No. 2. P. 83 – 91.
10. Ilyin I.A. For National Russia. Holy Rus' Archipelago. URL: <https://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/6-1-0-119> (accessed: 09.06.2026).
11. Isyanova D.D. Communication barriers and techniques for overcoming them. Economy and society. 2016. No. 2 (21). P. 404 – 407.

12. Koryakina A.A., Gogoleva N.M. Barriers to intercultural communication. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 82-1. P. 167 – 169.
13. Kushnina L.V. Translator and recipient as subjects of discourse: axiological aspect. Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2025. Vol. 17. No. 4. P. 55 – 63.
14. Kushnina L.V., Alikina E.V. System for assessing the quality of consecutive interpretation in light of the theory of harmonization. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2010. No. 4 (10). P. 46 – 51.
15. Kushnina L.V., Fomenko E.A. The Culture of Translation Evaluation in Light of the Ecocognitive Paradigm. Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2025. Vol. 35. No. 2. P. 269 – 276.
16. Litvyak O.V. The Problem of Author's Intention in the Framework of Text Linguistics. Symbol of Science. 2018. No. 3. P. 54 – 57.
17. Mortenson G., Relin D.O. Three Cups of Tea. Translated from English by T.P. Novikova. Moscow: Eksmo, 2011. 448 p.
18. Nadochenko I.A., Popova A.S. Domestication and Foreignization in Translation: Criteria for Choosing a Strategy and Practical Examples. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2026. No. 03 (131). P. 76 – 82.
19. Osyka Ya.M., Mishenin V.Yu. The Sacred in Modern Culture: Approaches to Definition and Boundaries of Understanding. Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2013. No. 16 (159). No. 25. P. 262 – 267.
20. Skavron E.A. Levels of Text Understanding (Experimental Study). VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2018. No. 3. P. 82 – 85.
21. Tareva E.G., Dorokhova A.M. Modern Intercultural Discourse: Status in Lingvodidactics. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Philology. Theory of Language. Language Education". 2024. No. 1 (53). P. 124 – 135.
22. Filatyeva T.V. Semantic Frame as an Element of Meaning-Formation. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2023. Vol. 23. No. 2. P. 169 – 174.
23. Furs L.A. Specificity of Interpretative Focuses in Media Discourse: A Cognitive Approach. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2024. Vol. 24. No. 3. P. 250 – 256.
24. Cui Zheyuan. Hidden Semantic Context in the Use of Chinese Expressions. Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory. 2023. No. 2. P. 95 – 110.
25. Shandrokha N.E. Axiological Aspect of Literary-Journalistic Text (National and European Context). European Science. 2020. No. 4 (52). P. 24 – 27.
26. Bandurko Z.V. Art Tenor the “New Objectivity” as a Cultural Phenomenon of Germany at the Time of the Weimar Republic. Science and Education a New Dimension. Philology. Budapest. 2016. Vol. IV (24). Iss. 104. P. 18 – 21.
27. Fillmore C.J. Frame semantics. Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111 – 137.
28. Mortenson G., Relin D.O. Three Cups of Tea: One Man's Mission to Fight Terrorism and Build Nations – One School at a Time. New York: Viking Penguin, 2006. 349 p.

Информация об авторах

Бандурко З.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранной филологии, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон, Россия, ZenaidaVB@yandex.ru

Алиева В.А., ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон, Россия

© Бандурко З.В., Алиева В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 808.5

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-33-38

¹ Башкирцева О.А., ¹ Алексеева А.Е.

¹ Иркутский национальный исследовательский
технический университет

Об одном модном выражении: семантика и прагматика «ну такой (-ое, -ая) себе»

Аннотация: настоящая статья посвящена изучению вопросов появления, функционирования, семантики, прагматики распространенного в современной речи выражения ну такой (-ая, -ое) себе. При использовании в устной разговорной речи местоимение такой в сочетании с изобразительным жестом и определенной интонацией может выражать высокую степень положительной, отрицательной оценки, а также так называемую «усредненную» оценки. В письменной форме речи такой (-ая, -ое) используется для передачи значения 'не очень, среднее, хуже среднего' в связанном употреблении с частицей себе, где себе усиливает субъектность, оценочность высказывания и несколько смягчает выражение (в сопоставлении с так себе). Частица ну позволяет говорящему выразить оценку в менее категоричной форме. Популярность исследуемого выражения в современной речи, как представляется, можно объяснить желанием говорящих следовать определенным трендам в культуре общения и психологии.

Ключевые слова: указательное местоимение, аксиологическая оценка, местоименный фразеологизм, предикативация, частица

Для цитирования: Башкирцева О.А., Алексеева А.Е. Об одном модном выражении: семантика и прагматика «ну такой (-ое, -ая) себе» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 33 – 38. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-33-38

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Bashkirtseva O.A., ¹ Alekseeva A.E.

¹ Irkutsk National Research Technical
University

About one fashionable phrase: semantics and pragmatics of "nu, takoy (-oe, -aya) sebe"

Abstract: this article is devoted to the study of the emergence, functioning, semantics, and pragmatics of a common expression in modern speech. When used in oral colloquial speech, such a pronoun in combination with a pictorial gesture and a certain intonation can express a high degree of positive, negative and "average" assessment. In written speech, nu, takoy (-oe, -aya) sebe is used to convey the meaning of 'not very, average, worse than average' in a related use with the particle itself, where itself enhances the subjectivity and evaluation of the statement and slightly softens the expression (compared to so-so). The particle well allows the speaker to express an assessment in a less harsh and categorical form. The popularity of the expression in modern speech can be explained by certain trends in communication culture and psychology.

Keywords: demonstrative pronoun, axiological evaluation, pronominal phraseology, predication, particle

For citation: Bashkirtseva O.A., Alekseeva A.E. About one fashionable phrase: semantics and pragmatics of "nu, takoy (-oe, -aya) sebe". Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 33 – 38. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-33-38

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является исследование новообразований в интернет-коммуникации, устной разговорной речи, публичной речи. Подобные новообразования, возникающие, как правило, «за пределами литературности», часто подвергаются критике из-за несоответствия языковой норме, тем не менее их изучение представляет интерес, так как позволяет обнаружить некоторые «скрытые» возможности языка. Как известно, самыми частотными словами языка являются местоимения, при этом в устной речи существенно чаще употребляются указательные местоимения, вопросительно-относительные; определительные и неопределённые местоимения в большей степени характерны для письменной речи [7]. В современных научных работах рассматриваются окказиональное образование форм сравнительной степени у местоимений [2], особенности современного функционирования местоимений, связанных с процессами субстантивации и предикативации местоименной лексики (включая фразеологизмы с местоименным компонентом) [5, 12], расширение семантики и образование новых устойчивых словосочетаний, в составе которого есть местоимения [3, 4, 6, 10].

Настоящая работа посвящена изучению истории появления в речи, семантики, прагматики, синтагматики распространенных в современной интернет-коммуникации, устной речи выражений *ну такое себе*, *ну такая себе*, *ну такой себе*. Следует отметить, что функционирование местоимения «такой» в форме среднего рода единственного числа в разговорной речи, в частности, в составе идиомы *ну такое*, было предметом исследования в работе С.М. Кузнецовой. Однако в Национальном корпусе русского языка и в современной интернет-коммуникации обнаружено немало употреблений форм женского и мужского рода данного местоимения в составе устойчивых словосочетаний, при этом часто компонентом словосочетаний является частица *себе*, которая привносит дополнительный смысл, и это, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения. Цель данной работы – выявить семантические, прагматические, синтаксические, синтагматические характеристики выражений *ну такое себе*, *ну такая себе*, *ну такой себе*.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) проанализировать примеры употребления данного выражения;
- 2) выявить смыслы, выражаемые частицами и местоимением в составе данного выражения, сформулировать общий смысл высказывания;
- 3) определить место данного выражения в структуре предложения;
- 4) сопоставить особенности функционирования выражений, в составе которых есть местоимение *такой* в форме среднего, мужского и женского рода.

Новизна данной работы заключается в том, что впервые исследованы случаи связанного употребления местоимений *такой*, *такая*, *такой* с частицами *ну* и *себе* одновременно с точки зрения семантики, функционирования в речи, лингвопрагматики говорящего.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на материале контекстов, обнаруженных в Национальном корпусе русского языка (основной корпус, художественный подкорпус, устный подкорпус), а также с помощью поисковой системы «Яндекс». В работе применялись методы контекстуального анализа, метода анализа словарных дефиниций.

Результаты и обсуждения

Выражения *ну такой себе*, *ну такая себе*, *ну такое себе*, по мнению пользователей сети, относительно недавно появились в речи, при этом часто оцениваются носителями языка как сленговые, не соответствующие языковым нормам: *Все эти "такое себе" существуют несколько лет (года 3-4, если не ошибаюсь) преимущественно в молодёжной среде; Взавишееся буквально из ниоткуда, сейчас «ну такое» действительно стало одним из самых употребительных сленговых выражений; Выражение «ну такое» характерно для речи малообразованных людей, у которых слов не хватает для точного, ясного, яркого выражения своих мыслей* [https://yandex.ru/q/question/v_kakoi_moment_liudi_nachali_govorit_nu_i_ea76907d/]. Исследователь С.М. Кузнецова, говоря о способе образования выражения *ну такое*, опирается на так называемую «поисковую» функцию местоимения, свойственную ситуации устного общения [4, 8], когда после

местоимения в постпозиции следовало многоточие, обусловленное паузой, в течение которой говорящий выбирает подходящее в данной ситуации слово. Впоследствии, как полагает исследователь, местоимение утратило связь с определяемым словом и перестало замещаться прилагательным [4].

Однако, в соответствии с информацией, представленной в словарях, оценочный компонент изначально присутствует в семантике местоимения *такой*. В толковых словарях русского языка оно обозначено одновременно и как указательное - 'указывает на качество, свойство лица, предмета, обозначаемого в предшествующей речи' [1], например: *Младший сын у неё умник, да и старший тоже такой*, так и в некоторых значениях как определительное, например, 'при прилагательных и существительных, обозначающих свойство, состояние, оценку и т.п. для выражения сильной степени называемого свойства, состояния или усиления оценки': *Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?* (Пушкин, Капитанская дочка) [11]. Д.Н. Сатюкова, М.Д. Войекова, подробно исследуя функционирование местоимения *такой* в устной разговорной речи, также отмечают, что в зависимости от контекста местоимение *такой* способно выражать оценочное значение, а точнее «высокую степень положительной или отрицательной оценки денотата существительного: *Такие подарочки отвалили! Я почувствовала такое удивление!*» [8] при этом, как правило, подобные высказывания сопровождаются соответствующими интонацией и жестом, указывающими на характер оценки. При этом указанный в словаре статус «определительное» для местоимения *такой* в данном значении вызывает вопросы, так как обозначение *такой* в совокупности с жестом, выражающим градус оценки, больше соответствует «указательности». Исходя из вышесказанного, оценочность присутствует в семантике местоимения *такой*, актуализируясь в устной разговорной речи с помощью интонации и изобразительного жеста. Вполне вероятными для живого общения представляются диалоги типа: *Ну как там обстановка? Такая... Как день? Такой... Как настроение? Такое...*, где местоимение *такой* будет выражать значение 'не очень, средне, хуже среднего', передаваемое интонацией, соответствующим жестом, возможно, контекстом ситуации.

В письменной форме речи вместо мимики, жестов, интонации для передачи оценочного значения местоимения *такой* должны использоваться другие средства, например, многоточие, контекст, дополнительная лексема. Анализ примеров НКРЯ показал, что случаи связанного употребления местоимения *такой* с частицей *себе* в значении 'не очень, посредственно' фиксируются, начиная с середины XIX века (1945-1951 гг), причем не только в разговорной речи, но и в художественных текстах (4 примера из 9 *такая себе*, 14 из 24 *такой себе*). Дополнительно на значение «усреднения» указывает контекст: *Ничего особенного этот пес собой не представляет. Такой себе шерстистый господинчик некрупной комплекции...* [Дина Рубина. Я и ты под персиковыми облаками (2001)]. ... *Говорят, никакой общественной работы не вел, на собраниях не выступал, такой себе человек, незаметный...* [А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943-1951)]. При отсутствии поясняющего контекста значение «усреднения» передается, но, возможно, во многих контекстах приближается к смыслу 'типичная, обычная': *Такая себе семья советских служащих, мама – бухгалтер, папа мелкий начальник, и у них дочка лет двадцати.* [Сергей Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014]. Оборот *такое себе* фиксируется в подкорпусе «Нехудожественная коммуникация» в значении «не очень, так себе» в тексте 2008 года: *Krutivus: Такое себе* буферное марионетковое государство УССР, как антирезист УНР. [Форум: ДВР-2тк (2008)].

Очевидно, что основная смысловая нагрузка в выражениях *такой себе, такая себе, такое себе* приходится на местоимение *такой*, выражающее оценку. Частица *себе*, образованная на основе возвратного местоимения *себя*, ассоциируется со смыслом, передаваемым местоимением 'указывает на отношение действия к самому производителю действия', акцентируя, что-то или иное явление, с точки зрения самого говорящего, для него лично имеет посредственную оценку либо оценку ниже среднего. С.В. Сухов, рассматривая частицу *себе* в постпозиции к глаголу, также выделяет как основные такие значения частицы, как 'акцентирование значения замкнутости действия в субъектной сфере' и 'оценочность действия' [9]. Акцент на том, что оценка исходит от субъекта, как представляется, частица *себе* вносит и в составе выражений *ничего себе, так себе, вполне себе*. С.Г. Воркачев, описывая значение частицы *себе* в составе распространенных в современной речи оборотов *весьма себе, вполне себе*, указывает, что увеличение частотности употребления частицы *себе* в современной речи связано с «изменением модального типа личности в российском обществе – постепенным вытеснением коллективистской личности личностью индивидуалистической» [3].

Несомненно, возникает вопрос целесообразности появления выражений *такой себе, такая себе, такое себе* наряду с уже существующим *так себе*, имеющим почти аналогичное значение. По мнению носителей языка, *такой себе* – это менее резкий способ сказать «не очень»: *Мне нравится «такое себе». Это в меньшей степени оценочное суждение и в большей про свои ощущения. Более... экологичное выражение мнения*

[<https://rus.stackexchange.com/questions/458881/Откуда-пошло-ну-такое-себе-и-когда-оно-наконец-исчезнет>]; В разговоре .. использовала эту фразу, когда была не согласна с чем то мнением, не хотела жестко критиковать [<https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4735865-ну-такое-себе-ето-normalnaja-fraza-ili-fraza-parazit-pochemu.html>]. Вероятно, возможность согласования с определяемым словом *такая ситуация*, *такой день* позволяет высказыванию звучать менее категорично: *день так себе* и *день такой себе*. И в том, в другом случае объект речи негативно оценивается говорящим, однако во втором контексте, как представляется, говорящий относится к ситуации спокойнее.

В современной интернет-коммуникации *такое себе* обычно представлено в варианте с частицей *ну*: *ну такое себе приключение*, *ну такая себе ситуация* и т.п. Необходимо отметить, что варианты с частицей *ну* и формой местоимения *такой* и *такая* в художественном подкорпусе НКРЯ отсутствуют, что заставляет считать выражения типа *ну такой себе герой*, *ну такая себе ситуация* более современными, появившимися в результате влияния трендов в культуре общения и психологии. Как представляется, частица *ну* еще больше смягчает выражение, показывает желание говорящего дать менее категоричную оценку: *Ты сделала псевдожурналистское расследование, в котором слушала чужие эсэмэски выборочно. Ну такое себе*. (Екатерина Гордон) [<https://www.starhit.ru/novosti/ty-budesh-rada-esli-ya-poluchu-srok-gordon-o-skandalnoiperepiske-s-tovstik-kotoruyu-obnarodovala-sobchak-6807504/>]. Как видно из примера, говорящий не сомневается в том, что ситуация заслуживает негативной оценки, однако следуя модному в настоящее время принципу «экологичного общения», где отсутствуют жесткие, эмоциональные оценки, старается выразиться более культурно, дипломатично, «сохранить лицо». Соответственно значение модальной частицы *ну* представлено в Русской грамматике: «стремление к смягченности, сглаженности, нерезкости выражения» [7].

В подкорпусе устной речи НКРЯ в текстах, датированных 2019 г и далее, а также в интернет-коммуникации часто встречается употребление выражение *ну такое себе* в сокращенном варианте *ну такое*: *Ну/ в основном/ то/ что я читала российское/ - ну такое*. [Разговор двух студенток о кино, одноклассниках (2019)]. В отличие от форм мужского и женского рода форма среднего рода может употребляться в варианте без частицы *себе* и определяемого слова, при этом выражать значение «не очень, посредственно, хуже среднего». Как показал анализ контекстов НКРЯ, местоимение *такой* в форме среднего рода часто используется для обезличенного описания ситуации в целом без привязки к конкретному денотату: *Там у них перерыв какой-то.../ они там расходятся по номерам/ отдыхают/ что-то там такое*. [Монолог о фильмах (2023)]. *Ну/ такое* что-нибудь вот именно местное/ *Вячеслав А.* *Ну/ бывает такое/ что/, например, / две... две-три окраски и пару стрижек.* [О жизни и работе (2023)]. Как представляется, говорящий выбирает форму среднего рода местоимения *такой* в случае, когда не может или не хочет обозначить описываемое явление конкретным словом либо экономит речевые усилия. Абстрактность семантической природы местоимения *такой* в форме среднего рода обуславливает случаи частого употребления выражения *ну такое* в интернет-коммуникации как самостоятельного предложения: *Ну такое. Надо менять концепцию*. В данном случае следует говорить о предикативации местоимения (в нашем случае местоименного фразеологизма *ну такое*) – процессе, при котором местоимения переходят в категорию состояния, выполняя функцию главного члена (сказуемого) в безличных предложениях, выражая состояние или оценку [5].

Выражение *ну такой себе*, *ну такая себе*, *ну такое себе* часто встречаются в препозиции к определяемому существительному: *Ну типа/ обезболить место/ в которое вообще ничё колоть нельзя / это как бы/ ну/ такая история...* [Рассказ о быте и увлечениях (2023)]. Гораздо реже *такой себе*, *такая себе*, *такое себе* стоят в постпозиции к существительному и выступают в роли сказуемого: *И вдруг в Крыму объявляют режим чрезвычайной ситуации. Да и как поедешь туда, если это путь такой себе (стремный, я бы сказала)?* [https://vk.com/wall-211286800_215914].

Говоря о случаях связанного употребления местоимений с другими лексемами в разговорной речи, исследователи относят их к фразеологизмам [3, 8], так как подобные словосочетания становятся устойчивыми и приобретают новое постоянное лексическое значение. Выражения *ну такое себе*, *такая себе*, *такой себе* также представляет устойчивые, целиком воспроизводимые словосочетания, которые обладают идиоматичностью. Семантику и прагматику выражения можно описать следующим образом: говорящий оценивает предмет, явление, ситуацию негативно, считает их недостаточно хорошими или плохими. Говорящий не сомневается в своей оценке, но старается выразить свою мысль нерезко, избегая жесткой категоричной формы, показывая, что он спокойно, незэмоционально относится к ситуации и следует трендам в культуре общения. По мнению С.Г. Воркачева, выражения *так себе*, *ничего себе*, *вполне себе*, *всяма себе* относятся к «отдельной семантической группе фразеологизмов», отправляющих к разным областям аксиологической оценки: *так себе* передает медиальную «нулевую» «холическую» оценку «ни хо-

рошо, ни плохо, «на троечку», *ничего себе* - оценку несколько выше посредственной, но недотягивающую до «четверки» – «три с плюсом», *вполне себе* («на четыре с плюсом») и *весьма себе* («на пять с минусом») [3]. Как представляется, выражение *ну такой себе* на данной шкале соответствует отметке «тройка и все, что ниже тройки».

Говоря о выражении *ну такой себе*, *ну такая себе*, *ну такое себе*, следует отдельно охарактеризовать говорящего. Интернет-пользователи часто относят данное выражение к молодежному жаргону. Однако исследование контекстов показало, что данное выражение используют носители языка разного возраста – блогеры, медиаличности – в публичной речи, постах, комментариях к постам, преимущественно в интернет-коммуникации, где допустима более свободная форма выражения и присутствуют элементы разговорной речи (см. выше высказывание Екатерины Гордон). Комментируя использование частицы *себе* в оборотах *весьма себе*, *вполне себе* С.Г. Воркачев указал, что одним из смыслов, приносимых *себе* в данном случае, является указание на «принадлежность к какой-либо престижной социальной группе» [3]. С нашей точки зрения, использование выражения *ну такой себе* характерно для тех носителей языка, кто стремится быть «в тренде» и следовать языковой моде.

Выводы

Использование местоимения *такой* в оценочном значении не относится к явлениям исключительно современной речи. Случаи связанного употребления местоимения *такой* с частицей *себя* для выражения оценки 'средне, хуже среднего' в мягкой форме фиксируется в художественных текстах, начиная с прошлого века. Употребление частицы *ну* в составе выражения усилило прагматический компонент 'нерезкая, некатегоричная оценка'. Более абстрактная, обобщенная семантика местоимения *такой* в форме среднего рода позволяет говорящему использовать ее в случае оценки объектов, ситуаций, явлений действительности, для которых он не хочет или не может подобрать конкретное слово. Популярность выражения *ну такой (-ая, -ое) себе* в современной речи объясняется следованием трендам в культуре общения и психологии («экологичное» общение, «осознанная» коммуникация и т.п.).

Список источников

1. Большой толковый словарь / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>.
2. Борзенко О.Е. Они и еще онее: семантика сравнительных форм, образованных от местоимений в русском языке XXI ВЕКА // Вестник ПСТГУ. Серия III: филология 2016. Вып. 3 (48). С. 45 – 60.
3. Воркачев С.Г. Себе и вполне себе: семантика, прагматика, функции // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 33 – 48. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>.
4. Кузнецова С.М. Местоимение «такое» в разговорной речи: от указательности к неопределенности (на примере конструкции «ну такое») // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 11. С. 3499 – 3533.
5. Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 88 – 101.
6. Россыйкин П.О. Семантика отрицательных местоимений в светесочетаемости с модификатором 'почти' // Litera. 2022. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.4.37742 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37742.
7. Русская корпусная грамматика. Режим доступа: http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg.
8. Сатюкова Д.Н., Воейкова М.Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Санкт-Петербургский государственный университет, Институт лингвистических исследований РАН. 2010. Т. 6. № 2. С. 184 – 224.
9. Сухов С.В. Об основной функции частицы СЕБЕ в современном русском языке // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 1. С. 166 – 169.
10. Сахарова Е.Е. Басенко Г.В. Чунахова Л.В. Семантико-прагматическая характеристика местоимения *мы* // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 5 (53). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantiko-pragmaticheskaya-spetsifika-mestoimeniya-my/viewer>.
11. Словарь русского языка (МАС): в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/такой>.
12. Шамсутдинова Р.Р. Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи // Общая и русская лингвоаксиология. Российская Академия наук. Институт языкознания; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Ярославль, 2022. С. 195 – 204.

References

1. The Large Explanatory Dictionary. Edited by S.A. Kuznetsov. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>.
2. Borzenko O.E. They and Yet Another One: Semantics of Comparative Forms Derived from Pronouns in the Russian Language of the 21st Century. Bulletin of PSTGU. Series III: Philology 2016. Issue 3 (48). P. 45 – 60.
3. Vorkachev S.G. To Myself and Quite Myself: Semantics, Pragmatics, Functions. Russian Studies. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 33 – 48. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-33-48>.
4. Kuznetsova S.M. The pronoun "such" in colloquial speech: from demonstrativeness to indefiniteness (using the construction "well, such"). Philological sciences: theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. No. 11. P. 3499 – 3533.
5. Milovanova M.S., Shamsutdinova R.R. Subjective potential of pronouns and their functioning in modern Russian. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2018. No. 5. P. 88 – 101.
6. Rossyaikin P.O. Semantics of negative pronouns in light of compatibility with the modifier 'almost'. Litera. 2022. No. 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.4.37742 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37742.
7. Russian Corpus Grammar. Access mode: http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg.
8. Satyukova D.N., Voeikova M.D. Features of the functioning of the pronoun takoy in oral colloquial speech. St. Petersburg State University, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 184 – 224.
9. Sukhov S.V. On the main function of the particle SEBE in modern Russian. Philological sciences: theoretical and practical issues. 2015. No. 8 (50). Part 1. P. 166 – 169.
10. Sakharova E.E., Basenko G.V., Chunakhova L.V. Semantic-pragmatic characteristics of the pronoun we. Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 5 (53). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantiko-pragmaticheskaya-spetsifika-mestoimeniya-my/viewer>.
11. Dictionary of the Russian language (MAS): in 4 volumes. Edited by A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow: Russian language. Access mode: <https://gufo.me/dict/mas/такой>.
12. Shamsutdinova R.R. Substantivization of pronouns: reflection of changing value attitudes in modern speech. General and Russian linguistics. Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. Yaroslavl, 2022. P. 195 – 204.

Информация об авторах

Башкирцева О.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Российская Федерация, oksana9999@mail.ru

Алексеева А.Е., Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Российская Федерация, alnastya2006@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'25:32-026.15

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-39-45

¹ Билялова А.А., ¹ Яруллина А.Ш., ² Полькина Г.М.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

² Набережночелнинский государственный педагогический университет

Перевод идеологически маркированной лексики в политическом интервью

Аннотация: статья представляет собой анализ перевода политического дискурса, насыщенного идеологически маркированной лексикой. Цель работы заключается в выявлении переводческих решений, с помощью которых в официальном англоязычном переводе политического интервью сохраняется, смягчается или прагматически адаптируется идеологическая оценка оригинала. Материалом исследования послужило интервью президента России Владимира Путина журналистам Анджане Ом Кашьян (Aaj Tak) и Гите Мохан (India Today), записанное в Кремле накануне визита российского лидера в Нью-Дели в декабре 2025 года и его английская версия (<http://en.kremlin.ru/events/president/news/78649>). В центре анализа находятся лексические единицы и устойчивые словосочетания, связанные с репрезентацией межгосударственного партнерства, санкционного давления, военного конфликта, суверенитета, многополярности и образа политического оппонента. Исследование выполнено с использованием сопоставительного, контекстуального и лексико-семантического анализа. Установлено, что прямой эквивалентный перевод применяется преимущественно при передаче устойчивых политических терминов и идеологем, которые должны сохранить исходную понятийную структуру. Смягчение используется в случаях, когда русская единица содержит выраженную разговорную или силовую экспрессию, способную нарушить нормы англоязычного дипломатического медиадискурса. Прагматическая адаптация проявляется в модуляции и контекстуальной замене, позволяющих сохранить воздействующий потенциал высказывания при изменении его языковой формы. Делается вывод о том, что перевод идеологически маркированной лексики в политическом интервью является не только языковой, но и дискурсивной операцией, регулирующей степень выраженности политической оценки для иностранной аудитории.

Ключевые слова: политическое интервью, идеологически маркированная лексика, перевод, эквивалентность, прагматическая адаптация, смягчение оценки

Для цитирования: Билялова А.А., Яруллина А.Ш., Полькина Г.М. Перевод идеологически маркированной лексики в политическом интервью // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 39 – 45. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-39-45

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Bilyalova A.A., ¹ Yarullina A.Sh., ² Polkina G.M.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University
² Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Translation of ideologically marked lexicon in a political interview

Abstract: the article presents an analysis of the translation of political discourse replete with ideologically marked lexicon. The aim of the study is to identify the translational solutions through which the ideological evaluation of the source text is preserved, mitigated, or pragmatically adapted in the official English-language translation of a political interview. The research material comprises an interview with Russian President Vladimir Putin to journalists Anjana Om Kashyap (Aaj Tak) and Geeta Mohan (India Today), recorded at the Kremlin on the eve of the Russian leader's visit to New Delhi in December 2025, as well as its English-language version (<http://en.kremlin.ru/events/president/news/78649>). The analysis focuses on lexical units and fixed collocations pertaining to the representation of interstate partnership, sanction pressure, military conflict, sovereignty, multipolarity, and the image of the political adversary. The research is conducted using comparative, contextual, and lexi-co-semantic analysis. It is established that direct equivalent translation is employed predominantly in rendering stable political terms and ideologemes that are required to retain their original conceptual structure. Mitigation is used in cases where the Russian unit contains pronounced colloquial or forceful expressiveness capable of violating the norms of English-language diplomatic media discourse. Pragmatic adaptation manifests itself in modulation and contextual substitution, which make it possible to preserve the illocutionary potential of the utterance while modifying its linguistic form. It is concluded that the translation of ideologically marked lexicon in a political interview constitutes not merely a linguistic but also a discursive operation, regulating the degree of prominence of political evaluation for a foreign audience.

Keywords: political interview, ideologically marked lexicon, translation, equivalence, pragmatic adaptation, mitigation of evaluation

For citation: Bilyalova A.A., Yarullina A.Sh., Polkina G.M. Translation of ideologically marked lexicon in a political interview. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 39 – 45. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-39-45

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 9, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В связи с возросшим интересом современной лингвистической науки к роли языка в сфере политической деятельности, исследование отдельных жанров политического дискурса с точки зрения их прагматических особенностей имеет большое значение. В центре нашего внимания находится политическое интервью как один из жанров устного политического дискурса.

В научном пространстве наблюдается рост интереса к изучению политического интервью, поскольку находящийся на пересечении политического дискурса и дискурса средств массовой информации, оно служит не только каналом трансляции общественно значимых сведений, но и инструментом речевого воздействия, легитимации политической позиции и формирования образа государства на международной арене. Теоретическое осмысление и эмпирический анализ данного жанра нашли отражение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей таких как Воронина Л.В. [1], Грудева Е.А. [2], Лу Тинтин [5], Романенко А.В. [8], Третьякова, Т.П. [9], Fu Yanli [11], Schubert R. [12] и др.

Отметим, что в научной литературе представлено разнообразие подходов к определению понятия «политическое интервью» и его особенностей. Т.Ю. Мкртчян отмечает, что политическое интервью может быть рассмотрено как в широком, так и в узком значениях. В широком значении под данным термином может пониматься беседа о политике интервьюера с любым человеком, политическая позиция которого кажется интервьюеру наиболее актуальной и интересной. В узком аспекте под политическим интервью понимается интервью журналиста и политика [6]. Н.И. Лавринова определяет политическое интервью как разговор на тему политики между политиком и журналистом, являющийся особым текстом в рамках института политического дискурса [4]. А.В. Прожога считает, что политическое интервью – это жанр диалога, который включает в себя особые паттерны вопросно-ответных единств. Ученый придерживается мнения,

что политическое интервью также можно охарактеризовать как текст, состоящий из высказываний журналиста и интервьюируемого, объединенный общими намерениями [7]. М.В. Юрина рассматривает политическое интервью «как особое информационное поле политики, являющееся одним из типов политической коммуникации» [10].

Российские исследователи называют интервью политическим в трех случаях: во-первых, если это разговор о политике с любым интересным журналисту собеседником, во-вторых, если это разговор журналиста с политиком и, в-третьих, если это разговор с политиком и о политике.

Таким образом, обобщая рассмотренные подходы, под политическим интервью мы понимаем институциональный диалогический жанр публичной коммуникации, в котором журналист и политик посредством системы вопросно-ответных единств создают особый текст, отражающий значимые для общества политические позиции, оценки, стратегии самопрезентации и борьбы мнений, при этом интервью характеризуется конвенциональностью ролей, информационной и прагматической направленностью.

Политическое интервью являет собой способ общения политика с народом посредством ответов на вопросы журналиста. Цель политического интервью состоит в пропаганде политических представлений, в осведомлении об участниках политических процессов, в завоевании поддержки народа. Тем самым интервью с политиком в СМИ является в полной мере частью массовой политической коммуникации [3].

Политическое интервью в международном медиапространстве представляет собой не только жанр публичного общения, но и инструмент трансляции политических смыслов за пределы исходной языковой и культурной среды. В таких условиях перевод приобретает особую значимость, поскольку именно через перевод политическая позиция становится доступной иностранной аудитории. При этом переводчик имеет дело не только с фактической информацией, но и с оценочными, прагматическими и идеологическими компонентами высказывания.

Особую трудность представляет передача идеологически маркированной лексики. Под ней в данной статье понимаются слова, словосочетания и устойчивые выражения, которые не только называют политические реалии, но и задают способ их интерпретации. Такие единицы формируют оценку события, конструируют образ союзника или оппонента, легитимируют определенную политическую позицию и задают адресату рамку восприятия. В политическом интервью они обладают повышенной коммуникативной нагрузкой, поскольку функционируют в условиях публичности, полиадресованности и межкультурного восприятия.

Актуальность исследования определяется тем, что перевод идеологически маркированной лексики не может быть описан только через категорию формального соответствия. В ряде случаев переводчик сохраняет исходную терминологию почти без изменений. В других случаях он снижает экспрессивность высказывания, чтобы привести его в соответствие с нормами дипломатического или англоязычного медиадискурса. Наконец, значительная часть переводческих решений представляет собой прагматическую адаптацию, при которой исходный смысл сохраняется, но меняется способ его выражения.

Цель статьи состоит в выявлении способов передачи идеологически маркированной лексики в официальном англоязычном переводе политического интервью и в определении того, как переводческие решения соотносятся с тремя основными механизмами: эквивалентностью, смягчением и прагматической адаптацией.

Научная новизна статьи заключается в том, что перевод идеологически маркированной лексики рассматривается не как сумма отдельных лексических соответствий, а как система дискурсивного регулирования политической оценки при переходе от русского оригинала к английскому медиатексту.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужило интервью В. В. Путина телеканалам Aaj Tak и India Today и его официальная англоязычная версия (<http://en.kremlin.ru/events/president/news/78649>). Выбор данного материала обусловлен тем, что интервью ориентировано на внешнюю аудиторию и содержит значительный пласт лексики, связанной с межгосударственными отношениями, геополитическим конфликтом, санкционным давлением, суверенитетом, многополярностью и стратегическим партнерством.

Единицей анализа выступала идеологически маркированная лексическая единица или устойчивое словосочетание, имеющее оценочную, политико-терминологическую, культурно-историческую или прагматически воздействующую функцию. К таким единицам были отнесены номинации политических событий, обозначения акторов, оценочные характеристики оппонентов, лексика партнерства, лексика давления, а также выражения, содержащие историко-культурные и образные компоненты.

В работе использованы сопоставительный анализ оригинала и перевода, контекстуальный анализ функционирования лексических единиц, лексико-семантический анализ исходного и переводного значе-

ния. Особое внимание уделялось тому, сохраняется ли в переводе исходная оценка, смягчается ли она или преобразуется через прагматическую адаптацию.

Результаты и обсуждения

Идеологически маркированная лексика в политическом интервью отличается от нейтральной общественно-политической лексики тем, что она одновременно выполняет номинативную и интерпретативную функции. Она не просто обозначает событие или явление, а задает его оценку. Например, номинации типа «госпереворот», «санкционное давление», «неонацистский режим», «специальная военная операция» включают в себя определенную политическую интерпретацию. Их перевод требует учета не только словарного значения, но и того дискурсивного поля, в котором они функционируют.

В анализируемом материале нами выделено несколько тематических групп идеологически маркированной лексики.

Первая группа связана с репрезентацией российско-индийского партнерства. К ней относятся единицы «друг», «доверительные отношения», «надежный партнер», «особо доверительный партнер», «делиться технологиями». Их функция состоит в конструировании образа устойчивого и исключительного союза, выходящего за пределы ситуативного сотрудничества.

Вторая группа включает геополитическую и конфликтную лексику. В нее входят такие единицы, как «давление», «санкции», «госпереворот», «специальная военная операция», «киевский режим», «неонацистский режим», «втаскивание Украины в НАТО». Эти единицы участвуют в формировании интерпретации конфликта, распределении ответственности и разграничении позиций «своих» и «чужих».

Третья группа связана с суверенитетом и многополярностью. Сюда относятся выражения «национальные валюты», «стратегическая автономия», «новые центры силы», «Глобальный Юг», «многополярный мир». Они формируют альтернативную модель международного порядка и задают позитивную оценку политической самостоятельности государств.

Перечисленные группы лексики неоднородны с точки зрения их переводимости. Одни единицы обладают устойчивым терминологическим эквивалентом в английском языке, другие – насыщены культурно-специфической или разговорной экспрессией, третьи – требуют перестройки формы при сохранении прагматической цели. В связи с этим анализ переводческих решений строится вокруг трёх стратегий: прямой номинации (сохранение исходного понятийного остова), тональной редукции (снижение интенсивности оценки) и функционального замещения (замена формы при сохранении коммуникативной задачи). Рассмотрим последовательно, как каждая из этих стратегий реализуется в официальном английском переводе интервью.

Стратегия прямой номинации. Данная стратегия связана с прямым эквивалентным переводом. Она используется прежде всего тогда, когда исходная единица имеет устойчивый политический или терминологический статус, а ее замена могла бы изменить интерпретационную рамку высказывания. Например, «специальная военная операция» переводится как “*special military operation*”, «высокие технологии» – “*high technology*”, «Премьер-министр Моди» – “*Prime Minister Modi*”. Аналогичным образом переводится «манипуляция общественным мнением» как “*manipulation of public opinion*”. Лексема «манипуляция» в русском и английском языках имеет сходный отрицательный потенциал, поскольку обозначает скрытое и неэтичное воздействие на адресата. Поэтому прямой перевод оказывается достаточным для сохранения прагматического эффекта.

Более сложным и неоднозначным является перевод крылатого выражения «мать городов русских» как “*the mother of all Russian cities*”. Формально здесь используется калькирование, то есть дословный перенос формы, а не функциональное замещение. Однако с прагматической точки зрения этот случай занимает пограничное положение. Для носителя русского культурного кода – это выражение отсылает к «Повести временных лет», древнерусской летописной традиции и несёт коннотации сакральности, первоосновы, Киева как колыбели русской государственности. Для англоязычного адресата, не знакомого с контекстом древнерусской истории, данное выражение звучит как красивая, но абстрактная метафора. Очевидно, что калькирование сохраняет внешнюю форму, но при этом не обеспечивает полной интерпретационной прозрачности.

Вторая стратегия – тональная редукция, то есть смягчение исходной экспрессии. Она применяется там, где русская единица несёт эмоционально насыщенную коннотацию, которая в английском дипломатическом стиле выглядит избыточной. Показательный случай – перевод выражения «втаскивание Украины в НАТО» как “*drawing Ukraine into NATO*”. Русский глагол «втаскивать» предполагает преодоление сопротивления физической силой и создаёт образ, близкий к насильственному действию. В английском “*drawing into*” сохраняет общую идею вовлечения, но полностью утрачивает телесную грубость оригинала.

Обвинительный посыл (Запад насильственно тащит Украину в НАТО) не исчезает, однако становится менее резким и более абстрактным. Оценка сохраняется, её интенсивность снижается – это классический механизм тональной редукции.

Следующий пример демонстрирует смягчение фамильярно-иронической оценки при сохранении критического вектора. В интервью звучит разговорная идиома «довоевались» – с укориженным и просторечным оттенком, близким к «допрыгались», «доигрались». Переводчик отказывается от буквальности и выбирает устойчивую английскую идиому “fought themselves into a corner” (загнали себя в угол). Образ меняется, но негативная оценка и экспрессивность остаются. Это адаптирующая разновидность редукции: снижается фамильярность, прагматический эффект не теряется.

Третий пример имеет иную природу. Отвечая на вопрос о Дональде Трампе, Путин отказывается от прямой характеристики: «Я никогда не даю характеристик своим коллегам... это, на мой взгляд, не очень прилично». В английском переводе сохраняется только первая часть: “I never give character assessments about my colleagues”. Этическая мотивировка, связанная с категорией «неприличного» в русском культурном коде, полностью редуцирована. Прагматическая функция вежливого отказа, значимая для дипломатической сдержанности, сохраняется, тогда как культурный оттенок исчезает. Перед нами предельный случай тональной редукции, близкий к прагматической адаптации.

Тональная редукция переводит исходную экспрессию из разговорного, силового или культурно специфического регистра в более нейтральный формат, приемлемый для англоязычного дипломатического медиадискурса.

Когда исходная единица не имеет устойчивого эквивалента, а буквальная передача или мягкая тональная коррекция не обеспечивают адекватного восприятия, переводчик использует функциональное замещение. Эта стратегия востребована при передаче культурно специфичных концептов и устойчивых дипломатических формул, где приоритет получает не формальное соответствие, а прагматический эффект высказывания. Функциональное замещение ориентировано на коммуникативную цель, нередко с полной заменой языкового оформления.

К функциональному замещению прибегают при отсутствии готового эквивалента в целевом языке, при конфликте буквального перевода с нормами дипломатического или медийного дискурса, а также при необходимости адаптировать отсылку, связанную с культурой и историей, для иностранной аудитории.

В анализируемом интервью показательным примером служит перевод выражения «особо доверительный партнёр» как “privileged partner”. В русском варианте смысловой центр сосредоточен в компоненте доверия: «доверительный» соотносится с представлениями о надёжности, вере и устойчивости отношений. В английском переводе акцент переносится на исключительность статуса, поскольку “privileged” указывает на наличие особых прав или преимуществ. Такая модуляция не разрушает исходный смысл, так как обе формулы маркируют особый характер отношений. Вместе с тем “privileged partner” ближе к устойчивым формулам дипломатического дискурса и естественнее воспринимается в международной политической коммуникации. Оттенок доверительности здесь заменяется статусной характеристикой, что делает высказывание более адаптированным для западной аудитории.

Сходный механизм проявляется в переводе выражения «человек цельный» как “person of integrity”. Русская формула «цельный человек» отсылает к литературной и философской традиции, где цельность натуры предполагает отсутствие внутреннего разлада, последовательность и нравственную устойчивость. Прямой английский эквивалент для этой характеристики отсутствует.

Выбор переводчика в пользу *person of integrity* обусловлен семантическим объёмом английского *integrity*, аккумулирующего честность, неподкупность и моральную цельность, – это функциональное соответствие, а не буквальная передача. У англоязычного адресата возникает близкая положительная оценка, тогда как культурный смысл русской «цельности» (восходящий к литературно-философской традиции) частично редуцируется. Данный пример иллюстрирует ключевую закономерность: функциональное замещение обеспечивает сохранение прагматического эффекта ценой частичной утраты культурных коннотаций.

В системе рассматриваемых стратегий функциональное замещение занимает наиболее гибкую позицию. Прямая номинация сохраняет понятийную структуру оригинала; тональная редукция снижает интенсивность оценки; функциональное замещение, напротив, допускает полную перестройку языкового оформления – при обязательном сохранении прагматического потенциала высказывания.

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что перевод идеологически маркированной лексики в политическом интервью не может быть описан исключительно через категорию формальной эквивалентности.

На материале интервью В.В. Путина телеканалам Aaj Tak и India Today прослеживается, что переводчик выступает не как нейтральный транслятор исходного текста, а как активный участник межкультурной коммуникации, регулирующий степень выраженности политической оценки, адаптирующий высказывание к нормам англоязычного медиадискурса и перекодирующий культурно-специфические смыслы. В рамках трех выделенных стратегии (прямая номинация, тональная редукция и функциональное замещение) переводчик определяет баланс между точностью и адаптацией.

Прямая номинация занимает доминирующее положение при передаче официальных политических терминов и устоявшихся идеологем. Такие единицы формируют понятийное ядро высказывания и задают интерпретационную рамку политической позиции говорящего. Следовательно, в зоне идеологического ядра переводчик стремится к максимальной формальной близости, даже если это создаёт стилистическую непривычность для англоязычного адресата.

Тональная редукция представляет собой сознательное ослабление оценочной интенсивности исходного высказывания. Как правило, она затрагивает не терминологическое ядро текста, а периферийные лексические единицы, связанные с разговорной экспрессией, образностью или повышенной эмоциональной нагрузкой. При этом тональную редукцию не следует рассматривать как простую утрату смысла. Скорее, она выступает средством прагматической регуляции перевода, позволяющим перенести высказывание из разговорно экспрессивного или культурно маркированного регистра в более нейтральную форму, приемлемую для международной аудитории. В подобных случаях переводчик частично отказывается от стилистической выразительности и культурной специфики исходной единицы, чтобы избежать чрезмерной резкости, коммуникативной непрозрачности или нежелательного усиления конфронтационного эффекта.

Функциональное замещение представляет собой наиболее гибкую стратегию, которая допускает полную замену языкового оформления при условии сохранения коммуникативной цели высказывания. Эта стратегия оказывается неизбежной, когда исходная единица не имеет прямого эквивалента в целевом языке или, когда буквальный перевод нарушает нормы дипломатического дискурса.

Сопоставление трёх стратегий показывает: перевод политического интервью – это не механическая операция, а форма дискурсивного посредничества. Переводчик постоянно выбирает между сохранением исходной понятийной сетки, снижением интенсивности оценки и функциональной заменой формы. В идеологическом ядре доминирует прямая номинация; на периферии, где оценка выражена через разговорную или образную лексику, активируется тональная редукция; в зоне культурного разрыва, при отсутствии прямого соответствия, переводчик обращается к функциональному замещению.

Перспективное направление дальнейших исследований – сопоставление переводов политических интервью для разных национальных аудиторий. Такой анализ позволит отделить универсальные переводческие стратегии от тех, что зависят от конкретной политической, культурной или медиадискурсивной ситуации.

Список источников

1. Воронина Л.В. Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса в политическом интервью // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (47). С. 112 – 118.
2. Грудева Е.А. Языковые манипуляции и риторические стратегии в текстах политических выступлений: на материале политического интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 2. С. 45 – 52.
3. Крижановская Е.М. Интервью с политическим лидером: специфика жанра и мастерство журналиста: на материале программы «Вести в субботу с Сергеем Брилевым» // Журналистика и медиарынок. 2015. № 8. С. 34 – 39.
4. Лавринова Н.И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 236 с.
5. Лу Тинтин. Политическое интервью в России и Китае: корпусный и стратегический анализ дискурса. Москва: Флинта, 2023. 210 с.
6. Мкртчян Т.Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.
7. Прожого А.В. Реализация причинно-следственных отношений в неофициальном и официальном диалоге: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 192 с.
8. Романенко А.В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (118). С. 120 – 124.

9. Третьякова Т.П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Логический анализ языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Индрик, 2004. С. 310 – 318.
10. Юрина М.В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 22 с.
11. Fu Y. Discourse markers in political interviews: A corpus-based comparative study of CGTN and BBC: PhD dissertation. Shanghai, 2024. 185 p.
12. Schubert R., Nicolas R. Adversarial interactions in political interviews: Exploring the non-resolution of questions under discussion // Journal of Pragmatics. 2025. Vol. 215. P. 44 – 59.

References

1. Voronina L.V. Issues of the relevance of the referent and the referring expression of the antecedent-anaphoric complex in a political interview. Cognitive Studies of Language. 2022. No. 4 (47). P. 112 – 118.
2. Grudeva E.A. Linguistic manipulations and rhetorical strategies in political speech texts: based on political interview material. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2024. No. 2. P. 45 – 52.
3. Krizhanovskaya E.M. Interview with a political leader: genre specificity and journalistic skill: based on the program “Vesti v Subbotu with Sergey Brilev”. Journalism and Media Market. 2015. No. 8. P. 34 – 39.
4. Lavrinova N.I. Textual actualization of the speech behavior of communicants in a political interview: based on modern English-language material. Cand. Sci. (Philology) dissertation. Saint Petersburg. 2010. 236 p.
5. Lu Tingting. Political interview in Russia and China: corpus-based and strategic discourse analysis. Moscow: Flinta. 2023. 210 p.
6. Mkrtchyan T.Yu. Speech behavior of journalists in political television and radio interviews: based on Russian and English-language material. Abstract of Cand. Sci. (Philology) dissertation. Rostov-on-Don. 2004. 24 p.
7. Prozhoga A.V. Realization of cause-and-effect relations in informal and official dialogue: based on English-language material. Cand. Sci. (Philology) dissertation. Saransk. 2002. 192 p.
8. Romanenko A.V. Political interview as a special genre of political discourse. Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. 2017. No. 5 (118). P. 120 – 124.
9. Tretyakova T.P. An attempt at linguistic analysis of argumentation in political dialogue. Logical Analysis of Language. Ed. by N.D. Arutyunova. Moscow: Indrik. 2004. P. 310 – 318.
10. Yurina M.V. Communicative strategies of participants in a political interview: based on the modern press of the Federal Republic of Germany. Abstract of Cand. Sci. (Philology) dissertation. Samara. 2006. 22 p.
11. Fu Y. Discourse markers in political interviews: A corpus-based comparative study of CGTN and BBC. PhD dissertation. Shanghai. 2024. 185 p.
12. Schubert R., Nicolas R. Adversarial interactions in political interviews: exploring the non-resolution of questions under discussion. Journal of Pragmatics. 2025. Vol. 215. P. 44 – 59.

Информация об авторах

Билялова А.А., доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, abill71@mail.ru

Яруллина А.Ш., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, yarullina-74@mail.ru

Полькина Г.М., кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, г. Набережные Челны, ул. им. Низаметдинова Р.М., д. 28, polkinagulnur@yandex.ru

© Билялова А.А., Яруллина А.Ш., Полькина Г.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (арабский язык) (филологические науки)

УДК 811.133.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-46-53

¹ Верецагина М.В.

¹ Московский государственный
лингвистический университет

Структурно-семантический и когнитивный анализ артиллерийской терминологии французского языка в период с XX по XXI век

Аннотация: в статье исследуется эволюция и структурно-семантическая организация терминов французской артиллерийской техники в XX–XXI вв., что обусловлено необходимостью системного описания военной лексики в условиях технологической модернизации вооружений и трансформации тактических концепций. Цель работы заключается в выявлении этапов терминологизации, а также в определении продуктивных словообразовательных моделей, действующих в указанной терминосистеме. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) реконструкция хронологии появления ключевых терминов; 2) анализ структурных типов терминоединиц; 3) описание когнитивных механизмов семантической деривации. Дополнительно анализируются факторы, влияющие на заимствования и адаптацию иноязычных элементов. Материалом исследования послужили данные этимологических и исторических словарей, технические регламенты, а также научные труды по истории артиллерии. Особое внимание уделяется документам второй половины XX века и современным регламентам НАТО. Применены методы когнитивно-диахронического терминоведения, структурного и компонентного анализа. В качестве дополнительного инструмента используется сопоставительный анализ с английской терминологией. В результате реконструированы основные этапы развития терминологии, определены доминирующие модели словообразования (калькирование, аффиксация, терминологическое словосочетание) и выявлены когнитивные механизмы семантической деривации. Установлено влияние технического прогресса на появление новых номинативных единиц. Полученные данные обладают лексикографической ценностью для составления отраслевых словарей, а также дидактической значимостью для разработки учебных пособий по военной лингвистике и терминоведению в системе профессиональной подготовки переводчиков.

Ключевые слова: термин, терминосистема, когнитивное терминоведение, диахронический анализ, французский язык, артиллерийская терминология, военная лексика

Для цитирования: Верецагина М.В. Структурно-семантический и когнитивный анализ артиллерийской терминологии французского языка в период с XX по XXI век // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 46 – 53. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-46-53

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Vereshchagina M.V.

¹ Moscow State Linguistic University

Structural, semantic and cognitive analysis of artillery terminology of the French language in the period from XX to XXI century

Abstract: the article examines the evolution and structural and semantic organization of the terms of French artillery technology in the XX-XXI centuries, due to the need for a systematic description of military vocabulary in the context of technological modernization of weapons and the transformation of tactical concepts. The purpose of the work is to identify the stages of terminologization, as well as to identify productive word-formation models operating in the specified terminological system. To achieve this goal, the following tasks are being solved: 1) reconstruction of the chronology of the appearance of key terms; 2) analysis of the structural types of terminology units; 3) description of the cognitive mechanisms of semantic derivation. Additionally, the factors influencing the borrowing and adaptation of foreign language elements are analyzed. The research material includes data from etymological and historical dictionaries, technical regulations, as well as scientific works on the history of artillery. Special attention is paid to documents from the second half of the 20th century and modern NATO regulations. The methods of cognitive-diachronic terminology, structural and component analysis are applied. Comparative analysis with English terminology is used as an additional tool. As a result, the main stages of terminology development have been reconstructed, the dominant models of word formation (calculus, affixation, terminological phrase) have been identified, and cognitive mechanisms of semantic derivation have been identified. The influence of technological progress on the emergence of new nominative units has been established. The data obtained have lexicographic value for the compilation of industry dictionaries, as well as didactic significance for the development of textbooks on military linguistics and terminology in the system of professional training of translators.

Keywords: term, terminological system, cognitive terminology, diachronic analysis, French, artillery terminology, military vocabulary

For citation: Vereshchagina M.V. Structural, semantic and cognitive analysis of artillery terminology of the French language in the period from XX to XXI century. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 46 – 53. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-46-53

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Интерес к изучению терминов среди лингвистов, как в России, так и за рубежом, возник в 1930-е годы. Фундаментальные принципы терминоведения были установлены благодаря трудам представителей Венской школы (О. Вюстер, К. Фельбер) и Московской школы (Д. Лотте, Т. Канделаки, Г. Винокур). В этот период были предложены методы отбора терминов, определены их системные связи, а также начаты дискуссии о необходимости их стандартизации, о границах между специальной и общеупотребительной лексикой, активно исследовалось влияние контекста на термин, включая вопросы синонимии и многозначности. К 1970-1990-м годам терминология оформилась как самостоятельная область лексикологии [4]. Сегодня терминоведческие исследования проводятся с учетом различных аспектов: исторического развития, когнитивных процессов, прагматических функций, лингвокультурологических особенностей и коммуникативных стратегий [3]. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения образования терминов французской военной артиллерии с точки зрения когнитивного и диахронического терминоведения.

Цель исследования – изучить предмет когнитивно-диахронического терминоведения на материале терминов артиллерии с времен Второй мировой войны до наших дней. Решение поставленных в работе задач осуществлялось на основе применения общенаучных методов исследования в рамках сравнительного и лингвистического анализа.

Материалы и методы исследований

Метод, используемый в работе для описания терминов французской военной артиллерии – сплошная выборка. Общенаучные методы исследования включают анализ, синтез, описание, сравнение, обобщение,

интерпретацию; использование элементов дефиниционного и компонентного анализа при выявлении семантической структуры некоторых терминов – лингвистические методы.

Материал исследования – оригинальные французские словарные статьи по данной тематике, отобранные методом сплошной выборки из этимологического и исторического словаря французского языка XIX и XX веков *Trésor de la langue française informatisé* [12]. В основу исследования также легли фундаментальные работы Ф. де Соссюра [10], С.В. Гринева-Гриневича [4], О.В. Фельде [11], а также современные исследования французской военной терминологии [5, 6, 7].

Результаты и обсуждения

В настоящее время в литературе, посвященной эволюции терминологии, одни исследования относят к исторической терминологии, другие – к диахронической терминологии, и часто эти направления отождествляются. На наш взгляд, их необходимо различать. Историческое терминоведение изучает эволюцию терминов без учета этапов их формирования. Диахроническое терминоведение фокусируется на этапах формирования терминов и их потенциальных свойствах [11]. Такой подход соответствует выделению диахронии Ф. де Соссюром как этапа эволюции; термин «история» он считал расплывчатым [10].

Диахрония (от греч. *διά* – через, сквозь и *χρόνος* – время) – это особый подход к анализу, который исследует исторические этапы развития терминов. В связи с этим корректно использовать термины «диахронический аспект», «диахроническое исследование» или «диахронический метод». Ключевая задача диахронического изучения терминов заключается в отслеживании их эволюции от истоков до современности. Это позволяет выявить фундаментальные закономерности в терминологии определённой области, которые, в свою очередь, объясняют её положение на современном этапе. В.Г. Кузнецов пишет, что диахронические терминологические исследования позволяют установить основные источники возникновения терминов, способы образования и вариации толкования в определенный период развития соответствующей области знания и представляют наиболее динамичную и подвижную часть лексики [6]. С помощью диахронических исследований, как отмечает С.В. Гринев-Гриневич, можно установить особенности возникновения и развития терминов таким образом, что новые терминологии будут в значительной степени будут воспроизводить эти способы [4].

В настоящее время в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы развития лингвистики наблюдается переориентация различных направлений лингвистических исследований на когнитивную проблематику. Как отмечает Е.И. Голованова, основным предметом когнитивно-исторических терминологических исследований является «соотношение языковых (терминологических) и когнитивных (структур знания) структур в их эволюции» [3]. В рамках данного исследования, одной из дисциплин, которая позволяет изучать формирование терминов на определенном этапе развития соответствующей области знания, является когнитивно-диахроническое терминоведение. Мы согласны с О.В. Фельде в том, что изучение эволюции терминологии в различных сферах человеческой деятельности направлено на установление связи «между словами и культурными реалиями прошлых эпох, проследить ход развития научной мысли и технического прогресса» [11]. Когнитивно-диахроническое терминоведение устанавливает пути освоения человеком той или иной сферы деятельности или знания и пути выдвижения новых знаний и понятий, используя такие методы, как диахронический анализ терминов в данной тематической группе, метод концептуального анализа терминов, ономаσιологический анализ и метод социолингвистической корреляции.

Таким образом, современные исследователи в области терминологии отмечают комплексный характер термина, его многомерность и многогранность. Термины играют ключевую роль в обеспечении эффективного обмена информацией в специализированных областях, как на ранних стадиях их становления, так и на последующих этапах развития. По мере развития терминологии происходит переход к фазе унификации, стандартизации и систематизации, что способствует дальнейшему совершенствованию коммуникации в конкретной предметной области или сфере знаний.

Далее обратимся к концептуальному аппарату исследования и определим понятия «военная лексика» и «артиллерия». Мы разделяем точку зрения М.С. Великова, Е.Ю. Сафроновой, которые определяют военную лексику как совокупность языковых единиц, используемых для обозначения военных понятий и функционирующих в военном подязыке [2]. Следует отметить, что понятие «военная лексика» также включает в себя такие понятия, как «военная терминология» и «военная терминосистема».

Артиллерия – это собирательный термин, используемый для обозначения огнестрельных орудий различных конструкций и калибров, а также рода войск, использующих это вооружение для стрельбы снарядами среднего и крупного калибра на коротких, средних или дальних дистанциях по противнику, его пози-

циям и технике, а также для поддержки собственных войск, участвующих в сухопутном, морском или воздушном сражении, или осаде [12].

Французская артиллерия XX века сыграла ключевую роль во всех крупных конфликтах, в которых участвовала Франция, от Первой мировой войны до послевоенных кризисов. За этот период французские инженеры и конструкторы создали ряд эффективных артиллерийских систем, которые прославились своей надёжностью, точностью и инновационными решениями [1, 9]. Одним из наиболее известных орудий Первой мировой войны стала 75-мм полевая пушка modèle 1897 (Obusier de 75 modèle 1897 (Canon de 75)), инициатором разработки скорострельной полевой пушки в начале 1890-х годов выступил начальник Артиллерийского управления французского военного министерства генерал Матье, после ряда попыток разработка была поручена подполковнику Жосу-Альберу Депору. Один из первых образцов современной полевой артиллерии, 75-мм пушка modèle 1897, стала символом французской артиллерии благодаря высокой скорострельности – до 15 выстрелов в минуту. Её конструкторы заложили фундамент для дальнейшего развития артиллерийского дела. Название связано с инновационной французской пушкой Canon de 75 mm modèle 1897, которая стала символом современной артиллерии XX века: термин включает obusier (гаубица) и canon (пушка; происходит от греческого слова κανών (kanōn), первичное значение которого «тростниковый стержень», Военный термин «canon» заимствован из итальянского ‘cannone’ в значении «труба») [8]. Проанализируем этимологию данных лексем:

1. Canon. Согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) лексема canon как термин артиллерии – «Pièce d'artillerie munie d'une bouche à feu en forme de tube servant à lancer des projectiles plus ou moins lourds» (Trésor de la langue française informatisé) / Артиллерийское орудие с дульным срезом в форме трубы, используемым для метания более или менее тяжелых снарядов [12].

2. Obusier. Согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) – «Canon relativement court, à tir courbe et plongeant, pouvant atteindre des objectifs défilés. Obusier de 220; obusier de montagne» (Trésor de la langue française informatisé) / Относительно короткий ствол, изогнутый и ныряющий, способный поражать выставленные напоказ цели. 220-мм гаубица; горная гаубица.

Таким образом, основываясь на анализе составляющих 75-мм пушки modèle 1897, можно сделать вывод о том, что данный вид орудия представляет сочетание высокой скорострельности с возможностью ведения огня по прямой и кривой траектории.

После Первой мировой войны в Франции были сделаны важные выводы о необходимости модернизации артиллерийского вооружения. В частности, говорилось о введении пехотных орудий, создаваемых на базе 65-миллиметровой горной пушки. Также планировалось внедрить в дивизионную артиллерию лёгкие гаубицы калибра 120 мм, что превышало мощность немецких 105-миллиметровых орудий. Эти гаубицы уже применялись в экспорте и на французских фронтах. Тем временем, в 1920-х годах артиллерия быстро развивалась в странах вроде Чехословакии, США, Швеции, Великобритании и Германии. К концу десятилетия фирма «Шнейдер» выпустила комплекс новых артиллерийских систем, основанных на модернизации существующих моделей с учётом новых требований, особенно в части использования лафетов с раздвижными станинами. В результате появилось множество новых систем, некоторые из которых получили широкое применение в последующих конфликтах, в то время как другие остались малоизвестными [9].

Во время Второй мировой войны французская артиллерия претерпела как технические, так и организационные изменения. Несмотря на поражение Франции в 1940 году, оставшиеся военные силы применяли и модернизировали довоенные образцы, а также изучали опыт союзников, особенно американцев и британцев. Среди новых разработок была 105-мм гаубица modèle 1936 Schneider – орудие с улучшенной дальностью и бронезащитой некоторых частей, что позволило использовать её в сложных полевых условиях [6].

Существует множество механизмов для формирования терминологии, в контексте артиллерии XX века доминирующими способами образования стали метонимический перенос, а также расширение или сужение семантического значения слов. В рамках когнитивно-диахронического терминоведения мы проанализируем ряд примеров, демонстрирующих данные словообразовательные модели в артиллерийской лексике [7, 8].

Obusier – Согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) – «Canon relativement court, à tir courbe et plongeant, pouvant atteindre des objectifs défilés. Obusier de 220; obusier de montagne» (Trésor de la langue française informatisé) / Относительно короткий ствол, изогнутый и ныряющий, способный поражать

выставленные напоказ цели. 220-мм гаубица; горная гаубица. Это тип орудия, в котором отношение длины нарезной части ствола к его калибру составляет менее 20 (в США – 25). Первые настоящие гаубицы получили свое название благодаря тому, что стреляли снарядами, то есть полыми цилиндро-огивальными снарядами, которые взрывались после падения. Менее эффективное пушечное ядро исчезло около 1850 года, и с тех пор пушки стреляли снарядами. Различие между пушкой и гаубицей было установлено на основе угла обстрела: ниже 45° – пушка, выше 45° – гаубица. Термин «obus» (снаряд) происходит от латинского «obus» (проецировать, атаковать) и подразумевает снаряд, который можно проецировать вперед или атаковать цель [12]. Изначально гаубица была сравнительно короткоствольным орудием, предназначенным для стрельбы под большим углом подъема, что отличало ее от пушки. Со временем разница между пушкой и гаубицей нивелировалась, и семантика этого термина стала менее четкой. Obusier tracté – буксируемая гаубица. Техника буксируемых гаубиц оставалась востребованной благодаря относительной простоте и малой стоимости. Классическим примером была 155-мм гаубица modèle 1917 и её дальнейшие модификации. Такие орудия активно модернизировались вплоть до 1960-70-х годов, когда их заменяли более сложные самоходные системы [9]. Вторая часть термина часто выступает как уточнение или характеристика.

Canon de campagne – термин переводится как «полевое орудие». Появился в конце XIX – начале XX века для обозначения лёгких артиллерийских пушек, мобильных и предназначенных для поддержки пехоты. Семантически происходит от canon («трубка») + campagne («кампания», «поле боя»). Когнитивно акцентирован на мобильности и боевом применении вне фортов [7].

Canon anti-aérien – термин появился в начале XX века с развитием авиации. Canon (пушка) + anti-aérien («противовоздушный»). Отражает новую функцию артиллерийского орудия – борьбу с воздушными целями. Когнитивно метка «anti-aérien» обозначает связь с быстро меняющимся видом вооружений, адаптацию языка к новым военным реалиям.

Canon automoteur – самоходная артиллерийская установка. Франция с середины XX века делала ставку на мобильность артиллерии. Знаковой стала самоходная гаубица AMX-30 AuF1, разработанная в 1970-х годах. Эта установка соединяла огневую мощь с высокой манёвренностью, что позволяло быстро занимать позиции и менять их, усиливая тактическую гибкость. Появление самоходных орудий стало ответом на необходимость поддержки танков и мобильных войск. Данный пример демонстрирует, что в настоящее время продуктивным способом образования новых артиллерийских терминов является словосложение. Практически все примеры демонстрируют высокую семантическую прозрачность и не требуют дополнительного толкования этимологии [7].

Affût à double canon – двухорудийная станковая установка. Двухорудийные установки использовались для усиления огневой мощи в зенитной артиллерии. Во время Второй мировой войны и послевоенного периода во Франции применялись системы, например, 40-мм зенитные пушки с двумя стволами на одном станке, что позволяло увеличить скорострельность и плотность огня против воздушных целей [9].

Mitrailleuse automatique – термин возник на рубеже XIX-XX веков для обозначения ранних автоматических пулеметов. Mitrailleuse – «разбрасывающая пули», automatique – «автоматический». Согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) mitrailleuse – « Arme automatique, de petit calibre, à tir rapide montée sur un affût (équipant les unités d'infanterie, les engins blindés, les navires, les avions) » (Trésor de la langue française informatisé) / Автоматическое малокалиберное скорострельное оружие, устанавливаемое на прицеле (для оснащения пехотных подразделений, бронетехники, кораблей, самолетов). Впервые в данном виде орудия подчеркивается принцип автоматической подачи и стрельбы с большой скорострельностью, что кардинально отличает его от прежних ручных орудий. Термин когнитивно отражает инновацию в способе ведения боя – автоматическое огневое поражение [5].

Mortier de tranchée – Согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) mortier – «Pièce d'artillerie à tube court, à fort calibre, destinée à envoyer des bombes, des grenades, des obus» (Trésor de la langue française informatisé) / Короткоствольное артиллерийское орудие большого калибра, предназначенное для доставки бомб, гранат, снарядов. Термин обозначает «траншейный миномёт» – орудие, специально разработанное в начале XX века для войны в окопах. Mortier (миномёт) + de tranchée («траншея»). Семантика связана с функцией – стрельбой по короткой траектории с высокой градусной наводкой для поражения в непосредственной близости в условиях траншейной войны.

Train d'artillerie – хотя термин train в значении «повозка, состав» является устаревшим – согласно этимологическому и историческому словарю французского языка XIX и XX веков Trésor de la langue française informatisé (Trésor de la langue française informatisé) train – «Ensemble des véhicules transportant

l'approvisionnement d'un corps de troupes» (Trésor de la langue française informatisé) / Совокупность транспортных средств, перевозящих припасы для войскового корпуса – именно в начале XX века уже сложился специализированный военный смысл: непрерывная транспортировка артиллерийских орудий, боеприпасов и тягового состава. Когнитивно термин связывает логистику с артиллерией, появляясь в военном лексиконе из-за масштаба вооружённых конфликтов и технологической сложности.

В XXI в. наблюдается внезапный рост терминологических словосочетаний (ТС) и аббревиатур:

- бинарные и тройные ТС с атрибутивной связью: système d'arme intégré, plateforme de tir mobile, munition programmable à effet renforcé
- кальки с английского: munition intelligente, réseau centré sur les opérations, artillerie numérisée
- акронимы и полуакронимы: CAESAR (Camion Équipé d'un Système d'Artillerie), LRSU (Lance-Roquettes Sur Unité) [5, 7].

Структурная динамика показывает переход от фиксации отдельных материальных объектов к описанию функциональных комплексов. Синтаксическая модель N + prép. + N + Adj становится продуктивной в сфере системного проектирования: réseau d'acquisition de cibles en temps réel, module de tir autonome à guidage inertiel.

Таблица 1

Анализ двух периодов демонстрирует следующие закономерности.

Table 1

The analysis of the two periods demonstrates the following patterns.

Параметр	XX в.	XXI в.
Объем терминологического словосочетания	1,4	2,3
Доля ТС	22 %	64 %
Преобладающий тип деривации	Суффиксация, сложение	Калькирование, аббревиация, атрибутивные цепочки
Когнитивный базис	Механика, баллистика, материал	Информатика, сетевая архитектура, алгоритмизация

Диахронический разрыв показывает, что терминообразование в XXI в. происходит не только через лексическую эволюцию, но и через переосмысление уже существующих элементов. Например, *canon (устойчивый корень) сохраняет статус, но меняет синтагматическое окружение: *canon automatique → canon à rail électromagnétique → système canon-munition intelligente.

Проанализировав термины французской артиллерии XX и XXI веков, можно отметить, что все термины связаны с техническим прогрессом артиллерии (автоматическая стрельба, специализированное назначение), можно наблюдать семантические сдвиги – от общего обозначения «пушка» к конкретным функциям и режимам применения (траншейный, противовоздушный, автоматический), важную роль играет когнитивно ключевой фактор – реализация новых задач войны (мобильность, автоматизация, борьба с авиацией, ведение огня в окопах), язык нового века отражает технологические и тактические инновации, фиксируя их в терминологии.

Выводы

Современный этап развития терминоведения характеризуется становлением когнитивно-диахронического направления. Его возникновение продиктовано возрастающим интересом к связи терминообразования с когнитивной деятельностью человека в различных предметных областях, в частности, в контексте развития артиллерийской техники. В рамках проведенного исследования было осуществлено разграничение предметных областей исторического и диахронического терминоведения. Историческое терминоведение ориентировано на изучение эволюции терминов вне зависимости от стадийности их формирования; диахроническое терминоведение фокусируется на этапах и стадиях становления терминов, семантических и когнитивных механизмах их генерации, а также на тенденциях развития терминосистем. Проанализированные примеры терминов французской артиллерии свидетельствуют о том, что наиболее распространенным современным способом формирования артиллерийской терминологии французского языка является словосложение. В качестве перспектив дальнейшего исследования можно отметить, что структура французских артиллерийских терминов демонстрирует успешное использование когнитивных принципов терминообразования, которые могут быть применены и изучены в перспективе исследования:

прозрачность, методичность, децентрализованное уточнение и адаптация к функциям коммуникации в профессиональном сообществе.

Список источников

1. Барышникова Ю.Ю., Сюрвасева Д.С. Лингвистические особенности военной лексики в военно-политическом дискурсе (на материале французских СМИ) // Февральские чтения: Тридцать вторая годовичная сессия ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2025. С. 181 – 186.
2. Великов М.С., Сафронова Е.Ю. К проблеме определения понятий: военный подъязык, военная лексика, военная терминосистема // Язык и текст. 2025. Т. 12. № 3. С. 98 – 110. DOI: 10.17759/langt.2025120309.
3. Голованова Е.И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (15). С. 54.
4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия; 2008. 146 с.
5. Комалова А.С. Аббревиатурные неологизмы в современной французской военной терминологии // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 127 – 138.
6. Кузнецов В.Г. Терминология военной авиационной техники французского языка в синхронии и диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 12 (906). С. 60 – 67.
7. Петрова Е.В., Кашкина Е.В. Особенности образования военной терминологии в романских языках (итальянский и французский) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021. № 3 (51). С. 100–110.
8. Петрова П.С. Вторичная номинация с компонентами-соматизмами в военной лексике (на материале русского, английского и французского языков) // Litera. 2025. № 9. С. 190 – 199. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.71955.
9. Попова В.В. Французская ракетная артиллерия в Крымской войне 1853–1856 гг. // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 1. С. 350 – 356.
10. Соссюр Ф. Де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 577 с.
11. Фельде (Борхвальдт) О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 132 с.
12. Trésor de la langue française informatisé. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (дата обращения: 09.02.2026).

References

1. Baryshnikova Yu.Yu., Syurvaseva D.S. Linguistic features of military vocabulary in military-political discourse (based on the French media). February readings: Thirty-second annual session of the academic council of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. Syktyvkar, 2025. P. 181 – 186.
2. Velikov M.S., Safronova E.Yu. On the problem of defining concepts: military sublanguage, military vocabulary, military terminology. Language and text. 2025. T. 12. No. 3. P. 98 – 110. DOI: 10.17759/langt.2025120309.
3. Golovanova E.I. Cognitive-historical terminology: subject, problems, tools. Questions of cognitive linguistics. 2008. No. 2 (15). 54 p.
4. Grinev-Grinevich S.V. Terminology: textbook. manual for higher students textbook establishments. M.: Academy; 2008. 146 p.
5. Komalova A.S. Abbreviated neologisms in modern French military terminology. Issues of modern linguistics. 2024. No. 1. P. 127 – 138.
6. Kuznetsov V.G. Terminology of military aviation technology in the French language in synchrony and diachrony. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2025. No. 12 (906). P. 60 – 67.
7. Petrova E.V., Kashkina E.V. Features of the formation of military terminology in Romance languages (Italian and French). Modern linguistic and methodological-didactic studies. 2021. No. 3 (51). P. 100–110.
8. Petrova P.S. Secondary nomination with somatic components in military vocabulary (on the material of Russian, English and French languages). Litera. 2025. No. 9. P. 190 – 199. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.71955.
9. Popova V.V. French rocket artillery in the Crimean War 1853–1856. Manuscript. 2025. T. 18. No. 1. P. 350 – 356.
10. Saussure F. De. Works on linguistics. M.: Progress, 1977. 577 p.

11. Felde (Borchwaldt) O.V. Historical terminology in theory and practice. Krasnoyarsk: RIO KSPU, 2001. 132 p.
12. Trésor de la langue française informatisé. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (accessed: 09.02.2026).

Информация об авторах

Верецагина М.В., преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка, Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, pelmen.7@yandex.ru

© Верецагина М.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительносопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.22

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-54-59

¹ Власова Е.Е., ¹ Демьянова Ж.В.

¹ Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»

Взаимосвязь вербальных и невербальных коммуникативных компонентов как фактор успешности коммуникации (на материале английского и русского языков)

Аннотация: статья посвящена описанию механизмов взаимодействия вербального и невербального компонентов коммуникации, участвующих в передаче эмоций художественного текста. Выявление характера соотношения вербальных и невербальных элементов в тексте является важным, поскольку от этого зависит успешность коммуникации. Материалом данного исследования послужили фрагменты художественных произведений на английском и русском языках. В рамках данной работы перевод рассматривается в качестве ситуации межкультурной коммуникации.

Методологической базой исследования являются научные труды, посвященные изучаемой проблеме. Практическая часть исследования опирается на применение таких лингвистических методов как описательно-сопоставительный, коммуникативно-прагматический, компонентный анализ лексического значения слова, дефиниционный анализ, а также метод сплошной выборки.

В рамках исследования установлено, что вербальные и невербальные компоненты коммуникации взаимозависимы и взаимосвязаны. Проведен сопоставительный анализ способов выражения эмоций в текстах на английском и русском языках. Отдельное внимание уделяется описанию случаев согласованности / несогласованности вербальных и невербальных компонентов коммуникации. Отмечается, что в случае их несогласованности представленное в тексте эмоциональное содержание выявляется по невербальному каналу.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, вербальные средства, невербальные средства, эмоция, эмоциональная реакция, художественный текст, конгруэнтность, неконгруэнтность

Для цитирования: Власова Е.Е., Демьянова Ж.В. Взаимосвязь вербальных и невербальных коммуникативных компонентов как фактор успешности коммуникации (на материале английского и русского языков) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 54 – 59. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-54-59

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Vlasova E.E., ¹ Demyanova Zh.V.

¹ National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

The relationship between verbal and non-verbal communication components as a factor of successful communication (based on the material of the English and Russian languages)

Abstract: this article describes how verbal and nonverbal communication components interact to convey emotions in a literary text. Understanding the relationship between verbal and nonverbal elements in a text is crucial for effective communication. The research is based on excerpts taken from English and Russian literary works. Within the framework of this study, translation is viewed as a means of intercultural communication.

The theoretical and methodological background of the study comprises scholarly works dedicated to the issue in question. In the practical part of the research, the following linguistic methods are applied: descriptive-comparative analysis, communicative-pragmatic analysis, componential analysis of lexical meaning, definitional analysis, and the method of continuous sampling.

The study found that verbal and nonverbal communication components are interdependent and interrelated. The article presents a comparative analysis of how emotions are expressed in English and Russian texts. Special attention is paid to the description of verbal-nonverbal congruence and incongruence. It is noted that in case of verbal-nonverbal incongruence, the emotional content presented in the text is revealed through a non-verbal channel.

Keywords: *intercultural communication, verbal means, non-verbal means, emotion, emotional reaction, literary text, congruence, incongruence*

For citation: Vlasova E.E., Demyanova Zh.V. The relationship between verbal and non-verbal communication components as a factor of successful communication (based on the material of the English and Russian languages). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 54 – 59. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-54-59

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Процесс общения, лежащий в основе взаимодействия между людьми, является объектом пристального внимания целого ряда научных направлений. В современном мире изучение коммуникации приобретает особую значимость. Коммуникация – это комплексное явление, охватывающее не только обмен данными участников общения, но и эмоциональными переживаниями, стремление к конструктивному диалогу и взаимопониманию.

Без коммуникации невозможно полноценное функционирование индивида в социуме. Исследования показывают, что вербальные системы играют ключевую роль в процессе осмысления человеком окружающей действительности. Однако несмотря на то, что слова являются универсальным средством передачи информации, они не всегда способны в полной мере отразить всю сложность наших эмоциональных состояний. Как правило, процесс коммуникации выходит за рамки использования исключительно вербальных средств общения. Коммуникация включает в себя не только вербальные, но и невербальные средства, которые тесно переплетаются и существуют в неразрывном единстве.

Таким образом, для полного осмысления и интерпретации стремления, эмоционального состояния и чувств участников общения требуется анализ не только вербальных высказываний, но и невербальных сигналов, которые служат ключом к пониманию их внутреннего мира и подлинных намерений [2, с. 14-15]. Способы невербального общения зависят от поведения человека в конкретной ситуации и зачастую имеют существенные отличия в англоязычной и русскоязычной этнолингвокультуре [6, с. 168].

Актуальность работы обусловлена увеличивающейся потребностью в системном изучении механизмов межкультурного общения, поскольку в современном мире коммуникация все чаще выходит за пределы одной этнолингвокультурной среды. При этом ошибки в понимании сообщений зачастую возникают из-за неправильной интерпретации невербальных компонентов.

Целью данного исследования является выявление особенностей взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации при передаче эмоций художественного текста. Для реализации поставленной цели требуется решить следующие задачи: 1) установить роль вербальных и невербальных компонентов коммуникации в передаче эмоций в художественном тексте; 2) рассмотреть способы передачи эмоций при помощи невербальных средств общения; 3) провести сопоставительный анализ репрезентации эмоционального содержания в рассматриваемых текстах на английском и русском языках; 4) выявить случаи согласованности и несогласованности вербальных и невербальных компонентов коммуникации в анализируемых фрагментах текста.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили романы американского и английского писателей Ф. Скотта Фицджеральда «Ночь нежна» и Дж. Голсуорси «Собственник» и их переводы на русский язык. В рамках данной работы перевод рассматривается в качестве ситуации межкультурного общения. Выбор данных произведений обусловлен их принадлежностью к такому литературному направлению как реализм, в котором внимание фокусируется на частной жизни и поведении человека, его отношениях и переживаниях, т.е. на том, что напрямую связано с эмоциональной сферой личности. Методологическая база включает метод

сплошной выборки, описательно-сопоставительный, коммуникативно-прагматический, компонентный анализ лексического значения слова, дефиниционный анализ.

Результаты и обсуждения

Основным инструментом вербальной коммуникации является устная или письменная речь человека. Невербальная коммуникация представляет собой процесс передачи информации при помощи невербальных средств, таких как оптико-кинестические, тактильные, знакосимволические, пространственно-временные и голосовые средства [7, с. 95-96]. В рамках данного исследования мы сосредоточили внимание на оптико-кинестических элементах невербальной коммуникации, включающих мимику, пантомимику (моторику тела) и взгляд.

В работах, посвященных функциям невербальных компонентов коммуникации в организации текста, отмечается их полифункциональность и разнообразие факторов, влияющих на их появление в процессе коммуникации. Данная особенность подчеркивает их сходство с вербальными компонентами, выбор которых также предопределяется социальными, ситуативными, а также этническими факторами. В языковой системе невербальные компоненты коммуникации выполняют следующие функции: снижают избыточность языковых единиц, позволяют хранить данные в более компактном, свернутом виде, устанавливают связь с языковыми компонентами, что позволяет им выполнять все присущие языковому знаку функции [8, с. 117].

Выявление характера соотношения вербальных и невербальных элементов в художественном тексте является важным, поскольку от этого зависит успешность коммуникации. Как показало проведенное исследование, при анализе способов представления эмоций исходного текста в переводе важно учесть согласованность / несогласованность невербальных и вербальных компонентов коммуникации. Е.А. Васняцкая, исследуя соотношение вербальных и невербальных компонентов коммуникации в текстах, содержащих эмоциональные реакции человека, рассматривает конгруэнтные и неконгруэнтные высказывания. «Конгруэнтность (согласованность) высказывания» наблюдается тогда, когда вербальное выражение эмоции совпадает с ее невербальным проявлением. В этом случае как словесный, так и невербальный компоненты демонстрируют единую эмоциональную направленность. Подлинная эмоциональная реакция формируется в результате комплексного взаимодействия этих двух составляющих: вербальные и невербальные проявления неразрывно связаны, взаимно усиливают друг друга в выражении позитивных или негативных эмоциональных проявлений.

При изучении «неконгруэнтных (несогласованных) высказываний» отмечается несовпадение и даже противопоставление вербального и невербального компонентов коммуникации в плане передаваемых ими эмоций. В этом случае подлинная эмоциональная реакция чаще всего выявляется по ее невербальному проявлению, в то время как вербальный компонент редко является надежным индикатором той или иной эмоции [1, с. 15-16].

«Для установления направленности эмоциональной реакции необходимо использовать прагматический контекст, а также дефиниционный анализ лексических единиц, входящих в описание невербального компонента», так как его описание используется значительно чаще для выражения эмоциональной реакции говорящего, чем вербальной составляющей коммуникации [1, с. 22].

Материалом данного исследования послужили фрагменты художественных текстов, поскольку они предлагают обширный материал для анализа невербальной составляющей коммуникации. Описание мимики, жестов и телодвижений является важным для передачи как речевых, так и невербальных аспектов поведения персонажей, а также анализа специфики представления невербального языка в письменном виде. Невербальные компоненты коммуникации могут служить дополнением к вербальному выражению, либо полностью заменять его, выступая в качестве самостоятельных средств передачи информации, что нашло свое подтверждение в практической части нашего исследования.

В художественном тексте невербальные средства также играют ключевую роль в передаче эмоционального содержания. Несмотря на то, что язык способен передать большинство человеческих переживаний, именно невербальные средства обеспечивают наиболее объективную репрезентацию эмоционального состояния говорящего в момент высказывания. Их значимость проявляется как в сфере устного межличностного взаимодействия, так и при анализе художественных произведений, где они помогают раскрыть психологические и личностные особенности персонажей. Таким образом, включение невербальных аспектов в структуру повествования обеспечивает более точное воплощение замысла автора и облегчает читательское восприятие художественного текста [3, с. 205].

Рассмотренные ниже примеры служат иллюстрацией сказанного. «Rosemary put up her face quietly to be kissed. He looked at her for a moment ... and then looked down at her for another long moment. ... She smiled at him, her hands playing conventionally with the lapels of his coat» [11, с. 144].

В тексте перевода ситуация передана следующим образом: «Розмари медленно подняла к нему лицо для поцелуя. Он посмотрел на неё ... а затем ещё долго смотрел на неё долгим, внимательным взглядом. ... Она улыбнулась, пальцы ее машинально играли лацканами его пиджака» [10, с. 219].

Как известно, переживание интенсивных эмоций зачастую сопровождается неконтролируемыми физическими реакциями (более активная жестикуляция, беспокойные движения телом и т.д.). Это объясняется тем, что концентрация на речевых или мыслительных процессах приводит к ослаблению контроля над невербальным поведением. Такие жесты служат индикаторами определенного эмоционального состояния человека [5, с. 37]. Более того, существует закономерность, согласно которой наиболее отдаленные от головы участки тела подвергаются наименьшему осознанному контролю. Установлено, что кинесика конечностей, передающая широкий спектр эмоциональных состояний при помощи различных движений, в меньшей степени поддается сознательному регулированию.

Перевод является адекватным с точки зрения передачи представленных в тексте эмоций. Переводчик добивается предельной точности в описании эмоционального состояния героини. Особое внимание в переводе уделено работе ее пальцев, будто играющих на клавишах рояля. Мелкая произвольная моторика рук в описываемом фрагменте является следствием эмоционального напряжения героини, а также подчеркивает ее нетерпение в ожидании ответных действий со стороны главного героя. Анализ невербального поведения Розмари показывает, что ее улыбка не конгруэнтна ее внутреннему состоянию и могла бы быть неправильно интерпретирована в случае отсутствия описания движений рук, поскольку не сопровождается каким-либо высказыванием персонажа.

Рассмотрим еще один пример. «Soames turned from the mirror, and unconsciously taking a china cup from the mantelpiece, clasped his hands around it, as though praying... The sight of her inscrutable face enraged him beyond measure. "I believe you are made of stone", he said, clenching his fingers so hard that he broke the fragile cup» [12, с. 240]. – «Сомс отвернулся от зеркала, машинально снял с каминной полки фарфоровую чашку и взял ее в обе руки, точно молясь над ней... непроницаемое лицо Ирэн накалило его неудержимой яростью. «Ты точно каменная» - сказал он и так стиснул пальцы, что хрупкая чашка разлетелась вдребезги» [4, с. 271].

Анализируя данный фрагмент художественного текста, важно отметить нейтральный характер вербальной коммуникации участников диалога. Однако, здесь отмечается несовпадение и даже противопоставление вербального и невербального компонентов коммуникации. В данном случае истинный характер эмоций главного героя Сомса был установлен по невербальному каналу с опорой на прагматический контекст произведения и дефиниционный анализ лексических единиц, входящих в описание невербального компонента.

Исследование показало, что подлинная эмоциональная реакция героя вызвана его ревностью и мукой и проявляется лишь в неосознаваемом жесте, направленном на предмет-адаптер, в качестве которого выступает чашка. В английском значение выражения передается следующим образом: «to clasp hands – press hands together with the fingers interlaced» [13, с. 151]. Как эквиваленты авторского варианта в русском выступают глаголы «сжимать», «обнимать»; «сжать – плотно обхватить» [9, с. 237]. Такой способ обращения с предметом подразумевает, что руки субъекта с силой сомкнуты. В психологии, сомкнутые или скрещенные конечности трактуются как «замкнутая» поза, к которой человек бессознательно прибегает, стремясь скрыть свою внутреннюю уязвимость или истинные чувства. Для словосочетания «to clasp one's hands around sth» переводчик ставит в соответствие нейтральное «взять в обе руки» - «принять в руки» [9, с. 113], элиминируя таким образом важную эмоциональную информацию, стоящую за данным жестом. Глаголы «to clench fingers – to press firmly together» [13, с. 154] и «стиснуть (пальцы) – крепко сжать» [9, с. 267] могут быть поставлены в соответствие друг другу как компоненты невербального поведения персонажа, отражающие высокую степень его внутреннего напряжения. Представленный анализ свидетельствует о том, что передача эмоционального состояния персонажа в тексте перевода является лишь частично адекватной. Степень интенсивности эмоциональной реакции героя несколько снижена в переводе по сравнению с оригиналом.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить, что вербальные и невербальные системы коммуникации взаимосвязаны и взаимозависимы. Информация, передаваемая вербально и с помощью невербального поведения может быть согласована и не согласована. Установление характера соотношения вербального и невербального

компонентов коммуникации обеспечивает адекватное восприятие передаваемой информации и, как следствие, успешность коммуникации, особенно посредством инокультурного художественного текста. Взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов позволяет исследовать через текст перевода такие проблемы как представленность и особенности функционирования невербальных средств в различных языках.

В рамках дальнейших научных исследований представляется целесообразным расширение материала исследования за счет привлечения большего количества сопоставляемых языков. Кроме того, перспективным направлением является изучение гендерных аспектов передачи эмоций в процессе невербальной коммуникации.

Список источников

1. Васняцкая Е.А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 1999. 161 с.
2. Власова Е.Е. Железнякова О.В. Особенности перевода невербальных компонентов коммуникации // Обучение иностранному языку для профессиональных целей: традиции, инновации, перспективы: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Издательство "МЭИ", 2024. С. 14 – 22.
3. Власова Е.Е. Особенности передачи эмоционального содержания романа Джона Голсуорси «Собственник» в переводе с учетом невербального поведения персонажей // Глобальный научный потенциал. 2024. № 7 (160). С. 205 – 207.
4. Голсуорси Дж. Собрание сочинений в 16 томах. Т.1.: пер. Н. Волжановой. М.: Правда, 1962. 415 с.
5. Горностаева Ю.А., Колмогорова П.А. Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 1. С. 30 – 53.
6. Дмитриева Ю.В. Национально-культурная специфика невербального поведения английской, немецкой и русской этнолингвокультур // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (167). С. 168 – 177.
7. Кириллова Е.А. Взаимодействие паралингвистических и лингвистических средств в продвигающем дискурсе (пример эмоций блогеров) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10. № 4. С. 93 – 104.
8. Липатова Т.В. Вербальные и невербальные средства коммуникации и их место в системе языка (системно-типологический подход) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 115 – 125.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
10. Фицджеральд Ф.С. Романы / пер. Е. Калашниковой. Томск: Издательство ТГУ, 1990. 491 с.
11. Fitzgerald F. Scott. Tender is the Night. London: Penguin Books, 1997. 392 p.
12. Galsworthy J. Forsyte Saga. The Man of Property. Санкт-Петербург: КАРО, 2008. 606 с.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / edited by A.S. Hornby with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford: Oxford univ. press, 1981. 1041 p.

References

1. Vasnyatskaya E.A. The Role of Non-verbal and Verbal Components of Communication in Texts Reflecting Human Emotional Reactions and Their Relationship: Based on English Language Material: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.04. Ivanovo, 1999. 161 p.
2. Vlasova E.E. Zheleznyakova O.V. Features of Translation of Non-verbal Components of Communication. Teaching a Foreign Language for Professional Purposes: Traditions, Innovations, Prospects: Collection of Articles from the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Moscow: MPEI Publishing House, 2024. P. 14 – 22.
3. Vlasova E.E. Features of Conveying the Emotional Content of John Galsworthy's Novel "The Proprietor" in Translation Taking into Account the Non-verbal Behavior of the Characters. Global Scientific Potential. 2024. No. 7 (160). P. 205 – 207.
4. Galsworthy J. Collected Works in 16 Volumes. Vol. 1: Translated by N. Volzhanova. Moscow: Pravda, 1962. 415 p.

5. Gornostaeva Yu.A., Kolmogorova P.A. Comfort Gestures as Nonverbal Markers of Stress in Discussing a Sensitive Social Issue. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 30 – 53.
6. Dmitrieva Yu.V. National and Cultural Specificity of Nonverbal Behavior in English, German, and Russian Ethnolinguistic Cultures. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022. No. 4 (167). P. 168 – 177.
7. Kirillova E.A. Interaction of Paralinguistic and Linguistic Means in Promotional Discourse (An Example of Bloggers' Emotions). *Theoretical and Applied Linguistics*. 2024. Issue 10. No. 4. P. 93 – 104.
8. Lipatova T.V. Verbal and Non-verbal Means of Communication and Their Place in the Language System (A Systemic-Typological Approach). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2015. No. 4. P. 115 – 125.
9. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Edited by A.P. Evgenyeva. Moscow: Russian Language. Polygraphresources, 1999. 702 p.
10. Fitzgerald, F.S. Novels. Translated by E. Kalashnikova. Tomsk: TSU Publishing House, 1990. 491 p.
11. Fitzgerald, F. Scott. *Tender is the Night*. London: Penguin Books, 1997. 392 p.
12. Galsworthy, J. Forsyte. *Saga. The Man of Property*. St. Petersburg: KARO, 2008. 606 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Edited by A.S. Hornby with A.P. Cowie, A.C. Gimson. Oxford: Oxford University Press, 1981. 1041 p.

Информация об авторах

Власова Е.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Демьянова Ж.В., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

© Власова Е.Е., Демьянова Ж.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.133.1'373.45

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-60-66

¹ Воскобойникова Л.П.,

¹ Райхель П.А.,

¹ Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Н.А. Добролюбова

Функционирование англицизмов в журнальном дискурсе (на материале французского журнала *Psychologies*)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования англицизмов в журнальном дискурсе. Англоязычные заимствования в различных компонентах французского выпуска журнала *Psychologies* 2026 года (100 англицизмов в 185 текстовых фрагментах) анализируются с точки зрения их распределения по тематическим областям, степени и видам их ассимиляции, а также их кодификации в современных толковых словарях французского языка (*Larousse* и *Le Robert*). Анализ различных компонентов микроструктуры словаря (заглавных слов, аудиозаписей произношения, грамматических помет, дефиниций, иллюстративных контекстов и пр.) позволяет уточнить вид ассимиляции лексемы на данном этапе развития языка, а также наблюдать стадию вариативности на фонетическом, графическом и морфологическом уровнях. Выявлено, что журнальный дискурс весьма восприимчив к языковым инновациям: соотношение англоязычных заимствований, уже получивших лексикографическую фиксацию, и англицизмов, пока не зарегистрированных в толковых словарях, составило 2:1.

Ключевые слова: англицизмы, ассимиляция заимствований, лексикографическая фиксация, фонетическая ассимиляция, морфологическая ассимиляция, графическая ассимиляция

Для цитирования: Воскобойникова Л.П., Райхель П.А. Функционирование англицизмов в журнальном дискурсе (на материале французского журнала *Psychologies*) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 60 – 66. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-60-66

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Voskoboynikova L.P., ¹ Raikhel P.A.

¹ Nizhny Novgorod State Linguistics University
named after N.A. Dobrolyubov

Anglicisms in magazine discourse (exemplified by the French edition of *Psychologies*)

Abstract: the article focuses on the specific ways anglicisms function in the discourse of magazines. English borrowings in various components of a 2026 French edition of '*Psychologies*' (100 anglicisms in 185 contexts) are analyzed from the point of view of their semantic spheres, degree and type of assimilation, as well as their codification in modern French explanatory dictionaries (*Larousse* and *Le Robert*). The analysis of various components of the explanatory dictionary microstructure (headwords, pronunciation recordings, grammatical notes, definitions, illustrating examples etc.) enables us to specify the type of assimilation of a word at the given stage of language development and to observe the variation stage on the phonetic, graphical and morphological level. The study reveals that the magazine discourse is particularly susceptible to language innovations: the proportion of lexicographically registered English borrowings and those not yet registered in authoritative explanatory dictionaries is 2:1.

Keywords: anglicisms, assimilation of borrowings, lexicographic recording, phonetic assimilation, morphological assimilation, graphical assimilation

For citation: Voskoboynikova L.P. Raikhel P.A. Anglicisms in magazine discourse (exemplified by the French edition of *Psychologies*). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (9). P. 60 – 66. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-60-66

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Печатные СМИ, в частности, журналы об образе жизни, играют огромную роль в создании массовой культуры и конструировании социальной реальности [4, с. 8-9, 3, с. 45-48, 52-55]. Подобные печатные издания не только воспроизводят культурные ценности и нормы, но и чутко реагируют на социальные изменения в обществе, а также фиксируют языковые инновации, которые могут ещё не находить своего отражения в словарях. Таким образом, журнальный дискурс представляется актуальным и перспективным материалом для изучения функционирования англицизмов в современном французском языке.

Объектом изучения в статье являются англицизмы как важнейший пласт лексических заимствований, используемых авторами журнальных статей. Предмет исследования – особенности ассимиляции англицизмов в принимающем языке, проявляющиеся в разнообразных рубриках журнала об образе жизни.

Цель настоящей работы – изучение особенностей функционирования англицизмов в современной французской журнальной прессе. Данная цель подразумевает решение следующих задач:

- проанализировать англоязычные заимствования в современном французском журнале с точки зрения их представленности в различных компонентах издания и их тематической отнесённости, а также с точки зрения степени и вида их ассимиляции;
- установить, все ли англицизмы, присутствующие в журнальном дискурсе, зафиксированы лексикографически.

Материалы и методы исследований

В отечественной лингвистике в последние десятилетия материалом анализа становились разнообразные французские периодические издания как общественно-политического характера, так и журналы об образе жизни. В частности, функционирование англицизмов рассматривалось на материале газет *Le Monde*, *Le Parisien* и *Le Figaro*, глянцевого журнала *Elle* [1], еженедельного иллюстрированного журнала новостей *Paris Match* [1, 2], информационного журнала о культуре, политике и общественной жизни Франции *Label France* [2], общественно-политического еженедельника *L'Obs* [6, 7, 8]. Популярный французский журнал *Psychologies* также фигурирует в качестве материала ряда исследований [5], но не в качестве источника анализа с точки зрения функционирования заимствований в его текстах.

В качестве материала для данного исследования выбран январский выпуск французского журнала *Psychologies* 2026 года общим объёмом 132 страницы [13]. Основанный во Франции в 1970 году, к настоящему времени этот международный журнал, издаваемый в пяти странах, стал одним из эталонных публицистических изданий в области психологии и образа жизни [11]. В результате сплошной выборки из журнала было отобрано сто единиц из всех структурных компонентов журнала (текстов статей, заголовков, примечаний, рекламных секций, выходных сведений и информации для подписчиков), при этом общее количество текстовых фрагментов, включающих данные единицы, составило 185. Из анализа исключено большинство лексем, заимствованных из английского языка ранее XX века (*budget*, *gang*, *interview*, *jury*, *magazine*, *rallies*, *snob*, *stop*, *tabou*, *toboggan*), при этом время заимствования проверялось по данным корпуса *Centre National de ressources textuelles et lexicales* [9].

В соответствии с поставленными задачами, исследование лексикографической фиксации заимствований и специфики функционирования англицизмов в журнальных текстах проводилось с применением метода сплошной выборки, сравнительно-сопоставительного анализа, фонетического анализа аудиозаписей произношения слов, контекстуального анализа и дефиниционного анализа.

Результаты и обсуждения

Англицизмы широко используются во многих компонентах анализируемого журнала, не только в текстах статей. В частности, одиннадцать англицизмов фигурируют в двенадцати подзаголовках: «*Shopping lumineux*»; «*Shopping nourrissant*»; «*...et un podcast*»; «*Parce que l'alcool c'est (presque) has been*»; «*Des aliments favorisent le stress...*»; «*Challenger ses critères*»; «*Le triomphe de la raison et du happy end*»; «*Le layering*»; «*La glass skin des Koréennes*»; «*Les sleeping masks*»; «*Les pads et les patches*»; «*La CC cream*». Три англоязычных заимствования зарегистрировано в названиях статей: «*Changer de job*»; «*Le jazz fait swinguer le massif*». В рекламных секциях использованы четыре англицизма: «*Les rennes du streaming*»; «*Flashez pour en*

savoir plus»; «**Podcasts éducatifs**»; «**Coaching et conseil capillaire personnalisé par des expert.es**».

Ещё десять англицизмов используются в выходных сведениях журнала, содержащих информацию о сотрудниках редакции, контактные данные представительств журнала в разных странах и пр.: **e-mail, digital, responsable éditorial web, responsable digital, responsable marketing, chef de produit marketing abonnement, traffic manager, community manager, CEO, chief content officer**. Шесть единиц использованы в информации для читателей на страницах с бланками подписки: *email / e-mail* (4 вхождения); *mail, marketing* (по 2 вхождения); *flasher, SMS, scotch*.

Рассмотрим распределение отобранных лексем по тематическим областям, что поможет проследить некоторые тенденции в рамках настоящего издания.

Вопреки ожиданиям, лишь девять англицизмов из ста непосредственно относятся к семантическому полю «психология»: *stress* (всего 12 вхождений), *burn-out* (4 вхождения), а также единичные примеры *borderline, insécore, stressé*. Стоит отдельно отметить термины, используемые при цитировании исследований иностранных учёных: *la self-esteem* (при ссылке на американские исследования), *self-cherishing* (при упоминании китайских исследований), *un «faux self»* и *le «vrai self»* (при отсылке к теории британского психоаналитика Дональда Винникота).

Шестнадцать англицизмов обозначают реалии, связанные с компьютерными технологиями: *un mail* (7 вхождений); *un email / e-mail, un podcast* (по 5 вхождений); *flasher, un SMS, un like* (по 2 вхождения); *digital, streaming, replay, un selfie, un GIF, un digital native, des «swipes», des «matches», des «tchats», un blog*.

В разделе, посвящённом индустрии красоты, обнаружено тринадцать заимствованных наименований: *LED* (14 вхождений); *la K-beauty, les patches* (по 3 вхождения); *les pads, shopping* (по 2 вхождения), *le layering, la glass skin, glow, les sleeping masks, SPF, la CC cream, avant-shampooing, un applicateur roll-on*.

Двенадцать единиц относятся к сфере деловых отношений: *marketing* (всего 6 вхождений), *job* (2 вхождения), *coaching, family friendly* (в сочетании *une entreprise family friendly*). Особенно широко в этой группе представлены названия профессий и должностей: *coach* (5 вхождений), *responsable éditorial web, responsable digital, responsable marketing, chef de produit marketing abonnement, traffic manager, community manager, CEO, chief content officer, responsable brand image, retail education manager, membre de l'équipe creative buying*.

Ряд англицизмов зафиксирован также в следующих тематических группах:

- музыка, танцы и изобразительное искусство (10 единиц): *le jazz* (7 вхождений), *swinger* (2 вхождения), *une rock star, écouter du rap, la K-pop, de style dixieland, blues, une expérience arty, des brunchs musicaux, des danseurs hip-hop*;

- литература и кинематограф (9 единиц): *un thriller* (3 вхождения), *casting, un tandem* (по 2 вхождения), *un best-seller, suspense, la dark romance, happy end, les cosy crimes, book clubs*;

- наименование трендов (6 единиц): *glam, glamming, glamour, coming out, dry january, la pop culture*;

- питание (5 единиц): *un scoby* (3 вхождения), *chips, healthy* (в словосочетании *les gourmets healthy*), *soda, starter*;

- средства передвижения (2 единицы): *un scooter, un skate*.

Шестнадцать единиц не имеют ярко выраженной привязки к определённому семантическому полю: *cocktail* (6 вхождений), «*feel good*» (3 вхождения); *week-end, OK, challenger, star* (по 2 вхождения); *camping, un panel, has been, best of, IRL, planning, le leadership, le puzzle, scotch, un jet-lag, kit de démarrage*.

В данной выборке представлены все три степени ассимиляции заимствований: ксенизмы (слабо адаптированные заимствования, находящиеся на периферии активного лексического запаса), перегинызмы и полностью ассимилированные заимствования. Среди них наиболее заметны ксенизмы, поскольку многие из них выделены графически (26 %): курсивом – 22 англицизма (*family friendly, has been, dry January, self-esteem, self-cherishing, digital native, glam, dark romance, cosy crimes, book clubs, K-beauty, K-pop, brand image, layering, glass skin, glow, sleeping masks, pads, retail education manager, creative buying, healthy, scoby*); кавычками – 4 единицы («*feel good*», *un «faux self»*, *le «vrai self»*, *le «glamping»*).

Некоторые ксенизмы могут оказаться, по мнению редакторов, неизвестными читателям, поэтому такие единицы сопровождаются пояснением: *self-cherishing* et que l'on pourrait traduire par «autotendresse»; *IRL (in real life, en vraie vie)*; *les cosy crimes* («crimes douilletts», par exemple...); *la K (Korean)-beauty*; [La glass skin des Koréennes] Traduction littérale : un aspect de peau aussi translucide que le verre; *glow* ou lumière; *un scoby*, également appelé «mère de kombucha»; *le «glamping»* (contraction de glamour et camping). Последний пример представляет особый интерес, так как лексема *glamping* образована путём телескопического сращения, и редакция поясняет читателю, из каких единиц состоит слово – *glamour* и *camping*. Сами же эти единицы, хотя и являются англицизмами, дополнительной расшифровки уже не требуют.

Важным признаком того, что англицизм входит в систему языка, а не окказионально употребляется отдельными его носителями, служит его лексикографическая фиксация. Обратимся к словарям [10, 12], чтобы установить, какие из анализируемых лексем уже получили лексикографическое описание.

Ниже в таблице представлено соотношение числа англицизмов из анализируемого журнала в зависимости от их фиксации лексикографами в изданиях *Larousse* и *Le Robert*. При этом в подсчёты включены не только однословные номинации, но и устойчивые сочетания, полностью состоящие из заимствованных единиц и сохранившие несвойственный французскому языку порядок слов, в частности, определение в препозиции (*digital native*, *community manager*, *traffic manager*, *pop culture* и пр.), в том числе полукальки *faux self* и *vrai self*. В свою очередь, словосочетания, которые включают англицизм и исконный элемент и при этом соответствуют синтаксическим правилам французского языка (*responsable éditorial web*), считаются представленными в словаре, даже если входящий в сочетание англицизм (*web*) зафиксирован только как самостоятельная входная единица.

Таблица 1

Представленность англицизмов из журнала *Psychologies* в современной лексикографии (100 англицизмов / 185 вхождений).

Table 1

Recording of Anglicisms from the *Psychology Magazine* in Modern Lexicography (111 anglicisms / 185 contexts).

Оба словаря	Только <i>Larousse</i>	Только <i>Le Robert</i>	Отсутствуют
57 англицизмов (57%)	3 англицизма (3%)	4 англицизма (4%)	36 англицизмов (36%)
134 вхождения (72,4%)	3 вхождения (1,65%)	5 вхождений (2,75%)	43 вхождения (23,2%)

Как видим, более трети англицизмов (36,4 %), используемых авторами журнала *Psychologies*, до сих пор не зарегистрированы в авторитетных французских словарях, а доля англицизмов, которые не фиксируются либо в одном из двух изданий, либо ни в одном из них, составляет более 40 % в проанализированном материале.

Обратимся к видам ассимиляции на примере англицизмов из рассматриваемого журнала. Анализ заимствований с точки зрения *фонетической ассимиляции* проводился только в англицизмах, зафиксированных в словарях (всего 64 единицы).

Лишь в четырёх случаях из шестидесяти четырёх произношение лексем не претерпело существенных изменений, так как все звуки этих единиц существуют в обоих языках, по крайней мере в виде сходных по артикуляции звуков (англ. [æ] – фр. [a], англ. [e] – фр. [ɛ]), а также ритмическая структура слова не противоречит нормам французского ударения: *blog* [blɔg], *glam* [glam], *SMS* [ɛsɛ'mes], *web* [web].

Так как французскому языку свойственно окситоническое ударение, во всех заимствованиях последний слог становится ударным: *flasher*, *gla'mour*, *pa'nel*, *pod'cast*, *sel'fie*. Гласные утрачивают смысловую оппозицию по долготе и краткости: например, [ɔ] в *borderline*, [i] в *has been*.

Ряд отобранных единиц по правилам французского языка должны читаться с носовым гласным. В некоторых словах это правило соблюдено (*camping* [kɑ̃piŋ], *challenger* [ʃalɛ̃ʒe], *glamping* [glɑ̃piŋ], *shampooing* [ʃɑ̃pwɛ̃]), а другие произносятся с ротовым гласным (*brunch*, *dixieland*, *happy end*, *suspense*, *swinger*). Англицизмы *weekend* и *happy end* чаще произносятся без носового звука, но *Larousse* предлагает два варианта произношения: [wikɛnd] / [wekɑ̃], [apjɛnd] / [apjɑ̃nd].

Суффикс *-er*, произносящийся в английском как нейтральный звук *schwa*, во французском превращается в сочетание звуков [œv] в безударном слоге (*leadership*) или [œ:v] в ударном (*best-seller*, *community manager*, *scooter*, *thriller*).

Во французском языке нет дифтонгов, и изначально содержавшие их англицизмы адаптировались в принимающем языке различными способами.

1. Монофтонгизация дифтонга присутствует в следующих лексемах:

англ. [eɪ] → фр. [ɛ] *cocktail* [kɔktɛl], *e-mail* [imɛl]; англ. [ɔɪ] → фр. [e] *K-pop* [kerɔp], *OK* [ɔke], *replay* [ʁipɛl]; англ. [ou] → фр. [ɔ] *soda* [sɔda].

2. Превращение глайда дифтонга в отдельный звук наблюдается в следующих англицизмах: англ. [aɪ] → фр. [aj]: *borderline* [bɔ̃kɔvɛlajn], *like* [lajk]; англ. [au] → фр. [a'u]: *burn-out* [bɔ̃kna'ut].

3. В ряде случаев словари фиксируют два варианта произношения лексем, с монофтонгизацией и с сочетанием двух отдельных звуков: *mail* [mɛl] / [mɛjl], *coach* [kɔtʃ] / [koutʃ], *coaching* [kɔtʃiŋ] / [koutʃiŋ], *skate* [sket] / [skejt].

Буквосочетание *-ing* часто произносится с сохранением английского сонорного [ŋ]: [iŋg] (в словах *cast-*

ing, marketing, shopping, camping) либо [ɪŋ], напоминающее сочетание [ɪn]: *streaming*. В двух лексемах на -*ing* варианты, предлагаемые словарями, не совпадают, при этом не прослеживаются предпочтения лексикографами одного из вариантов ассимиляции: *planning* – *Larousse* [planɪŋ], *Le Robert* [planɪŋ]; *glamping* – *Larousse* [glɑ̃piŋ], *Le Robert* [glɑ̃piŋ].

Также различными способами ассимилируются аффрикаты. Звук [dʒ] либо произносится как сочетание согласных [d] и [ʒ], звучащее почти идентично звуку языка-донора (*community manager, jazz, jet-lag, job*), либо упрощается до щелевого [ʒ] (*digital, GIF, challenger*). Аналогично, согласный [tʃ] может сохраниться (*brunch, coach, coaching, patch, scotch, tchat*) или спирантизироваться в [ʃ] (*challenger, chips*).

Согласный *r* трансформируется в увулярное [ʁ]: *arty, borderline, rap, star, stress*. Отсутствующий во французском звук [h] не произносится (*has been, happy end, hip-hop*), а межзубный [θ] заменяется на [t] или [s] (*thriller*). Конечные согласные *s* и *t*, наоборот, чаще читаются (*chips, tchat*), но в лексеме *kit* [t] не произносится.

Фонетическая ассимиляция часто происходит с опорой на орфографию слова: в *community manager* вместо английского [ju:] читается [y], в сочетании *best of* конечный согласный не озвончается и произносится как [f], *suspense* в первом слоге приобретает звук [y] вместо *schwa*, а в словосочетании *happy end* звук [i] подвергается йотизации: [apjɛnd]. Тем не менее, многие единицы адаптируются с учётом произношения языка-источника: *blues* произносится как [bluz], а не *[bly].

Эти принципы (следование фонетическим правилам принимающего языка или, наоборот, языка-первоисточника) могут применяться одновременно в одной лексеме. Так, *Le Robert* предлагает произносить *has been* как [azbin]: *h* не произносится, и ударение перенесено на последний слог, но в остальном произношение приближено к английскому. При этом в некоторых случаях произношение не похоже на исходное и не вполне объясняется правилами чтения, применяемыми к исконно французским словам. Например, *Larousse* предлагает произносить *has been* как [abɛn], при том что звук [ɛ] в данной позиции не мотивирован нормами ни английского, ни французского языка. Другой яркий пример – лексема *puzzle*, у которой в обоих словарях зафиксировано произношение [pøzœl]. Вероятно, появление звука œ можно объяснить тем, что в английском языке сочетание -*zle* является слогаобразующим (*muta cum liquida*), а поскольку во французском языке этот слог становится ударным, в нём появляется эпентетический гласный (ср.: *people* [pipœl]).

Произношение аббревиатур также ассимилируется не единообразно. Так, *GIF* и *LED* во французском языке акронимы, читающиеся по французским правилам, хотя в английском языке *LED* является буквенной аббревиатурой. ОК, в английском произносится как [əu'keɪ], *Le Robert* упрощает до [œke] / [œki].

Подавляющее большинство рассматриваемых единиц не ассимилированы *графически*. Тем не менее, упрощено написание лексемы *shampooing* (англ. *shampooing*), а прилагательное *insécore* приобрело диакритический знак в соответствии с орфографическими нормами принимающего языка. Также примечательно, что в экзотизме *dry january* название месяца написано со строчной буквы, вопреки правилам английского языка (англ. *dry January*). Со строчной буквы во французском пишется и название джазового стиля *dixieland* (англ. *Dixieland*). Наконец, в журнале употреблены и слитный, и дефисный варианты написания *email* / *e-mail*, что говорит о нестабильном статусе данного слова во французском лексиконе.

Морфологическая ассимиляция проявляется прежде всего в том, что заимствованные глаголы приобретают парадигму первого типа спряжения: *flashez pour en savoir plus, flashez le code, on swingue, challenger*.

Однако основной пласт англицизмов представлен именами существительными: в журнальной выборке они составляют 73 %, что вполне сопоставимо с данными исследования Е.И. Кожевниковой (83 %) [2, с. 234]. Процент существительных в журнале может быть и более высоким: в контекстах не всегда достаточно данных, чтобы однозначно определить частеречную принадлежность некоторых лексем, не зафиксированных в словаре. Сложно установить часть речи единиц, используемых в роли определения и при этом относящихся к разным частям речи в языке-источнике: *applicateur roll-on, membre de l'équipe creative buying, soin avant-shampooing, étiquette feel good*. Заимствованные существительные приобретают категорию рода, при этом соотношение англицизмов мужского и женского рода примерно составляет 6:1:

- мужской род (62 лексемы): *best of, best-seller, blog, blues, borderline, brunch, burn-out, camping, casting, CEO, chief content officer, coach, coaching, cocktail, coming out, community manager, digital native, dixieland, dry january, e-mail / email, faux self, GIF, glamour, glamping, happy end, hip-hop, jazz, jet-lag, job, kit, layering, leadership, like, mail, marketing, panel, patch, planning, podcast, puzzle, rap, replay, retail education manager, scooter, scoby, scotch, selfie, shopping, skate, SMS, soda, starter, streaming, stress, suspense, tandem, tchat, thriller, traffic manager, vrai self, web, week-end*;

- женский род (11 примеров): *CC cream, chips, dark romance, glass skin, K-beauty, K-pop, LED, pop culture, rock star, self esteem, star*.

Род некоторых незафиксированных словарями лексем нельзя установить через их грамматическое окружение (*book clubs, les cosy crimes, glow, des matchs, les pads, les sleeping masks, SPF, des swipes, brand image, self-cherishing* – всего 10 случаев).

Существительные, оканчивающиеся на шипящий, которые в английском языке употребляются с флексией *-es* во множественном числе, в журнале использованы с окончанием *-s*: *matchs, patches, brunchs*.

Среди десяти прилагательных-англицизмов (*arty, digital, family friendly, glam, has been, healthy, insécure, IRL, OK, stressé*) особого комментария заслуживает прилагательное *insécure*. Хотя оно заимствовано из английского языка, его морфемы существуют в языке-реципиенте. Вероятно, поэтому оно согласуется с существительным в числе: *attachements insécures*. Категорию числа, однако, приобретают не все заимствованные из английского прилагательные: *les gourmets healthy*. Как видим, в системе прилагательных морфологическая ассимиляция не так ярко выражена, как в системе имён существительных и глаголов.

Выводы

Анализ журнала *Psychologies* позволяет сделать следующие выводы о статусе англицизмов в журнальном дискурсе.

1. Медиа-пространство чутко реагирует на изменения в языке, максимально отражая дух современности, и англицизмы активно используются авторами журнала в различных его рубриках и компонентах.

2. Англоязычные заимствования присутствуют в разнообразных семантических областях, среди которых наиболее широко представлены тематические группы, связанные с компьютерными технологиями, с индустрией красоты и с деловыми отношениями, при этом лидером по количеству вхождений является слово *stress*.

3. Более четверти англицизмов выделяются графически, а ряд ксенизмов сопровождается комментариями, поясняющими их значение для читателя.

4. Более трети англицизмов в проанализированном материале пока не зафиксированы лексикографически, что говорит о том, что они трактуются прескриптивными словарями как чужеродные для языковой системы элементы.

5. Почти все англицизмы в той или иной степени ассимилируются фонетически, многие морфологически (особенно глаголы и существительные), но лишь немногие заимствования из английского языка подвергаются графической ассимиляции.

Таким образом, несмотря на свой специфический статус в лексике французского языка, англицизмы становятся его неотъемлемой частью.

Список источников

1. Волкова М.Г., Козлова Д.О. Англицизмы в современном французском языке (на материале прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. II. С. 73 – 76.
2. Кожевникова Е.И. Грамматическая ассимиляция англо-американских заимствований по категории рода в современном французском языке (на материале журнальных статей) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб: Изд-во РГПУ, 2008. С. 233 – 236.
3. Лалетина А.О. Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 2007. 185 с.
4. Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемеровский гос. ун-т. Томск, 2005. 22 с.
5. Ротару И.И. Позиционирование интернационального бренда СМИ на рынке двух стран: сходства и различия (на примере журнала «Psychologies») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 2 (4). С. 39 – 40.
6. Шумакова А.Н. О некоторых особенностях англицизмов во французской прессе // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2016. Вып. 9 (748). С. 17 – 33.
7. Шумакова А.Н. Англицизмы и американизмы в современном политическом языке (на материале французского журнала *L'Obs*) // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17 (815). С. 194 – 203.
8. Шумакова А.Н. Функционирование англицизмов в статьях о выборах во Франции в 2017 г. (на материале журнала *L'Obs*) // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 3 (802). С. 139 – 149.
9. Centre national de ressources textuelles et lexicales // URL: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 29.04.2026).

10. Larousse: Dictionnaire de français // URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 17.05.2026).
11. Le magazine Psychologies: Bien se connaître pour mieux vivre sa vie // URL: <https://www.psychologies.com/Le-magazine-Psychologies-Bien-se-connaître-pour-mieux-vivre-sa-vie> (дата обращения: 12.05.2026).
12. Le Robert: Dictionnaire gratuit de la langue française // URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения: 19.05.2026).
13. Psychologies. Imprimé en France: Agir Graphic. № 477, janvier 2026. 132 p.

References

1. Volkova M.G., Kozlova D.O. Anglicisms in modern French (based on press material). Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2014. No. 4 (34). Part II. P. 73 – 76.
2. Kozhevnikova E.I. Grammatical assimilation of Anglo-American borrowings according to the category of gender in modern French (based on journal articles). Izvestia of the Russian State University. ped. University named after A.I. Herzen. St. Petersburg: Publishing house RGPU, 2008. P. 233 – 236.
3. Laletina A.O. Linguistic construction of gender in lifestyle magazines based on the English language: dis. ...cand. Philol. Sci. Nizhny Novgorod State Linguistic University named after. N.A. Dobrolyubova. N. Novgorod, 2007. 185 p.
4. Myasnikov I.Yu. Genres of speech in the discourse of periodicals: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Kemerovo State univ. Tomsk, 2005. 22 p.
5. Rotaru I.I. Positioning of an international media brand in the market of two countries: similarities and differences (using the example of the magazine “Psychologies”). Sign: problem field of media education. 2009. No. 2 (4). P. 39 – 40.
6. Shumakova A.N. On some features of Anglicisms in the French press. Bulletin of the Moscow State University. linguistic un-ta. 2016. Issue. 9 (748). P. 17 – 33.
7. Shumakova A.N. Anglicisms and Americanisms in modern political language (based on the French magazine L’Obs). Bulletin of the Moscow State University. Linguistic University. Humanities. 2018. Vol. 17 (815). P. 194 – 203.
8. Shumakova A.N. The functioning of Anglicisms in articles about the elections in France in 2017 (based on the material of the magazine L’Obs). Bulletin of the Moscow State University linguistic un-ta. Education and pedagogical sciences. 2018. Vol. 3 (802). P. 139 – 149.
9. Center national de ressources textuelles et lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/> (accessed: 29.04.2026).
10. Larousse: Dictionnaire de français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed: 17.05.2026).
11. Le magazine Psychologies: Bien se connaître pour mieux vivre sa vie. URL: <https://www.psychologies.com/Le-magazine-Psychologies-Bien-se-connaître-pour-mieux-vivre-sa-vie> (accessed: 12.05.2026).
12. Le Robert: Dictionnaire gratuit de la langue française. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (accessed: 19.05.2026).
13. Psychologies. Imprimé en France: Agir Graphic. No. 477, January 2026. 132 p.

Информация об авторах

Воскобойникова Л.П., кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Райхель П.А., Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (французский) (филологические науки)

УДК 81'2

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-67-74

¹ Гайдарлы Н.

¹ Государственный университет
просвещения

Лингвокогнитивная репрезентация отношений человека и природы в неологизмах экологического дискурса (на материале французского языка)

Аннотация: в статье рассматривается лингвокогнитивная репрезентация отношений человека и природы в новейшей экологической лексике французского языка. Актуальность исследования обусловлена интенсивным обновлением экологического дискурса, в котором новые слова и терминологические сочетания не только называют технологии, риски и общественные практики, но и закрепляют определённое распределение ролей между человеком и природной средой. Цель статьи состоит в выявлении способов языкового представления причинности, ответственности, управления, восстановления и взаимозависимости в системе французских экологических неологизмов. Материалом послужил авторский корпус единиц, систематизированных по 16 концептуально-тематическим областям. В работе применяются компонентный, словообразовательный, контекстуальный и лингвокогнитивный методы анализа. Установлено пять основных способов репрезентации отношений человека и природы: деструктивно-каузативный, управленческо-учётный, нормативно-ответственный, восстановительно-адаптивный и эмоционально-экзистенциальный. Результаты позволяют увидеть, что выделенные типы по-разному распределяют активную роль. В одних номинациях человек прямо назван причиной ущерба; в других он выступает тем, кто измеряет природные процессы и принимает решения. Отдельные группы закрепляют за ним экологическую обязанность или связывают его действие с восстановлением нарушенных функций. Наконец, часть лексики описывает изменение среды через переживание самого человека. Словообразовательный материал также оказался значимым: *éco*- регулярно вводит экологическую оценку, *zéro*- обозначает предельную цель, *re-/ré*- и *dé-/dés*- задают возвращение либо устранение, а существительные на *-ité* оформляют свойство как норму. Анализ показывает, что в новой лексике сохраняется взгляд на природу как объект регулирования, однако наряду с ним развивается представление о взаимной зависимости природных процессов и человеческой деятельности.

Ключевые слова: французская экологическая неология, отношения человека и природы, лингвокогнитивная репрезентация, распределение агентности, экологическая ответственность, формант *éco*-, экологический дискурс

Для цитирования: Гайдарлы Н. Лингвокогнитивная репрезентация отношений человека и природы в неологизмах экологического дискурса (на материале французского языка) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 67 – 74. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-67-74

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Gaidarly N.

¹ Federal State University of Education

Linguocognitive representation of human-nature relations in environmental discourse neologisms (based on French-language material)

Abstract: the article examines the linguocognitive representation of human-nature relations in recent French environmental vocabulary. The relevance of the study is determined by the intensive renewal of environmental discourse, in which new words and terminological combinations not only name technologies, risks, and social practices but also encode a particular distribution of roles between humans and the natural environment. The aim of the article is to identify how causation, responsibility, management, restoration, and interdependence are linguistically represented in French environmental neologisms. The material comprises an author-compiled corpus arranged into 16 conceptual and thematic domains. Componential, word-formation, contextual, and linguocognitive methods are employed. Five major patterns of human–nature relations are identified: destructive-causative, managerial-accounting, normative-responsible, restorative-adaptive, and affective-existential. The results show that these patterns distribute the active role differently. In some nominations, humans are explicitly presented as the cause of environmental harm; in others, they act as agents who measure natural processes and make decisions. Separate groups assign environmental obligations to humans or associate their actions with the restoration of disrupted functions. Finally, part of the vocabulary describes environmental change through human experience. Word-formation is also significant: *éco-* regularly introduces an environmental evaluation, *zéro-* marks an ultimate target, *re-/ré-* and *dé-/dés-* express restoration or removal, while nouns in *-ité* present a property as a norm. The analysis indicates that recent vocabulary retains the view of nature as an object of regulation, while also developing an understanding of the interdependence between natural processes and human activity.

Keywords: French environmental neology, human-nature relations, linguocognitive representation, distribution of agency, environmental responsibility, *éco-* formant, environmental discourse

For citation: Gaidarly N. Linguocognitive representation of human-nature relations in environmental discourse neologisms (based on French-language material). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 67 – 74. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-67-74

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Экологическая неология фиксирует не только появление новых объектов и практик, но и перестройку способов говорить о месте человека в природной среде. В сочетаниях *changement climatique anthropique*, *empreinte carbone*, *écocitoyenneté*, *bioremédiation* или *santé planétaire* отношения человека и природы представлены через разные типы причинности, ответственности и взаимозависимости. Поэтому, с исследовательской точки зрения, важен не сам перечень «зелёных» слов, а то, как распределяются семантические роли: кто выступает источником изменения и кто испытывает его последствия, кто оценивает их ущерб и кому предстоит действовать. Данный подход исходит из современного понимания экологического дискурса, который рассматривается как пространство формирования ценностей и способов взаимодействия с окружающей средой [8, с. 246, 16, с. 199].

Исследования в области французской неологии описывают типы лексических инноваций, последствия «давления языковой системы» и продуктивность отдельных словообразовательных моделей [13, с. 175, 4, с. 29]. Новейшие словарные данные подтверждают особую динамичность экологической лексики: в неё входят как дериваты, так и семантические новообразования, а также заимствования и новые терминологические сочетания [15, 5, с. 2348]. Однако распределение единиц по группам в соответствии со способом их появления в языке не полностью раскрывает их когнитивную функцию и не объясняет, как построено их значение. Например, климатическая лексика может одновременно называть причинённый человеком ущерб, описывать показатели для расчёта этого ущерба или указывать на процесс, к которому необходимо приспособиться. Аналогично единицы, связанные с биоразнообразием, представляют природу то как утраченную ценность, то как объект восстановления, то как систему, способную участвовать в решении человеческих задач.

Объектом данного исследования является новейшая экологическая лексика французского языка. В качестве предмета рассматриваются те её семантические и словообразовательные особенности, которые позволяют судить о роли человека по отношению к природной среде. Цель работы – определить, кому и чему неологизмы приписывают действие, ущерб, обязанность или способность к восстановлению. Для этого будет сопоставлена ролевая структура единиц, прослежены оценочные значения продуктивных формантов, а также будет установлено, меняется ли в новой лексике представление о природе как об исключительно управляемом объекте.

Материалы и методы исследований

Материал исследования извлечён из авторского реестра современной французской экологической лексики. В него вошли отдельные слова и устойчивые сочетания: лексические и семантические новообразования, серийные дериваты, а также номинации, сравнительно недавно закрепившиеся в экологическом дискурсе. Материал распределён по 16 концептуально-тематическим областям. Наиболее многочисленна группа с *éco-* – 108 единиц. Наряду с ней учитывались образования с *bio-*, конструкции с *zéro-*, названия климатических рисков и способов адаптации к ним. Здесь же оказалась лексика декарбонизации, циркулярной экономики, восстановления биоразнообразия, экологического права и переживания экологического кризиса. Примеры отбирались из словарей, СМИ, научных публикаций и официальных текстов на французском языке [15, 5, с. 2348].

При анализе каждой единицы сначала выяснялось, что именно она называет. В одних словах был прямо назван источник изменения, в других – только результат, и тогда источник приходилось восстанавливать из значения. Учитывалось также, на что направлено действие и присутствует ли оценка. Не менее важными были составные компоненты слова. Так, приставка *éco-* обычно сообщает, что предмет или действие оценивается с экологической точки зрения. Приставка *zéro-* задаёт предел, то есть результат, при котором чего-либо не должно остаться вообще, а *re-/ré-* указывается на возвращение утраченного состояния или функции.

При этом категории не рассматривались как изолированные классы [2, с. 87, 1, с. 113]. Хорошо это видно на примере *écoconception*. С одной стороны, это проектирование продукта, следовательно, управление производством. Но в значение входит и предупреждение будущего ущерба. Более того, учитывается не только сам продукт, а весь путь от его создания до использования и утилизации. Поэтому одна единица может одновременно относиться к управлению, ответственности и предотвращению вреда.

Слова были сгруппированы на основании того, какое место в их значении занимает человек. Где-то он сам является причиной нарушения, хотя может быть и не назван непосредственно. В других случаях он измеряет природные процессы, составляет показатели и затем на основании этих показателей принимает решения. Есть и слова, в которых на первый план выходит обязанность: человеку сообщается, как он должен действовать. В названиях восстановительных практик ситуация опять меняется: человек остаётся действующей стороной, но теперь он должен не осваивать природную систему, а вернуть ей утраченную функцию или хотя бы не мешать её собственным процессам. Наконец, некоторые неологизмы вообще показывают экологическое изменение через состояние человека – например, через тревогу или чувство утраты. Исходя из этого в материале были выделены деструктивно-каузативный, управленческо-учётный, нормативно-ответственный, восстановительно-адаптивный и эмоционально-экзистенциальный типы.

Результаты и обсуждения

1. Деструктивно-каузативное отношение. В *changement climatique anthropique* источник изменения назван прямо через прилагательное, восходящее к греческому *anthropos* «человек». В *déforestation importée* причинная связь устроена сложнее, поскольку вырубка происходит в одном месте, а деятельность, ради которой она происходит, может осуществляться совсем в другом. *Pollution numérique* также интересно тем, что цифровая деятельность обычно не воспринимается как прямое воздействие на природу, хотя именно так она представлена в этом сочетании.

Ещё интереснее устроены *empreinte carbone*, *empreinte hydrique* и *empreinte numérique*. Лексема *empreinte* означает «след»; след должен быть оставлен кем-то или чем-то, но фактически получается, что субъект отсутствует в означающем и одновременно присутствует в означаемом. В *changement climatique anthropique* человек назван открыто, в сочетаниях с *empreinte* он восстанавливается через результат своей деятельности.

Сочетания *dette climatique* и *responsabilité climatique* продолжают эту логику, но уже с другой стороны. Если есть климатический долг, значит, предполагается тот, кто этот долг получает, и тот, перед у кого его берут. *Responsabilité climatique* прямо указывает на ответственность за последствия. В *justice climatique* появляется ещё и вопрос о справедливости: последствия климатических изменений распределяются неодинаково, и сильнее всего они могут затрагивать отнюдь не тех, кто внёс наибольший вклад в их возникновение.

На общем фоне также выделяется *écocide*. Компонент *-cide* здесь нельзя считать нейтральным: он обличает разрушение экосистемы с убийством. Поэтому слово не просто называет серьёзный экологический ущерб, но сразу его оценивает, причём предельно отрицательно. Возникает и правовое значение, поскольку *écocide* всё чаще используется именно в обсуждении ответственности за разрушение природных систем.

Номинации *crise climatique*, *effondrement de la biodiversité*, *sixième extinction*, *mégafeu* различаются по масштабу, но объединены тем, что указывают на природу как жертву ущерба: климат входит в кризис, биоразнообразие разрушается, виды исчезают, природные территории охватывает огонь. Человек при этом подразумевается как виновник этих процессов, и сразу же возникает вопрос об его ответственности, поэтому деструктивно-каузативный тип уже содержит переход к нормативно-ответственному.

2. Управленческо-учётное отношение. В довольно большой части корпуса природа описывается через измерение и расчёт: *biocapacité planétaire*, *budget carbone*, *comptabilité carbone*, *capital naturel*, *actif naturel*, *service écosystémique*, *crédit biodiversité*, *éco-score*. Взятые из разных областей слова объединяет язык экономики и отчётности. Человек здесь выступает измеряющим и управляющим субъектом, а природа – системой ресурсов, потоков и показателей. Метафорический перенос из финансовой сферы делает экологические характеристики сопоставимыми и включает их в процедуры принятия решений. Так, *éco-score* или *indice de réparabilité* сжимают сложный жизненный цикл вещи до обозримого индикатора, адресованного потребителю или регулятору.

Эта конфигурация внутренне амбивалентна. С одной стороны, термины *énergie verte*, *économie verte*, *finance verte* обеспечивают институционализацию экологических критериев в энергетике, праве и экономике [9, 7, с. 17]. С другой стороны, единицы *capital naturel*, *marché biodiversité*, *paiement pour services écosystémiques* сохраняют антропоцентрическую оптику: ценность природной системы описывается через полезность и возможность расчёта. Показательно, что и названия возобновляемой энергии нередко обсуждаются вместе с её *empreinte écologique* [14]. Само включение природного объекта в расчёт делает ущерб более видимым, но одновременно сохраняет за человеком позицию того, кто определяет его стоимость и допустимый предел.

3. Нормативно-ответственное отношение. Здесь особенно заметны слова с приставкой *éco-*, причём они называют уже не столько нанесённый природе ущерб, сколько человека и его обязанности. Например, *écocitoyen* – это сам человек, тогда как *écocitoyenneté* обозначает скорее принцип его поведения. Похожее различие наблюдается между *écoresponsable* и *écoresponsabilité*: в первом случае речь идёт о признаке человека, организации или действия, во втором – уже о самой ответственности как закреплённом требовании. Однако этим данная группа не исчерпывается. *Écogeste* и *écoconduite* относятся к конкретным повседневным поступкам, а *écoconditionnalité* и *écofiscalité* выводят экологическое требование на уровень государственного и экономического регулирования. Получается, что один и тот же компонент *éco-* соединяется с очень разными основами. Он не просто сообщает, что слово «связано с экологией», а добавляет оценку: действие должно соответствовать некоторому экологическому требованию.

В этом отношении особенно интересен *écocitoyen*. Быть гражданином обычно предполагает связь человека с государством, его права и обязанности. В *écocitoyen* эта связь как будто расширяется: у гражданина появляются обязанности не только перед государством или другими людьми, но и перед средой, в которой он живёт [12]. Именно поэтому данная номинация не вполне совпадает с обычным *citoyen*. Экологический компонент здесь меняет само содержание гражданства.

Сходная идея присутствует в формуле *notre maison commune* [11]. Если дом общий, то его состояние тоже становится общим делом. Метафора достаточно простая, но она хорошо показывает переход от принадлежности к ответственности: недостаточно просто находиться в этом «доме», предполагается ещё и участие в его сохранении.

В *zéro déchet* и *zéro émission* компонент *zéro* указывает на цель, при которой отходы или выбросы отсутствуют; для значения самой номинации важен не столько результат, сколько именно стремление к пределу. *Neutralité carbone* устроено несколько иначе. Здесь речь идёт не об абсолютном отсутствии выбросов, а о достижении определённого баланса. Поэтому *zéro* и *neutralité* задают экологическую норму по-разному, хотя оба компонента указывают на желаемый итог.

Наконец, *transition juste*, *justice énergétique* и *droit à l'eau* показывают ещё одну сторону вопроса. Экологичность не может достигаться каким угодно способом. Например, энергетический переход может быть полезен с точки зрения сокращения выбросов, но при этом создавать новые социальные проблемы. Поэтому появляется требование справедливости. В результате экологическая ответственность относится не только к отдельному человеку и к его ежедневным поступкам. Она затрагивает политические решения, экономические механизмы и работу институтов [3, с. 80].

4. Восстановительно-адаптивное отношение. В эту группу вошли названия вполне конкретных процессов: *bioremédiation*, *biorestauration*, *biodépollution*, *renaturation des cours d'eau*, *reméandrage*, *désimperméabilisation*. Их объединяет направленность не на освоение нового природного объекта, а на исправление уже возникшего нарушения. Значение повторного или обратного действия регулярно поддерживается элементами *re-/ré-*; *dé-/dés-* указывает на устранение ограничения, например, непроницаемости почвы. Поэтому речь идёт не об общей метафоре лечения природы, а о наборе процедур, различающихся объектом и способом работы. Человек по-прежнему действует, однако целью становится возвращение системе возможности функционировать без постоянного внешнего контроля.

В этой группе прослеживается и другая линия – приспособление практики к работе природной системы. Это особенно заметно в *solution fondée sur la nature*, *ville éponge*, *corridor écologique*, *trame verte* и *agroécologie*: природный процесс здесь уже не просто объект воздействия, а условие, которое учитывается при выборе решения. Город должен учитывать водный цикл, земледелие – свойства живой почвы, пространственное планирование – миграцию видов. Единицы *économie régénérative*, *gain net de biodiversité*, *nature positive* задают более серьёзную цель чем сокращение вреда: результатом должно стать увеличение экологического потенциала. Неологизм *écoconception* занимает промежуточное положение, поскольку соединяет управление жизненным циклом продукта с предупреждением ущерба уже на этапе проектирования [6, с. 52].

К этой же логике относятся *réemploi*, *seconde vie*, *réparabilité*, *droit à la réparation*, *économie circulaire*. Их прямой объект – созданная человеком вещь, однако когнитивный эффект состоит в изменении линейного сценария «изъятие ресурса – производство – отход».

5. Эмоционально-экзистенциальное отношение. Психологическая область корпуса показывает, что природа осмысливается не только как внешний объект. Неологизмы *écoanxiété*, *solastalgie*, сочетания *deuil écologique*, *détresse climatique*, *culpabilité écologique* называют состояния человека, вызванные реальным или ожидаемым изменением среды. Эти единицы важны тем, что последствие локализуется не только во внешнем мире. *Solastalgie* связывает изменение знакомого ландшафта с утратой жизненной опоры, а *écoanxiété* и *détresse climatique* называют тревогу, которая возникает ещё до предполагаемого события.

Иной, положительный, ряд образуют *écophilie*, *biophilie*, *reconnexion à la nature*, *bain de forêt* и *écothérapie*. В этих номинациях природа выступает не источником опасности, а средой, контакт с которой поддерживает человека. Особенно заметно изменение ролей в терминах *santé planétaire*, *santé environnementale* и *une seule santé / One Health*. Они объединяют здоровье людей, животных и экосистем в одной понятийной области [17]. В результате привычное разграничение между человеком, который оказывает помощь, и природой, которой эта помощь адресована, перестаёт быть строгим: состояние каждой стороны зависит от состояния остальных.

При сопоставлении групп становится заметно постепенное изменение позиции человека: от источника нарушения и измеряющего субъекта – к носителю обязанности, участнику восстановления и, наконец, части общей системы. Этот ряд не является хронологией и не предполагает полного вытеснения одной конфигурации другой. В экологическом дискурсе они сосуществуют и вступают в напряжение. Так, *nature positive* репрезентирует необходимость восстановления, но результат по-прежнему оформляется как измеримый баланс; *solution fondée sur la nature* возвращает природе функциональную активность, однако выбор решения остаётся за человеком.

Словообразовательные средства компактно кодируют это перераспределение ролей. Формант *éco-* маркирует включение экологического критерия в идентичность, действие или продукт; начальный компонент *zéro-* задаёт недопустимость остаточного вреда, подразумевая полную его минимизацию; *re-/ré-* и *dé-/dés-* направляют действие к восстановлению или снятию нарушения. Существительные на *-ité* – *durabilité*, *circULARITÉ*, *neutralité*, *réparabilité*, *recyclabilité* – превращают желаемое свойство в абстрактную норму, которую можно обсуждать, измерять и институционализировать. Тем самым словообразование участвует не только в пополнении словаря, но и в когнитивной организации экологического действия.

Выводы

Проведённый анализ позволил увидеть, что человек занимает в экологической лексике далеко не одну позицию. Иногда именно с его деятельностью связывается возникновение ущерба (деструктивно-каузативная схема). В других единицах человек уже не разрушает природу непосредственно, а измеряет её состояние, вводит показатели и решает, какие действия необходимо предпринять (управленческо-учётная). Есть слова, которые прямо указывают на экологическую обязанность (нормативно-ответственная). В названиях восстановительных практик человек тоже остаётся активной стороной, однако его задача состоит уже в том, чтобы вернуть природной системе утраченную функцию или создать условия для её восстановления

(восстановительно-адаптивная). Наконец, экологические изменения затрагивают самого человека: они вызывают тревогу, чувство утраты или, напротив, стремление восстановить контакт с природой (эмоционально-экзистенциальная).

Поэтому и природа представлена в корпусе неодинаково. Она может быть тем, чему причинён ущерб. Её можно оценивать, рассчитывать её ресурсы и включать их в экономические показатели. В других случаях природа оказывается системой, способной восстанавливаться, хотя для этого ей нередко требуется прекращение или изменение человеческого вмешательства. В лексике, связанной со здоровьем и психологическим состоянием, природа уже не выглядит чем-то полностью внешним по отношению к человеку. Её изменение отражается на его собственном состоянии.

В исследованном материале постоянно встречаются два взгляда на эти отношения. Первый достаточно привычен: человек управляет, считает и определяет допустимые пределы воздействия. Природа при таком подходе остаётся объектом его решений. Но рядом существует и другой взгляд: человек зависит от процессов, которые происходят в природной системе, и далеко не всегда может полностью ими управлять, а иногда ему приходится менять собственную форму бытия.

Эти два взгляда не распределяются по разным и строго отделённым группам слов. Они могут присутствовать даже в одной единице. Например, восстановление природы организуется человеком и поэтому сохраняет идею управления, но одновременно предполагает признание способности природной системы к самостоятельной регуляции. То же самое наблюдается в словах с *éco-*, *zéro-*, *re-/ré-* и *dé-/dés-*. Они могут обозначать оценку, требуемый результат, возвращение утраченного состояния или устранение прежнего вмешательства. Существительные на *-ité*, в свою очередь, позволяют представить желаемое свойство как норму: *durabilité*, *neutralité*, *circularité* или *réparabilité* уже можно обсуждать, измерять и закреплять в правилах.

Экологические неологизмы, следовательно, интересны не только потому, что называют новые явления. В них сохраняется информация о том, кто вызвал изменение, кто должен на него реагировать и что именно считается правильным действием. Иногда это выражено прямо, иногда обнаруживается только при сопоставлении нескольких единиц. Именно поэтому новая экологическая лексика позволяет проследить, как меняется представление о месте человека в природной среде. За счёт этого природа всё чаще представляется не пассивным фоном человеческой деятельности, а системой, с которой эта деятельность непосредственно связана. Перспективным представляется дальнейший контекстуальный анализ того, какие из выявленных способов преобладают в официальном, медийном, научном и активистском поддискурсах французского языка.

Список источников

1. Баева Г.А., Байкова О.В. [и др.]. Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии: коллективная монография. Москва: Издательство Московского университета, 2024. 286 с.
2. Буженинов А.Э., Палийчук Д.А., Текнеджян Л.В., Шустова С.В. Категоризация и концептуализация: межсистемные отношения. Пермь: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования "Пермский институт экономики и финансов", 2022. 176 с.
3. Скуратов И.В., Полякова Н.В. Сохранение французского национального языка как стратегия активного созидательного творчества (на примере информатики и интернет-терминологии) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 3 (35). С. 77 – 86.
4. Скуратов И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке. М.: Московский государственный областной университет, 2021. 154 с.
5. Сокурова С.Н. Неологизмы французского языка в сфере экологии 2024-2025 годов (обзор толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 6. С. 2346 – 2352. DOI: 10.30853/phil20250330.
6. Abrassart C., Aggeri F. La naissance de l'éco-conception: Du cycle de vie du produit au management environnemental «produit» // Annales des Mines. 2002. Janvier. No. 25. P. 41 – 63. [Электронный ресурс] URL: <https://annales.org/edit/re/2002/re25/abresart41-63.pdf> (accessed: 18.10.2024).
7. Arcand B. La Loi ontarienne sur l'énergie verte et l'économie verte: un cas de politique industrielle verte réussi?: mémoire de maîtrise. Montréal: Université du Québec à Montréal, 2020. 120 p. [Электронный ресурс] URL: <https://www.researchgate.net/.../La-Loi-ontarienne-sur-lenergie-verte-et-leconomie-verte-Un-cas-de-politique-industrielle-verte-reussi.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
8. Balnat V., Gérard C., dir. Néologie et Environnement. revue «Neologica». Paris: Classiques Garnier, 2022. 288 p. № 16. [Электронный ресурс] URL: <https://www.classiques-garnier.com/...> (дата обращения: 18.10.2025).

9. C'est quoi les énergies renouvelables et quels sont leurs impacts? // AtmoSud. 2024. 12 mars. [Электронный ресурс] URL: <https://www.atmosud.org/actualite/cest-quoi-les-energies-renouvelables-et-quels-sont-leurs-impacts> (дата обращения: 18.10.2025).
10. Dictionnaires Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires> (дата обращения: 18.10.2024).
11. Discours du Président de la République Emmanuel Macron au Sommet Action Climat des Nations Unies // Site officiel de l'Élysée. 2019. 23 septembre. [Электронный ресурс] URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/09/23/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-au-sommet-action-climat-des-nations-unies> (дата обращения: 18.10.2025).
12. Être écocitoyen // Ministère de la Transition écologique et de la Cohésion des territoires. 2023. 15 mai. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ecologie.gouv.fr/etre-ecocitoyen> (дата обращения: 18.10.2025).
13. Gilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 287 p.
14. Les énergies renouvelables sont-elles vraiment écologiques? // Energies Ethiques. 2024. 6 décembre. [Электронный ресурс] URL: <https://energies-ethiques.fr/les-energies-renouvelables-sont-elles-vraiment-ecologiques/> (дата обращения: 18.10.2025).
15. Les mots de l'année 2024 // Le Robert. 2024. [Электронный ресурс] (дата обращения: 17.10.2025).
16. Pachocińska E. Les valeurs écologiques dans les discours portant sur l'environnement // Baltic Academic Journal. 2022. Vol. 22. P. 197 – 210. DOI: 10.15290/baj.2022.22.15. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.15290/baj.2022.22.15> (дата обращения: 18.10.2025).
17. Santé et environnement: vers une nouvelle approche globale. Chêne-Bourg: RMS éditions / Médecine et Hygiène, 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.53738/REVMED.95022> (дата обращения: 17.10.2025).

References

1. Baeva G.A., Baykova O.V. [and others]. Linguistic and cultural communities in synchrony and diachrony: a collective monograph. Moscow: Moscow University Publishing House, 2024. 286 p.
2. Buzheninov A.E., Paliychuk D.A., Teknedzhyan L.V., Shustova S.V. Categorization and conceptualization: intersystem relations. Perm: Autonomous non-profit organization of additional professional education "Perm Institute of Economics and Finance", 2022. 176 p.
3. Skuratov I.V., Polyakova N.V. Preservation of the French national language as a strategy for active creative creativity (on the example of computer science and Internet terminology). Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics. 2021. No. 3 (35). P. 77 – 86.
4. Skuratov I.V. Typological characteristics of neologisms in modern French. M.: Moscow State Regional University, 2021. 154 p.
5. Sokurova S.N. Neologisms of the French language in the field of ecology in 2024-2025 (review of explanatory dictionaries). Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2025. T. 18. No. 6. P. 2346 – 2352. DOI: 10.30853/phil20250330.
6. Abrassart C., Aggeri F. La naissance de l'éco-conception: Du cycle de vie du produit au management environnemental "produit". Annales des Mines. 2002. Janvier. No. 25. P. 41 – 63. [Electronic resource] URL: <https://annales.org/edit/re/2002/re25/abresart41-63.pdf> (accessed: 18.10.2024).
7. Arcand B. La Loi ontarienne sur l'énergie verte et l'économie verte: un cas de politique industrielle verte réussi?: mémoire de maîtrise. Montréal: Université du Québec à Montréal, 2020. 120 p. [Electronic resource] URL: <https://www.researchgate.net/.../La-Loi-ontarienne-sur-lenergie-verte-et-leconomie-verte-Un-cas-de-politique-industrielle-verte-reussi.pdf> (accessed: 18.10.2024).
8. Balnat V., Gérard C., dir. Néologie et Environnement. revue "Neologica". Paris: Classiques Garnier, 2022. 288 p. No. 16. [Electronic resource] URL: <https://www.classiques-garnier.com/...> (accessed: 18.10.2024).
9. C'est quoi les énergies renouvelables et quels sont leurs impacts? AtmoSud. 2024. 12 mars. [Electronic resource] URL: <https://www.atmosud.org/actualite/cest-quoi-les-energies-renouvelables-et-quels-sont-leurs-impacts> (accessed: 18.10.2024).
10. Dictionnaires Larousse [Electronic resource]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires> (accessed: 18.10.2024).
11. Discours du Président de la République Emmanuel Macron au Sommet Action Climate des Nations Unies. Site officiel de l'Élysée. 2019. 23 September. [Electronic resource] URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/09/23/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-au-sommet-action-climat-des-nations-unies> (accessed: 18.10.2024).

12. Être écocitoyen. Ministère de la Transition écologique et de la Cohésion des territoires. 2023. 15 May. [Electronic resource] URL: <https://www.ecologie.gouv.fr/etre-ecocitoyen> (accessed: 18.10.2024).
13. Gilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 287 p.
14. Les énergies renouvelables sont-elles vraiment écologiques? Energies Ethiques. 2024. 6 December. [Electronic resource] URL: <https://energies-ethiques.fr/les-energies-renouvelables-sont-elles-vraiment-ecologiques/> (accessed: 18.10.2024).
15. Les mots de l'année 2024. Le Robert. 2024. [Electronic resource] (accessed: 18.10.2024).
16. Pachocińska E. Les valeurs écologiques dans les discours portant sur l'environnement. Baltic Academic Journal. 2022. Vol. 22. P. 197 – 210. DOI: 10.15290/baj.2022.22.15. [Electronic resource] URL: <https://doi.org/10.15290/baj.2022.22.15> (accessed: 18.10.2024).
17. Santé et environnement: vers une nouvelle approche globale. Chêne-Bourg: RMS éditions. Médecine et Hygiène, 2022. [Electronic resource] Access mode: <https://doi.org/10.53738/REVMED.95022> (accessed: 18.10.2024).

Информация об авторах

Гайдарлы Н., кафедра германской и романской филологии, Государственный университет просвещения

© Гайдарлы Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'25:81'42

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-75-81

¹ Гарькавец В.Д., ¹ Куприянова М.Е.

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Метафорический сценарий глобального кризиса в официальном переводе китайского дипломатического дискурса

Аннотация: цель статьи – выявить прагматические особенности репрезентации метафорического сценария глобального кризиса в официальном английском переводе китайского дипломатического дискурса. Материалом исследования послужил метафорический кластер из выступления министра иностранных дел КНР Ван И на заседании Совета Безопасности ООН 26 мая 2026г. Анализ выполнен в когнитивно-дискурсивном ключе. Рассматриваются образы тёмных облаков войны, закона джунглей, корабля человеческой цивилизации, опасных вод и перекрёстка. Показано, что они образуют тревожно-мобилизационный сценарий: угроза войны переходит в критику силовой логики, затем – в представление о цивилизационном риске и необходимости выбора. Установлено, что официальный английский перевод в целом сохраняет образную структуру китайского оригинала, однако адаптирует её к конвенциям англоязычного дипломатического дискурса и усиливает доступность исходного прагматического посыла для международной аудитории. Сделан вывод о том, что официальный перевод выступает не только средством межъязыковой передачи, но и механизмом прагматической интернационализации китайского дипломатического сообщения в глобальном коммуникативном пространстве. Практическая значимость состоит в применении предложенной схемы к анализу официальных переводов политико-дипломатических текстов.

Ключевые слова: политическая метафора, китайский дипломатический дискурс, официальный перевод, когнитивно-дискурсивный анализ, прагматика

Для цитирования: Гарькавец В.Д., Куприянова М.Е. Метафорический сценарий глобального кризиса в официальном переводе китайского дипломатического дискурса // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 75 – 81. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-75-81

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Garkavets V.D., ¹ Kupriyanova M.E.

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Metaphorical scenario of global crisis in the official English translation of Chinese diplomatic discourse

Abstract: the article examines the pragmatic representation of a global crisis metaphorical scenario in the official English translation of Chinese diplomatic discourse. The material is a metaphorical cluster from Wang Yi's remarks at the UN Security Council High-Level Meeting on May 26, 2026. The study follows a cognitive-discursive approach and focuses on five images: dark clouds of war, the law of the jungle, the ship of human civilization, dangerous waters, and a crossroads. These images form a warning-oriented and mobilizing scenario:

the threat of war leads to criticism of power-based logic, then to civilizational risk and the need for choice. The official English translation preserves the imagery of the Chinese original, while adapting it to English-language diplomatic conventions and making the pragmatic message accessible internationally. The article concludes that official translation functions as both interlingual transfer and pragmatic internationalization of Chinese diplomatic messaging. Its practical significance lies in applying the proposed framework to official political-diplomatic translations.

Keywords: political metaphor, Chinese diplomatic discourse, official translation, cognitive-discursive analysis, pragmatics

For citation: Garkavets V.D., Kupriyanova M.E. Metaphorical scenario of global crisis in the official english translation of chinese diplomatic discourse. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 75 – 81. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-75-81

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 12, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Политическая метафора в дипломатическом дискурсе редко бывает только средством выразительности. С её помощью другой стороне показывают, как именно стоит смотреть на происходящее в мире, видеть ли в этом опасность, движение вперёд, спор из-за интересов, трудный выбор или общее поле для работы. В одном из подходов к изучению метафор уже доказано, что такие образы не украшают фразы, а сами участвуют в том, как мы мыслим и воспринимаем чужой опыт [5]. Другие исследования идут дальше и рассматривают метафору как орудие спора, выражения отношения и способа влиять на того, кто читает или слушает [2, 4, 6, 8].

Для общения между государствами это свойство метафоры крайне важно, потому что политическая речь одновременно должна быть сдержанной, давать оценки и добиваться практических целей [3]. Поэтому такие картинки, как угроза, маршрут, чаша весов, стройка или плавание по морю, помогают обсуждать разногласия, ответственность и необходимость решать вопросы обходным путём, через более свободный набор значений. Когда такой разговор нужно перевести на другой язык, задача становится тяжелее, мало передать слова оригинала, надо ещё донести его воздействующую силу. Выбор переводческого решения – от сохранения образа до его модификации, нормализации или нейтрализации – влияет на то, каким образом политическое сообщение воспринимается международной аудиторией [7, 11].

Для китайского дипломатического дискурса проблема официального англоязычного перевода имеет особую значимость. Английские версии текстов МИД КНР адресованы внешней аудитории и участвуют в репрезентации китайской политической позиции в глобальном коммуникативном пространстве. Современные исследования показывают, что перевод политического и дипломатического дискурса может выступать не только средством межъязыковой передачи, но и инструментом дискурсивного позиционирования [9, 10].

Настоящая статья продолжает разработку когнитивно-дискурсивного подхода к анализу официального перевода китайской политической метафоры [1]. Материалом исследования послужил метафорический кластер из выступления министра иностранных дел КНР Ван И на заседании Совета Безопасности ООН 26 мая 2026 г. и его официальная англоязычная версия, опубликованные на сайте Министерства иностранных дел КНР [12, 13]. В рассматриваемом отрывке картину мира рисуют несколько сквозных символов. Это и грозные тучи над полем боя, и правило сильного, и плывущий в опасных водах корабль под названием «человеческая цивилизация», и место, где дороги расходятся. Все эти картины складываются в один большой сюжет о мировом кризисе. Нестабильность в отношениях между странами показана здесь как беда, которая касается всех людей без исключения.

Цель статьи заключается в выявлении прагматических особенностей передачи метафорического сценария глобального кризиса в официальном английском переводе китайского дипломатического дискурса. Для этого устанавливаются исходные понятийные области и функции, которые выполняют метафоры в тексте, проводится сопоставление китайской оригинальной версии с официальным английским вариантом, фиксируются переводческие изменения и оценивается их воздействие на восприятие текста.

Материалы и методы исследований

Исследование построено как качественный анализ отдельного случая, поскольку в центре внимания находится не статистический подсчёт метафор, а содержательное описание того, как один метафорический

сюжет выстраивает прагматическое воздействие китайского дипломатического текста и каким образом это воздействие воспроизводится в официальном английском переводе. Единицей анализа служит каждая пара, состоящая из китайского фрагмента с метафорой и соответствующего ему английского эквивалента из официального перевода. Это позволяет рассматривать перевод не только как языковое соответствие, но и как способ сохранения, изменения или прагматической перенастройки исходного образа.

Методологическую основу работы составляет когнитивно-дискурсивный подход к политической метафоре. В рамках данного подхода метафора понимается не как отдельный стилистический приём, а как средство концептуализации политической ситуации, организации аргументации и воздействия на адресата [2, 5, 8]. Когда речь заходит об официальном переводе, метафора переносит на другой язык не просто образ, а вместе с ним и то, как этот образ оценивается, для чего он служит и какой настрой передаёт. В статье выбор переводчика оценивают именно по тому, как он меняет или сохраняет воздействие исходного дипломатического сообщения [7, 9, 11].

Сначала в китайском тексте находят все метафоры, затем смотрят, из каких областей взяты эти образы, какую роль они играют в речи, каким способом их перевели и что в итоге получилось с воздействием в официальном английском варианте. Схема, по которой строится такой разбор, и которая соединяет когнитивный и дискурсивный подходы, приведена на рис. 1.

Рис. 1. Когнитивно-дискурсивная схема анализа политической метафоры в официальном переводе.

Fig. 1. Cognitive-discursive scheme for the analysis of a political metaphor in an official translation.

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Эта схема помогает соединить друг с другом разные стороны разбора. В расчёт берут и то, как построена фраза, и какой образ за ней стоит, и какую задачу она решает в речи, и какой вариант перевода выбрали. Все эти уровни оказываются связаны в единую картину. Так, образ корабля, входящего в опасные воды, рассматривается не изолированно, а как часть навигационного сценария, в котором международный кризис представлен как движение человеческой цивилизации к зоне повышенного риска. В официальном английском переводе этот образ сохраняется и частично усиливается, что поддерживает тревожно-мобилизационную прагматику исходного текста.

Таким образом, выбранная методика направлена на выявление не количественных закономерностей, а механизма прагматической репрезентации одного показательного метафорического кластера. Такой подход позволяет проследить, каким образом официальный английский перевод участвует в интернационализации китайского дипломатического сообщения и делает исходную метафорическую рамку доступной для англоязычной международной аудитории.

Результаты и обсуждения

В китайском оригинале выступления Ван И метафорический сценарий глобального кризиса представлен следующим фрагментом:

“当前，国际形势正经历二战结束以来最复杂深刻变化。战争阴云不断翻涌，丛林法则沉渣泛起。人类文明的航船正驶入危险水域，世界和平发展事业处于十字路口” (dāngqián, guójì xíngshì zhèng jīnglì èr zhàn

jiéshù yǐlái zuì fùzá shēnkè biànhuà. zhànzhēng yīnyún bùduàn fānyǒng , cónglín fǎzé chénzhā fànqǐ. rénlei wénmíng de hángchuán zhèng shǐrù wēixiǎn shuǐyù , shìjiè hépíng fāzhǎn shìyè chǔyú shízì lùkǒu) [12].

В официальной английской версии данный фрагмент передан следующим образом:

“We are gathered here at a time when the international situation is undergoing the most complex and profound changes since the end of World War II. The dark clouds of war keep gathering and the law of the jungle is resurging. The giant ship of human civilization is sailing into dangerous waters, and world peace and development is at a crossroads” [13].

Структура анализируемого метафорического кластера представлена на рис. 2.

Рис. 2. Структура метафорического сценария глобального кризиса.

Fig. 2. The structure of the metaphorical scenario of the global crisis.

Источник: составлено автором на основе [12, 13]

Source: compiled by the author based on [12, 13].

Результаты когнитивно-дискурсивного анализа показывают, что каждый компонент рассматриваемого кластера выполняет самостоятельную функцию, но при этом включён в единый сценарий глобального кризиса.

1. 战争阴云不断翻涌 (zhànzhēng yīnyún bùduàn fānyǒng) – *the dark clouds of war keep gathering*.

Донорный домен – Природа. Дискурсивная функция – предупреждающая. Переводческое решение – сохранение образа. Прагматический эффект заключается в драматизации международной нестабильности, а также в создании ощущения нарастающей угрозы. Война представлена как сгущающаяся атмосфера риска, что усиливает тревожный прогноз и подготавливает адресата к восприятию последующих аргументов.

2. 丛林法则沉渣泛起 (cónglín fǎzé chénzhā fànqǐ) – *the law of the jungle is resurging*. Это китайское выражение о том, что закон джунглей снова даёт о себе знать. В английском переводе его передали почти дословно, сохранив ту же самую картину. Этот образ относится к области силы. С его помощью дают оценку происходящему и лишают чужие действия законного основания. Когда читатель видит такую формулировку, у него складывается чувство, что жёсткая политика возвращает страны в те времена, когда всё решала грубая физическая мощь, а никакие правила не работали. При этом критика получается очень острой и ясной, хотя в тексте никого прямо не называют по имени.

3. 人类文明的航船正驶入危险水域 (rénlèi wénmíng de hángchuán zhèng shǐrù wēixiǎn shuǐyù) – *the giant ship of human civilization is sailing into dangerous waters*. Данный пример касается большого корабля человеческой цивилизации, который заходит в опасные воды. Этот образ взят из морской тематики. Он очерчивает рамки обсуждения и служит предупреждением. В английском варианте переводчик практически не тронул исходную картинку, только немного усилил её выразительность. Такая метафора показывает, что кризис воспринимается не как раздор между двумя соседними странами, а как общая напасть для всех жителей планеты. В опасную зону плывёт не одна страна и не кусок суши, а общий для всех «корабль», на котором находится всё человечество. В английском варианте появилось слово *giant*, которое увеличивает размер того, кто движется, и делает предупреждение заметнее для читателей из разных стран.

4. 世界和平发展事业处于十字路口 (shìjiè hépíng fāzhǎn shìyè chǔyú shízì lùkǒu) – world peace and development is at a crossroads.

Донорный домен – Путь. Дискурсивная функция – мобилизационная. Переводческое решение – идиоматическая нормализация. В результате перевода тревожная картина кризиса превращается в историю о том, какой путь выбрать. Образ перекрёстка работает не как указание на тупик, а как сигнал, что настал момент решать: куда мир пойдёт дальше, зависит от того, удастся ли найти общее направление.

В официальном английском переводе сохраняется не просто отдельные картинки, а вся внутренняя логика построения отрывка. Сначала появляется война как надвигающаяся беда, потом возникает мысль о возврате к порядку, где силу ставят выше закона, затем разговор поднимается до уровня всей человеческой цивилизации. И в конце выходит на перекрёсток, где тревожный прогноз сменяется вопросом о политическом решении. Поэтому весь фрагмент звучит не как спокойный рассказ о нестабильности в мире, а как постепенное нагнетание доводов в пользу того, что действовать нужно сообща.

В английской версии образы из китайского оригинала остаются на месте, однако они приобретают те обороты, которые привычнее звучат в дипломатических документах на английском языке, например, тучи войны, закон джунглей, опасные воды или перекрёсток. Переводчик не переводит китайские выражения слово за словом, а подстраивает их под тот язык, который принят в международной политике. Тревожный настрой исходного текста при этом никуда не уходит, просто он становится понятным для тех, кто читает по-английски.

Самая важная картина здесь связана с кораблём: вся человеческая цивилизация предстаёт как судно, которое заходит туда, где плавать небезопасно. Этот образ расширяет смысл, и тогда в тексте речь идёт уже не о разногласиях между отдельными странами, а об угрозе, которая касается каждого человека на Земле. Именно поэтому следующий образ – перекрёсток – воспринимается уже не просто как указание на трудное время, а как шаг от чувства тревоги к самому главному вопросу: куда двигаться дальше.

Официальный перевод на английский сохраняет ту же образную логику, которая заложена в китайском источнике, но не повторяет её дословно. Он подгоняет исходный метафорический сценарий под нормы англоязычной дипломатической речи, чтобы зарубежной аудитории было проще его воспринять. Так перевод оказывается инструментом, который адаптирует китайское дипломатическое послание для международной арены: позиция Китая предстаёт в виде универсальной картины глобальной угрозы, выбора и общей ответственности.

Выводы

Проведённое исследование позволяет заключить, что метафорический комплекс, представленный в выступлении Ван И, выстраивает развёрнутый сценарий глобального кризиса. В нём последовательно развиваются образы нарастающей военной угрозы, разрушения правовых основ, вхождения человеческой цивилизации в опасную зону и необходимости определения дальнейшего направления движения. Официальный английский перевод воспроизводит данную логическую цепочку и передаёт тревожно-побудительный посыл китайского оригинала через формы, закреплённые в англоязычной дипломатической традиции.

Значимый результат работы состоит в том, что официальный перевод политической метафоры выполняет не только функцию межъязыкового переноса, но и роль прагматического регулятора дипломатического сообщения. Он удерживает образную структуру исходного текста, приводит её в соответствие с нормами английского политико-дипломатического языка и тем самым делает исходную концептуальную рамку более доступной для иностранной аудитории.

Предложенная схема анализа может быть полезна при дальнейшем изучении официальных переводов политических и дипломатических текстов, поскольку позволяет проследить, что именно сохраняется или изменяется при передаче метафоры: образ, функция, оценка или прагматический эффект [7, 9, 10, 11]. Перспективным направлением дальнейшей работы является применение данной схемы к более широкому корпусу китайских дипломатических текстов.

Список источников

1. Гарькавец В.Д. Китайские политические метафоры в англоязычной репрезентации: перевод и трансформации прагматических функций // Современное профессиональное образование. 2026. № 1. С. 300 – 305.
2. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот: монография. Москва: ФЛИНТА, 2020. 234 с.

3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 324 с.
4. Atmawijaya T.D. The strategic use of metaphor in political discourse: Critical Metaphor Analysis // Russian Journal of Linguistics. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 272 – 295.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
6. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London: Bloomsbury Academic. 2016. 194 p.
7. Schäffner C. Metaphor and translation: Some implications of a cognitive approach // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36. No. 7. P. 1253 – 1269.
8. Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 247 p.
9. Valdeón R.A., Li S. Political discourse translation in contemporary Chinese and western contexts // The Translator. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 427 – 440.
10. Yang W., Syed Abdullah S.N.B., Ang L.H., Yang M. Representing political attitudes through recontextualizing the metaphor ‘Shuai Guo’ in English-translated Chinese diplomatic discourse // Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. 2483015 p.
11. Zibin A., Solopova O.A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 7 – 32.
12. Wang Yi. Upholding the U.N. Charter, Reinvigorating the Role of the U.N., and Striving Toward the Lofty Goal of Building a Community with a Shared Future for Humanity: Remarks at the United Nations Security Council High-Level Meeting “Upholding the Purposes and Principles of the U.N. Charter and Strengthening the U.N.-Centered International System” [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2026. May 27. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202605/t20260527_11918935.html (дата обращения: 07.07.2026).
13. 捍卫联合国宪章，重振联合国作用 迈向人类命运共同体的崇高目标: в联合国安理会“维护联合国宪章宗旨和原则，加强以联合国为核心的国际体系”高级别会议上的讲话 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2026. 27 мая. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202605/t20260527_11918449.shtml (дата обращения: 07.07.2026).

References

1. Garkavets V.D. Chinese political metaphors in English-language representation: Translation and transformation of pragmatic functions. Modern professional education. 2026. No. 1. P. 300 – 305.
2. Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. Political metaphorology: a discursive turn: a monograph. Moscow: FLINTA, 2020. 234 p.
3. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 324 p.
4. Atmawijaya T.D. The strategic use of metaphor in political discourse: Critical Metaphor Analysis. Russian Journal of Linguistics. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 272 – 295.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
6. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London: Bloomsbury Academic. 2016. 194 p.
7. Schäffner C. Metaphor and translation: Some implications of a cognitive approach. Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36.No. 7. P. 1253 – 1269.
8. Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 247 p.
9. Valdeón R.A., Li S. Political discourse translation in contemporary Chinese and western contexts. The Translator. 2024. Vol. 30.No. 4. P. 427 – 440.
10. Yang W., Syed Abdullah S.N.B., Ang L.H., Yang M. Representing political attitudes through recontextualizing the metaphor ‘Shuai Guo’ in English-translated Chinese diplomatic discourse. Cogent Arts & Humanities. 2025. Vol. 12. No. 1. 2483015 p.
11. Zibin A., Solopova O.A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28.No. 1. P. 7 – 32.
12. Wang Yi. Upholding the U.N. Charter, Reinvigorating the Role of the U.N., and Striving Toward the Lofty Goal of Building a Community with a Shared Future for Humanity: Remarks at the United Nations Security Council High-Level Meeting “Upholding the Purposes and Principles of the U.N. Charter and Strengthening the U.N.-Centered International System” [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2026. May 27. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202605/t20260527_11918935.html (accessed: 07.07.2026).

13. 迈向人类命运共同体的崇高目标: in 联合国安理会 “维护联合国宪章宗旨和原则, 加强以联合国为核心的国际体系” 高级别会议上的讲话[Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2026. May 27. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202605/t20260527_11918449.shtml (accessed: 07.07.2026).

Информация об авторах

Гарькавец В.Д., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, garkavets.vera@yandex.ru

Куприянова М.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, kuprianova-me@rudn.ru

© Гарькавец В.Д., Куприянова М.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)

УДК 811.11

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-82-88

¹ Горбач С.Р.

¹ Донской государственный
технический университет

Репрезентация метеорологического кода во фразеологической системе английского языка

Аннотация: статья посвящена исследованию метеорологического кода во фразеологической системе английского языка. Цель работы состоит в систематизации фразеологических единиц с метеорологическими компонентами и выявлении их семантических доминант. На основе анализа фразеологического материала предложена классификация метеофразеологизмов по четырём тематическим субполям, отражающим различные природные явления. Особое внимание уделяется анализу метафорических моделей, лежащих в основе исследуемых единиц, а также выявлению культурно-специфических идиом, отражающих национальные реалии и исторический опыт. В ходе исследования установлены основные семантические типы значений, характерные для данной группы фразеологизмов. Подчёркивается связь метеорологического кода с прагматическим и эмоциональным восприятием мира носителями британской лингвокультуры. Автор приходит к выводу, что метеорологический код является системным образованием, в котором погодные образы служат источником образной номинации для характеристики человека, ситуации, оценки и коммуникации. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в курсах по фразеологии, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также при подготовке учебных материалов по английскому языку.

Ключевые слова: идиомы, английская фразеология, метеонимы, лингвокультурология, концепт, погодный код, метеорологический код

Для цитирования: Горбач С.Р. Репрезентация метеорологического кода во фразеологической системе английского языка // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 82 – 88. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-82-88

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Gorbach S.R.

¹ Don State Technical University

Representation of the meteorological code in the phraseological system of the English language

Abstract: the article is devoted to the study of the meteorological code in the phraseological system of the English language. The aim of the work is to systematize phraseological units with meteorological components and to identify their semantic dominants. Based on the analysis of the phraseological material, a classification of meteorological idioms is proposed according to four thematic subfields reflecting various natural phenomena. Special attention is paid to the analysis of metaphorical models underlying the units under study, as well as to the identification of culture-specific idioms reflecting national realities and historical experience. The study identifies the main semantic types of meanings characteristic of this group of phraseological units, which allows revealing the systematic nature of the meteorological code. The connection between the meteorological code and the pragmatic and emotional perception of the world by native speakers of British linguoculture is emphasized. The author con-

cludes that the meteorological code is a systemic formation in which weather images serve as a source of figurative nomination for characterizing a person, situation, evaluation, and communication. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results obtained in courses on phraseology, linguoculturology and intercultural communication, as well as in the preparation of educational materials on the English language.

Keywords: idioms, English phraseology, metonyms, linguoculturology, concept, weather code, meteorological code

For citation: Gorbach S.R. Representation of the meteorological code in the phraseological system of the English language. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 82 – 88. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-82-88

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 12, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В современной лингвистической и лингвокультурологической литературе метеорологический код (англ. *meteorological code*, *weather code*) понимается как система образных средств, репрезентирующих погодные явления и использующих их для концептуализации абстрактных сущностей – эмоций, социальных процессов, временных характеристик и моральных оценок [6]. Данный код относится к природному коду культуры, наряду с зооморфным, фитоморфным и ландшафтным кодами. Фразеологический фонд языка, в отличие от лексики, сохраняет следы архаичного, наивного и эмоционального восприятия действительности. Это делает его незаменимым материалом для лучшего понимания национальных стереотипов и ценностных ориентиров. В английской лингвокультуре изменчивость климата и высокая частотность обращений к погодным явлениям стали не только бытовой реальностью, но и мощным культурным маркером.

В работах, посвящённых теории культурных кодов, исследователи неоднократно обращали внимание на то, что образы природных явлений активно вовлекаются в осмысление абстрактных категорий – эмоций, социальных процессов, временных характеристик [10]. В предшествующей литературе, посвящённой метеорологической фразеологии, накоплен обширный материал. Однако, по нашим наблюдениям, исследователи, как правило, ограничивались либо отдельными компонентами (дождь, ветер, солнце), либо сопоставлением двух языков, либо анализом только пословичного фонда. Так, Е.В. Иванова сосредоточилась на коммуникативной роли погодной темы в британском бытовом общении; Р.Х. Хайруллина и И.В. Григорьева выявили различия в метафорических моделях русского и английского языков; М.А. Ефремова обратилась к американизмам и их культурным коннотациям. В последние годы появились корпусные работы (А.А. Скворцова, О.А. Варламова), а также сопоставительные исследования с немецким языком (Н.В. Петрова, Е.А. Смирнова, Ф. Шмидт). В зарубежной традиции выделяются теоретические работы П. Харрисона и Дж.Р. Тейлора, в которых метеорологическая метафора рассматривается в когнитивном ключе.

Таким образом, степень исследованности данной проблемы остаётся фрагментарной. Комплексный подход, учитывающий все субполя метеорологического кода и их системные связи, до сих пор не применялся [4]. Это серьёзный пробел, ведь без целостной картины трудно понять, как именно погодные явления организуют образное мышление носителей английского языка.

Актуальность представленного исследования обусловлена именно необходимостью восполнить этот пробел. Обращение к метеорологическому коду позволяет выявить не только универсальные механизмы метафоризации, но и культурно-специфические особенности британской лингвокультуры. А это, в свою очередь, важно для межкультурной коммуникации и преподавания английского языка. Культурологическая интерпретация фразеологизмов, репрезентирующих погодный код, даёт ключ к пониманию национальных стереотипов, ценностных ориентиров и поведенческих моделей.

Новизна работы, на наш взгляд, состоит в системном подходе. В отличие от предшественников, ограничивающихся анализом отдельных метеоконпонентов, мы предлагаем классификацию по четырём субполям: осадки, воздушные массы, атмосферные явления и температурные состояния. Это позволяет перейти от простого перечисления идиом к выявлению доминирующих образов и оценочных коннотаций в каждом блоке. Такой ракурс даёт обобщённую модель вербализации погодного кода в английской фразеологии, что и составляет основную ценность исследования.

Таким образом, *цель исследования* – выявить системные характеристики метеорологического кода в английской фразеологии и дать его лингвокультурологическую интерпретацию.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании мы исходили из того, что фразеологизм – это не просто языковая единица, а знак, в котором закреплён культурный опыт. Для исследования метеорологического кода во фразеологической системе английского языка применялись следующие методы: обзор и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемой проблематике, метод сплошной выборки из лексикографических источников, компонентный анализ, семантическая классификация, количественный подсчёт и лингвокультурологическая интерпретация отобранного материала.

На начальном этапе настоящего исследования методом сплошной выборки из *Oxford Dictionary of English Idioms* (второе издание, 2004) и *Cambridge International Dictionary of Idioms* (1998) были извлечены единицы, содержащие в своём составе лексемы-метеонимы. Далее осуществлялась тематическая группировка и семантическая классификация материала. Заключительный этап состоял в количественном подсчёте абсолютных и относительных частот попадания единиц в каждый семантический тип как внутри отдельного субполя, так и во всём корпусе, что позволило установить статистические доминанты и проследить системные связи между группами.

Материалом исследования послужили 100 фразеологических единиц, отобранных из указанных выше словарей. Выбор именно этих словарей обусловлен тем, что каждый из них даёт не только толкование, но и стилистические пометы и примеры употребления.

Первоначальная выборка составила около 170 выражений, однако многие из них оказались либо свободными словосочетаниями, либо окказиональными оборотами, не обладающими устойчивой идиоматической семантикой. После верификации мы исключили такие единицы и сократили корпус до 100 идиом – именно этот объём, на наш взгляд, позволяет проводить статистически значимые сопоставления и при этом сохранять возможность качественного анализа каждой единицы.

Результаты и обсуждения

В процессе работы над корпусом было отобрано 100 фразеологических единиц, содержащих метеорологический компонент. Источниками послужили два словаря – *Oxford Dictionary of English Idioms* (2-е изд., 2004) и *Cambridge International Dictionary of Idioms* (1998). В выборку включались идиомы с такими компонентами, как *rain, snow, hail, shower, wind, storm, breeze, hurricane, thunder, lightning, fog, cloud, frost, ice, rainbow, weather*.

Все идиомы распределены по четырём субполям. В основе деления – доминирующий образ. Результаты подсчётов приведены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Распределение фразеологических единиц по субполям.

Table 1

Distribution of phraseological units by subfields.

<u>Субполе</u>	<u>Количество единиц</u>	<u>% от общего объёма</u>
Осадки	20	20 %
Воздушные массы	21	21 %
Атмосферные явления	30	30 %
Температурные состояния	29	29 %
Итого	100	100 %

Все единицы, включённые в корпус, верифицированы по *Oxford Dictionary of English Idioms*. Примерно 95 % из них зафиксированы также в *Cambridge International Dictionary of Idioms*, что подтверждает узальный статус отобранных идиом и их репрезентативность. Стилистическая маркированность корпуса неоднородна: 40 % единиц относятся к разговорной лексике (*informal*), 35 % представляют собой пословицы и поговорки (*saying*), оставшиеся 25 % распределяются между нейтральной, формальной и литературной лексикой. Такое распределение свидетельствует о том, что метеорологические образы активно функционируют как в повседневной речи, так и в пословичном фонде, закрепляющем народную мудрость.

На рисунке показано процентное соотношение субполей (рис. 1).

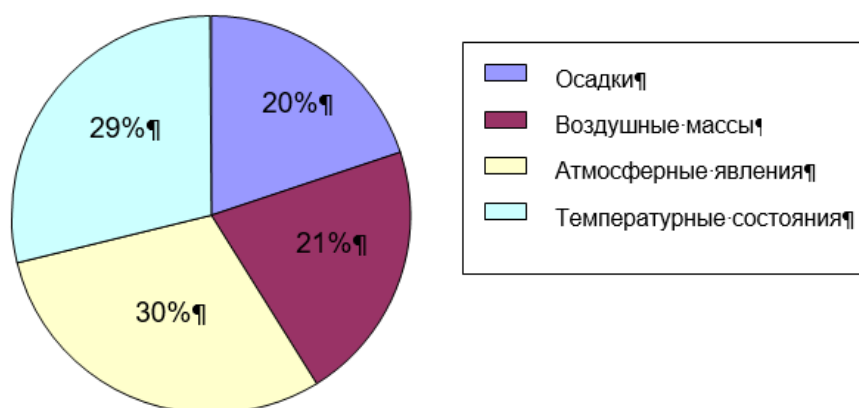

Рис. 1. Распределение метеофразеологизмов по тематическим субполям.
Fig. 1. Distribution of meteorological phraseological units by thematic subfields.

Как видно из таблицы 1 и рисунка 1, наибольшей продуктивностью отличается субполе «Атмосферные явления» (30 единиц, 30 %). Данный факт объясняется широким спектром природных феноменов, охватываемых этим субполем, – от грозы и молнии до тумана, облаков, льда, радуги и погодных условий в целом. Второе место занимает субполе «Температурные состояния» (29 единиц, 29 %), что подтверждает значимость температурной оппозиции *hot / cold* для характеристики человека и межличностных отношений. Субполе «Воздушные массы» (21 единица, 21 %) и «Осадки» (20 единиц, 20 %) также достаточно частотны.

В рамках субполя «Осадки» абсолютное большинство единиц (10 из 20, 50 %) содержат компонент *rain*. Это подтверждает, что дождь является центральным и наиболее продуктивным образом в данной группе. Снег, град и ливень (*shower*) представлены значительно скромнее. Такое распределение отражает как климатические реалии (высокая частотность дождей в Великобритании), так и метафорический потенциал образа дождя, который охватывает широкий спектр значений – от интенсивности и внезапности до оценки и коммуникации.

Для анализа значений мы на работы В.Н. Телия и Р. Мун. И выделили семь семантических типов: 1) характеристика человека; 2) описание ситуации; 3) интенсивность / количество; 4) оценка; 5) коммуникация; 6) познавательные процессы; 7) судьба / удача. Каждая идиома была отнесена к одному из этих типов. Результаты классификации представлены ниже (табл. 2).

Таблица 2
Распределение семантических типов по субполям.

Table 2

Distribution of semantic types by subfields.

Субполе	Характеристика человека	Описание ситуации	Интенсивность / количество	Коммуникация	Оценка	Судьба / удача	Познавательные процессы
Осадки	5 %	20 %	40 %	15 %	20 %	0 %	0 %
Воздушные массы	9,5 %	57,1 %	9,5 %	23,8 %	0 %	0 %	0 %
Атмосферные явления	43,3 %	23,3 %	16,7 %	6,7 %	3,3 %	10 %	6,7 %
Температурные состояния	48,3 %	17,2 %	3,4 %	10,3 %	0 %	6,9 %	0 %

Как видно из таблицы 2, в субполе «Осадки» наиболее частотным типом является «интенсивность / количество» (40%). Это закономерно, поскольку осадки воспринимаются как эталон обилия, силы и внезапности. Обращает на себя внимание тройной синонимический ряд для сильного дождя: *to rain cats and dogs* (общеупотребительный), *to rain pitchforks* (американский диалектизм) и *to rain stair rods* (британский диалектизм). Интересно, что один и тот же природный образ – сильный дождь – получает разное образное

воплощение в британском и американском вариантах английского. В США это вилы (*pitchforks*), в Англии – кованые прутья для лестничных ковров (*stair rods*). За этим стоят различия в бытовом укладе: сельскохозяйственная культура Америки и викторианский быт Британии.

В субполе «Воздушные массы» явно доминирует «описание ситуации» (57,1%). Образы ветра и бури служат метафорами для обозначения риска, трудностей и их преодоления. Английский прагматизм здесь хорошо заметен: погода непредсказуема, и к ней нужно адаптироваться. Идиома *a storm in a teacup* («буря в стакане воды») показательна: она обозначает излишнее волнение по пустякам и имеет точную кальку в русском языке.

В субполе «Атмосферные явления» доминирует «характеристика человека» (43,3%). Образы грозы, молнии, тумана и льда легко переносятся на внутренний мир: *to be thunderstruck* – ошеломлённый, *to be under a cloud* – в опале, *to be on cloud nine* – счастливый. Идиома *to steal someone's thunder* («украсть чужой гром») берёт начало в театральной практике XVIII века. Драматург Джон Деннис изобрёл специальное устройство для имитации грома для своей пьесы 1709 года. Когда его изобретение без спроса использовали в постановке «Макбета», он воскликнул: «They will not let my play run, but they steal my thunder!» – так появилось это выражение, которое означает «присвоить чужие заслуги», «украсть идею». Это редкий случай, когда фразеологизм с метеорологическим компонентом имеет чёткую историческую привязку и при этом не находит прямого соответствия в других языках [3].

В субполе «Температурные состояния» абсолютное доминирование «характеристики человека» (48,3%) подтверждает универсальность температурной метафоры для обозначения эмоций и межличностных отношений. Холод ассоциируется с враждебностью (*cold-hearted, cold shoulder*), тепло – с добротой (*warm-hearted*), жара – с вспыльчивостью (*hot-headed*), прохлады – с самообладанием (*cool as a cucumber*). Идиома *to give someone the cold shoulder* восходит к средневековому обычаю подавать холодное мясо нежеланному гостю.

В целом по корпусу доминирующим семантическим типом является «характеристика человека» (31%), за ним следуют «описание ситуации» (26%) и «интенсивность / количество» (17%). Остальные типы представлены менее частотно: коммуникация – 11%, оценка – 9%, судьба / удача – 6%, познавательные процессы – 2%. Это распределение показывает, что английская метеофразеология антропоцентрична: она ориентирована на человека и его дела, а не на абстрактные философские категории. В русском языке, как замечает Р.Х. Хайруллина, погодные образы чаще связаны с цикличностью природы и с божественным провидением [11]. В английском – с прагматикой, с необходимостью приспособливаться.

Особого внимания заслуживают культурно-специфические единицы, такие как *to rain stair rods* (британский диалектизм), *to rain pitchforks* (американизм) и *to steal someone's thunder* (театральное происхождение XVIII века), ценны тем, что отражают конкретные исторические и бытовые реалии.

Метеофразеологизмы работают в разных сферах. В бытовом общении они помогают поддерживать контакт (*small talk* о погоде). В деловом дискурсе – описывать кризисы (*to weather the storm* – «пережить бурю»). В политическом языке – обозначать протесты и напряжённость (*a storm of protest* – «шквал протестов») [9]. В художественной литературе – создавать яркие образы (*thunderous applause* – «гром аплодисментов»).

Таким образом, анализ 100 идиом подтверждает, что метеорологический код в английской фразеологии – это не хаотичный набор выражений, а система. В ней доминируют образы дождя (интенсивность, внезапность), ветра и бури (риск, преодоление), температурных состояний (эмоциональная характеристика). Эти образы отражают не только физические свойства погоды, но и глубинные ценности – прагматизм, адаптивность, эмоциональную сдержанность [15].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Метеорологический код в английской фразеологии представляет собой системное образование, включающее 100 верифицированных идиом, распределённых по четырём тематическим субполям. Наиболее продуктивными являются субполя «Атмосферные явления» и «Температурные состояния».

2. Доминирующим семантическим типом является «характеристика человека», что подтверждает антропоцентрический характер английской фразеологии. Погодные явления служат прежде всего для описания личных качеств, эмоций и состояний человека, а также для моделирования жизненных ситуаций.

3. Образ дождя демонстрирует наибольшую вариативность. Наряду с общеупотребительной идиомой *to rain cats and dogs* зафиксированы диалектные варианты *to rain pitchforks* (американизм) и *to rain stair rods* (британизм), что свидетельствует о культурно-обусловленных различиях в образной мотивации.

4. В субполе «Температурные состояния» абсолютное большинство составляют идиомы, характеризующие человека, что подтверждает универсальность температурной метафоры для обозначения эмоций и межличностных отношений: холод ассоциируется с враждебностью, тепло – с добротой, жара – с вспыльчивостью, прохлада – с самообладанием.

5. Выявлен ряд культурно-специфических единиц, отражающих национальные реалии и исторический опыт: британский диалектизм *to rain stair rods*, американский вариант *to rain pitchforks*, а также идиома *to steal someone's thunder*, возникшая в театральной среде XVIII века и не имеющая точного аналога в русском языке.

6. Метеорологические образы активно функционируют как в разговорной речи, так и в пословичном фонде, что свидетельствует о глубокой укоренённости метеорологического кода в языковом сознании носителей и его способности обслуживать различные коммуникативные сферы.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении эмпирической базы теории культурных кодов за счёт системного описания английского материала. Предложенная классификация может служить основой для дальнейших сопоставительных исследований. Практическая ценность видится в возможности использования полученных данных в курсах по фразеологии и межкультурной коммуникации. Перспективы исследования связаны с корпусной верификацией выделенных единиц и их анализом в различных дискурсивных практиках.

Список источников

1. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.
2. Григорьева И.В. Концепт «ветер» во фразеологии русского и английского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 45 – 52.
3. Ефремова М.А. Сопоставительный анализ метеонимов в русской и американской лингвокультурах // Лингвокультурология. 2022. Вып. 16. С. 112 – 120.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Иванова Е.В. Концепт «погода» в британской картине мира // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2018. № 3. С. 89 – 97.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Либроком, 2012. 458 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
8. Петрова Н.В., Смирнова Е.А. Образы солнца и дождя в английской и немецкой фразеологии: сопоставительный аспект // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 78 – 85.
9. Скворцова А.А. Корпусный анализ метеорологических идиом в американском варианте английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 112 – 118.
10. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
11. Хайруллина Р.Х. Метеонимы в русской и английской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 10. С. 134 – 138.
12. Щеглова Е.А. Метеокомпоненты в современной британской прозе: метафорические расширения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 2. С. 205 – 212.
13. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 608 p.
14. Fernando C. Idioms and Idiomaticity. Oxford: Oxford University Press, 1996. 256 p.
15. Harrison P. Idiom vs Metaphor in Weather Representations // Cognitive Linguistics Review. 2023. Vol. 14. № 1. P. 45 – 52.
16. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
17. Oxford Dictionary of English Idioms. 2nd ed. / edited by Judith Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
18. Schmidt F. Wetteridiomatik im Englischen und Deutschen: Eine kontrastive Studie. Frankfurt: Peter Lang, 2020. 210 S.
19. Taylor J.R. Weather Metaphors in English Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2024. 220 p.

References

1. Vorkachev S.G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological sciences. 2001. No. 1. P. 64 – 72.
2. Grigorieva I.V. The concept of "wind" in the phraseology of the Russian and English languages. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. No. 2. P. 45 – 52.
3. Efremova M.A. Comparative analysis of metonyms in Russian and American linguocultures. Lingvoculturology. 2022. Iss. 16. P. 112 – 120.
4. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian linguistic picture of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 544 p.
5. Ivanova E.V. The Concept of "Weather" in the British Picture of the World. Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology. 2018. No. 3. P. 89 – 97.
6. Kovshova M.L. The Lingvocultural Method in Phraseology: Codes of Culture. Moscow: Libro-com, 2012. 458 p.
7. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. Moscow: Russian Language, 1984. 944 p.
8. Petrova N.V., Smirnova E.A. Images of the Sun and Rain in English and German Phraseology: A Comparative Aspect. Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology. 2024. No. 1. P. 78 – 85.
9. Skvortsova A.A. Corpus Analysis of Meteorological Idioms in American English. Issues of Cognitive Linguistics. 2023. No. 2. P. 112 – 118.
10. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p.
11. Khairullina R.Kh. Metonyms in Russian and English Phraseology. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2020. No. 10. P. 134 – 138.
12. Shcheglova E.A. Meteorological Components in Modern British Prose: Metaphorical Extensions. Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2025. No. 2. P. 205 – 212.
13. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 608 p.
14. Fernando C. Idioms and Idiomaticity. Oxford: Oxford University Press, 1996. 256 p.
15. Harrison P. Idiom vs Metaphor in Weather Representations. Cognitive Linguistics Review. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45 – 52.
16. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
17. Oxford Dictionary of English Idioms. 2nd ed. Edited by Judith Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.
18. Schmidt F. Wetteridiomatik im Englischen und Deutschen: Eine kontrastive Studie. Frankfurt: Peter Lang, 2020. 210 S.
19. Taylor J.R. Weather Metaphors in English Discourse. – Oxford: Oxford University Press, 2024. 220 p.

Информация об авторах

Горбач С.Р., преподаватель, Донской государственный технический университет, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, Whitedove81@mail.ru

© Горбач С.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.127.6

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-89-95

¹Городищева А.Н., ^{2,3}Городищев А.В.,
¹Новиков С.Д.

¹Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
²Санкт-Петербургский государственный
университет
³Национальный исследовательский
технологический университет «МИСИС»

Доверие к бренду в цифровой реальности: как встраивать технологии в бренд и не потерять аудитории

Аннотация: доверие как основа отношений между брендами и аудиториями рассматривается в статье как измеряемая величина. Бренды и аудитории одновременно встраивают в коммуникации цифровые технологии и ИИ, но стратегии перестраивания или подстраивания бренда под новые ожидания аудитории различаются. Цель исследования – определить параметры доверия к бренду в зависимости от факторов UTAUT. Показано, что аудитории оценивают бренды как достойные внимания только в том случае, если технологический уровень бренда соответствует уровню информационной «чуткости» аудитории, «общественным эвристикам надежности», «эвристикам доверия» и социальным контекстам онлайн среды – безопасности и надежности. В результате исследования доказано, что современному бренду, чтобы не потерять аудитории, необходимо формировать доверие аудитории как систему затрат и выгод, предлагать минимизацию рисков, надежность, способность коммуницировать, быть этичным и искренним.

Ключевые слова: общественное доверие, личностное доверие, UTAUT, информационная чуткость аудитории, общественные эвристики надежности, эвристикам доверия

Для цитирования: Городищева А.Н., Городищев А.В., Новиков С.Д. Доверие к бренду в цифровой реальности: как встраивать технологии в бренд и не потерять аудитории // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 89 – 95. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-89-95

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹Gorodishcheva A.N., ^{2,3}Gorodishchev A.V.,
¹Novikov S.D.

¹Reshetnev Siberian State University of Science
and Technology
²St. Petersburg State University
³National University of Science and Technology
«MISIS»

Brand trust in the digital reality: how to integrate technology into your brand without losing your audience

Abstract: in this article, trust, as the foundation of the relationship between brands and audiences, is examined as a measurable construct. While both brands and audiences are simultaneously integrating digital technologies and artificial intelligence (AI) into their communications, strategies for restructuring or adapting a brand to new audience expectations vary significantly. The objective of this study is to identify the parameters of brand trust in

relation to UTAUT factors. The findings demonstrate that audiences deem brands worthy of attention only when the brand's technological level aligns with the audience's level of "informational sensitivity," "public reliability heuristics," "trust heuristics," and the social contexts of the online environment – namely, security and reliability. The study demonstrates that, to retain audience loyalty, a modern brand must build audience trust as a cost-benefit system, offering risk mitigation, reliability, communicative competence, and being ethical and sincere.

Keywords: social trust, personal trust, UTAUT, audience informational responsiveness, social heuristics of trustworthiness, trust heuristics

For citation: Gorodishcheva A.N., Gorodishchev A.V., Novikov S.D. Brand trust in the digital reality: how to integrate technology into your brand without losing your audience. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 89 – 95. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-89-95

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Растущая сложность определения достоверной информации в цифровом пространстве, риски асимметрии в контроле поведения платформ, поисковых систем и систем электронной коммерции, разворачивают проблему определения соотношения доверия и недоверия к бренду в новом ракурсе: формирование доверия как «неосязаемого актива» (intangible asset) [1], изменения тактик общения с аудиториями, должно осуществляться со скоростью принятия технологий целевыми аудиториями бренда. Мировая тенденция повышения автономии принятия решений агентами ИИ, перекладывание на них задач управления и планирования пользовательского опыта, ставит перед брендами новые условия привлечения и удержания аудитории.

Современный потребитель регулярно и повсеместно пытается подстраиваться под стремительно меняющиеся цифровые технологии. Согласно прогнозу Gartner будущее за созданием клиентов-машин, которые способны приобретать товары или услуги от имени людей или организаций (виртуальные персональные помощники, интеллектуальные приборы и др.), и их количество к 2030 году вырастет до 8 млрд [2]. По мнению аналитиков, эта тенденция потребует новых навыков (объединение ИТ, инженерного дела и операционной деятельности) как от персонала организаций, так и от потребителей [3]. По результатам исследований [4] современные ИИ системы практически безупречно справляются с задачами, требующими от человека короткого времени для принятия решения (например, с поиском нужных фактов в сетевых энциклопедиях) и, каждые 7 месяцев увеличивают точность решения для задач с более длительным временем решения. И хотя указанная работа и точность прогноза вызвала спор даже среди рецензентов, все же влияние цифровых технологий оказывается глобальным и повсеместное внедрение моделей ИИ, однозначно меняет отношение потребителей как к технологиям, так и к остальным аспектам жизненного мира. Измененные отношения определяют как личные и социальные дисфункции, которые фиксируются как потери доверия в любой форме к любым социальным институтам, исчезновение основ социальной солидарности, доминирование духа соперничества и взаимной эксплуатации и др.

В соответствие с изложенными предпосылками, целью работы является определение параметров доверия к бренду в условиях расширения цифровых коммуникаций и использования ИИ. Задачами исследования являются определение факторов принятия технологий ИИ аудиториями брендов, стратегии перестраивания или подстраивания бренда под новые ожидания аудитории, модернизация оценки доверия к брендам в условиях зависимости от цифровых технологий и ИИ.

Материалы и методы исследований

Представленное исследование основывается на концептуальном синтезе исследовательских подходов, который помогает соединить существующие теории общественного, личного доверия и связать их с междисциплинарными идеями принятия технологий, теорий брендинга и мотивирования потребителей. Аргументы авторов основаны на комбинации доказательств, опубликованных в научных работах, статистических отчетах и ранее разработанных концепций, и теорий подсчета доверия. Концептуальный синтез представляет собой способ теоретизирования, который через повествовательные рассуждения позволяет раскрыть «общую картину» закономерностей и связей формирования и удержания доверия к бренду.

Результаты и обсуждения

Общественное доверие – это, по определению П. Штомпка, рискованная «ставка на будущие случайные действия других» [5, с.25], или вера в то, что общество (социальные и государственные институты, организации) действуют по отношению к людям разумно, честно и доброжелательно, и сознательно не будут при-

чинять вред [6]. Личностное доверие – это «глубокое» доверие к людям, «осознание человеком собственной уязвимости или риска, возникающих в результате неопределенности мотивов, намерений и ожидаемых действий людей, от которых он зависит» [7, с. 30]. Широко признано, что общественное доверие особенно важно для функционирования современного общества, потому что это «оптимистическое ожидание человека, группы или фирмы в условиях уязвимости и зависимости от другого человека, группы или фирмы в ситуации совместной деятельности или обмена с целью облегчения взаимодействия, ведущего к обоюдной выгоде» [7, с. 31]. Однако, в условиях ускорения медиатизации и цифровизации жизненного мира, учет личностного и социального доверия необходимо сочетать с доверием к технике и технологиям.

Ребрендинг, коллаборации, поглощения и появление «цифровых» брендов поставили перед брендами вопросы: как при наличии устойчивой многолетней репутации бренда не потерять доверие своего потребителя и сотрудника если мир стал цифровым? Где та грань, за которой следование за потребителем разрушает бренд и заставляет его принимать новые правила игры? Этот неполный перечень вопросов, которые возникают у брендов в процессе встраивания в коммуникационные каналы цифровых технологий, а в последние годы и ИИ. И по мере того, как ИИ и цифровые технологии захватывают внимание потребителей, проблема доверия к брендам, их соответствия текущему моменту и прогрессу потребителя вызывает значительную дискуссию в практическом секторе маркетинга и рекламы.

Известно, что развитие технологий меняет потребительский рынок. Регулярно и повсеместно разрабатываются теории, пытающиеся разобраться с влиянием этих изменений на разные аудитории. Одной из самых оригинальных теорий исследования потребителей на предмет принятия технологий является Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT) [8, 9]. Теория предлагает структурированные рамки для анализа внедрения технологий в сферы общественной жизни, позволяет учитывать новые прогностические параметры (предикторы) поведенческих намерений. В базовой версии теории обозначено, что эффект принятия технологий определяется по совокупности факторов: пола, возраста, опыта и добровольности использования технологий. Однако исследований с использованием UTAUT для оценки внедрения цифровых технологий и ИИ в миссию и философию бренда пока недостаточно.

Изначально теория была разработана на основе обзора, объяснения и интеграции восьми доминирующих теорий и моделей, а именно: теории разумных действий (TRA), модели принятия технологий (TAM), мотивационной модели (MM), теории планового поведения (TPB), в сочетании с теорией запланированного поведения / модели принятия технологий (С-TPB-TAM), модели использования ПК (MPCU), модели диффузии инноваций (IDT), и социально-когнитивной теории (SCT) [10]. Эти теории и модели успешно использовались во множестве исследований внедрения и распространения технологий или инноваций. Однако, в исследованиях доверия, риска и трендов внедрения, и использования цифровых технологий, и ИИ, существует ограниченное количество исследований, которые одновременно интегрировали их, и расширяли UTAUT для прогнозирования намерений использования ИИ в контексте оценки доверия бренду.

Бренд, по определению, основывается на привязанности потребителя к уникальному, возможно персональному сервису со стороны организации. Ориентация на качественный контакт, учет культурных предпочтений является основой доверия и делает бренд достойным внимания. В соответствии с факторами UTAUT, воспринимаемое доверие и риски можно учитывать через анализ контекстуальных инсайтов, влияющих на внедрение ИИ в работу бренда. Это критично для тех брендов, которые действуют в традиционном поле и имеют высокое доверие потребителей без цифровой инфраструктуры. Интегрируя трендовые технологии, бренд изменяет социально-психологическую оценку доверия, объясняя, что потребители должны воспринимать новшества как современные или модные [11]. Исследования, основанные на UTAUT, позволили оценить значимость факторов теории для понимания контекстов ожидаемой полезности и простоты использования новых предложений бренда с учетом ИИ и технологий. При этом социальное влияние, осознанность и совместимость цифровых технологий и ИИ для новой философии бренда оценивались как факторы контекстуального влияния доверия [12].

Новая версия UTAUT2 учитывает гедонистическую мотивацию, ценовую политику и культурные привычки в качестве новых предикторов доверия к бренду [12]. Однако охватывая конкретные контексты и технологии, анализ доверия на UTAUT2 остается недостаточным, потому что не учитывает влияния рекламы и контент стратегий в контекстах коммуникационных практик брендов. Поддерживая версию гедонистических мотивов (стремления к удовольствию, наслаждению, веселью), снижения или повышая цены, подстраиваясь под традиции и установки общества, бренды могут ошибаться в выборе языка обращения к аудитории. На наш взгляд, это связано с тем, что традиционные подходы к инсайту рекламы или контенту бренда предполагают обращение к интеллектуальным, творческим и эстетическим способностям человека, а сейчас главным является вопрос восприятия, оценки, личного отношения и условий транзакции с брен-

дом в новой цифровой реальности. Цифровая реальность для аудитории бренда – это контекстуальные условия построения доверия к бренду. В качестве контекста могут выступать: информационная «чуткость» аудитории, ее способность не только использовать цифровые технологии и ИИ, но и оценивать и выбирать достоверную информацию основываясь на «общественных эвристиках надежности» [13], переживание «хрупкости» – внешнего и внутреннего мира, усиливающее эмоциональную напряженность, неопределенность и уязвимость будущего [14] и др. На таком фоне, факторы UTAUT могут помочь бренду выстроить новую систему доверия с учетом возросшей важности цифровых технологий и особенно пользовательского контента. Так использование TRA, исходя из контекста, может определять действие как избегание того, что кажется эмоционально обременительным, цель то, что заряжает энергией и успокаивает, TAM – выделять воспринимаемую полезность и простоту агентов ИИ как безопасное пространство без социального риска или осуждения, MM – стимул продвинуться в своей будущей карьере [13]. В контексте прогнозирования потребительского поведения при использовании технологий, эффекты гедонистической мотивации, цена и привычка практически полностью совмещены. Привычка имеет как прямые, так и опосредованные последствия для использования технологии, и эти эффекты определяются индивидуальными различиями. Таким образом, привычка пользоваться чем-то и стимул использовать новую технологию функционируют сообща.

В рамках SCT бренд должен быть готов сформулировать «эвристики доверия» и социальные контексты онлайн, повышающие экономию времени при проверке достоверности контента. Эти технологии хорошо известны – достоверность контента на основе отзывов коллег, репутация бренда, инфлюенс-маркетинг. В этом аспекте неизбежно должен измениться не только язык рекламного сообщения бренда, но и коды медиаязыка самого бренда. Язык бренда, тональность коммуникации (Tone of Voice) и визуальная айдентика, должны стать технически сообразными, т.е. меняться вместе с технологиями в режиме онлайн, адаптироваться к опыту аудитории (новой или взрослеющей вместе с брендом), изменяться вместе с изменениями «эвристик доверия».

Доверие в данном аспекте рассматривается как способ концентрации внимания на коммуникациях бренда, построенных с помощью технических решений, регулируемых с помощью агентов ИИ и контролируемых по формальным признакам. При этом психологические основы доверия подвергаются формализации и подсчету, и могут быть оценены и посчитаны как в денежном (калькуляция затрат и выгод, минимизация рисков [1]), так и морально-личностном эквиваленте (фамильярность, уверенность и надежность [15]). Формализованными признаками становятся уверенность – степень, в которой люди понимают, как бренд использует агентов ИИ, надежность – степень, в которой люди считают, что машина работает без ошибок [15]. Кроме того, предлагается система подсчета доверия MDMT (Multi-Dimensional Measure of Trust), применимая для оценки меры доверия человека к человеку, так и к человеку-роботу (цифровому аватару бренда). Система состоит из 16 пунктов, которые оценивают четыре параметра измерения доверия – надежность, способность коммуницировать, быть этичным и искренним [16]. Таким образом в оценке доверия к бренду применяются формализованные системы, которые ориентируются как личностное доверие, так и теории общественного доверия.

Выводы

Как правило, сегодняшние аудитории брендов большее количество времени задействованы в цифровых коммуникациях. Выстраивая путь потребителя бренды учитывают уровень информационной «чуткости» аудитории и подбирают как свои собственные, проверенные годами стабильные форматы визуальных и аудиосообщений (фирменный стиль, системы безопасности: пароли или капчи, стандартные фирменные обращения к аудиториям), так и вводят новые форматы коммуникаций – электронные рассылки и звонки оповещения об акциях, чат-боты, поисковые системы с ИИ и рекомендации на основе алгоритмов. Новые коммуникационные форматы должны, по мнению разработчиков, более точно, персонифицировано отвечать на потребности аудиторий, мотивировать ее на взаимодействие с брендом и формировать потребность остаться с брендом, как с надежным, стабильным и предсказуемым другом. Измеряя факторы доверия к бренду, можно определить, при каких сообщениях или рекламных кампаниях бренд теряет в глазах аудитории статус, близость или востребованность. Эти психологические характеристики отношения к бренду просматриваются как в отзывах и комментариях клиентов бренда, так и в сообщениях СМИ, которые также могут оценивать доверие к бренду по количеству участников, поддержавших цифровые инициативы брендов, например, пришли на мероприятие пройдя цифровой квест на сайте.

Однако бренды живут в обществе, которое сильно подвержено влиянию внешних политических и социальных воздействий. Эталон поведения современного потребителя – стремление затеряться в толпе. Это соответствует сценарию непрерывного кризиса, который обязывает бренды постоянно следить за контентом, корректировать визуальную составляющую и ценностное позиционирование, систему коммуникаций.

Ежегодный отчет коммуникационного агентства Edelman, изучающего доверие более 25 лет, показал, что «61% опрошенных по всему миру испытывают умеренное или сильное недовольство», бизнес, правительство, СМИ и НКО – не заслуживают доверия, и с ними надо бороться методами враждебного активизма [17]. Требование привлечения и удержания целевых аудиторий поставило бренды в социальную зависимость от личных предпочтений аудиторий, и деятельность бренда (производство, товары, услуги) больше не являются показателем успешности и доверия. Кризис доверия выражается еще и в том, что две трети потребителей колеблются или не хотят доверять тем брендам, у которых основные ценности, культурные традиции и сценарии решения социальных проблем отличаются от их собственных [18]. Это привело к новому контексту доверия – аудитории оценивают доверие по связи с обществом, эмоциональности и идентичности, что предполагает, что «эвристики доверия» по факторам SCT, должны расширяться за пределы полезности и отражать больше эмоциональную составляющую. Эдельман Р. отмечает, что использование брендами элементов поп-культуры наименее эффективный способ повышения доверия, но он работает, что контент инфлюэнсеров-знаменитостей не достоверен, и 42% опрошенных им не доверяют [18]. Основным рабочим инструментом доверия становится информационно-технологический опыт принятия брендом цифровых технологий и ИИ, который понятен и принимается информационно-чувствительной аудиторией как свой собственный.

Таким образом, новые факторы доверия к бренду являются социально обусловленными практиками аудиторий бренда: платформы социальных сетей и онлайн-пространства, где присутствуют те, кто использует бренд; контент бренда, который «заслуживает доверия», потому что создан теми же технологиями, которыми владеет аудитория; эмоциональность как связь с культурными традициями и социальными нормами. Брендам, чтобы не потерять доверие аудиторий следует не просто производить отличные товары и услуги, а ввести в практику оценивание параметров доверия по предикторам поведенческих намерений аудиторий: уровня использования цифровых технологий и ИИ, эмоциональной оценки надежности бренда в будущем, простоту освоения аудиторией технологических новшеств коммуникаций бренда.

Список источников

1. Минина В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент, 2012. № 2. С. 107 – 130.
2. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2026 / Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/articles/top-technology-trends-2026> (дата обращения: 28.06.2026).
3. Смирнова М. Главные стратегические тенденции 2026 года в области технологий / Научно-технический центр ФГУП «Главный радиочастотный центр». URL: https://rdc.grfc.ru/2025/11/gartner_technology_trends_2026/ (дата обращения: 28.06.2026).
4. Measuring AI ability to complete long software tasks / T. Kwa, B. West, J. Becker, A. Deng, K. Garcia, M. Hasin, ... & L. Chan // Advances in 39th Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2025), 2026. Т. 38. С. 92213 – 92266. URL: <https://openreview.net/group?id=NeurIPS.cc/2025/Conference#tab=accept-oral> (дата обращения: 28.06.2026).
5. Sztompka P. Trust: A sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 227 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/17643/1/28.pdf> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Steinhardt H.C., Delhey J. Socio-Economic Modernization and the ‘Crisis of Trust’ in China: A Multi-Level Analysis of General and Particular Trust // Social Indicators Research, 2020. Vol. 152. Iss. 3. P. 923 – 949. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02466-w> (дата обращения: 28.06.2026).
7. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 564 с.
8. Venkatesh V. Adoption and use of AI tools: A research agenda grounded UTAUT // Annals of Operations Research, 2022. Vol. 308. Iss. 1–2. P. 641 – 652. URL: <https://doi.org/10.1007/s10479-020-03918-9> (дата обращения: 12.05.2026).
9. User Acceptance of Information Technology: Toward Unified View / V. Venkatesh, M.G. Morris, G.B. Davis, F.D. Davis // MIS Quarterly, 2003. Vol. 27. Iss. 3. P. 425 – 478. URL: <https://doi.org/10.2307/30036540> (дата обращения: 15.05.2026).
10. UTAUT Really Used or Just Cited for the Sake of It? A Systematic Review of Citations of UTAUT’s Originating Article / M. Williams, N. Rana, Y. Dwivedi, B. Lal // ECIS 2011 Proceedings, 2011. Paper 231. URL: <http://aisel.aisnet.org/ecis2011/231> (дата обращения: 23.05.2026).

11. Factors influencing m-government adoption in the developing world: A UTAUT-based model integrating trust, risk and trendiness / N.O. Qatanani, M. Alghababsheh, A. Aburayya, M. Nasaj // VINE Journal of Information and Knowledge Management Systems, 2026. Vol. 56. Iss. 3. P. 797 – 828. URL: <http://www.emerald.com/vjikms/article-pdf/doi/10.1108/VJIKMS-10-2023-0255/10772418/vjikms-10-2023-0255en.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).
12. Xue L., Ghazali N., Mahat J. A systematic review of UTAUT and UTAUT2 for AI adoption in education // International Journal of Human–Computer Interaction, 2026. Vol. 42. Iss. 8. P. 5666 – 5690. URL: <https://doi.org/10.1080/10447318.2025.2552867> (дата обращения: 28.06.2026).
13. New contexts, old heuristics: How young people in India and the US trust online content in the age of generative AI / R. Xu, N. Le, R. Park, L. Murray, V. Das, D. Kumar, B. Goldberg // arXiv preprint arXiv:2405.02522, 2024. URL: <https://arxiv.org/pdf/2405.02522> (дата обращения: 28.06.2026).
14. Марцинковская Т.Д. Личность в изменчивом и хрупком мире: новая феноменология и методология // Образовательная политика, 2024. № 19 (4). С. 34 – 41. URL: <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2024-4-34-41> (дата обращения: 12.05.2026).
15. Peng J.L., Yeh S.L. Cognitive Offloading in Short-Term Memory Tasks: Trust Toward Tools as a Moderator // International Journal of Human–Computer Interaction, 2025. Vol. 41. Iss. 21. P. 13382 – 13393. URL: <https://doi.org/10.1080/10447318.2025.2474449> (дата обращения: 12.05.2026).
16. Malle B.F., Ullman D. Measuring human-robot trust with the mdmt (multi-dimensional measure of trust) // SCRITA 2023 Workshop Proceedings (arXiv:2311.05401) held in conjunction with 32nd IEEE International Conference on Robot & Human Interactive Communication, 2023. 08/28-31 2023, Busan (Korea). URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.05401> (дата обращения: 12.05.2026).
17. Мацак К. Edelman Trust Barometer 2025: доверие и кризис недовольства / B2B-journal. URL: <https://b2b-journal.ru/research/edelman-trust-barometer-2025-doverie-i-krizis-nedovolstva> (дата обращения: 28.06.2026).
18. Edelman R. Trust and Relevance Together Unlock Brand Growth in an Insular World / Edelman. 2026 Trust Barometr. URL: www.edelman.com/insights/brands-insular-world-trust-relevance (дата обращения: 28.06.2026).

References

1. Minina V.N. Organizational Trust as an Intangible Asset of a Company: The Problem of Measurement. Bulletin of St. Petersburg University. Management, 2012. No. 2. P. 107 – 130.
2. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2026. Available at: <https://www.gartner.com/en/articles/top-technology-trends-2026> (accessed: 28.06.2026).
3. Smirnova M. The Main Strategic Trends of 2026 in Technology. Available at: https://rdc.grfc.ru/2025/11/gartner_technology_trends_2026/ (accessed: 28.06.2026).
4. Measuring AI ability to complete long software tasks. T. Kwa, B. West, J. Becker, A. Deng, K. Garcia, M. Hasin, ... & L. Chan. Advances in the 39th Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2025), 2026. Vol. 38. P. 92213 – 92266. URL: <https://openreview.net/group?id=NeurIPS.cc/2025/Conference#tab=accept-oral> (accessed: 28.06.2026).
5. Sztompka P. Trust: A sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 227 p. URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/17643/1/28.pdf> (accessed: 12.05.2026).
6. Steinhardt H.C., Delhey J. Socio-Economic Modernization and the ‘Crisis of Trust’ in China: A Multi-Level Analysis of General and Particular Trust. Social Indicators Research, 2020. Vol. 152. Iss. 3. P. 923 – 949. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02466-w> (accessed: 28.06.2026).
7. Kupreychenko A.B. Psychology of Trust and Distrust. M.: Publishing house "Institute of Psychology RAS", 2008. 564 p.
8. Venkatesh V. Adoption and use of AI tools: A research agenda grounded UTAUT. Annals of Operations Research. 2022. Vol. 308. Iss. 1–2. P. 641 – 652. URL: <https://doi.org/10.1007/s10479-020-03918-9> (accessed: 12.05.2026).
9. User Acceptance of Information Technology: Toward Unified View. V. Venkatesh, M.G. Morris, G.B. Davis, F.D. Davis. MIS Quarterly, 2003. Vol. 27. Iss. 3. P. 425 – 478. URL: <https://doi.org/10.2307/30036540> (accessed: 05.15.2026).
10. UTAUT Really Used or Just Cited for the Sake of It? A Systematic Review of Citations of UTAUT’s Originating Article. M. Williams, N. Rana, Y. Dwivedi, B. Lal. ECIS 2011 Proceedings, 2011. Paper 231. URL: <http://aisel.aisnet.org/ecis2011/231> (accessed: 23.05.2026).

11. Factors influencing m-government adoption in the developing world: A UTAUT-based model integrating trust, risk and trendiness. N.O. Qatanani, M. Alghababsheh, A. Aburayya, M. Nasaj. VINE Journal of Information and Knowledge Management Systems, 2026. Vol. 56. Iss. 3. P. 797 – 828. URL: <http://www.emerald.com/vjikms/article-pdf/doi/10.1108/VJIKMS-10-2023-0255/10772418/vjikms-10-2023-0255en.pdf> (accessed: 23.05.2026).
12. Xue L., Ghazali N., Mahat J. A systematic review of UTAUT and UTAUT2 for AI adoption in education. International Journal of Human–Computer Interaction, 2026. Vol. 42. Iss. 8. P. 5666 – 5690. URL: <https://doi.org/10.1080/10447318.2025.2552867> (accessed: 28.06.2026).
13. New contexts, old heuristics: How young people in India and the US trust online content in the age of generative AI / R. Xu, N. Le, R. Park, L. Murray, V. Das, D. Kumar, B. Goldberg. arXiv preprint arXiv:2405.02522, 2024. URL: <https://arxiv.org/pdf/2405.02522> (accessed: 28.06.2026).
14. Martsinkovskaya T.D. Personality in a Changing and Fragile World: New Phenomenology and Methodology. Educational Policy, 2024. No. 19 (4). P. 34 – 41. URL: <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2024-4-34-41> (accessed: 12.05.2026).
15. Peng J.L., Yeh S.L. Cognitive Offloading in Short-Term Memory Tasks: Trust Toward Tools as a Moderator. International Journal of Human–Computer Interaction, 2025. Vol. 41. Iss. 21. P. 13382 – 13393. URL: <https://doi.org/10.1080/10447318.2025.2474449> (accessed: 12.05.2026).
16. Malle B.F., Ullman D. Measuring human-robot trust with the mdmt (multi-dimensional measure of trust). SCRITA 2023 Workshop Proceedings (arXiv:2311.05401) held in conjunction with the 32nd IEEE International Conference on Robot & Human Interactive Communication, 2023. 08/28-31 2023, Busan (Korea). URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.05401> (accessed: 12.05.2026).
17. Matsak K. Edelman Trust Barometer 2025: Trust and the Crisis of Discontent. B2B-journal. URL: <https://b2b-journal.ru/research/edelman-trust-barometer-2025-doverie-i-krizis-nedovolstva> (accessed: 28.06.2026).
18. Edelman R. Trust and Relevance Together Unlock Brand Growth in an Insular World. Edelman. 2026 Trust Barometer. URL: www.edelman.com/insights/brands-insular-world-trust-relevance (accessed: 28.06.2026).

Информация об авторах

Городищева А.Н., доктор культурологии, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, pauada@mail.ru

Городищев А.В., кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия, agorodischev@gmail.com

Новиков С.Д., Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, povik4ok@vk.com

© Городищева А.Н., Городищев А.В., Новиков С.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'42

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-96-101

¹ Давлетмурзаева У.Д.

¹ Дагестанский гуманитарный институт

Религиозный дискурс в языкознании: теолингвистический и лингвокультурологический аспекты

Аннотация: в статье исследуются вопросы религиозного дискурса в языкознании с опорой на конкретный языковой материал. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления декларативности в теолингвистике и перехода к эмпирическому анализу религиозных концептов. Цель исследования – выявить специфику религиозных концептов в отличие от традиционной лексической семантики и описать их репрезентацию в русском и аварском языках. Материалом послужили данные толковых и лингвострановедческих словарей, тексты религиозного дискурса и живая речь носителей аварского языка. Методология включает концептуальный анализ, компонентный и контекстуальный методы. Научная новизна заключается в детальном лингвокультурологическом описании специфических аварских религиозных лексем и фразеологизмов Алла́г, Бечед, дин, как и др., демонстрирующих уникальный духовный код дагестанской лингвокультуры. Результаты показывают, что религиозный концепт отличается от словарной семы наличием культурно-исторического и оценочного компонентов, а современный исламский дискурс в Дагестане характеризуется сложным взаимодействием стратегий арабизации, русификации и сохранения локальной языковой картины мира.

Ключевые слова: теолингвистика, религиозный концепт, лексическая семантика, духовный код, аварский язык, исламский дискурс, фразеология, иман, как

Для цитирования: Давлетмурзаева У.Д. Религиозный дискурс в языкознании: теолингвистический и лингвокультурологический аспекты // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 96 – 101. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-96-101

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Davletmurzayeva U.D.

¹ Dagestan Humanitarian Institute

Religious discourse in linguistics: theolinguistic and linguocultural aspects

Abstract: the article explores the issues of religious discourse in linguistics based on specific linguistic material. The relevance of the work is due to the need to overcome declarativity in theology and linguistics and to move towards an empirical analysis of religious concepts. The aim of the study is to identify the specific features of religious concepts in contrast to traditional lexical semantics and to describe their representation in Russian and Avar languages. The material for the study was obtained from explanatory and linguistic dictionaries, religious discourse texts, and the spoken language of Avar speakers. The methodology includes conceptual analysis, component analysis, and contextual analysis. The scientific novelty lies in the detailed linguistic and cultural description of specific Avar religious lexemes and phraseological units such as Allag, Beched, din, gibadat, batsiali, namaz, and others, which demonstrate the unique spiritual code of the Dagestani linguistic culture. The results show that the religious concept differs from the dictionary sense in the presence of cultural -historical and evaluative compo-

nents, and modern Islamic discourse in Dagestan is characterized by a complex interaction of strategies of Arabization, Russification, and the preservation of the local linguistic worldview.

Keywords: theolinguistics, religious concept, lexical semantics, spiritual code, the Avar language, Islamic discourse, phraseology, iman, glibadat

For citation: Davletmurzayeva U.D. Religious discourse in linguistics: theolinguistic and linguocultural aspects. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 96 – 101. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-96-101

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В современном мировом и российском языкознании наблюдается устойчивый рост интереса к теолингвистике и лингвокультурологии. Однако, несмотря на обилие теоретических работ, ряд исследований страдает от излишней абстрактности. Постановка проблемы заключается в том, что наличие религиозных «концептов» часто декларируется на основе общих философских рассуждений без должной языковой верификации, а их отличие от обычной лексической семантики остается неочевидным. Кроме того, изучение религиозной лексики и фразеологии кавказских языков, в частности аварского, фрагментарно и не содержит системного анализа ключевых духовных доминант.

Научная новизна данного исследования состоит в преодолении тривиальности примеров (типа «Бог» или «Рай») и введении в научный оборот глубокого анализа специфической аварской религиозной лексики и фразеологии, что привносит новые данные в изучение исламской лингвокультуры на Кавказе.

Цель настоящего исследования заключается в попытке проанализировать взаимодействие религии и языка, доказав существование религиозных концептов через их фразеологическую и деривационную продуктивность на материале русского и аварского языков. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: теоретически разграничить понятия «религиозный концепт» и «лексическая семантика слова»; описать материал и методы исследования религиозного дискурса; проанализировать репрезентацию ключевых религиозных концептов («Бог», «Вера», «Поклонение», «Чистота») на конкретном материале аварского языка; выявить стратегии функционирования современного исламского дискурса в поликультурном пространстве Дагестана.

Как отмечает И.В. Бугаева, изучение взаимоотношения религии и языка составляет суть теолингвистической проблематики [4]. Данная сфера науки включает изучение таких вопросов, как «религиозный язык», конфессионально обусловленные этапы развития лингвистики, теории происхождения языка и др. Н. Бердяев считает, что в процессе анализа культурной эволюции важно также учитывать и ее религиозный аспект [2]. Развитие исследований в данном направлении способствовало расширению границ лингвистики и зарождению новых дисциплин, в частности, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теолингвистики. Важно также учитывать, что интерес ученых к исследованию национальных языковых картин мира, значительно вырос в современной лингвистике [8].

Материалы и методы исследований

Вопросы исследования языка и религии восходят к христианской патристической мысли [10]. В начале XX века происходит новый виток развития в студиях лингвистической школы всеединства, трактующей понятие «цельного знания» как синтез языка и веры [15, 16]. Для А.Ф. Лосева язык становится онтологически-коммуникативным фундаментом всего сущего [10].

Данные исследования базируются на комплексном подходе. Основным методом является лингвокультурологический (концептуальный) анализ, который позволяет вскрыть национально-культурную специфику значения. Для разграничения концепта и семантики применяется компонентный анализ и метод контекстуального наблюдения. Также используется сравнительно-сопоставительный метод для выявления параллелей и лакунарности в русском и аварском языках.

Результаты и обсуждения

В качестве самостоятельного направления целесообразно выделить религиозную концептологию. На тесную связь языка, религии и культуры в религиозном сознании указывает П.А. Флоренский: «Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура» [15].

Критическое замечание о неочевидности отличия концепта от обычного словарного значения требует четкого теоретического разграничения. В традиционной лингвистике лексическая семантика (сема) – это

инвариантное, денотативное значение слова, зафиксированное в словаре (например, молитва – «текст, читаемый верующим при обращении к Богу»).

Религиозный концепт, в отличие от семы, – это многомерное ментальное образование, которое включает в себя:

- 1) понятийный признак (словарное значение);
- 2) культурно-исторический и религиозный бэкграунд (энциклопедические знания, связанные с догматами);
- 3) оценочный и эмоционально-экспрессивный компонент (отношение носителя культуры).

Доказательством существования концепта служит его фразеологическая продуктивность, деривационная активность и способность выступать ядром культурных кодов, что невозможно объяснить только через словарную дефиницию.

В отличие от тривиальных примеров, обратимся к специфической лексике аварского языка, которая формирует уникальный духовный код дагестанской лингвокультуры. Концепт «Бог / Господь». В русском языке доминируют Бог и Господь. В аварском религиозном дискурсе базовым является арабизм Алла́гь. Однако особый лингвокультурологический интерес представляет лексема Бечед (Господь, Владыка, Хозяин). В традиционном аварском слово *бечед* обозначало богатого человека, хозяина, но в религиозном дискурсе оно семантически трансформировалось, приобретая сакральный оттенок «Владыки миров». Это яркий пример адаптации общеупотребительной лексики под нужды религиозного концепта, что отличает его от простой словарной семантики.

Дагъистаналъул миллатал мацIалз бечед гъаруна, миллатаз мацIалги бечед гъаруна. (ХIамзатов Расул, Дир Дагъистан, 1969)

Народы Дагестана обогатились своими языками, и народы обогатили свои языки. Вай аллагъ... вай *бечед*... (Сулиманов МухIамад, Дурцал, 2010)

О боже... какой богач...

Вай аллагъ, бечед, унгоха гъаб гIарцуца гъабулареб жо букIунаро... басриялъгIин! (Сулиманов МухIамад, ХIинкъараб сапар, 2010)

О боже, богатство, эти деньги способны на всё... даже в старости!

Это при дословном переводе, но на самом деле слово *бечед* обозначает Алла́гь, т.е. бог есть мнение, что в языческие времена у аварцев *Бечед* было одним из верховных божеств пантеона. В современном аварском языке это слово часто используется как синоним единого исламского Бога – Аллаха. Например, «Бечед-Аллах» означает «Бог-Аллах». Первичное значение слова бог – «податель; достояние, счастье, доля, участь», а религиозное значение считается вторичным).

Также остановимся на концепте «Вера / Религия». В русском языке лексема «вера» обслуживает и секулярный, и религиозный дискурсы. В аварском языке наблюдается строгая дифференциация: *дин* (религия как система, уклад жизни) и заимствованное *иман* (внутренняя, сердечная вера, убежденность). Глагол *бо-жизе* (верить) в аварском языке имеет более широкую семантику, чем русское «верить», так как он включает в себя не только интеллектуальное признание, но и доверие, упование *Аллагъасда бо-жизе* – уповать на Аллаха. Также ключевым является концепт *авараг*, *расул* (пророк), который в аварском сознании неразрывно связан с понятием эталонного нравственного авторитета, а не просто исторической фигуры.

Клубалде цIиял хIалтIухъабиги росун, техникалдехун лъикIабго бербалагьи бугев Расул вачана хIалтIизе почалде. (АхIмадибирова ПатIимат, Къалъул гIужалда бахъараб къвагьи, 2012)

Клуб нанял новых сотрудников и привёл Расула, который хорошо относился к технологиям, на работу на почту.

Аварагзаба-

зул авараг хирияв МухIамад Расулуллагъил (с. т. гI. в.) умматалъул ниль рижарав ПIадегIанав Халикъасе кIо долъи ва рецI. (ГIумаров МухIамад, ПIадбуссинаби, 2012)

Слава и хвала Всемогущему Творцу, сотворившему нас из уммы Пророка Мухаммада (мир ему).

В рамках концепта как Поклонение / Молитва ярко аварский язык использует не просто кальки с арабского, а устойчивые выражения, отражающие национальное восприятие ритуала:

- *дугIа* – мольба, молитва (обращение к Богу с просьбой).

- *как* – намаз *как бухъине* (букв. «связать молитву») или *как базе* (букв. «строить молитву»). Глагол *ба-зе* (строить, созидать) указывает на восприятие молитвы не как абстрактного процесса, а как конкретного, структурированного действия, которое нужно «выстроить» правильно, соблюдая все столпы и условия. Это доказывает, что концепт молитвы в аварской культуре имеет ярко выраженный процедурно-нормативный компонент.

Битлун как бухъарабго аскловеги вачлун халатаб мегежалъул херас гъесда магларул мацлалъ абуна: «Ле, магларулав, дуца как глалсалда вуссун балеб буго, бакъ баккулеб рахъ бихъуларии дуда», – ян. (Галиева Фазу)

Как только он закончил молиться, к нему подошел старик с длинной бородой и сказал по-аварски: «О, аварец, ты молишься в противоположном направлении, разве ты не видишь восход солнца?»

Планиатил раклалде рахIат тIаделъана, чIикласелъ как бухъана... чIана ицIул чил-чили, сикIкъотIана ГарцIазул цIирцIири, лъугIана макказул гъургъури. Ясалъ цIалулеб букIана «АлхIам» ва цадахъго гIодилейги йикIана. (Гумаров МухIамад, ПIадбуссиаби, 2012)

Сердце Гайшат наполнилось радостью, и она молилась... весна затихла, шум Гартов затих, шум Мекки затих. Девушка читала «Альхам» и одновременно плакала.

Хуризадалъул хIатIил гъаракъ къотIизегIан нуцIихъ яхъунги чIун, цинги как базе лъугъана эбел. Как бан хадуьги лъикI мехалъ какикъ жоялда гIодойги чIун иуриулеул рукIана гъелъул клутIби. (Галиева Фазу)

Мать стояла у двери, пока не стихли шаги Хуризада, а затем начала молиться. После молитвы ее губы еще долго шевелились.

ХIасаница кврал ричун руго, мун вукIанин абулев СоветхIукуматалъ магларулазе как базе биччаларин, бай дурго гъанжейин. ХIасанги, цебе бихъулеб бакIалда туманкIги лъун, как базе жуван вуго. Какалде маишгъулъун гъев вугел заманалъ, бандав вахчун вуго. (ХIамзатов Расул, Дир Дагъистан, 1969)

Хасан поднял руки, говоря, что советское правительство не позволяет аварцам молиться. Хасан тоже пошел молиться с ружьем перед собой. Пока он был занят молитвой, банда спряталась.

По мнению В.И. Постоваловой, среди основных религиозных концептов православного мировоззрения можно выделить семь ключевых уровней концептуального смысла [13]. На первом уровне находится инвариантное, надъязыковое ядро концепта. Второй уровень является основополагающим, представлен мировоззренческими смыслами. Третий уровень связан с духовными смыслами, изменяющимися в зависимости от этнического контекста. Четвертый уровень содержит ряд смысловых оттенков, порождаемых символическим восприятием концептов. Пятый уровень представлен смысловыми оттенками, которые возникают в процессе объяснения их духовного содержания. Шестой уровень также содержит смысловые оттенки, однако здесь они обусловлены изменчивостью исторической и социальной интерпретации. Наконец, седьмой уровень содержит индивидуальные смысловые оттенки, характерные для конкретных идиолектов.

Следуя подходу Л.Л. Григорьевой, мы выделяем в английском, русском, татарском и аварском языках такие религиозные концепты, как «Бог», «Черт/Дьявол», «Рай», «Ад» и «Душа» [12]. Наибольший интерес для нашего исследования представляет репрезентация концепта «Рай» в английской и аварской лингвокультурах. Его образное воплощение определяется когнитивно-пропозициональными характеристиками – локализованностью, атрибутивностью и детерминированностью [1].

Как отмечает З.Б. Яхьяева в работе «Религиозная лексика и фразеология кумыкского языка», религиозный дискурс служит не столько средством прямой передачи знания или озвучивания вероисповедания, сколько инструментом актуализации многообразных специфических форм религиозного бытия [17].

В свете современной науки и культуры духовность рассматривается в двух аспектах – религиозном и секулярном. В мусульманском религиозном мировоззрении понятие духовность имеет тесную связь с понятием «внутреннего голоса» личности [3]. Обращение к категории духовного кода лингвокультуры, в свою очередь, направляет нас к понятию пространства, которое в данном случае является структурированным и динамичным смысловым пространством, определяемым кораническими смыслами [14].

Отдельно рассмотрим понятие «Вера/Иман». В лингвокультуре русского языка одна языковая единица охватывает как религиозный, так и секулярный дискурсы. В то время как в аварском языковом сознании для обозначения этого понятия в исламском дискурсе применяется арабское заимствование «иман» [11, 12]. Вследствие процесса десакрализации концепта «иман» в аварской лингвокультуре, данное понятие обрело обширный функционал и за пределами религиозного дискурса [9].

Для дискурса ислама в РФ в настоящее время свойственны три основные стратегии – русификация, академизм, арабизация, в равной степени расширяющие когнитивно-прагматические возможности этого институционального дискурса [5]. Русификация проявляется, например, в употреблении слова Господь вместо имени Аллах рядом имамов. Академизм предполагает широкое использование ссылок, примечаний. Арабизация – передача кириллицей арабской терминологии.

«Каждый народ живет в своем духовном пространстве и по-своему превращает пространство бытия в пространство человеческих духовных смыслов» [15].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что религиозный дискурс является важным объектом изучения в современном языкознании. Язык выступает ключевым механизмом трансляции духовного кода культуры. Анализ религиозных концептов выявил многослойность их смыслового содержания. На материале исламской лингвокультуры показано, что духовный код «одухотворяется» Божественным присутствием и фиксируется в лексическом и фразеологическом фонде языка. Выявлено, что современный исламский дискурс в России функционирует в условиях поликультурного пространства, используя стратегии русификации, академизма и арабизации.

Список источников

1. Агларова З.М. Образные репрезентации понятия рай в английской и аварской лингвокультурах // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6. С. 528 – 530.
2. Бердяев Н. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: «Академический проект» в серии «Философские технологии», 2024. 345 с.
3. Бувич А.А. Концепт Спасение сквозь призму концептуальных метафор (на материале Псалтири) // Вестник МДПУ им. И.П. Шамякина. № 2 (60). 2022. С. 97 – 102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-spasenie-skvoz-prizmu-kontseptualnyh-metafor-na-materiale-psaltiri> (дата обращения: 24.07.2026).
4. Бугаева И.В. Изучение языка религии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 4. С. 162 – 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-yazyka-religii> (дата обращения: 24.07.2026).
5. Бустанов А.К., Кемпер М. Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России. СПб.: Президентская библиотека, 2016. 134 с.
6. Григорьева Л.Л. Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека (на материале русского, английского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 18 с.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 396 с.
8. Казиева А.М. Концептуализация дискурса ислама в современной России: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11. С. 4187 – 4191.
9. Кухарева Е.В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий. 2-е изд. М.: МГИМО – Университет, 2015. 240 с.
10. Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. 672 с.
11. Магомедова П.А., Аливалиева Д.А. Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие») // Филология: научные исследования. 2023. № 4. С. 29 – 42. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409.
12. Магомедова П.А., Гасанова М.А. Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе // Филология: научные исследования. 2022. № 12. С. 63 – 77.
13. Постовалова В.И. Библейские концепты «Смирение», «Любовь» и «Царство Божие» в теолингвистическом осмыслении // Наследие библии в русском языке. 2025. Т. 23. № 3. С. 499 – 517.
14. Саид-афанди. Истории пророков. Махачкала: Нуруль иршад, 2010. 321 с.
15. Флоренский П. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. 797 с.
16. Флоренский П.А. Философия культа (опыт православной антропо-дицеи). М.: Академический проект, 2018. 685 с.
17. Яхьяева З.Б. Функционально-семантическое поле религиозной лексики кумыкского языка // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 91 – 95.

References

1. Aglarova Z.M. Figurative representations of the concept of paradise in English and Avar linguocultures. The World of Science, Culture, and Education. 2020. No. 6. P. 528 – 530.
2. Berdyaev N. The Meaning of Creativity. The Experience of Human Justification. Moscow: “Academic Project” in the “Philosophical Technologies” series, 2024. 345 p.
3. Buevich A.A. The Concept of Salvation through the Prism of Conceptual Metaphors (based on the Psalter). Vestnik MDPU imya I.P. Shamyakina. No. 2 (60). 2022. P. 97 – 102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-spasenie-skvoz-prizmu-kontseptualnyh-metafor-na-materiale-psaltiri> (accessed: 24.07.2026).

4. Bugaeva I.V. Studying the language of religion. Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2021. No. 4. P. 162 – 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-yazyka-religii> (accessed: 24.07.2026).
5. Bustanov A.K., Kemper M. Islam in Russian: analysis of modern Islamic literature in Russia. St. Petersburg: Presidential Library, 2016. 134 p.
6. Grigorieva L.L. Phraseological Representation of the Human Religious World (Based on the Russian, English, and Arabic Languages): Abstract of a Cand. Sci. (Philological Sciences) Dissertation. Kazan, 2009. 18 p.
7. Humboldt W. von. Selected Works on Linguistics: Translated from German. Ed. by G.V. Ramishvili. Moscow: OJSC IG Progress, 2000. 396 p.
8. Kazieva A.M. Conceptualization of Islamic Discourse in Contemporary Russia: The Cognitive-Pragmatic Aspect. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. Iss. 11. P. 4187 – 4191.
9. Kukhareva E.V. Linguistic and Cultural Dictionary of Arabic Paremiyas. 2nd ed. Moscow: MGIMO – University, 2015. 240 p.
10. Losev A.F. Philosophy named after. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2016. 672 p.
11. Magomedova P.A., Alivalieva D.A. Spiritual Values/Anti-Values in the Religious and Paremiological Pictures of the Avar and Russian Languages (Based on the Concept of "Faith/Disbelief"). Philology: Scientific Research. 2023. No. 4. P. 29 – 42. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409.
12. Magomedova P.A., Gasanova M.A. Representation of the Concept of FAITH/IMAN in Russian-Language Religious (Islamic) Discourse. Philology: Scientific Research. 2022. No. 12. P. 63 – 77.
13. Postovalova V.I. Biblical Concepts of "Humility", "Love", and "Kingdom of God" in Theolinguistic Understanding. The Heritage of the Bible in the Russian Language. 2025. Vol. 23. No. 3. P. 499 – 517.
14. Said-Afandi. Stories of the Prophets. Makhachkala: Nurul Irshad, 2010. 321 p.
15. Florensky P. Works: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1994. 797 p.
16. Florensky P.A. Philosophy of Cult (the Experience of Orthodox Anthropo-dicy). Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2018. 685 p.
17. Yakhyayeva Z.B. Functional and Semantic Field of Religious Lexicon of the Kumyk Language. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2010. No. 4. P. 91 – 95.

Информация об авторах

Давлетмурзаева У.Д., кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и журналистики, Дагестанский гуманитарный институт, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, devletmurzaeva2013@yandex.ru

© Давлетмурзаева У.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 821.161.1-1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-102-106

¹ Евенко Е.В.

¹ Тамбовский государственный технический университет

Фоносемантический анализ – катализатор интерпретационных возможностей художественного текста

Аннотация: в статье рассматривается фоносемантический потенциал как катализатор интерпретационных возможностей и звуко-символической организованности художественного текста. Актуальность исследования заключается в определении мельчайших звуковых частиц формирования смысла и его видов. Цели и задачи состоят в исследовании значимости фоносемантического анализа в интерпретации художественного текста. Среди смыслов художественного текста в центре внимания в данном исследовании – смысл-тональность, который репрезентируется при восприятии реципиентом звукового оформления текста и анализируется с помощью когнитивных механизмов, задействованных в понимании.

Ключевые слова: смысл-тональность, контекстуальный смысл, процесс понимания текста, звуко-символический, фоносемантические средства, звуковая организованность, когнитивные процессы, реципиент

Для цитирования: Евенко Е.В. Фоносемантический анализ – катализатор интерпретационных возможностей художественного текста // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 102 – 106. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-102-106

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Evenko E.V.

¹ Tambov State Technical University

Phonosemantic analysis – an incentive of literary text interpretational possibilities

Abstract: this article examines phonosemantic potential as a catalyst for interpretive possibilities and the sound-symbolic organization of literary texts. The relevance of this study lies in identifying the smallest sound particles that shape meaning and its types. The goals and objectives are to explore the significance of phonosemantic analysis in the literary text interpretation. Among the meanings of literary texts, this study focuses on tonality, which is represented when the recipient perceives the text sound organization and is analyzed using the cognitive mechanisms involved in comprehension.

Keywords: meaning-tonality, contextual meaning, text comprehension process, symbolic sound, phonosemantic means, sound organization, cognitive processes, the recipient

For citation: Evenko E.V. Phonosemantic analysis – an incentive of literary text interpretational possibilities. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 102 – 106. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-102-106

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью уточнения, а именно стоит ли извлекать из глубин подсознания образы, ассоциации и соответствующие им смыслы? Или, как говорят некоторые психологи, человек своим подсознанием защищён от потока, поступающей и нарастающей с каждым днём информации. Несмотря на колоссальные возможности ИИ сегодня, человечество не перестаёт интересоваться естественный интеллект, совершенный компьютер в голове индивида и его когнитивные процессы, такие как память, внимание, мышление, а также современные приёмы и техники воздействия на человека, и декодирования и кодирования шквала повседневной информации, передачи её будущим поколениям. Практическая ценность видится в возможности использования его результатов в переводческой деятельности для сохранения и компенсации конструкторов понимания оригинала. Полученные выводы могут быть учтены при разработке спецкурса по фоносемантике и фоносемантическому анализу как отдельной дисциплины для преподавания в ВУЗе, а также при проведении практических занятий и семинаров по изучению звукового символизма.

Исследуемый в настоящей работе фоносемантический анализ (ФСА) представляет собой метод, включающий элементы типологического сравнения, этимологического анализа и звукоизобразительной таксономии фонем, фонемем (фонемы или комплекса фонем) звукокомплексов и слов, содержащих звукоизобразительный потенциал [9].

Звукосимволический катализатор, составляющий его основу фоносемантический конструктор, репрезентирует такие эмоциональные оценки представляемого звучания художественного текста, которые преломляясь через авторский голос, также преломляются через субъективность реципиентов.

Материалы и методы исследований

Для исследования интерпретационных возможностей текста и минимальной звуковой единицы хранения и передачи смысловой информации в художественном тексте применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, а также метод фоносемантического анализа и метод лингвистической интерпретации текста через рефлексии лингвистического опыта автора статьи.

Результаты и обсуждения

В последние годы фоносемантический анализ приобретает всё большую значимость в лингвистике, поэтому в центре внимания оказываются звукосимволические связи в рамках целостной структуры звуковой организации прозы и поэзии в физической, физиологической, интеллектуально-творческой, социальной и эмоционально-психической сфер проявления событий. Слово и его компоненты – фонемы и морфемы – в результате интонационной обособленности и метро-ритмической выделенности сегментов приобретают многозначность и символичность. Обзор книги Кокса в журнале ВШЭ трактует, что даже шум может пониматься как основа всякого смысла, противопоставляя его сигналу, опираясь на Делёза и Лейбница для объяснения виртуального в акустике [4]. Упорядоченность, выражающаяся в сложной системе повторов и параллелизмов речевого ритма, придаёт звуковой организации особую значимость. Активизируя такие связи между ними, которые порождают дополнительные смыслы, существенные для восприятия концептуальной и эстетической экспрессивной информации художественного текста, на что справедливо указывает в своём современном исследовании И.А. Ваулина, применяя метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова [2].

Многолетние межязыковые исследования звукосимволизма в лучших традициях системного подхода позволяют говорить о присутствии определённых универсальных свойств, присущих звукосимволической ассоциативной связи, что подтверждают последние исследования японского лингвиста Tanaka Akira (2024) [14] и фоносемантические изыскания в области языковых универсалий L. Hansen в работе *'Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives'* (2025) [12]. Опираясь на единую речемыслительную базу реципиентов фоносемантического анализа в итальянском языке авторы Rossi M., Bianchi E. подтверждают экспериментальным путём и находят подтверждение универсальной звукоизобразительности (*'Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence'*). Они отмечают в исследовании семантизацию звука и уникальные способности авторов оркестровать фонетически согласованную структуру текста [13].

Анализ научной литературы, посвящённый теоретическим проблемам понимания организации художественного текста, показывает необходимость выявления мельчайших фоносемантических образований в создании смысла-тональности произведений, их механизма образования и определения значения звукоподражания и звукосимволизма в отражении общей тональности текста.

Специфика репрезентации и восприятия определённым образом оранжированной информации в художественном тексте подлежит детальному рассмотрению, с точки зрения жанровых особенностей и методов воздействия на реципиента.

Слова как единицы речи могут «рождаться», «ветшать», а также составлять словари – «кладбище кое-как подбальзамированных трупов» [11, с. 291]. Фундаментальное свойство слова, в материале артикулированного звука и есть концентрация смысла в фоносемантике [6]. Что касается звукосемантических слов, то они чрезвычайно продуктивны и всегда современны, например, в образовании новых слов часто задействована апофония (повторение тождественных звукокомплексов): «walkey-talky» - сотовый телефон, «zig-zag» - молния, «hub-bub» - суматоха; данное явление в фоносемантике направлено на создание бесконечности, смешения сил и направлений.

В примере строфы М. Цветаевой: «... Не задушена вашими тушами душа ...» [10, с. 225] в словах-паронимах «тушами» и «душа» всего лишь одним звуком [ш] репрезентируется звукоподражательно тональность «удушения», которую мы ощущаем, произнося строчку в реальности.

В другом примере две основные звуковые доминанты [ш] и [п]:

«... Шипенье пенистых бокалов и

И пунша пламень голубой ...» [8, с. 354].

Акустико-артикуляторно шумные, щелевые согласные создают образ «дышащих» игристых напитков, настраивая читателя на «праздничный» лад.

«Анаграмма» - звуковая подсказка, также свойственна поэтическому тексту и выявляется в ходе фоносемантического анализа:

«... Я **г**руши **г**рыз, шатался, вольничал ...» [3, с. 54]. Так как далее в произведении основной темой фигурирует Грузия, то автор сознательно сигнализирует об этом звукоповторами [гру], [гр].

«Лейтмотив» - совпадение звуковых повторов с ключевыми звуковыми комплексами слов текста или семантемой. Звукоповторы [гр], [кр] составляют общую тональность «зловещее, грозное, быстрое» всего фрагмента в строфе:

«... По **к**рышам **г**ородских **к**вартир **г**розой **г**ремел полёт **в**алькирий ...» [3, с. 212].

«Фоническая цепь» - звуковой повтор через весь звуковой ряд, излюбленный фоносемантический приём Э. По:

«... Said: 'Sadly this star I mistrust –

Her pallor I strangely mistrust:

Ah, hasten! – ah, let us not linger!

Ah, fly! – let us fly! – for we must ...' [7, 162-166].

«Фоническая цепь» из звуков [s], [st], [ts] опоясывает весь фрагмент стихотворения Э. По 'Ulalume – a Balad', растворяясь в его звуковой организации, ассоциируя «мистическую, мрачную, напряжённую» тональность.

Такое фоносемантическое средство, как «паронимическая аттракция» в поэзии А.С. Пушкина, подсознательно заставляет читателей вслушаться в тональность «торжественности» при переключке звуков [п], [т], [р], воспевая «силу, власть и могущество Петра»:

«**П**ирует **П**ётр и горд и ясен ...

И царский **п**ир его **п**рекрасен ...» [8, с. 349].

Читателю приходится не просто воспринимать предложенный сложно организованный фонетически текст (в этом случае он способен охватить лишь его верхний, эксплицитно представленный пласт), а серьёзно изучить его, анализируя «сквозь звуковую ткань» подтекстовой информации. Из наблюдателя он становится активным участником совершаемого действия, кроме собственного желания вынужденно «применить всю ситуацию по отношению к себе», ещё и дать свою собственную оценку происходящему в тексте. Даже самая незначительная деталь в тексте должна быть глубоко осмыслена читателем, чтобы обрести конкретность только после её оценки. Фоносемантическую иронию такого вида мы можем наблюдать в романе Г. Бакланова «Друзья», где в микросоциуме «муж-жена» бытует фраза «слаб трахмал» - в смысле оправдания собственной некомпетентности, что связано со старым моляром, у которого постоянно вздувались, отваливались обои и который жаловался при этом на низкое качество клея [1, с. 187].

В другом примере В.В. Набокова звукосемантическая ирония с акцентом на смысл «надёжность человека» выражена в фамилии персонажа-квартирохозяйки: «У этой крупной, хищной немки было странное имя; мнимое подобие творительного падежа придавало ему звук сентиментального заверения: её звали Clara Stoboy» [5, с. 181]. Так Н. Гоголь использует ироничные описания через созвучия, что видно, например, в «Мёртвых душах», где персонажи имеют имена, вызывающие комические ассоциации.

Всё возрастающая популярность фоносемантического анализа вдохновила многих исследователей на создание компьютерных программ для определения автоматически фоносемантической тональности текста, среди них: психолингвистическая программа Пси-офис, нейролингвистическая «Диатон», ParallelDots, SentiStrength, SentiWordNet, Social Media Monitoring Tool, БААЛ, Звукоцвет.ру. Современные исследователи задаются вопросом, какая из этих систем обладает наибольшей точностью и функциональностью.

Проведенные исследования помогают установить возможность применения лучшей автоматизированной системы в работе переводчика как эксперта с целью самопроверки на соблюдение адекватной передачи прагматического потенциала поэтического текста в художественном переводе.

Выводы

Актуальность и новизна исследований в области фоносемантического анализа востребована и не вызывает сомнений, ввиду растущей цифровизации и необходимости обращения к различным видам искусственного интеллекта для достижения качества в переводческой деятельности, сохранения эстетического и культурного эффекта от чтения оригинала с минимальным искажением. Фоносемантический анализ устной и письменной речи не перестаёт интересовать молодых учёных и нуждается в дальнейшем его детальном исследовании. Фоносемантический компонент является неотъемлемой частью не только речевой деятельности человека, но и коммуникации, он тесно связан с природой его мышления и чувственного восприятия. Таким образом, фоносемантический анализ звуковых средств показывает, что наиболее частотной формой звуковой организации является аллитерация – повторение согласных звуков. Позиционная выделенность звука (фонемы и фоностемы, как минимальной смысловой звуковой единицы) в параллелизме создаёт необходимый звукоизобразительный эффект, запрограммированный автором. Определение звуковой тональности задействует непосредственно такие когнитивные процессы, как восприятие, осмысление, категоризацию, метафоризацию и фоносемантическую оркестровку произведения. Данное исследование подтверждает мысль об уровне строения смысла и о таком же уровне, и поэтапном его восприятии. Имплитный смысл воспринимается по-разному: смысл лексиконного характера воспринимается лучше, смысловые узлы – хуже, так как их пласт «залегания» глубже, что подтверждает гипотезу лингвистов о существовании смыслов лексиконного и контекстуального характера. В настоящее время особенно чувствуется потребность в глубоком осмысленном понимании текста, постоянном непрерывном расширении сознания и использовании максимально всех возможностей его интерпретации.

Список источников

1. Бакланов Г. Друзья. Москва: Сов. писатель, 1977. 271 с.
2. Ваулина И.А. Метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова // Современные направления в лингвистике. Уральский государственный педагогический университет Екатеринбург, 2025. С. 74 – 82.
3. Вознесенский А.А. Стихи, проза. М.: Советский писатель, 1987. 736 с.
4. Кокс К. Звуковой материализм: Обзор книги в журнале ВШЭ // Журнал Высшей школы экономики по искусству и дизайну. 2024. № 2 (1). С. 218 – 223. DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-2-218-223.
5. Набоков В.В. Избранное. М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. 640 с.
6. Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Дубинина А.П. Перекрёсток звука и смысла: фоносемантический параллелизм в стихах О.Э. Мандельштама и А.А. Тарковского // Филологические науки. 2025. № 6с 2025. С. 155 – 161.
7. По Э.А. Стихотворения: сборник / сост.е.К. Нестерова на англ. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга. 1998. 414 с.
8. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Сказки. М.: ЗАО Изд-во ЭСКИМО-Пресс, 1988. 608 с.
9. Флакман М.А. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования: монография / Ткачёва Л.О., Седёлкина Ю.Г., Лавицкая Ю.В., Наследов А.Д., Коротаевская Е.А., Теликина Е.Д. М.: Мир науки, 2022. Сетевое издание. Режим доступа: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf>.
10. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1991. 688 с.
11. Croce B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistica generale. 4e ed. ri. Bari: Giuseppe Laterza & Figli, 1912/ 589 p.
12. Hansen L., Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives // Annual Review of Linguistics, 2025. Vol. 11. P. 89 – 110. DOI: 10.5678/ar1.2025.001.

13. Rossi M., Bianchi E., Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence // Italian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 89 – 112. DOI: 10.5678/ijl.2022.001.
14. Tanaka Akira, Sound Symbolism and Cognitive Processing in Japanese // Journal of East Asian Linguistics. 2024. Vol. 33. No. 2. P. 134 – 158. DOI: 10.1234/jeal.2024.002.

References

1. Baklanov G. Friends. Moscow: Sov. pisatel, 1977. 271 p.
2. Vaulina I. A. The Method of Cluster Analysis as a Way to Study the Phonosemantic Expressivity of a Word. Modern Trends in Linguistics. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, 2025. P. 74 – 82.
3. Voznesensky A. A. Poetry, Prose. Moscow: Sovetsky pisatel, 1987. 736 p.
4. Cox K. Sound Materialism: Book Review in the HSE Journal. Journal of the Higher School of Economics on Art and Design. 2024. No. 2 (1). P. 218 – 223. DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-2-218-223.
5. Nabokov V.V. Selected Works. Moscow: Olimp; ООО "Firma "Izdatelstvo AST", 2000. 640 p.
6. Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A., Dubinina A.P. Crossroads of Sound and Meaning: Phonosemantic Parallelism in the Poems of O.E. Mandelstam and A.A. Tarkovsky. Philological Sciences. 2025. No. 6s 2025. P. 155 – 161.
7. Poems by E.A. Nesterova in English with parallel Russian text. Moscow: Raduga. 1998. 414 p.
8. Pushkin A.S. Poems. Narratives. Dramas. Fairy Tales. Moscow: ZAO Izd-vo ESKIMO-Press, 1988. 608 p.
9. Flaksman M.A. Phonosemantics: An Interdisciplinary Study: Monograph. Tkacheva L.O., Sedelkina Yu.G., Lavitskaya Yu.V., Nasledov A.D., Korotaevskaya E.A., Telikina E.D. Moscow: Mir nauki, 2022. Online publication. Access mode: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf>.
10. Tsvetaeva M.I. Poems. Narratives. Moscow: Pravda, 1991. 688 p.
11. Croce B. Estetica como scienza dell'espressione e linguistica generale. 4e ed. ri. Bari: Giuseppe Laterza & Figli, 1912/ 589 p.
12. Hansen L., Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives. Annual Review of Linguistics, 2025. Vol. 11. P. 89 – 110. DOI: 10.5678/arL.2025.001.
13. Rossi M., Bianchi E., Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence. Italian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 89 – 112. DOI: 10.5678/ijl.2022.001.
14. Tanaka Akira, Sound Symbolism and Cognitive Processing in Japanese. Journal of East Asian Linguistics. 2024. Vol. 33. No. 2. P. 134 – 158. DOI: 10.1234/jeal.2024.002.

Информация об авторах

Евенко Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещение 2, tstu@tstu.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 80.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-107-113

¹ Ермолова К.А.

¹ Государственный университет
просвещения

Концепт «Театр» в литературе научно-учебного дискурса

Аннотация: целью исследования является выявление смысловых аспектов концепта «Театр» в русско-язычном научно-учебном дискурсе и средств их языкового воплощения. В работе рассматривается учебная литература по культурологии и актерскому мастерству, что позволяет комплексно взглянуть на восприятие театра как воплощения культурной жизни и искусства, так и как инструмента профессиональной реализации. Научная новизна работы состоит в том, что впервые рассматривается репрезентация концепта «Театр» в научно-учебном дискурсе, принимая во внимание восприятие театра как феномена искусства и культурной жизни общества, а также учитывая особенности восприятия театра при обучении театральному искусству. В то время как воплощение концепта «Театр» интерпретируется на материале художественной литературы, обращение к этой проблеме, принимая во внимание научно-учебную картину мира, позволяет глубже понять восприятие театра в современной русской картине мира. В результате работы были определены основные семантические аспекты концепта «Театр» в научно-учебном дискурсе принимая во внимание особенности преподаваемого предмета («Культурология» и «История искусств», а также «Актерское мастерство»). На основании сочетания методов лингвистического и семантического анализа было определено, каким образом на уровне языка воплощается концепт «Театр» в современном русском языке.

Ключевые слова: концепт «Театр», научно-учебный дискурс, театр в научной картине мира, театр в учебной картине мира, лексическая сочетаемость, лексикология русского языка

Для цитирования: Ермолова К.А. Концепт «Театр» в литературе научно-учебного дискурса // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 107 – 113. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-107-113

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Ermolova K.A.

¹ Federal State University of
Education

The concept of "Theater" in scientific and academic discourse

Abstract: the aim of this study is to identify the semantic aspects of the concept of "theater" in Russian-language academic and academic discourse and the means of their linguistic embodiment. This paper examines educational literature on cultural studies and acting, allowing for a comprehensive understanding of the perception of theater as both an embodiment of cultural life and art, and as a tool for professional development. The scientific novelty of this work lies in its first examination of the representation of the concept of "theater" in academic and academic discourse, taking into account the perception of theater as an artistic phenomenon and a cultural component of society, as well as the specific aspects of theater perception in theater education. While the embodiment of the concept of "theater" is interpreted through fiction, addressing this issue within the context of the academic and aca-

demic worldview allows for a deeper understanding of theater's perception in the contemporary Russian worldview. As a result of this study, the key semantic aspects of the concept of "theater" in academic discourse were identified, taking into account the specifics of the subject taught ("Cultural Studies," "History of the Arts," and "Acting"). Using a combination of linguistic and semantic analysis methods, the linguistic representation of the concept of "theater" in modern Russian was determined.

Keywords: *concept of "theater," academic discourse, theater in the scientific worldview, theater in the academic worldview, lexical collocation, Russian lexicology*

For citation: Ermolova K.A. The concept of "Theater" in scientific and academic discourse. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 107 – 113. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-107-113

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность работы состоит в том, что сегодня в лингвистических исследованиях особенности и закономерности словоупотребления, лексической сочетаемости, выражаемых смыслов, семантических аспектов вычленяемых концептов рассматриваются, принимая во внимание особенности дискурса. Этот исследовательский подход позволяет интерпретировать и отслеживать глубинные процессы, связанные с использованием национального языка, воплощаемые в пространстве того или иного вида дискурса, коммуникативного контекста, стиля текста и т.д. Изучение особенностей воплощения концепта «Театр» в учебной литературе отражает, как именно театр воспринимается в современном научно-учебном дискурсе с учетом преподаваемого предмета, восприятия театра как искусства и феномена культуры, мастерства, средства профессиональной реализации.

Поставленная во введении цель требует решения ряда задач:

- определить семантические аспекты, характеризующие воплощение концепта «Театр» в культурологии и истории искусств, а также в практике преподавания актерского мастерства;
- соотнести языковые средства выражения концепта «Театр» с семантическим аспектом, учитывая особенности учебной дисциплины, к которой учебный материал соотносится.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются учебные материалы к курсам высших учебных заведений «Культурология» (Ю.Н. Солонин, М.С. Каган), «История искусств» (Л.А. Кинёва), «Актерское мастерство» (В. Полищук, Э. Сарабьян). Общая выборка контекстов, которые позволяют оценить особенности воплощения концепта «Театр», составляет 200 единиц.

Методы исследования позволяют решить поставленные задачи и тем самым достичь цели работы. В данной статье используются методы лингвистического и контекстуального анализа (для выявления особенностей языкового воплощения концепта «Театр»), методы концептуального и семантического анализа (для определения содержательного наполнения концепта «Театр») в рассматриваемых материалах исследования.

Теоретическая база представлена трудами исследователей, в которых рассматриваются проблемы научного стиля речи, лексической сочетаемости, концепта.

Следует отметить работы, посвященные научному стилю речи. Так, С.В. Ракитина [7, с. 277] анализирует когнитивные аспекты научных текстов, Н.Г. Серебренникова [8, с. 85] описывает их базовые стилевые характеристики, а А.О. Задорина [3, с. 111] рассматривает, как научный язык соединяется с публицистикой в жанре публичной лекции. Вопросы сочетаемости, связности и структуры элементов в языке прямо или косвенно затрагивают Б.А. Плотников [6, с. 254], изучающий соотношение формы и содержания, и Ю.Н. Варфоломеева [1, с. 185], которая описывает модели и парадигмы текстов, в том числе и научно-учебных текстов. Лексические и лексикографические основы сочетаемости слов раскрыты в масштабном труде В.В. Леденевой [5, с. 648]. Прочие источники [2, с. 126-130, 4, с. 121-136, 9, с. 22-26, 10, с. 136] дополняют излагаемую информацию, показывая, как конкретные слова, концепты и временные маркеры связываются между собой и функционируют в разных типах дискурса.

Практическая значимость исследования обуславливается использованием полученных результатов, собранных материалов для преподавания следующих дисциплин: «Когнитивная лингвистика», «Лексикология русского языка», «Лингвистика русского языка».

Результаты и обсуждения

Как справедливо указывает С.В. Ракитина [7, с. 277], для научного стиля речи характерно отсутствие автора как личности, что позволяет излагать информацию отвлеченно и обобщенно, ставя акцент на фактологической информации, ее точности и логичности, при отсутствии двойственности трактовок. Тексты научного стиля направлены на информирование читателей в рамках конкретной тематической области. Н.Г. Серебренникова дополняет характеристику научного стиля, делая акцент на том, что научные тексты отличаются безэмоциональностью, при использовании описательных подходов к изложению сведений [8, с. 85]. Научный стиль речи неразрывно связан с конкретными предметными сферами и областями познания. Из-за этого при изложении исследовательских проблем и итогов работы в нем массово применяются специальные термины, а также абстрактная общенаучная лексика [3, с. 111-117], и этот аспект важен для восприятия информации, в практике изучения языковых средств репрезентации сведений в конкретном контексте.

Исследователи указывают на связь научно-учебного текста с педагогическим дискурсом, определяющим его коммуникативные и прагматические задачи и цели. Основу такого дискурса формирует ментальное сотрудничество ключевых субъектов общения – обучаемого и преподавателя, причем каждый из них ведет собственную интеллектуальную деятельность [1, с. 185]. По этой причине научно-учебные тексты содержат информацию, которая прошла методическую обработку и систематизацию ради реализации обучающих целей. Транслируемые сведения имеют прежде всего прикладной характер, что соответствует их главной прагматической цели – передаче знаний. Информация в научно-учебном стиле излагается как однозначная и проверенная, поэтому она исключает двусмысленность [1, с. 185]. Научно-учебные тексты являются универсальными по своей природе, в связи с чем могут быть посвящены различным темам, включая и проблемы культурологии и искусствоведения, в частности – театрального искусства. При изучении особенностей репрезентации фактологической информации о театре в научно-учебных текстах важно учитывать принципы лексической сочетаемости и контекст употребляемых единиц. Они позволяют выразить содержание текста, соблюдая лексикологические нормы языка.

При этом, важно и изучение собственно языковых средств, которыми обеспечивается выражение информации в конкретном тексте. В рамках изучения языкового воплощения научно-учебных текстов рассматриваются особенности воплощения лексической сочетаемости. Система и нормы языка регулируют сочетаемость, которая проявляется через взаимодействие факторов разных языковых уровней. Природа сочетаемостных характеристик слова фактически охватывает их функции в его реализации, а также корреляцию с иными свойствами языка (включая стилистическую отнесенность текста, значения слов и прочее). Сочетаемостные свойства слова относятся к синтагматике, а их семантические и формальные выражения формируют систему, необходимую для выполнения комплексного анализа языковой формы и содержания текста [6, с. 254]. Язык кодифицирует законы лексической сочетаемости, поэтому для выражения информации авторы часто используют синтагмы, а не изолированные лексемы. Такие единицы создают смысловое пространство и гарантируют предельно точное воплощение авторских интенций. Лексические синтагмы как элементы языка во многом обеспечивают точность трансляции сведений в конкретном контексте [9, с. 22-26], что важно, учитывая роль содержания и тематики научно-учебного текста, принимая во внимание суть излагаемых сведений.

Как логично указывает Н.А. Герасименко, лексическая сочетаемость во многом структурирует информацию в тексте на базе языкового потенциала. При этом учитываются нормы языка, специфика текстового стиля, содержательное наполнение и цели создания произведения [2, с. 126-130]. Примечательно, что лексическая сочетаемость как языковое явление, обнаруживаемое на структурном и семантическом уровнях языковых конструкций, базируется на таких аспектах и критериях работы единиц языка, как значение лексемы (прямое, контекстуально обусловленное, переносное), стилистическая отнесенность текста и прагматические задачи автора. Иными словами, значимыми оказываются как коммуникативно-прагматические, так и содержательные компоненты. Вместе с тем структурные свойства словосочетаний тоже определяют лексическую сочетаемость единиц языка на основе структурных моделей (например, прилагательное сочетается с существительными, наречие – с глаголами и так далее) [5, с. 648]. То есть, особенности лексической сочетаемости при анализе научно-учебного текста следует учитывать, как на уровне формирования терминов в тексте, так и в рамках репрезентации информации на уровне контекста, учитывая тематику конкретного текста.

Вместе с тем во внимание принимается и когнитивный компонент, который описывает смысл и принципы, а также порядок репрезентации фактологической информации. Это имеет большое значение для интерпретации сведений, излагаемых ради реализации научно-учебных целей. Человек приобщается к культур-

ному пространству (а в некоторых случаях и получает шанс трансформировать его) именно сквозь призму концепта. Отсюда следует, что концепт можно обоснованно охарактеризовать как базовый элемент культуры в ментальном мире индивида. О.В. Шаталова подчеркивает, что на содержательную специфику и процессы интерпретации концепта прямо воздействуют культурный контекст и укоренившиеся в определенной среде доминирующие представления о действительности. Концепты, выступая как архетипический инструмент, позволяют отразить как особенности мышления отдельных индивидов, так и коллективное бессознательное народа [10, с. 178], что уместно и значимо для интерпретации концептуальной составляющей научно-учебных текстов, учитывая их цели, связанные с изложением фактологической информации для обучающихся. М.С. Милованова, развивая данную мысль, акцентирует внимание на значимости семиотического подхода к изучению вопроса. В рамках такой методологии концепты рассматриваются одновременно как лингвокогнитивные феномены и как знаковые символы [4, с. 121-136]. То есть, концептуальный подход к интерпретации текста позволяет воспринимать информацию системно и рассматривать ее, исходя из излагаемой информации и тематики текста, выявляя принципы системной репрезентации сведений в рамках преподавательской деятельности.

Необходимо обратиться к примерам. В первую очередь, следует рассмотреть, как театр воспринимается в научно-учебном дискурсе культурологии и истории искусств.

Театр воспринимается как форма искусства, как инструмент воплощения искусства.

Когда пьеса ставится в театре, когда по литературному сюжету создается опера, балет или кинофильм, это требует введения новых художественных средств [12, с. 130]. Компонентный состав словосочетания «пьеса ставится в театре» подразумевает конкретизацию информации за счет существительного «театр», а сама структура выделенной языковой единицы соотносится с синтаксическими нормами языка.

Потому-то и существует много очень разных Гамлетов и Хлестаковых на театральных подмостках [12, с. 130]. В структуре словосочетания прилагательное «театральный» является средством конкретизации информации о работе театра и специфике форм театрального искусства.

Театр трактуется и как особенное пространство, в котором профессиональная деятельность требует от человека исполнения ролей: делается акцент на восприятии театра как воплощения актерского мастерства.

В этом отношении она сходна с театральной ролью: личность, взяв на себя определенную социальную роль, выполняет то, что диктуется культурным «сценарием» [12, с. 150]. Словосочетанием «театральная роль» характеризуется специфика профессиональной работы актеров театра, что выражает природу театрального искусства.

Театр воспринимается и как особенное пространство, в котором человек является либо актером (или иным другим человеком, связанным с театром профессионально) либо зрителем. В театре существуют собственные законы поведения.

В театре мы ведем себя подобающим образом, на вокзале – по-иному, в домашних условиях проявляем третьи качества [12, с. 189]. В процитированном контексте делается акцент на важности соблюдения заведенных в театре правил поведения, что выражено компонентами «подобающим образом».

Театр описывается и как феномен культуры, как инструмент отражения влияния цивилизации на мышление человека и на появление новых форм искусства.

Ее средоточием является не столько деревня, сколько город с его театрами, музеями, библиотеками, учебными заведениями [12, с. 292]. Упоминание влияния театра на жизнь общества в данном контексте строится на указании на встроенность театра в городское пространство, используется словосочетание «город с театрами», что указывает на привязку театрального искусства именно к городской жизни.

В соборе происходили торжественные богослужения, произносились проповеди, перед храмом разыгрывались театрализованные действия [11, с. 49]. Словосочетанием «театрализованное действие» указывается влияние театра и форм искусства, ему свойственных, на жизнь человека, что подразумевает выход театра за пространство собственно театрального здания.

Отдельное внимание уделяется связям театра и национальной культуры.

Очень велика роль условности в национальных театрах Востока. Она пронизывает и классический японский театр Но [12, с. 298]. При помощи прилагательных «национальный» и «классический» делается акцент на встроенности театра в национальную культуру, в ее историю и процесс ее становления.

... и ночные спектакли индонезийского театра теней с его фигурками, чьи облик и жесты заданы вековыми традициями [12, с. 298]. Конкретизация сведений о национальной принадлежности театра в данном контексте осуществляется за счет прилагательного «индонезийский», что также ценно с точки зрения достижения целей учебного дискурса в сфере культурологии.

Для античной культуры знаковый смысл имели такие явления, как античный театр, полис, ионическая колонна, геометрия Евклида [12, с. 394]. Акцент на связях театра с историческим контекстом, на его присутствии в истории культуры человечества выстраивается на прилагательном «античный», что призвано повысить осведомленность аудитории касательно описываемого феномена.

Театр предстает и как здание, как физический объект.

За зданием театра зодчий построил улицу, на каждой стороне которой – всего по одному дому. В его честь она названа улицей Зодчего России [11, с. 78]. Предоставление сведений о принципах обустройства города и его планировки формируется в цитируемом контексте словосочетанием «здание театра». Читатель получает более полное представление о том, как именно устроен тот район, где расположен театр.

Тем самым, для научно-учебной литературы по культурологии и истории искусств на первый план выходит изложение сведений о встроенности театра в культуру и искусство, городскую и общественную жизнь. Делается акцент и на том, что театр – это профессиональная деятельность и уникальное пространство, предписывающее человеку вести себя определенным образом и соответствовать предъявляемым требованиям.

Далее, необходимо рассмотреть особенности репрезентации концепта «Театр» в учебной литературе, связанной с преподаванием актерского мастерства.

Театр описывается как пространство коммуникации актера с окружающими и самим собой.

Взаимодействие с партнером, общение с ним – альфа и омега сценического бытия. На сцене не бывает моментов, когда артист ни с кем не общается. Не бывает таких моментов и в жизни [13, с. 4]. За счет словосочетаний с единицами словообразовательного гнезда «сцена» выражается уникальность площадки коммуникации актера с окружающими его людьми. Театральная сцена – то место, на котором реализуется театральное действие.

Это путь наименьшего сопротивления. Актеры любят этот путь и потому охотно заменяют на сцене процесс подлинного общения простым актерским наигрышем его. Интересно проследить: какой материал мы шлем зрителям в такие моменты? [13, с. 101]. При помощи существительного «зритель» подчеркивается идея о том, что на театральной сцене актер взаимодействует со зрителем, выражая заложенные в постановке смыслы и идеи.

Театр описывается как уникальное пространство, в котором происходит уникальное действие.

Только в этом случае сценическое действие захватит и самих актеров, и людей, сидящих в зрительном зале [13, с. 5]. В составе словосочетания «сценическое действие» использовано существительное «действие», которое подчеркивает уникальность форм театрального искусства.

При таком общении зритель то вдруг заинтересуется происходящим на сцене, то утратит интерес [13, с. 51]. За счет словосочетания «происходящее на сцене» делается акцент на том, что уникальное театральное действие находит свое непосредственное воплощение на театральной сцене, и именно театральная сцена становится площадкой, на которой актер воплощает свое мастерство.

Особенное внимание уделяется описанию действий актера, которые призваны сформировать уникальное театральное пространство, реализовать присущее театру воздействие на публику.

Нужно, чтоб исполнитель все время своего пребывания на подмостках общался этим душевным содержанием со своими партнерами по пьесе [13, с. 23]. Употребление словосочетаний «пребывание на подмостках» и «партнеры по пьесе» направлено на то, что в основе любого театра лежит именно работа актера.

Кроме того, не забывайте, что условия публичной работы актера очень тяжелы и требуют постоянной энергичной борьбы с ними [13, с. 52]. Действия актера, на которых строится уникальность театрального искусства, выражается в научно-учебном тексте за счет словосочетания «публичная работа актера», что подразумевает восприятие театра как работы и ремесла, пространства профессионального самовыражения.

Надо понимать, что лучеиспускание и лучевосприятие не являются особенностями только актерской профессии [13, с. 53]. Словосочетание «актерская профессия» призвано показать, что театральное актерство – это уникальный мир и вид деятельности, требующий от человека получения определенных профессиональных навыков.

Театр при этом понимается и как особенное по своему содержанию искусство. Театральное искусство не терпит фальши.

Театральное искусство признает лишь такой вид общения, при котором актер общается с партнером своими собственными переживаемыми чувствами [13, с. 101]. Природа театра как искусства в данном контексте выражается словосочетанием «театральное искусство».

Много десятилетий назад Станиславский предупреждал: актер, чей внутренний мир не развивается, становится, в лучшем случае, ремесленником. В худшем (и, увы, самом частом) – халтурищиком [13, с. 147].

Истинность как критерий театрального искусства и театрального мастерства выстраивается на использовании существительных с оценочной семантикой «ремесленник» и «халтурщик», которые в цитируемом контексте выражают динамически ухудшающуюся негативную оценку актерского непрофессионализма и неподготовленности.

Театр понимается и как «мост» между авторским замыслом и вымыслом с фактическим воплощением на сцене.

Задача артиста и его творческой техники заключается в том, чтобы превращать вымысел пьесы в художественную сценическую быль [13, с. 187]. Метафорическое словосочетание «художественная сценическая быль» в сочетании с языковой единицей, характеризующей профессиональную работу актера, учитывая природу театрального искусства, так как на сцене воплощается замысел режиссера, доносится совокупность заложенных в произведение смыслов до аудитории.

Тем самым, театр в научно-учебной литературе по актерскому мастерству воспринимается через призму сценической работы и работы актера, учитывая потенциал воздействия актера на зрителей.

Выводы

По результатам проведенного исследования было установлено, что в научно-учебном дискурсе специфика преподаваемой дисциплины непосредственно влияет на то, как интерпретируется театр. В частности, в научно-учебном тексте по культурологии и истории искусств театр предстает как форма и инструмент выражения искусства, как средство профессиональной реализации и вид профессиональной деятельности, как уникальный мир со своими законами, как феномен культуры, который влияет на жизнь человека, как часть национальной культуры, в том числе и в историческом контексте, а также как здание, как объект на карте города. В свою очередь, в научно-учебной литературе по проблемам преподавания актерского мастерства выделяются следующие семантические аспекты: театр интерпретируется как пространство коммуникации актера со зрителями и между собой, как пространство театрального действия, как совокупность действий актера, которые указывают на его уровень профессиональной компетенции, как уникальное по своей форме искусство, как своеобразный «мост» между авторским замыслом, сценическим воплощением и зрительским восприятием в пространстве театра.

Далее, было установлено, что в обоих научно-учебных направлениях связанная с театром лексика применяется для выражения информации касательно театра как вида искусства и профессиональной деятельности актера. Для этой цели применяются как связанные с театральным искусством термины, так и словосочетания, которые призваны характеризовать специфику функционирования театра и работы актеров в театре.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением специфики репрезентации театра в научном дискурсе, например, в научно-популярных и собственно научных текстах.

Список источников

1. Варфоломеева Ю.Н. Описательный текст в современной лингвистической парадигме. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2020. 185 с.
2. Герасименко Н.А. Счастье как ценность в русской синтаксической картине мира // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 126 – 130.
3. Задорина А.О. Взаимодействие научного и публицистического дискурса в жанре публичной лекции // СИСП. 2019. № 4. С. 111 – 117.
4. Карасик В.И., Милованова М.С. МОСТ как лингвокультурный символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 121 – 136.
5. Леденева В.В. Лексикография современного русского языка. М.: Высшая школа, 2022. 648 с.
6. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. М.: Выш. шк., 1989. 254 с.
7. Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты. Волгоград: Перемен, 2006. 277 с.
8. Серебренникова Н.Г. Научный стиль речи. Новосибирск: ЦРНС, 2015. 85 с.
9. Фадеева Т.М. К вопросу о лексических маркерах времени в текстах СМИ // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 22 – 26.
10. Шаталова О.В. Концепт бытие в русском языке: история и современное состояние. М.: Постатор, 2023. 178 с.
11. История искусств: учебное пособие / сост. Л. А. Кинёва. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 136 с.

12. Культурология: учебник / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2005. 566 с.
13. Полищук В., Сарабян Э. Библия актерского мастерства. Уникальное собрание актерских тренингов по методикам величайших режиссеров. URL: https://krispen.ru/knigi/polischuk_v_01.pdf (дата обращения: 20.06.2026).

References

1. Varfolomeeva Yu.N. Descriptive Text in the Modern Linguistic Paradigm. Ulan-Ude: VSGUTU Publishing House, 2020. 185 p.
2. Gerasimenko N.A. Happiness as a Value in the Russian Syntactic Picture of the World. Modern Russian Axisphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2020. P. 126 – 130.
3. Zadorina A.O. Interaction of Scientific and Journalistic Discourse in the Genre of Public Lectures. SISP. 2019. No. 4. P. 111 – 117.
4. Karasik V.I., Milovanova M.S. BRIDGE as a Linguocultural Symbol. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2021. T. 12. No. 1. P. 121 – 136.
5. Ledeneva V.V. Lexicography of the modern Russian language. M.: Higher School, 2022. 648 p.
6. Plotnikov B.A. About form and content in language. M.: Vysh. school, 1989. 254 p.
7. Rakitina S.V. Scientific text: cognitive-discursive aspects. Volgograd: Peremen, 2006. 277 p.
8. Serebrennikova N.G. Scientific style of speech. Novosibirsk: CRNS, 2015. 85 p.
9. Fadeeva T.M. On the Issue of Lexical Time Markers in Media Texts. Current Issues of Speech Culture. Moscow: Moscow State Regional University, 2021. P. 22 – 26.
10. Shatalova O.V. The Concept of Being in the Russian Language: History and Current State. Moscow: Postator, 2023. 178 p.
11. History of Art: A Textbook. Compiled by L.A. Kineva. Yekaterinburg: Ural University Press, 2017. 136 p.
12. Cultural Studies: A Textbook. Edited by Yu.N. Solonin and M.S. Kagan. Moscow: Higher Education, 2005. 566 p.
13. Polischuk V., Sarabyan E. The Bible of Acting. A unique collection of acting training sessions based on the methods of the greatest directors. URL: https://krispen.ru/knigi/polischuk_v_01.pdf (accessed: 20.06.2026).

Информация об авторах

Ермолова К.А., кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», shasharina_ka@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276.6

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-114-118

¹ Ефремова Л.В.

¹ Рязанский государственный медицинский университет имени И.П. Павлова

Объект прогностических конструкций в медицинском дискурсе

Аннотация: статья посвящена исследованию медицинского дискурса с акцентом на понятие «объект» в рамках прогностических конструкций. Целью данной статьи является рассмотрение развёрнутой классификации основных объектов, функционирующих в медицинском дискурсе, что позволяет глубже понять его лингвистическую специфику. Медицинский дискурс рассматривается как особая сфера языка и коммуникации, характеризующаяся использованием строго организованных языковых компонентов, обеспечивающих точность, согласованность и однозначность профессиональной речи. В статье анализируются ключевые особенности компонентного состава медицинского дискурса, охватывающего все аспекты взаимодействия между медицинскими работниками, пациентами и обществом в целом. Особое внимание уделяется объекту в прогностических конструкциях, которые составляют отдельный пласт медицинского дискурса и выполняют важные прагматические функции. Нами проведено исследование элементов, функций и влияния предсказательных конструкций на различные категории участников коммуникации, выявляя их роль в формировании профессионального медицинского языка. В работе подчёркивается, что прогностические конструкции не только способствуют передаче медицинской информации, но и влияют на восприятие прогноза, установление доверия и организацию лечебного процесса. Результаты исследования могут быть полезны лингвистам, специалистам в области медицинской коммуникации и практическим врачам.

Ключевые слова: медицинский дискурс, объект, прогноз, классификация, конструкция, терминология

Для цитирования: Ефремова Л.В. Объект прогностических конструкций в медицинском дискурсе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 114 – 118. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-114-118

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Efremova L.V.

¹ Ryazan State Medical University named after I.P. Pavlov

Predicted construction's object in medical discourse

Abstract: the article is devoted to the study of medical discourse, with a particular focus on the concept of the “object” within predicted constructions. The purpose of this study is to examine a comprehensive classification of the main objects functioning in medical discourse, which allows for a deeper understanding of its linguistic specificity. Medical discourse is considered as a distinct domain of language and communication, characterized by the use of strictly organized linguistic components that ensure the precision, coherence, and unambiguity of professional speech. The article analyzes the key features of the componential structure of medical discourse, encompassing all aspects of interaction between healthcare professionals, patients, and society as a whole. Special attention is given to the object in predictive constructions, which constitute a separate layer of medical discourse and perform important pragmatic functions. We have conducted an investigation into the elements, functions, and impact of predictive constructions on various categories of communication participants, revealing their role in the

formation of professional medical language. The paper emphasizes that predictive constructions not only facilitate the transmission of medical information but also influence the perception of prognosis, the establishment of trust, and the organization of the treatment process. The results of the study may be useful for linguists, specialists in medical communication, and practicing physicians.

Keywords: *medical discourse, object, prediction, classification, construction, terminology*

For citation: Efremova L.V. Predicted construction's object in medical discourse. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 114 – 118. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-114-118

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 15, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Дискурс – это многоуровневое понятие, которое показывает глубокую взаимосвязь языка, культуры и социальной среды. Каждый дискурс обладает набором специфической лексики. Так, медицинский дискурс – это специфический вид языкового взаимодействия, который формирует основу для передачи информации от врача к пациенту. Исследованием понятия «медицинский дискурс» занимались ученые, такие, как Жура В.В. [5], Бейлинсон Л.С. [1], Харченко Е.В. [9] и другие. Каждый из них рассматривал медицинский дискурс с различных сторон, например, В.В. Жура исследовал проблемы письменного медицинского дискурса и выявил основные жанрообразующие компоненты. Харченко Е.В. внесла значительный вклад в изучение речевых стратегий и тактик, применяемых в медицинском дискурсе. Безусловно, одной из отличительных особенностей данного дискурса является специализированная лексика, а также наличие строгих этических норм. При этом в рассматриваемом типе дискурса есть информационная асимметрия, которая заключается в том, что медик, врач обладает значительно большим объемом знаний о здоровье и лечении [8]. При этом его задача состоит в том, чтобы доступным пациенту языком разъяснить особенности профилактики или лечения заболевания. Любой дискурс включает в себя несколько понятий, такие, как объект, субъект, концепт и др. В данной статье мы рассмотрим основные объекты прогностических конструкций в медицинском дискурсе, а также предложим их классификацию. Для более глубокого понимания компонентного состава медицинского дискурса следует определить его особенности. К ним можно отнести: специфику терминологии, фрейм медицинского текста, коммуникативный стиль. Рассмотрим каждый из них.

1) Специфика терминологии. Безусловно, медицинский дискурс насыщен специализированной терминологией, которая может быть непонятна широкой аудитории. Это связано с необходимостью точного описания различных медицинских явлений, процессов и процедур. Специальные термины создают язык экспертов, но также могут служить барьером для пациентов [4]. Так, например, «артериальная гипертензия» или «стенокардия», требуют дополнительных объяснений для непрофессионалов.

2) Фрейм медицинского текста. Все медицинские документы оформляются по четкой структуре [10]. В выписках из истории болезни, диагностических отчетах обязательно есть основные компоненты: титул, анамнез, описательная часть, заключение и также рекомендации. Подобная организация значительно упрощает поиск нужной информации и делает текст более удобным для специалистов.

3) Коммуникативный стиль. В медицинском дискурсе существует несколько диалогических векторов. Это может быть диалог между носителями медицинской терминологии, то есть медиками. При таком типе диалогов преобладает институциональный и научный стиль, смысл передаваемой информации доступен людям с профессиональной подготовкой. Другой тип диалогов в медицинском дискурсе – это диалог врача с пациентом. Он строится по-другому, предпочтительным является более простой и понятный язык [7]. Если речь медика будет насыщена медицинской терминологией, то у пациента нередко может возникнуть тревога или растерянность из-за непонятной для него терминологии. В такой ситуации длинные профессиональные формулировки могут только усилить напряжение. Например, врач сообщает результаты обследования и произносит ряд медицинских терминов. Для специалиста каждое слово имеет точное значение, тогда как пациенту часть сказанного может показаться непонятной. Если объяснение остаётся сложным, риск недопонимания заметно возрастает. По этой причине врачебная речь требует особого внимания к форме изложения. Информация о диагнозе, обследованиях и лечении должна быть передана так, чтобы человек без медицинского образования мог правильно её истолковать. В данном случае также могут возникнуть трудности, так как пациенты различаются по уровню образования, жизненному опыту и привычкам общения. В диалоге между врачом и пациентом немалую роль играют и языковые, и культурные особенности. Они способны заметно влиять на то, как воспринимаются медицинские сведения [6]. Одни пациенты пред-

почитают подробные объяснения, другим легче понять короткие и чёткие формулировки. Иногда значение имеют даже привычные способы обращения, интонация или примеры, которые выбирает врач. По этой причине медицинскому специалисту важно гибко выстраивать общение, учитывая особенности аудитории. От того, насколько точно подобран стиль речи, во многом зависит, поймёт ли пациент сказанное и сможет ли уверенно следовать предложенным рекомендациям.

Материалы и методы исследований

Материалом для статьи послужили медицинские тексты из различных статей и медицинских журналов. Основными методами исследования являются – метод сплошной выборки из специализированной литературы. Также можно отметить дискурсный анализ, задачей которого является изучение способов построения и интерпретации текстов. К количественным методам, которые мы использовали в статье, можно отнести статистический анализ, благодаря которому можно обработать большие объёмы данных. И лексикографическая статистика – с помощью нее можно произвести анализ частоты использования терминов и выражений в медицинских текстах.

Объекты медицинского дискурса, участвующие в построении предсказательных моделей, можно классифицировать по нескольким направлениям. Каждый из них связан с определённым аспектом врачебного общения и клинического анализа.

1. Пациент. Одним из самых важных объектов в медицинском дискурсе, безусловно, является пациент. Это чаще всего человек, который обратился за помощью с рядом симптомов, зачастую несформулированных жалоб. Он может быть носителем уже диагностированного заболевания или только испытывать симптомы. В коммуникативной структуре «врач – пациент» медик выступает субъектом дискурса, а пациент – его объектом. Собрав всю возможную информацию, объединив ее с собственным опытом, врач выстраивает клиническую картину.

2. Заболевание, болезнь. Другим значимым объектом предсказания в медицинском дискурсе является патологический процесс. Как правило, болезнь хоть и имеет ряд объединяющих симптомов, но у каждого пациента развивается по-разному. Врач анализирует симптомы, результаты лабораторных исследований, данные наблюдений и на основании этого предполагает дальнейшую динамику заболевания. Прогноз позволяет скорректировать лечебную тактику, позволяет предположить риски для пациента. В качестве иллюстрации можно рассмотреть проблему прогнозирования течения патологического процесса. Сформированный прогностический профиль выполняет своего рода регулятивную функцию. С помощью данного профиля можно оптимизировать лечебную тактику и количественно оценить возможные риски для пациента.

3. Реакция на терапию. Практический опыт медицины показывает, что одинаковое лечение не подходит абсолютному числу пациентов. Одни быстро отвечают на терапию, у других эффект проявляется постепенно или сопровождается различными побочными эффектами. Прогностическая модель медицинского дискурса, связанная с оценкой реакции на примененную терапию, направлена на индивидуализацию лечебной стратегии. Сочетание различных аспектов при анамнезе заболевания способствует персонализации терапии.

4. Прогнозирование ответной реакции организма на медицинские манипуляции.

Любое вмешательство в организм сопровождается определенными рисками для пациента. Каждый организм индивидуален и нередки случаи, когда самая стандартная манипуляция приводит к нетипичной реакции. В таких ситуациях уместно применять когнитивные и репрезентативные модели прогнозирования. Любое прогнозирование реакции организма охватывает целый ряд доклинических, клинических исследований и индивидуальных особенностей каждого организма. На этапе прогнозирования ответной реакции всё становится более точным и индивидуальным, превращаясь в целую систему с заданным значением.

5. Препарат. Особое место среди объектов в прогностических конструкциях медицинского дискурса занимают назначаемые препараты. Назначение любого медикамента связано с прогнозированием его воздействия на пациента. По его особым указаниям, характеристикам можно предположить, как он будет действовать на конкретного человека. До применения какого-либо лекарственного средства обязательны доклинические исследования, которые выявляют, какие риски может нести его применение. Также исследуется его биодоступность и терапевтический потенциал. Все эти акценты влияют на дальнейшее применение препарата пациентом. Примером может служить использование в лечении антибиотиков. При их назначении учитываются различные факторы, как общие, так и индивидуальные.

Результаты и обсуждения

Медицинский дискурс постоянно трансформируется. Это связано прежде всего с современными реалиями, совмещающие цифровые технологии и аналитические инструменты. Интеграция различных информационных слоев направлена на построение высокоточных прогностических моделей. Данный подход помогает минимизировать неточности диагностических процедур, а также позволяет уменьшить риски неточ-

ной диагностики. В данной системе обязательным фактором является переосмысление коммуникации «врач – пациент». Медицинский дискурс – это своего рода структурированный, институциональный жанр со специфической терминологией, синтаксическими структурами, прагматическими установками и стилистическими нормами. В нем объединяются коммуникативные и нарративные навыки. Объекты предсказательных конструкций медицинского дискурса требуют детальной лексико-грамматической, семантической и прагматической трактовки. Точность интерпретации прогнозов в медицине играет ключевую роль в эффективности лечебных мероприятий и коммуникативных процессов. Таким образом происходит особое смысловое наполнение в медицинском дискурсе через корреляцию языковых структур и новых семантических единиц. Анализ предсказательных, прогностических конструкций включает несколько важных компонентов. Таких, как: терминологические базы, диалогические стратегии и эмоционально-прагматическая единица. Данные элементы являются основными звеньями в медицинском дискурсе. Медицинский дискурс безусловно характеризуется набором специфической терминологии и ярко выраженной жанровой спецификой. Неясность языкового плана может привести к нарушению понимания концепций врачом и пациентом. Расхождения в интерпретации и понимании терминологии существенно влияют на прагматическую сторону диалогов между медком и пациентом. Диалог же является основной формой коммуникации между врачом и обратившимся к нему человеком. Так, проявление эмпатии, выразительности и доступности речи являются основополагающими в системе «врач – пациент». В совокупности с применением различных дискурсивных практик и методов анализа создают основу для развития медицинского дискурса и медицины в целом. Таким образом, очень важно создать единую модель и выработать четкие стандарты коммуникации. В лингвистике языковой среде отведено одно из центральных мест. В медицинском дискурсе знание стратегий общения способствует достижению сохранения здоровья каждого человека.

Выводы

Медицинский дискурс представляет собой особую форму профессиональной коммуникации, в которой объединены язык, прагматика, семантические компоненты и многое другое. Любой диалог между пациентом и медиком – это сложная структура, в которой имеет значение каждый компонент. Объекты предсказания выступают как языковые и концептуальные модели, без которых не может существовать рассматриваемый дискурс. В коммуникативной структуре медицинского дискурса явно выделяются две большие системы: врач и пациент. Врач выступает как субъект анализа и интерпретации. Пациент, а также заболевание, реакция на терапию, препараты, ответная реакция на терапию объективизируются. Это позволяет специалисту сохранять фокус на индивидуальности случая. Индивидуализация опирается на «стратификацию семантических и прагматических характеристик» [11]. Таким образом, можно сказать, что предсказание в медицине является результатом языковой и когнитивной обработки информации. А точность предсказания в свою очередь зависит от врача и его возможности интерпретировать анамнез, симптомы и другие факторы. Риски и вероятности осложнений и возможных реакций становятся объектами анализа при использовании когнитивных и репрезентативных моделей. Медицинский дискурс в совокупности через языковое осмысление и вербализацию служит своего рода инструментом снижения неопределенности. Прогностические модели являются не только клиническим, но и дискурсивным феноменом. При этом успешность терапии напрямую связана с качеством коммуникативного анализа и правильной интерпретацией объектов медицинского дискурса.

Список источников

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009. 278 с.
2. Богатикова Е.П., Каменева А.Д. Коммуникативные особенности сетевого медицинского дискурса // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2022. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-osobennosti-setevogo-meditsinskogo-diskursa> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Бочарникова Е.А. Взаимосвязь дискурсов (медицинский и гуманитарный дискурсы) // Лингвистика и образование. 2022. Том 2. № 4 (8). С. 18 – 26. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-18-26>.
4. Еремеева С.А. Средства лексического и грамматического выражения медицинского совета в просветительской телепередаче о здоровье (на материале русского языка) // Вестник ТГПУ. 2025. № 1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-leksicheskogo-i-grammaticheskogo-vyrazheniya-meditsinskogo-soveta-v-prosvetitel'skoy-teleperedache-o-zdorovie-na-materiale> (дата обращения: 26.02.2026).

5. Жура В.В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narratologicheskie-issledovaniya-ustnogo-meditsinskogo-diskursa> (дата обращения: 26.02.2026).
6. Петросян М.М. Языковые особенности горизонтально и вертикально направленной коммуникации в медицинском дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 8 (44). С. 1 – 7.
7. Ромашова И.П. Моделирование ситуации профессиональной коммуникации в корпоративном медицинском дискурсе // Коммуникативные исследования. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-situatsii-professionalnoy-kommunikatsii-v-korporativnom-meditsinskom-diskurse> (дата обращения: 26.02.2026).
8. Стрижкова О.В. Концепты «здоровье» и «натуральность» в рациональной стратегии рекламы: лингвокультурный аспект // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 3. С. 154 – 159. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-3-154-159.
9. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 336 с.
10. Шамне Н.Л., Шишкина Е.В. Репрезентация доверия в медицинском рекламном дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-doveriya-v-meditsinskom-reklamnom-diskurse> (дата обращения: 26.02.2026).
11. Голубева Н.А. К истории вопроса о стратификации семантики: дидактический аспект // Язык и культура. 2024. № 66. С. 176-195. DOI: 10.17223/19996195/66/10.

References

1. Beilinson L.S. Professional Discourse: Features, Functions, Norms: A Monograph. Volgograd: Peremena, 2009. 278 p.
2. Bogatikova E.P., Kameneva A.D. Communicative Features of Online Medical Discourse. Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy, and Methods of Teaching Foreign Languages. 2022. No. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-osobennosti-setevogo-meditsinskogo-diskursa> (accessed: 26.02.2026).
3. Bocharnikova E.A. Interrelationship of Discourses (Medical and Humanities Discourses). Linguistics and Education. 2022. Vol. 2. No. 4 (8). P. 18 – 26. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-18-26>.
4. Ereemeeva S.A. Means of lexical and grammatical expression of medical advice in an educational television program about health (based on the Russian language). Bulletin of the TGGPU. 2025. No. 1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-leksicheskogo-i-grammaticheskogo-vyrazheniya-meditsinskogo-soveta-v-prosvetitel'skoy-teleperedashe-o-zdorovie-na-materiale> (accessed: 26.02.2026).
5. Zhura V.V. Narratological studies of oral medical discourse. International Journal of Cultural Studies. 2013. No. 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narratologicheskie-issledovaniya-ustnogo-meditsinskogo-diskursa> (accessed: 26.02.2026).
6. Petrosyan M.M. Linguistic features of horizontally and vertically directed communication in medical discourse. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 8 (44). P. 1 – 7.
7. Romashova I.P. Modeling the situation of professional communication in corporate medical discourse. Communicative studies. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-situatsii-professionalnoy-kommunikatsii-v-korporativnom-meditsinskom-diskurse> (accessed: 26.02.2026).
8. Strizhkova O.V. The concepts of "health" and "naturalness" in a rational advertising strategy: a linguocultural aspect. Bulletin of philological sciences. 2026. Vol. 6. No. 3. P. 154 – 159. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-3-154-159.
9. Kharchenko E.V. Models of speech behavior in professional communication. Chelyabinsk: SUSU, 2003. 336 p.
10. Shamne N.L., Shishkina E.V. Representation of trust in medical advertising discourse. Bulletin of VolSU. Series 2: Linguistics. 2021. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-doveriya-v-meditsinskom-reklamnom-diskurse> (accessed: 26.02.2026).
11. Golubeva N.A. On the history of the issue of stratification of semantics: didactic aspect. Language and Culture. 2024. No. 66. P. 176 – 195. DOI: 10.17223/19996195/66/10.

Информация об авторах

Ефремова Л.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Рязанский государственный медицинский университет имени И.П. Павлова

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)

УДК 811.111'42

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-119-125

¹ Власова Л.И.

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет

Газетный заголовок как инструмент речевого воздействия: структурно-синтаксический и стилистический анализ (на материале рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian”)

Аннотация: в статье исследуются структурно-синтаксические и стилистические особенности заголовков в современной англоязычной качественной прессе (рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian”). Материалом исследования послужили заголовки публикаций за период 2024-2025 гг.. Выбор рубрики был обусловлен ее спецификой: в этой рубрике описываются особенности образа жизни людей из различных стран мира, что позволяет провести языковой анализ совместно с лингвокультурным компонентом. Автором был проведен анализ различных типов предложений, используемых в заголовках, а также средств языковой выразительности, реализующих прагматическую функцию воздействия на читателя. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, также методы структурно-синтаксического и стилистического анализа использованы для выявления и систематизации взаимосвязи синтаксической структуры и стилистического наполнения заголовков современной качественной прессы, выявления прагматического эффекта используемых в них языковых средств. В ходе работы было установлено, что выбор синтаксической модели и стилистических приемов обусловлен стремлением авторов статей максимально точно передать суть публикаций и одновременно привлечь внимание аудитории. Таким образом, нами комплексно были представлены особенности лингвистической специфики заголовков медиатекстов в рамках подходов к описанию СМИ. Практическую значимость работы мы видим в применении результатов исследования англоязычных заголовков британского медиаиздания “The Guardian” в лингвистике и журналистике.

Ключевые слова: заголовок, медиатекст, структурно-синтаксическая модель, стилистические средства, прагматика, речевое воздействие

Для цитирования: Власова Л.И. Газетный заголовок как инструмент речевого воздействия: структурно-синтаксический и стилистический анализ (на материале рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian”) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 119 – 125. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-119-125

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Vlasova L.I.

¹ Samara State University of Social Sciences and Education

Newspaper headline as a tool of speech influence: structural-syntactic and stylistic analysis (based on the “Lifestyle” section of “The Guardian”)

Abstract: the article examines the structural, syntactic and stylistic features of headlines in the modern high-quality English-language press (the “Lifestyle” section of “The Guardian”). The research material comprises the headlines of publications from 2024-2025. The choice of the section was determined by its specifics: it de-

scribes the features of the lifestyle of people from various countries of the world, which enables a linguistic analysis together with the linguacultural component. The author analyzed the various types of sentences used in headings, as well as the means of linguistic expressiveness that implement the pragmatic function of influencing the reader. The research methodology includes a review of scientific works of domestic and foreign researchers on the issue under discussion; also, methods of structural-syntactic and stylistic analysis were used to identify and systematize the relationship between the syntactic structure and stylistic content of the headlines of modern high-quality press, and to identify the pragmatic effect of the linguistic means used there. During the study, it was found that the choice of syntactic model and stylistic devices is determined by the authors' intention to convey the essence of the publications as accurately as possible and at the same time attract the audience's attention. Thus, our work provides a comprehensive account of the linguistic characteristics of media text titles within the framework of media description approaches. The practical significance of the work lies in the potential application of the research findings on English-language headlines of the British media outlet 'The Guardian' in the fields of linguistics and journalism.

Keywords: title, media text, structural-syntactic model, stylistic means, pragmatics, speech influence

For citation: Vlasova L.I. Newspaper headline as a tool of speech influence: structural-syntactic and stylistic analysis (based on the "Lifestyle" section of "The Guardian"). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 119 – 125. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-119-125

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 15, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена возрастающей ролью заголовков в современной медиакommunikации. В информационном обществе, в условиях большого потока информации и борьбы авторов за внимание читателя, заголовки публикаций в СМИ все больше привлекают внимание аудитории, сообщая в краткой форме информацию о содержании публикаций. По этой причине изучение языковых особенностей заголовков публикаций СМИ позволяет определить основные тенденции в использовании лексико-грамматических и стилистических единиц, предоставляющих информацию о тексте публикации. Комплексный анализ языковых механизмов, лежащих в основе создания эффективного газетного заголовка, дает более полное представление об особенностях структурной организации заголовка и используемых в нем стилистических средств в качественной британской прессе.

В настоящее время изучение речевого воздействия, в частности воздействия через печатные средства массовой информации (СМИ), относится к числу важнейших задач лингвистики. В последнее десятилетие в отечественной науке наблюдается развитие дисциплин, ориентированных на изучение потенциала газетной речи, в том числе газетного заголовка. Его изучение в современной лингвистике занимает особое место, т.к. заголовок содержит в себе основной смысл дальнейшего текста, обладает выразительностью и выполняет ряд важнейших функций: номинативную, информативную и воздействующую. Несмотря на то, что заголовок активно изучается в современной теории текста и стилистике, ученые не выбрали единого подхода к изучению и пониманию этого явления. Многообразие подходов обуславливает существование различных определений заголовка.

Цели и задачи исследования состоят в выявлении и систематизации структурно-синтаксических моделей и стилистических приемов, характерных для заголовков рубрики "Lifestyle" (на материале издания качественной прессы "The Guardian"), а также определение их роли в реализации прагматической установки автора.

Проблема определения понятия «заголовок» остается открытой в лингвистической науке. Определяя его понятие, некоторые лингвисты обращаются, прежде всего, к функциям заголовка. Многообразие подходов к изучению этого понятия приводит к появлению различных трактовок. Так, Н. М. Разинкина рассматривает заголовок как «предельно сжатое и меткое выражение основной идеи произведения» [7]. В.С. Мужев акцентирует внимание на его функциональной и графической обособленности, определяя заголовок как «целостную единицу речи, стоящую перед текстом, являющуюся заглавием текста, указывающую на содержание этого текста и отделяющую данный отрезок речи от других» [4].

Обладая предикативными признаками, заголовок становится самостоятельным предложением. Именно с заголовком в первую очередь сталкивается читатель издания, на него он обращает внимание и по нему ориентируется в содержании. Большинство читателей читают только заголовки статей, поэтому автору текста

так важно выбрать правильный заголовок для публикации. С помощью нескольких слов необходимо захватить интерес будущего читателя, ведь заголовок служит лучшим способом запомнить информацию, изложенную в начале и конце текста.

Заголовок выделяется графически, как правило, он имеет большой жирный шрифт, в несколько раз больше шрифта текста публикации. Заголовок может быть выражен вербальными и невербальными средствами языка, а также выступать элементом, характеризующим текст, прогнозирующим его содержание.

Согласно Н.Е. Бахареву, заголовки делятся на предложения и не предложения в зависимости от структуры. Предложения – это такие заголовки, которые представляют собой двувидовые или одновидовые конструкции глагольного типа, так как глагольность является основным признаком предложения [2]. Обладая предикативными признаками, заголовок становится самостоятельным предложением.

В исследовании структурно-синтаксических особенностей заголовков газетных статей Р.В. Харченко и О.А. Муллинова указывают на преобладание назывных конструкций среди заголовков-односоставных предложений и подчеркивают их преимущества [8].

С точки зрения прагматики, заголовок выполняет не только номинативную и информативную функции, но и служит средством воздействия на адресата. По мнению Л.А. Ноздриной, прагматика заголовка заключается в том, чтобы «сообщить читателю какую-либо информацию о тексте, воздействовать на него (на ментальном, эмоциональном и перцептивном уровнях), вызывая желание прочитать текст» [5]. Следовательно, для того чтобы состоялся коммуникативный акт и сложились прагматические отношения между участниками процесса, важно понять текст и его основную идею, которая содержится в заголовке.

Двойственная природа заголовка проявляется в его способности одновременно аккумулировать содержание статьи и прогнозировать ее восприятие читателем: газетные заголовки представляют собой краткое содержание публикации, что объясняется назначением заголовка – дать читателю информацию о предмете публикации. Соответственно, заголовок позволяет сориентировать читателя о смысловой и тематической части текста и позволить сделать выбор – продолжить чтение дальше или нет.

Таким образом, заголовок представляет собой целостную речевую единицу, имеющую двойственную природу и актуализирующую свойства своих языковых элементов с помощью не только функционально-стилистических, но и синтаксических особенностей.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов специфики понятия заголовка и его особенностей в английском языке применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Материалом данного исследования выступили газетные заголовки из рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian”. Для определения языковых и структурно-синтаксических особенностей заголовков были выбраны 50 названий статей за 2025 год в рубрике “Lifestyle”. Для выявления структурно-синтаксических и языковых особенностей английских газетных заголовков применялись методы структурного, семантического и стилистического анализа, а также метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Тексты средств массовой информации являются распространенным источником новостных событий различного жанра, идейных представлений отдельных людей и общества, что объясняет актуальность изучения структурной, семантической и языковой организации медиатекстов [6]. Поиск информации о событиях и людях осуществляется, как правило, на основе изучения заголовка публикации, который является его визитной карточкой.

В ходе работы с материалом было установлено, что в рубрике “Lifestyle” издания “The Guardian” преобладают в основном заголовки, имеющие структуру предложения. Согласно исследованиям И.А. Аржановой, С.Д. Афтайкиной и Т.А. Владимировой, именно предложение способно «передать основную мысль и содержание текста более точно, чем слово или словосочетание» [1].

В исследуемом материале нами было выявлено разнообразные структурно-синтаксические модели, рассмотренные ниже.

Во-первых, отметим наличие односоставных предложений. Наиболее часто встречаются номинативные (назывные) конструкции, в которых отсутствует сказуемое. Например, заголовок “*The perfect ‘new’ handbag? An old one*” состоит из двух простых односоставных предложений. Такая структура позволяет создать интригу за счет противопоставления понятий “new” и “old”, побуждая читателя узнать, в чем заключается парадокс.

Во-вторых, выявлено включение в заголовок двусоставных предложений. Наличие полных двусоставных конструкций обеспечивает максимальную информативность. Так, в заголовке *“Prada buys Versace in € 1.25 bn deal uniting Italy’s biggest fashion brands”* наличие подлежащего (*Prada*) и сказуемого (*buys*) в сочетании с распространенными второстепенными членами позволяет читателю мгновенно получить представление о сути новости.

В-третьих, в заголовках встречаются сегментированные конструкции. Этот тип предполагает разделение смысловых блоков, часто с использованием пунктуации (двоеточия или кавычек). Например, в заголовке *“‘Very pale and oddly wrinkly’: the best (and worst) supermarket hot cross buns for Easter, tested”* цитата в начале выполняет функцию привлечения внимания за счет экспрессивной оценочности, а вторая часть конкретизирует тему публикации.

В-четвертых, наличие вопросительных и побудительных форм в заголовках, особенно риторических вопросов, создает иллюзию диалога с читателем. Заголовок *“Tell us: have you been inspired to declare your love inspired by a piece of art?”* реализует коммуникативную интенцию адресанта, приглашая читателя к рефлексии. Побудительные предложения, как в примере *“Put your baby down to nap near a washing machine, expert says”*, воспринимаются как экспертный совет, что повышает доверие читателя к информации.

Таким образом, анализ показал, что выбор структурно-синтаксической модели напрямую связан с коммуникативной задачей автора: кратко информировать, создать интригу или вступить в диалог с аудиторией.

Анализ заголовков британской качественной прессы позволил установить, что для усиления прагматического эффекта авторы активно используют различные стилистические приемы, которые придают заголовкам выразительность и эмоциональную окраску.

К таким приемам относится использование эпитетов и оценочной лексики. Прилагательные, несущие пейоративную или мелиоративную значение, формируют у читателя определенное отношение к предмету речи. Так, в заголовке *“Cheap, reliable egg alternatives: what to use for whipping, baking and high-protein snacking”* эпитеты *cheap* и *reliable* создают образ доступного и качественного продукта, что является важным аргументом для потребителя. В первом простом предложении определения *“cheap, reliable”* служат эпитетами, которые формируют образ подлежащего – эти прилагательные привлекают внимание читателей, так как указывают на небольшую цену и надежность, что всегда звучит положительно для потребителей. Коннотация прилагательного *“reliable”* создает дополнительный оттенок – формирует доверие читателей к описываемому продукту. Во втором простом предложении есть дополнения, конкретизирующие сказуемое: *“whipping, baking, snacking”*, в которых использован прием аллитерации, так как они заканчиваются на *“-ing”*. Это создает динамику речи и создает определенный ритм, что также является средством привлечения внимания читателей. Прилагательное *“high-protein”* указывает на выгоду продукта для здоровья потребителей. Таким образом, структура предложения является исчерпывающей для понимания тематики публикации, ее смысла, а также привлекает внимание благодаря употреблению эпитетов, способных вызвать интерес к прочтению статьи.

Еще одним стилистическим приемом, встретившимся в ходе анализа заголовков, является антитеза и контраст. Противопоставление понятий в предложении позволяет подчеркнуть новизну или парадоксальность информации. В уже упомянутом выше примере *“The perfect ‘new’ handbag? An old one”* в составе вопросительного предложения используется подлежащее *“handbag”*, и зависимые от него определения *“perfect”* и *“new”*, создающие положительную коннотацию, привлекающую внимание своей новизной и отличным качеством. Во втором предложении содержится только подлежащее *“one”* и относящееся к нему определение *“old”*, которое вступает в антонимическую связь с прилагательным *“new”* и указывает, как ни странно, на отличное качество старой сумки, а значит, в тексте публикации описана сумка, которая обладает качественными характеристиками и может прослужить долго.

Аналогичный прием используется в заголовке *“Our highs and lows along the Pennine Way”*. За счет употребления антонимов *“highs”* и *“lows”* создается эффект антитезы – противопоставления, который служит средством экспрессивности. В денотативной единице *“Pennine Way”* используется дополнительная коннотация национальной тропы в Англии, что является средством лингвокультурной информации. Социолингвистическая обусловленность данного словосочетания заключена в том, что это место рассматривается в английской литературе как место, вдохновляющее на размышления и социальные комментарии.

В анализе материала также встретилось олицетворение. Перенесение человеческих свойств на неодушевленные объекты добавляет образности заголовку статьи. В примере *“How fashion fell in love with the hit show”* в идиоме *fell in love* заключен прием олицетворения, так как чувство, свойственное человеку,

приписывается неодушевленному существительному “fashion”. По лексическому составу все слова принадлежат к общеупотребительной лексике. Использование “how” в составе заголовков позволяет целенаправленно усилить их выразительность, позволяя адресанту представить сообщаемую информацию в виде совета.

Наличие цитат и «чужих слов», даже без указания источника, придает заголовку достоверность и экспрессивность. Использование цитации несомненно привлекает внимание адресата, интригуя и побуждая его обратиться к озаглавливаемому медиатексту для подтверждения возможных предположений относительно источника цитирования. Цитата в заголовках реализует коммуникативно-прагматическую установку адресанта, заключающуюся в том, чтобы вызвать заинтересованность читателя и побудить его обратиться к тексту статьи. В цитате заключена модальность, выражающая отношение адресанта описываемым в заголовке событиям. По этой причине цитаты являются удобным механизмом формирования оценочности всего текста заголовка. Например, заголовок “*Poppy Okotcha: ‘Plants taught me about myself’*” представляет собой форму сегментированной конструкции. Первая часть, сегмент, содержит имя собственное “Poppy Okotcha”, принадлежащее британской модели, квалифицированному дизайнеру пермакультуры, экологическому садоводу, которая вдохновляет людей на взаимодействие с природой и выращивание собственных продуктов.

Вторая часть, базовая, содержит цитату, которая представляет собой простое предложение с подлежащим “plants”, сказуемым “taught” и дополнениями “me”, “about myself”. Изучая лексический состав заголовка, можно отметить, что в нем используется стилистический прием олицетворения, так как неодушевленный объект “plants” совершает действие, свойственное человеку (“taught”). Использование цитаты в этом заголовке реализует коммуникативно-прагматическую установку адресанта, вызывает заинтересованность читателя, указывает на компетентность британской модели и побуждает адресанта обратиться к тексту статьи. В цитате заключена модальность, выражающая отношение адресанта описываемым в заголовке событиям. Таким образом цитата формирует оценочность текста заголовка.

Использование авторами имен собственных (известных личностей: дизайнеров, шеф-поваров, экспертов) служит маркером качества и экспертности. В примерах “*Rachel Roddy’s, recipe for almond and potato cake, with lemon curd and Mascarpone*” и “*Nigel Slater’s sausages and black-eyed beans, and mint frozen yoghurt*” имена авторов рецептов выступают в роли гарантии высокого кулинарного стандарта, что особенно важно для целевой аудитории рубрики.

В первом заголовке денотативная единица (“Rachel Roddy”) придает небольшую коннотацию. Rachel Roddy – имя известного английского автора кулинарных книг, что придает заголовку дополнительное значение с эмоционально-оценочной окраской. Читатели, знакомые с его деятельностью, испытывают доверие и интерес к этому автору, чьи книги пользуются большой популярностью в Англии. Благодаря элементам заголовка дается подробное представление о рецепте блюда, называются его ингредиенты.

Во втором заголовке употребляется денотативная единица – имя английского кулинарного писателя, журналиста и телеведущего Найджела Слейтера. Благодаря данному имени заголовок приобретает дополнительную окраску доверительного отношения к разработанному им продукту, что формирует положительную эмоционально-оценочную окраску. Благодаря употреблению имени собственного привлекается внимание читателей, в особенности тех, кто знаком с многопрофильной деятельностью Н. Слейтера. Наличие второстепенных членов предложения позволяет дать конкретную информацию о типах продуктов. Средства выразительности не используются. Сочетание этих стилистических средств с лаконичной синтаксической структурой позволяет авторам максимально эффективно реализовать воздействующую функцию заголовка.

Выводы

В предложенной статье мы попытались комплексно представить лингвистическую специфику заголовков медиатекстов в рамках подходов к описанию СМИ: выявить и систематизировать коллигационные и коллокационные особенности, характерные для газетного заголовка современной качественной британской прессы (на материале издания “The Guardian”).

Анализ теоретической литературы показал, что на сегодняшний день существует многообразие подходов к определению понятия «заголовок». В основном заголовок обозначает название, в котором сжато и метко выражена основная идея текста, либо передана ключевая информация, и выполняет информационную и воздействующую функции.

Проведенный анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что в заголовках рубрики “Lifestyle” издания “The Guardian” наблюдается тенденция к сочетанию информативности и экспрессивности. С одной стороны, авторы стремятся максимально точно передать содержание статьи, используя пол-

ные двусоставные предложения и конкретизирующие детали (даты, цены, названия брендов). С другой стороны, для привлечения внимания читателя активно задействуются стилистические средства: антитеза, цитирование, оценочная лексика.

Согласно проведенному анализу, подавляющее большинство заголовков имеют структуру предложения (односоставного или двусоставного, чаще простого распространенного; но в некоторых случаях встречаются сложные предложения, соединенные бессоюзной связью). Несколько сложных предложений отделяются в своем составе на простые с помощью двоеточия. Большинство предложений являются утвердительными. По цели высказывания предложения основное число заголовков в рассматриваемых публикациях является повествовательными, и один заголовок – побудительным. Авторы публикаций часто используют такие средства выразительности, как эпитеты, метафоры, антитезу и сравнения.

Нами также был определен спектр стилистических средств, используемых в заголовках, и выявлена взаимосвязь между структурой заголовка и его прагматическим потенциалом. В материале исследования встречается несколько цитат, формирующих оценочность и экспертность мнения тех лиц, мысли и действия которых представлены в статьях. Часто встречаются риторические вопросы, которые реализуют функцию воздействия на читателя, создавая иллюзию паритетного общения адресанта и адресата. Кроме того, имена собственные создают дополнительную социолингвистическую коннотацию и позволяют придать образность заголовкам.

Список источников

1. Аржанова И.А., Афтайкина С.Д., Владимирова Т.А. Особенности заголовков в современных СМИ // Вестник лингвистики. 2023. № 4. С. 145 – 152.
2. Бахарев Н.Е. Структурно-функциональное развитие заголовков: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1971. 26 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
4. Мужев В.С. О функциях заголовков // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. Вып. 55: Вопросы романо-германской филологии. С. 86 – 94.
5. Ноздрина Л.А. Взаимодействие заголовка и текста // Русский язык за рубежом. 1982. № 5. С. 178 – 182.
6. Солганик Г.Я. Язык газеты // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. Москва: Академический Проект, 2008. С. 213 – 230.
7. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. Москва: Высшая школа, 1972. 143 с.
8. Харченко Р.В., Муллинова О.А. Структурно синтаксические особенности заголовков статей газеты «Красная Звезда» // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии: сборник статей II Всероссийской научно практической конференции. Пенза, 2023. С. 149 – 153.
9. Шульженко М.Ю. Структурно синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе // Вестник Северо Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2023. № 4. С. 139 – 151.
10. The Guardian // Official website. [Электронный ресурс] URL:www.theguardian.com (дата обращения: 30.10.2024).

References

1. Arzhanova I.A., Aftaikina S.D., Vladimirova T.A. Features of headlines in modern media. Bulletin of Linguistics. 2023. No. 4. P. 145 – 152.
2. Bakharev N.E. Structural and functional development of headings: abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Alma-Ata, 1971. 26 p.
3. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language (modern English media speech): a textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 263 p.
4. Muzhev V.S. On the functions of headings. Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after. M. Thorez. 1970. Issue. 55: Questions of Romano-Germanic philology. P. 86 – 94.
5. Nozdrina L.A. Interaction of title and text. Russian language abroad. 1982. No. 5. P. 178 – 182.
6. Solganik G.Ya. Language of the newspaper. Language of the media: textbook for universities / ed. M.N. Volodina. Moscow: Academic Project, 2008. P. 213 – 230.
7. Razinkina N.M. Functional style. Moscow: Higher School, 1972. 143 p.

8. Kharchenko R.V., Mullinova O.A. Structural and syntactic features of the headings of articles in the newspaper “Krasnaya Zvezda”. Current problems of linguistics, linguistics, psychology: collection of articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza, 2023. P. 149 – 153.

9. Shulzhenko M.Yu. Structural and syntactic features of headings of articles about coronavirus. Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova. 2023. No. 4. P. 139 – 151.

10. The Guardian. Official website. [Electronic resource] URL: www.theguardian.com (accessed: 30.10.2024).

Информация об авторах

Власова Л.И., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

© Власова Л.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.055.51

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-126-133

¹ Игонина С.В.

¹ Технический институт (филиал) «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри

Функциональные стили русского языка: современное состояние

Аннотация: характеристика современного русского языка является одним из наиболее важных направлений исследований в лингвистике. Учение о функциональных стилях не исключение. Это связано с прикладным характером данной науки – изучение закономерностей выбора языковых средств в разных ситуациях общения позволяет повышать эффективность коммуникации и улучшать взаимопонимание между отдельными людьми и целыми государствами. Но условия общения в современном мире отличаются от тех, что были совсем недавно, поэтому требуется уточнить характер лингвистических и экстралингвистических факторов функционирования стилей. В данной статье рассмотрены те условия общения, которые влияют на выбор языковых средств в разных стилях и которые приводят к проницаемости границ между ними и, как следствие, взаимопроникновению речевых элементов в другие стили. Массовость и высокая частотность речевых ситуаций, в которых оказывается человек в современном мире, приводит к повышению таких характеристик речи, как спонтанность, эмоциональность и импровизация, ориентация на контекст и экономия языковых средств. Все это является чертами разговорного стиля и приводит к расширению его влияния на другие сферы, в которых функционируют другие стили – научный, официально-деловой или публицистический. В результате этого книжные стили впитывают черты разговорного стиля, допуская использование эмоционально и стилистически окрашенной лексики, нелитературных элементов, и, в некоторых случаях, теряя ряд своих специфических черт.

Ключевые слова: функциональные стили русского языка, стилеобразующие черты, экстралингвистические факторы, языковые средства, взаимовлияние стилей, разговорный стиль, демократизация языка

Для цитирования: Игонина С.В. Функциональные стили русского языка: современное состояние // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 126 – 133. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-126-133

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Igonina S.V.

¹ Technical Institute (branch) of the North - Eastern Federal University named after M. K. Ammosov in Neryungri

Functional styles of the Russian language: current state

Abstract: the characteristics of the modern Russian language are one of the most important areas of research in linguistics. The study of functional styles is no exception. This is due to the applied nature of this science, as studying the patterns of language choice in different communication situations can improve the effectiveness of communication and enhance mutual understanding between individuals and entire nations. However, the conditions of communication in the modern world differ from those of the past, necessitating a more precise understanding of the

linguistic and extralinguistic factors that influence the functioning of styles. This article examines the conditions of communication that affect the choice of linguistic means in different styles and lead to the permeability of the boundaries between them, resulting in the transfer of speech elements to other styles. The mass character and high frequency of speech situations in which a person finds themselves in the modern world lead to an increase in such speech characteristics as spontaneity, emotionality, and improvisation, as well as a focus on context and the economy of language. All of these are features of the spoken style and contribute to its expansion into other areas where other styles, such as scientific, formal, or journalistic, are used. As a result, bookish styles absorb features of the spoken style, allowing the use of emotionally and stylistically colored vocabulary, non-literary elements, and, in some cases, losing a number of their specific features.

Keywords: functional styles of the Russian language, style-forming features, extralinguistic factors, linguistic means, interdependence of styles, spoken style, democratization of the language

For citation: Igonina S.V. Functional styles of the Russian language: current state. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 126 – 133. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-126-133

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 16, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование современного состояния системы функциональных стилей русского языка и их особенностей. Понимание современных тенденций развития языка и знание ключевых характеристик стилей на современном этапе развития, а не только стилеобразующих черт стилей позволит улучшить коммуникацию в разных сферах человеческой жизнедеятельности и повысить ее эффективность.

Цели и задачи исследования состоят в анализе лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на систему функциональных стилей современного русского языка и, как следствие, на выбор языковых единиц. Функциональный стиль, по определению В.В. Виноградова, это «общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [3, с. 73]. Каждый день мы вступаем в речевые ситуации и вынуждены подбирать языковые средства с учетом множества условий: официальность или неофициальность коммуникации, сфера и цель общения, подготовленность или неподготовленность общения, особенности собеседника и так далее. Поэтому стилистика является не только дисциплиной, изучаемой в школе и вузе, но и неотъемлемой частью нашей жизни. Именно знания особенностей функциональных стилей и рекомендации стилистики по выбору языковых средств помогают в коммуникации, повышая ее успешность и взаимопонимание участников диалога.

Однако стилистика не стоит на месте, а является динамически развивающейся наукой, отражая особенности развивающегося языка в современных условиях [5, с. 91-93], рассматривая дискуссионные вопросы и представляя различные точки зрения на языковые процессы. Исследователь Г.В. Векшин говорит о двусмысленности понятия «функциональный стиль», который подразумевает сразу несколько определений (стилистика ресурсов, стилистика речи, стилистика языка), из-за чего текст по языковым средствам может относиться к одному стилю, а по назначению – к другому, оказываясь в положении «между» [2, с. 42-46]. Однако в своей работе мы будем придерживаться классического деления на стили и их черты.

В основе классификации функциональных стилей лежит сочетание лингвистических и экстралингвистических факторов. К первой группе факторов относится отбор языковых средств разных уровней и, как следствие, особенности лексики и грамматики стиля. Ко второй группе факторов относится сфера применения стиля, связанные с ней темы коммуникации, особенности ее подачи, ее цель и задачи, формы использования, жанр или тип документа. Обычно выделяются следующие стили русского языка: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный (см. учебники по стилистике Н.А. Купиной и Т.В. Матвеевой, И.Б. Голуб, О.И. Лыткиной, М.Н. Кожинной, А.Р. Благовой и Н.В. Кутуковой, учебники по стилистике и литературному редактированию Л.Р. Дускаевой, Е.Г. Борисовой, Е.Н. Басовской и других). Рассмотрим основные характеристики стилей русского языка [4, 9].

Научный стиль обслуживает научную сферу и отражает особенности научного мышления. Его цель – передача нового знания об окружающем мире и действительности, доказательство истинности этого зна-

ния, вписывание нового знания в уже имеющиеся и их корректировка. Выделяются следующие стилеобразующие черты научного стиля: логичность и доказательность текста, точность, объективность в анализе материала и его подаче, обобщенность и отвлеченность. Самым ярким языковым показателем является наличие терминологии, общенаучной и абстрактной лексики, отсутствие эмоционально-окрашенной лексики. На уровне грамматики будет представлено преобладание имен над глаголами, использование осложненных и сложных предложений для указания на причинно-следственные отношения явлений и процессов.

Официально-деловой (деловой) стиль обслуживает правовую и административную сферу, регулируя официальные отношения между организациями, государствами или внутри них. Его цель – передача знания и его закрепление в правовом поле для устранения возможных нарушений. Выделяются следующие стилеобразующие черты официально-делового стиля: точность, объективность подачи материала, отвлеченность, универсальность и шаблонность в соблюдении правил оформления. На языковом уровне тексты данного стиля отличаются шаблонностью фраз и стандартизованностью формы. Из-за высокого уровня отвлеченности и универсальности имена преобладают над глаголами, используются сложные предложения с большим количеством однородных и уточняющих членов и разных видов придаточных.

Публицистический стиль (стиль массовой коммуникации) характеризует сферу общественной жизни, распространен в средствах массовой информации и коммуникации, которые имеет разные формы: печатная продукция, телевидение, радио, публичные выступления представителей разных организаций и информация в сети Интернет. Цель данного стиля – информирование широких масс об актуальных и общественно значимых явлениях, процессах и событиях, воздействие на адресатов для формирования общественного мнения. На языковом уровне публицистический стиль является неоднородным. Его главные особенности, наблюдаемые в большинстве текстов, – это чередование индивидуально-авторского стиля и шаблонности в подаче материала, использование нейтральной и эмоционально-окрашенной лексики, применение образительно-выразительных средств и стилистических приемов. Кроме того, большое влияние на выбор лексики и особенностей грамматики оказывают личность автора текста и тема текста.

Язык художественной литературы (художественный стиль) является одним из тех стилей, которые выделяются не всеми учеными из-за неоднородности как внешних, так и внутренних характеристик. Его цель – образно-познавательное, идейно-эстетическое и эмоционально-экспрессивное воздействие на реципиента. Необходимо отметить, что внутри художественного текста можно выделить смесь стилей: стиль автора, произведения, эпохи и прочие [6, с. 55]. Что касается языковых средств, то они зависят от целей создателя текста и его индивидуально-авторского стиля: художественное произведение может быть, как образцом литературного языка, так и включать в себя внеязыковые элементы (жаргонизмы, диалектизмы, просторечные слова и выражения).

Церковно-религиозный стиль (религиозный, конфессиональный) тоже является предметом дискуссий. Он обслуживает религиозную сферу деятельности человека и представляет одну из форм общественного сознания. Данный стиль, рассматриваемый на примере православия, использует следующие жанры: молитвы, проповеди, наставления и т.д., которые строятся по строгим правилам и имеют определенную структуру, используют определенные шаблонные словосочетания и высказывания. На уровне языка данный стиль характеризуется возвышенной тональностью речи, оценочной лексикой, религиозным символизмом, архаичными словами и формами, восходящими к старославянскому языку, связью с религией и отсылками к ней на уровне цитат, имен, сюжетов, мотивов и образов. Правда, возникает вопрос о том, является ли данный стиль общим для всех разновидностей христианства или характеризует только православие [7, с. 101] и можно ли говорить о подобном стиле для других религий.

Разговорный стиль обслуживает обиходно-бытовую сферу. Его цель – передача информации, обмен эмоциями, воздействие на слушающего. Разговорный стиль имеет ряд особенностей: неофициальность речевой ситуации, неподготовленность текста, опора на внеязыковую реальность и общую память участников разговора, диалогичность (в том числе с самим собой), экономия средств языка и слабый уровень контроля над речью. На уровне выбора языковых единиц предпочтение отдается эмоционально-окрашенной лексике (в том числе негативной) с целью воздействия на собеседника или выражения личной экспрессии, сокращенным словам и высказываниям, восклицательным предложениям. Не исключены речевые клише разговорного стиля, включающие пословицы и поговорки, фразы из книг, кино, программ и т.д., принятые из-за влияния моды в том или ином поколении или группе людей. Синтаксис может быть простым ради быстроты выражения мысли, обрывистым и с большим количеством слов-паразитов.

Главной же особенностью традиционного рассмотрения системы функциональных стилей является то, что оно описывает в первую очередь книжные стили. Они являются более закрытыми, в большей степени сохраняющими традиционные черты и допускающими меньше влияния, чем устная форма. Однако современные

условия общения кардинально отличаются от того, что было еще лет двадцать-тридцать назад и поэтому характеристики стилей и границы между ними уже не полностью соответствуют действительности.

Материалы и методы исследований

Методика исследования основана на следующих методах: обзор, изучение и анализ научных материалов, посвященных теоретическому изучению функциональных стилей современного русского языка, особенностей их функционирования в современный период и методике преподавания этой темы, а также по специфике опыта преподавания литературоведческих и лингвистических дисциплин. Также использовался описательный метод для определения характеристик функциональных стилей русского языка на современном этапе и сравнительный метод для изучения изменения в его системе.

Результаты и обсуждения

Современный русский язык является развивающейся системой, которая меняется под воздействием внеязыковых факторов, как сознательных и управляемых государством, так и неуправляемых, связанных с научно-техническим прогрессом, изменениями в экономике и политике, модой, культурой и так далее.

По сравнению с предыдущими периодами развития человечества число людей и речевых ситуаций, в которые они вступают, многократно возросли. Урбанизация привела к ускорению темпа жизни и массовому общению «на бегу». Новые реалии жизни и требования к образованию, воспитанию, экономической независимости и многим другим факторам заставляют людей чаще взаимодействовать. Причем это касается не только непосредственного общения, но и опосредованного, в том числе в виртуальном пространстве.

Из-за частой коммуникации, невозможности тщательно подготовиться к каждому речевому взаимодействию и демократизации языка в целом общение во всех сферах получает такие характеристики, как использование устной формы, импровизация, слабый контроль над речью, шаблонность и использование клише. Изначально четкие границы между стилями стираются, что приводит к новому подходу в отборе для них языковых средств.

Научный стиль.

Одной из современных тенденций является постоянное обучение. Профориентационная программа «школа – колледж/вуз – предприятие» предполагает получение дополнительного профессионального обучения для наиболее успешного освоения необходимых теоретических знаний и получения практических навыков для эффективной работы по специальности. На работе требуется постоянное прохождение курсов повышения квалификации для подтверждения уровня профессионализма.

Массовое обучение людей приводит к изменению черт учебно-научного подстиля. Данный подстиль немного меняет языковое наполнение, причем эти изменения могут быть как в сторону усложнения, так и упрощения. Второе происходит чаще, так как для тщательного изучения материала не всегда хватает времени, поэтому научная информация может подаваться в сокращенном, сжатом виде, в виде таблиц, схем и графиков, с общенаучной лексикой и упрощенным синтаксисом.

Цифровизация тоже вносит свой вклад в изменение стилистики научного стиля. Это касается нескольких моментов.

Во-первых, поиск необходимой информации в сети Интернете занимает секунды, в отличие от поиска печатных материалов. Однако работа с электронными источниками и их анализ может усложняться, так как поиск выдает как авторитетные, достоверные источники, так и непроверенные, ошибочные и сомнительные. Очень часто найденные в Сети материалы являются не оригинальными работами ученых и исследователей, а пересказом их работ. Таким образом, использование упрощенных вторичных текстов приводит к упрощению с точки зрения лексики и грамматики.

Во-вторых, помощь искусственного интеллекта может существенно упростить жизнь обучающегося, поскольку проводит за него анализ имеющейся в открытом доступе информации по изучаемому вопросу. Кроме того, ИИ выдает итог тоже в сжатом, кратком виде с использованием преимущественно нейтральной лексики, напоминающей тексты учебно-научного или научно-популярного, а не собственно научного (академического) подстиля. С другой стороны, постоянное использование искусственного интеллекта может снизить собственно человеческий, потому что пользователь отучается искать, анализировать и систематизировать информацию самостоятельно.

Хотя даже искусственный интеллект не может избежать ошибок и выданный ИИ материал необходимо проверять на точность и достоверность. К тому же при серьезном, особенно прикладном характере профессии, обучении или написании собственного научного текста только с помощью искусственного интеллекта не обойтись – ИИ обрабатывает загруженные в Сеть тексты в очень большом объеме, среди которых есть как профессиональные, так и непрофессиональные.

Собственно, научный стиль тоже подвергается изменениям, которые касаются упрощения языка текстов из-за количества исследований. Научная деятельность сейчас является массовой, что связано с распространением науки и ее популяризацией, а также из-за требования к научным сотрудникам и работникам школ и вузов к публикации итогов своей научной деятельности. Необходимость создавать большой объем подобных текстов может снижать самоцензуру пишущего, упрощать выбор языковых средств, снижая требования к сложности научного текста, порой превращая его в научно-информационный или научно-популярный.

Популяризация науки тоже приводит к упрощению научных текстов и внесению в них черт разговорного стиля. Особенно это касается устной формы подобных работ: видеоматериалы, телевизионные программы, фильмы и тому подобные. В них реже используется терминология, чтобы охватить как можно более широкую аудиторию.

Таким образом, можно подвести итог изучения особенностей современного научного стиля. Наука теряет статус элитарной сферы деятельности, она получает черты массового явления с большой долей спонтанного, неподготовленного, упрощенного, поставленного на поток и потому хуже отредактированного текста. Это приводит к тому, что научный стиль теряет такие языковые черты, как терминология, сложная грамматика, большой объем для изложения серьезных научных идей, впуская в себя черты, характерные для разговорного стиля.

Официально-деловой стиль.

Сфера действия административно-канцелярского (управленческого, административного) подстиля значительно расширилась за счет массового взаимодействия людей с организациями и органами управления и государственными учреждениями: банками, учреждениями образования, страховыми организациями, медицинскими учреждениями и так далее. Все они массово работают с персональными данными клиентов и их мониторингом. С другой стороны, это взаимодействие чаще всего выражается во внесении личных данных в уже готовый бланк-шаблон, в том числе и в электронном виде. Таким образом, «общение» в официальной среде может быть минимальным и не включать всех стилеобразующих черт ОДС.

Коммуникация с организациями в современных условиях также может проходить в чатах с ботами, где используются возможности искусственного интеллекта, который реагирует на заданные поиском фразы и не требует соблюдения правил этикета и тем более точности формулировок. По сути, общение из официального контакта превращается в бытовое общение. Взаимодействие в чатах может быть не с искусственным интеллектом, а с человеком-сотрудником организации, но в этом случае общение проходит в большей степени по требованиям разговорного, а не официально-делового стиля.

Ряд документов, массово оформляемых людьми для регулирования их отношений с организациями (заявление, авансовые отчеты, докладные и про) чаще всего оформляются по шаблонам и к ним не предъявляются строгих требования в плане формулировок и соблюдения правил оформления [8, с. 104]. Это может касаться и внутренних отчетов организации, сдаваемых в большом количестве.

С другой стороны, также возросло количество отчетных документов между организациями. Часть из них тоже представляет шаблоны, в которые вносятся необходимые данные и различные показатели. Если это текстовые отчеты, то они чаще всего используют шаблонные фразы. Отчеты также могут оформляться в различных программах, куда человеком-сотрудником организации вносятся индивидуальные данные, а программа сама формирует отчет.

Законодательный (юридический) и дипломатический подстили в большей степени, по сравнению с канцелярским, сохраняют свои черты, препятствуя проникновению черт разговорного стиля и использованию его языковых средств. Это связано, во-первых, с правовой стороной использования текстов на государственном и межгосударственном уровне, что влечет за собой большую юридическую и экономическую ответственность и высокую цену ошибки. Во-вторых, они применяются преимущественно в письменной форме, которая хорошо поддается контролю со стороны государства. В-третьих, создание текстов этих подстилей не имеет такого массового и универсального характера, как создание текстов канцелярского стиля, проходит не один этап детального рассмотрения и редактирования.

Таким образом, современный официально-деловой стиль лишь частично подвержен изменениям в условиях современного функционирования. Дипломатический и законодательный подстили практически не меняют своих рамок и черты. Канцелярский подстиль из-за массового использования, спонтанности и частотности приобретает свойства разговорного стиля и в устной форме использует его языковые средства, в письменном формате используя шаблоны и готовые бланки документов, в которые вносятся индивидуальные данные.

Интересным является тот факт, что в классификации М.П. Кульгава функциональные стили интеллектуального (рационального) типа, к которым относятся официально-деловой и научный, в отличие от эмоцио-

нальных публицистического и художественного [11, с. 92], в меньшей степени ориентированы на диалогичность и индивидуальность и меньше поддаются влиянию разговорного стиля.

Публицистический стиль.

Данный стиль является наиболее неоднозначным с точки зрения выделения и названия подстилей, поэтому используем обобщенную классификацию.

Газетно-публицистический подстиль как таковой постепенно исчезает под влиянием внешних обстоятельств и сливается с языком электронных СМИ. Многие издательства имеют Интернет-вариант, в котором публикуются те же материалы, что и в печатном издании, при этом популярность последних может быть ниже. Из-за более широкого охвата аудитории и более быстрого выпуска такие тексты могут строиться по модели именно электронного текста. Что касается тех изданий, которые остаются только в печатном формате, то их количество уменьшается, а стиль текста их публикаций сближается с разговорным для удержания аудитории.

Радиожурналистский подстиль тоже изменился из-за снижения роли радио в жизни людей. Радио перестало играть информационную, образовательную, просветительскую функцию в обществе, у него осталась преимущественно развлекательная. Если раньше на радио выходили разные программы, то теперь основным содержанием становятся музыкальные программы, а текстовые являются лишь малой частью вещания. В этом случае используются короткие выпуски новостей и ток-шоу, включающие интервью с представителями шоу-бизнеса, иногда – экспертами из разных областей. Все это приводит к стиранию черт публицистического стиля и его слиянию с разговорным.

Тележурналистский подстиль тоже несколько изменил свою языковую реализацию. Информационные выпуски и авторские программы в большей степени сохраняют традиционные черты стиля: чередование стандарта и экспрессии, выполнение воздействующей и информационной функции. Значительная же часть развлекательных программ, особенно ток-шоу, нарушают нормы литературного языка, допуская использование просторечной и жаргонной лексики по ряду причин: повышение и удержание зрительского интереса, отражение особенностей языковой личности приглашенных гостей, спонтанность и неподготовленность их речи. Если в советское время речь дикторов и ведущих была образцом для подражания, то сейчас массовость доступа людей к возможности появиться на экране не дает им повода строже контролировать свою речь.

Подстиль сетевых изданий. Сайты профессиональных СМИ сохраняют ряд черт газетно-публицистического стиля, одной из которых является коллективная работа и коллективная ответственность за публикации. Поэтому такие тексты, как правило, хорошо отредактированы, проверены и выверены, хотя качество публикаций (достоверность информации, ее точность) может страдать из-за оперативности публикации по горячим следам произошедших событий. Иногда сетевые издания допускают использование разговорных элементов (просторечных слов, оценочной лексики) для привлечения аудитории, например: Межгосударственные отношения России и Германии упали ниже плинтуса; стало известно, почему россияне массово бегут из МФО в ломбарды; Захарова назвала представителя ЕС по правам человека неадекватной; Stargety напугала инвесторов продажами 32 биткоинов и так далее. Интерактивность также усиливает разговорные элементы в текстах этого подстиля [10, с. 98-99].

Ораторский подстиль связан с публичными выступлениями. В отличие от предыдущих периодов, длительность выступлений постепенно уменьшается, а их количество возрастает. Это приводит к тому, что тексты выступлений в меньшей степени тщательно подготавливаются; к тому же обращение к массовой аудитории, в том числе неподготовленной, требует элементов именно разговорного стиля – эмоционально-окрашенной лексики, чувства непосредственной диалогичности и, как следствие, импровизации речи выступающего.

Рекламный текст наиболее подвержен влиянию разговорного стиля, поскольку он ориентирован не только на широкую аудиторию, но и на ее отдельные группы. Это приводит к тому, что реклама детских товаров и услуг включает элементы, отражающие интересы детей и характеризующие их речь (сокращения, сленговые слова, заимствования). То же самое касается других целевых групп – подростков, молодых родителей, пенсионеров и так далее. Рекламный текст подвержен модным веяниям и использует отсылки к популярным кино, сериалам, программам, мемам.

Таким образом, современный публицистический стиль во многом расширил свои границы существования за счет разных форматов (печатные издания, радио, ТВ, Интернет). Все, что связано с электронным форматом публикации, из-за оперативности публикации и ее частотности, наличия обратной связи приобретает свойства разговорного стиля, а именно импровизационный и неофициальный характер, использование просторечной, окрашенной (в том числе негативно – презрительной, пренебрежительной) и сленговой лексики.

Разговорный стиль.

Разговорный стиль расширяет круг функционирования из-за того, что люди находятся в постоянной коммуникации, к которой они не успевают или не считают нужным подготовиться и потому используют те

же принципы общения, к которым привыкли в неофициальной обстановке: спонтанность, слабая форма контроля над речью, эмоциональность, опора на контекст и экономия средств. Все это переносится на общение в полуофициальной обстановке в сфере публицистики, науки и образования, сфере отношения с организациями и органами управления. Это приводит к неиспользованию нужных шаблонов и клише, связанных с книжными стилями, и неуместному применению разговорных элементов из-за непонимания этой неуместности [1, с. 24-25].

Письменная форма разговорного стиля получает массовый характер: переписка в мессенджерах, чатах и соцсетях с друзьями и семьей является неотъемлемой частью нашей жизни. Она отражает особенности устной формы: пропуски слов, сокращения, использование просторечных, «местных» слов и выражений, использование смайликов и эмодзи для передачи настроения в условиях «невидимости» собеседника. Важно то, что эти принципы потом переносятся в чаты и мессенджеры на рабочем месте, допуская применение ранее мало позволительных речевых элементов в официальной обстановке.

Важную роль в расширении сферы использования разговорного стиля сыграли цифровизация и распространение Интернета. Создание личных аккаунтов в соцсетях, открытие личных страниц на различных сайтах позволило людям значительно увеличить аудиторию, с которой они общаются. Это привело к возникновению авторских блогов и мастер-классов на самые разнообразные темы: от кулинарных до профессиональных. Таким образом, человек получает тысячную аудиторию, с которой делится впечатлениями от покупок или путешествий, дает ей советы и рекомендации, учит чему-либо. Это сближает его тексты по функционалу с научным и публицистическим стилем, но сохраняет речевые особенности разговорного стиля.

Выводы

В предложенной статье мы рассмотрели современное состояние функциональных стилей русского языка. Из-за вовлеченности людей массовую и постоянную коммуникацию в разных сферах жизни и с разными собеседниками границы между привычными стилями являются более проницаемыми и зыбкими, а языковые средства – более универсальными, чем раньше.

В связи с постоянным общением такие черты разговорного стиля, как импровизация, спонтанность речи, неофициальность общения, экспрессия, сейчас переносится и на другие стили. Массовая коммуникация приводит к снижению требований к выбору языковых элементов разных уровней, «разрешая» использование нейтральных и разговорных. Это приводит к уменьшению использования специфических языковых показателей книжных стилей.

Научный стиль теряет такой важный свой показатель, как использование терминологии, общенаучной и абстрактной лексики во всех своих подстилях, за исключением собственно научного. Именно он, являясь ядром стиля, сохраняет все его уникальные черты; остальные сближаются с разговорным по способу подачи материала и частоте их применения.

Официально-деловой стиль подвержен демократизации в основном в канцелярском подстиле, «подстраиваясь» под удобство людей и теряя такие черты, как использование канцеляризмов, деловых клише и стандартизированность, допуская использование шаблонов документов с минимальным участием пользователей. Законодательный и дипломатический остаются практически неизменными.

Публицистический стиль из-за оперативности подачи материала и существования в сети Интернет тоже использует в большем, чем раньше, количестве черт разговорного стиля. Это связано с использованием большого количества просторечных и сленговых слов, окрашенной лексики без ее обязательного чередования с нейтральной, использования разговорных устойчивых выражений и клише.

Разговорный стиль расширяет границы сферы использования, переходя не только в письменный формат с правилами сокращения и смайликами, но и занимая территорию, ранее принадлежавшую другим стилям, в сфере образования, деловой и массовой коммуникации, не меняя при этом выбора языковых средств.

Список источников

1. Бульина Ю.В. Методология изучения функциональных стилей речи в высшей школе // Новый вектор научного диалога: сборник статей по итогам IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции и VI Международной научно-практической конференции. Саратов, 27 февраля 2025 года. Саратов: Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова, 2026. С. 22 – 25.
2. Векшин Г.В. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // Жанры речи. 2009. № 6. С. 40 – 59.
3. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 73.

4. Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 455 с.
5. Давыдова И.В. Актуальность исследований стилистики и функциональных стилей языка // Наука и общество. 2020. № 1 (36). С. 90 – 93.
6. Ешимбетова Г.Ш. Классификация функциональных стилей и многостильность художественного текста // Lingua-Universum. 2024. № 1. С. 54 – 57.
7. Изотов А.И. Об обоснованности выделения церковно-религиозного функционального стиля в русистике и религиозного функционального стиля в богемистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-1 (68). С. 100 – 103.
8. Игонина С.В. Особенности преподавания культуры речи в современных условиях // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 9. С. 103 – 106.
9. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 464 с.
10. Петрова Н.Е. Актуальные процессы в системе функциональных стилей современного русского языка // Актуальные проблемы языкознания и методики преподавания иностранных языков: материалы VII Международной научно-практической конференции. Челябинск, 08–09 апреля 2025 года. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 2025. С. 97 – 100.
11. Фирстов М.С. Ораторский гиперстиль в системе функциональных стилей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 8 (694). С. 89 – 97.

References

1. Bulina Yu.V. Methodology for studying functional styles of speech in higher education. New vector of scientific dialogue: collection of articles following the IV All-Russian (national) scientific and practical conference and the VI International scientific and practical conference. Saratov, February 27, 2025. Saratov: Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N.I. Vavilov, 2026. P. 22 – 25.
2. Vekshin G.V. Genre and functional style: linguistic and speech (on some ambiguities in functional stylistics). Speech genres. 2009. No. 6. P. 40 – 59.
3. Vinogradov V.V. Results of the discussion of stylistic issues. Problems of linguistics. 1955. No. 1. 73 p.
4. Golub I.B., Starodubets S.N. Stylistics of the Russian Language and Culture of Speech: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2017. 455 p.
5. Davydova I.V. Relevance of Research into Stylistics and Functional Styles of Language. Science and Society. 2020. No. 1 (36). P. 90 – 93.
6. Yeshimbetova G.Sh. Classification of Functional Styles and the Multi-Stylistic Nature of Fiction. Lingua-Universum. 2024. No. 1. P. 54 – 57.
7. Izotov A.I. On the Validity of Distinguishing between the Church-Religious Functional Style in Russian Studies and the Religious Functional Style in Bohemian Studies. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 2-1 (68). P. 100 – 103.
8. Igonina S.V. Features of Teaching Speech Culture in Modern Conditions. Pedagogical Education. 2022. Vol. 3. No. 9. P. 103 – 106.
9. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Stylistics of the Russian Language: Textbook. 3rd ed., reprinted. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 464 p.
10. Petrova N.E. Actual Processes in the System of Functional Styles of the Modern Russian Language. Actual Problems of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, April 8–9, 2025. Chelyabinsk: South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 2025. P. 97 – 100.
11. Firstov M.S. Oratorical hyperstyle in the system of functional styles. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2014. No. 8 (694). P. 89 – 97.

Информация об авторах

Игонина С.В., старший преподаватель, Технический институт (филиал) «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», респ. Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 16, cvetiki1@mail.ru, igoninasv@svfu.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070+81'42+94(47)+316.77

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-134-140

¹ Кононова Е.А.

¹ Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Жанрово-стилистические стратегии освещения подвигов советских воинов и партизан в военных корреспонденциях Донбасса

Аннотация: в статье рассматриваются жанрово-стилистические стратегии репрезентации подвигов советских воинов и партизан в военных корреспонденциях Донбасса. В рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» военная корреспонденция анализируется как медиатекст, сочетающий документальную фиксацию события, публицистическую оценочность и мобилизационное воздействие. Выявлены ключевые стратегии: репортажная конкретизация, очерковая персонализация, хроникальная фактографичность, героизирующая типизация, эмоционально-экспрессивное моделирование образа героя. Доказывается, что корреспонденции военного времени формировали устойчивую коммуникативную модель подвига, в которой индивидуальный поступок приобретал значение коллективного нравственного ориентира и элемента исторической памяти.

Ключевые слова: военная корреспонденция, Донбасс, советские воины, партизаны, подвиг, медиакоммуникации, журналистика, жанровая стратегия, стилистика, репортаж, публицистический дискурс

Для цитирования: Кононова Е.А. Жанрово-стилистические стратегии освещения подвигов советских воинов и партизан в военных корреспонденциях Донбасса // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 134 – 140. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-134-140

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Kononova E.A.

¹ Donetsk State Medical University named after M. Gorky

Genre and stylistic strategies for covering the exploits of Soviet soldiers and partisans in Donbass war correspondences

Abstract: the article discusses genre and stylistic strategies for representing the exploits of Soviet soldiers and partisans in Donbass war correspondences. Within the framework of the scientific specialty 5.9.9 "Media Communications and Journalism", military correspondence is analyzed as a media text combining documentary recording of an event, journalistic evaluation and mobilization impact. The key strategies are revealed: reportage concretization, essay personalization, chronicle factography, heroizing typing, emotionally expressive modeling of the hero's image. It is proved that wartime correspondence formed a stable communicative model of a heroic deed, in which an individual act acquired the importance of a collective moral guideline and an element of historical memory.

Keywords: war correspondence, Donbass, Soviet soldiers, partisans, feat, media communications, journalism, genre strategy, stylistics, reportage, journalistic discourse

For citation: Kononova E.A. Genre and stylistic strategies for covering the exploits of Soviet soldiers and partisans in Donbass war correspondences. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 134 – 140. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-134-140

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 16, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Военная корреспонденция является одним из наиболее значимых жанров печатной журналистики периода Великой Отечественной войны, поскольку она соединяет оперативное сообщение о событии, авторское свидетельство, элементы репортажа, очерка, хроники и публицистического комментария, в связи с чем в региональной прессе Донбасса данный жанр выполнял не только информационную, но и ценностно-организующую функцию, поскольку через описание подвигов советских воинов и партизан формировал представление о героизме как норме общественного поведения в экстремальных исторических условиях [1, с. 15].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения военных корреспонденций Донбасса как особого сегмента медиакоммуникационного наследия, так как для современной науки о журналистике важен не только фактологический анализ публикаций, но и выявление способов, посредством которых газетный текст конструировал образ героя, организовывал эмоциональное восприятие аудитории, задавал интерпретационную рамку события и переводил единичный поступок в пространство коллективной памяти [2, с. 17].

Военная корреспонденция может рассматриваться как жанрово сложный медиатекст, обладающий выраженной прагматической направленностью, в связи с чем его коммуникативная структура включает событие, автора-свидетеля, героя, адресата, оценочный комментарий и социально значимый вывод, а потому именно данная структура позволяет анализировать корреспонденцию не только как исторический источник, но и как форму массовой коммуникации [3, с. 21].

Цель настоящей статьи – выявить жанрово-стилистические стратегии освещения подвигов советских воинов и партизан в военных корреспонденциях Донбасса, для достижения которой необходимо определить жанровую специфику военной корреспонденции, охарактеризовать стилистические средства героизации, рассмотреть механизмы репрезентации фронтового и партизанского подвига, а также установить медиакоммуникационные функции подобных публикаций [4, с. 231].

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическая база исследования. Методологическую основу работы составляют жанровый анализ, медиадискурсивный подход, элементы лингвостилистического и коммуникативно-прагматического анализа, так как, например, жанровый анализ позволяет определить, каким образом корреспонденция взаимодействует с репортажем, очерком, заметкой и публицистической статьёй, медиадискурсивный подход раскрывает связь текста с социальной ситуацией, системой ценностей и ожиданиями аудитории, а лингвостилистический анализ направлен на выявление лексических, синтаксических и композиционных средств воздействия [5, с. 69].

Современные исследования медиакоммуникаций, посвящённые прямому включению, репортажности, визуализации и правовым нормам журналистской деятельности, представляют значимую теоретическую основу для изучения исторической печати, так как несмотря на различие технологических платформ, между военной корреспонденцией и современными оперативными форматами существует функциональная близость: оба типа медиатекста стремятся создать эффект присутствия, достоверности и эмоциональной сопричастности аудитории [6, с. 101].

В работе российского исследователя медиалингвистики С.В. Карпия о соотношении понятий «трансляция» и «репортаж» подчёркивается, что репортаж не сводится к простой передаче факта, а предполагает его журналистскую организацию и интерпретацию [5], поскольку данный тезис принципиален для анализа военных корреспонденций, потому что газетный текст не только сообщает о подвиге, но и выстраивает его смысловую модель. В другой работе один из ведущих учёных Донбасса С.В. Карпий рассматривает прямое включение как специфический телеформат, основанный на оперативности и непосредственности коммуникации [6], из-за чего для печатной корреспонденции аналогом непосредственности выступают документальная деталь, пространственно-временная конкретика и позиция автора как очевидца или приближенного к событию рассказчика [7, с. 27].

Лингвомедийный аспект оперативного сообщения, рассмотренный учёными С.В. Карпием, Г.А. Игнатенко, Т.И. Заворотневой и Е.А. Кононовой, позволяет учитывать языковую организацию медиального эффекта достоверности [1], а потому в военной корреспонденции подобный эффект создаётся через точные указания места, называние участников, описание обстоятельств действия, включение речевых фрагментов и предметных деталей [8, с. 31].

Значимыми для настоящего исследования являются работы об архитектонике репортажа и построении устной речи в различных видах прямого включения [2, 7], так как они позволяют рассматривать журналистский текст как композиционно организованное сообщение, где последовательность смысловых блоков подчинена задаче воздействия, из-за чего исследования воздействующих компонентов прямого включения в психолингвистическом аспекте помогают объяснить, почему военная корреспонденция активно использует экспрессивную лексику, контраст, повторы, эмоционально насыщенные глаголы и оценочные характеристики [3, 9, с. 49].

Тема визуализации также имеет методологическое значение, поскольку в работе о приёмах визуализации в прямом включении подчёркивается роль образного предъявления события аудитории [8], из-за чего печатная военная корреспонденция достигает визуализации не экранными, а вербальными средствами, то есть через предметную детализацию, динамическое описание боя, портретную характеристику героя, изображение ландшафта, жестов, звуков и напряжённого момента действия [10, с. 87].

Результаты и обсуждения

Исследования стандартов медиаправа и юридических норм в медиакоммуникации позволяют учитывать нормативный аспект журналистской деятельности [9, 10], а для военной печати он проявляется в особом статусе факта, ответственности автора перед массовой аудиторией и необходимости соотнесения информации с общественной значимостью публикуемого материала [1, с. 16].

Жанровая природа военной корреспонденции. Военная корреспонденция Донбасса периода Великой Отечественной войны характеризуется жанровой гибридностью, потому что она не ограничивается нейтральным информированием, поскольку включает элементы репортажной динамики, очерковой характеристики, хроникальной точности и публицистического обобщения, из-за чего данная жанровая структура обусловлена самой природой военного медиасообщения, то есть читатель должен был получить факт, увидеть событие в развитии, эмоционально соотнестись с героем и воспринять подвиг как социально значимый пример [2, с. 18].

Репортажное начало проявлялось в изображении события как происходящего или только что произошедшего, поскольку корреспондент стремился передать напряжение момента, последовательность действий, смену обстоятельств, из-за чего в данных текстах активно использовались глаголы движения и борьбы, временные маркеры, указания на место, описания звуковой и зрительной среды, а репортажность создавала эффект включённости читателя в событие и усиливала доверие к сообщению [3, с. 22].

Очерковое начало было связано с раскрытием личности героя, в связи с чем подвиг советского воина или партизана в корреспонденции обычно представлялся не как случайный эпизод, а как проявление характера, так как автор вводил биографические детали, профессиональные признаки, черты поведения, отношение товарищей, вследствие чего герой становился не абстрактной фигурой, а человеком с индивидуальными особенностями, связанным с определённым коллективом, местом, трудовой или боевой биографией [4, с. 232].

Хроникальный компонент обеспечивал фактографическую основу текста и он выражался в точности сообщения, лаконичности отдельных фрагментов, перечислении обстоятельств, указании результата действия, из-за чего хроникальность выполняла функцию документализации, без которой героизирующая риторика могла бы утратить убедительность, а потому именно соединение факта и оценки создавало устойчивую структуру военной корреспонденции [5, с. 70].

Публицистическое начало заключалось в интерпретации события, поскольку корреспондент не только описывал подвиг, но и объяснял его значение, вследствие чего в финальных фрагментах часто появлялось обобщение, соотносящее поступок героя с коллективной волей, нравственным долгом, исторической ответственностью, а потому военная корреспонденция превращала единичное действие в знак общественной нормы [6, с. 102].

Стилистические стратегии героизации. Освещение подвигов советских воинов и партизан в корреспонденциях Донбасса опиралось на несколько устойчивых стилистических стратегий и первой из них является стратегия героизирующей номинации, так как герой обозначался не только по имени и воинскому статусу, но и через ценностно маркированные характеристики, например, мужественный боец, отважный разведчик,

стойкий партизан, верный товарищ, так как подобные номинации задавали читателю готовую оценочную рамку и формировали позитивную идентификацию [7, с. 28].

Вторая – динамическая драматизация события, потому что подвиг описывался через ситуацию предельного напряжения, когда герой оказывается перед необходимостью быстрого и нравственно значимого выбора и композиционно это выражалось в переходе от описания обстановки к кульминационному действию, после чего следовал результат и оценочный вывод, так как данная драматургия делала текст эмоционально насыщенным и коммуникативно эффективным [8, с. 32].

Третья – контрастное противопоставление, так как в корреспонденциях активно использовались антитезы «страх и мужество», «опасность и выдержка», «хаос боя и внутренняя собранность героя», «разрушение и созидательная сила сопротивления» из-за того, что контраст позволял усилить семантику подвига и показать его как преодоление обстоятельств [9, с. 50].

Четвёртая – документальная детализация, потому что она включала указание конкретных топонимов, описания местности, погодных условий, предметов военного быта, маршрутов движения, особенностей выполнения задания, в связи с чем деталь в военной корреспонденции выполняла двойную функцию, потому что подтверждала достоверность сообщения и создавала визуальный образ события, а потому именно через деталь печатный текст компенсировал отсутствие изображения и формировал эффект присутствия [10, с. 88].

Пятая – коллективная типизация героя, так как даже когда корреспонденция была посвящена одному человеку, его поступок представлялся как выражение качеств целой группы, то есть советский воин или партизан становился репрезентантом боевого товарищества, народа, региона, трудового коллектива, в связи с чем в донбасском контексте особое значение приобретали образы людей труда, перенёсших профессиональную дисциплину, стойкость и взаимовыручку в пространство боевого действия [1, с. 17].

Шестая – эмоционально-прагматическое обращение к аудитории, так как текст был рассчитан на то, чтобы вызвать уважение, гордость, чувство сопричастности и готовность следовать примеру героя, а потому воздействующий потенциал создавался оценочной лексикой, ритмически организованными фразами, повторами, восклицательными интонациями, финальными обобщениями, из-за чего военная корреспонденция выступала не только информирующим, но и мобилизующим медиатекстом [2, с. 19].

Репрезентация подвигов советских воинов. В корреспонденциях, посвящённых советским воинам, центральным становился мотив боевого действия, так как подвиг изображался как результат профессиональной военной выучки, личного мужества и верности товарищам и авторская задача состояла в том, чтобы показать не только внешний результат поступка, но и внутреннюю логику поведения героя [3, с. 23].

Композиционно такие материалы часто строились вокруг конкретного эпизода, то есть разведывательного выхода, оборонительного боя, спасения товарищей, выполнения приказа, удержания позиции и в начале текста обозначалась ситуация опасности, затем следовало описание действий героя, после чего фиксировался результат и давалась публицистическая оценка, из-за чего данная структура обеспечивала ясность восприятия и усиливала воспитательный эффект [4, с. 233].

Стилистически образ воина создавался через лексику действия, поскольку глаголы решительного движения, сопротивления, преодоления и защиты формировали динамический портрет героя, из-за чего важную роль играли синтаксические конструкции с нарастанием напряжения, то есть короткие фразы, перечисления, параллельные построения, так как они передавали темп события и приближали печатную корреспонденцию к репортажной форме [5, с. 71].

Особенностью донбасского материала является связь воинского героизма с региональной идентичностью, потому что, если герой был уроженцем шахтёрского или промышленного края, корреспондент мог акцентировать его трудовую биографию, дисциплину, привычку к риску и коллективизму, а потому тем самым создавалась смысловая параллель между трудовым подвигом и боевым поступком, поскольку воин представлялся не изолированной фигурой, а носителем ценностей своей социальной среды [7, с. 29].

Репрезентация партизанского подвига. Освещение действий партизан имело собственную жанрово-стилистическую специфику, так как в данных корреспонденциях усиливалась семантика скрытого действия, самообладания, знания местности, связи с населением, изобретательности и готовности к самопожертвованию, из-за чего партизанский подвиг нередко описывался как результат не только личной храбрости, но и организованного коллективного сопротивления [8, с. 33].

Жанрово материалы о партизанах тяготели к очерковости и сюжетности, потому что в них важную роль играли элементы повествования «подготовка задания», «движение по опасной территории», «ожидание», «внезапность действия», «возвращение или трагический финал», так как описанная структура сближала

корреспонденцию с малой документальной прозой, однако сохраняла журналистскую установку на факт и общественную значимость [9, с. 51].

Стилистически партизанский текст часто использовал мотив тишины, ночи, леса, дороги, условного сигнала, тайной встречи, из-за того, что данные детали не только создавали визуально-предметный фон, но и формировали атмосферу напряжённого ожидания, из-за чего вербальная визуализация становилась ключевым средством воздействия на читателя [10, с. 89].

Образ партизана в донбасской корреспонденции мог соединять черты бойца, разведчика, местного жителя и народного мстителя, а его героизм репрезентировался как глубоко укоренённый в пространстве родной земли, из-за чего в текстах о партизанах особую роль играли топонимы, бытовые детали, упоминания семейных и трудовых связей, вследствие чего подвиг приобретал не только военное, но и нравственно-территориальное измерение, то есть человек защищал знакомый мир, свою общину, память о мирной жизни [2, с. 20].

Коммуникативные функции военной корреспонденции Донбасса. Жанрово-стилистические стратегии освещения подвигов советских воинов и партизан подчинялись нескольким медиакommunikationным функциям, например, информационная функция состояла в сообщении о конкретных действиях, результатах, участниках событий, потому что она обеспечивала связь между фронтом, тылом и региональной аудиторией [5, с. 72].

Аксиологическая – заключалась в утверждении системы ценностей – «мужества», «долга», «товарищества», «стойкости», «верности общему делу», так как через корреспонденции читатель получал не только сведения, но и интерпретацию того, какие поступки достойны общественного признания [8, с. 34].

Идентификационная функция проявлялась в создании образов, с которыми аудитория могла себя соотносить, из-за чего герои корреспонденций часто имели конкретную профессию, место происхождения, биографию, связь с коллективом, что делало подвиг близким и понятным для читателя [9, с. 52].

Мобилизационная функция выражалась в побуждении к действию, внутренней собранности, поддержке фронта, труду, взаимопомощи, вследствие чего публикации о подвигах не ограничивались описанием прошлого события; они были ориентированы на будущую реакцию аудитории [10, с. 90].

Мемориальная функция состояла в закреплении героического поступка в публичной памяти, из-за чего газетная корреспонденция становилась первичной формой документирования подвига и одновременно способом его символического осмысления, а потому благодаря медиатексту индивидуальное действие включалось в исторический нарратив региона [5, с. 73].

Выводы

Военные корреспонденции Донбасса, посвящённые подвигам советских воинов и партизан, представляют собой жанрово сложный и стилистически насыщенный тип медиатекста, потому что их специфика определяется синтезом репортажности, очерковости, хроникальности и публицистической оценочности, вследствие чего данный синтез позволял соединить документальную достоверность, эмоциональное воздействие и ценностное обобщение.

Ключевыми жанрово-стилистическими стратегиями выступали репортажная конкретизация, очерковая персонализация, документальная детализация, героизирующая номинация, драматизация события, контрастное противопоставление, коллективная типизация героя и вербальная визуализация, так как через данные стратегии корреспонденция формировала образ подвига как социально значимого поступка, выходящего за пределы индивидуальной биографии.

Подвиги советских воинов в донбасской печати репрезентировались преимущественно через динамику боевого действия, дисциплину, товарищество и решительность, а потому партизанский подвиг раскрывался через мотив скрытого сопротивления, связи с местностью, самообладания и коллективной поддержки, вследствие чего в обоих случаях герой становился медиакommunikationным символом нравственной устойчивости и исторической ответственности.

Военная корреспонденция Донбасса таким образом выполняла комплекс функций – информационную, аксиологическую, идентификационную, мобилизационную и мемориальную, так как в системе печатной журналистики военного времени она была не только способом сообщения о событиях, но и инструментом формирования коллективного представления о героизме, а потому перспективы дальнейшего исследования связаны с корпусным анализом региональных газет, сопоставлением корреспонденций разных изданий и изучением трансформации образа героя в послевоенной журналистской памяти.

Список источников

1. Карпий С.В., Игнатенко Г.А., Заворотнева Т.И., Кононова Е.А. Актуализация лингвомедийного аспекта исследования прямого телевизионного включения // Проектирование. Опыт. Результат. 2021. № 2. С. 15 – 17.
2. Шокотко Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. [и др.] Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 17 – 20.
3. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотко Л.Е. [и др.] Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 21 – 23.
4. Карпий С.В. Универсализация деятельности журналистов в условиях информационно-психологического противоборства систем СМИ Донбасса // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы V Международной научной конференции. Донецк, 17–18 ноября 2020 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. С. 231 – 233.
5. Карпий С.В. Отождествление и противопоставление понятий "трансляция" и "репортаж" в тележурналистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 69 – 74.
6. Карпий С.В. Прямое включение как специфический телеформат // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 101 – 102.
7. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 27 – 29.
8. Цатынъян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. [и др.] Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 31 – 34.
9. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. [и др.] Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 49 – 52.
10. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 87 – 90.

References

1. Karpuy S.V., Ignatenko G.A., Zavorotneva T.I., Kononova E.A. Updating the Linguistic Media Aspect of Live Television Broadcast Research. Design. Experience. Result. 2021. No. 2. P. 15 – 17.
2. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A. [et al.] Architectonics of Live Broadcast Reporting Types: History of the Issue. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 17 – 20.
3. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. [et al.] Influencing components of direct inclusion: psycholinguistic aspect. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 21 – 23.
4. Karpuy S.V. Universalization of Journalists' Activities in the Context of Information and Psychological Confrontation of Donbass Media Systems. Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture, and Challenges of Our Time: Proceedings of the V International Scientific Conference. Donetsk, November 17–18, 2020. Donetsk: Donetsk National University, 2020. P. 231 – 233.

5. Karpiy S.V. Identification and Contrast of the Concepts of "Broadcast" and "Reportage" in Television Journalism. Upper Volga Philological Bulletin. 2019. No. 3 (18). P. 69 – 74.
6. Karpiy S.V. Live broadcasting as a specific television format. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2019. No. 4. P. 101 – 102.
7. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Construction of oral speech in various types of live broadcasting. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 27 – 29.
8. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I. [et al.] Live broadcast visualization techniques and the consequences of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 31 – 34.
9. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V. [et al.] Live broadcast in terms of media law standards and norms. Socio-economic, historical, legal, and philosophical studies: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 49 – 52.
10. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Implementation of a Complex of Legal Norms in Direct Inclusion. Socio-economic, historical-legal and philosophical studies: materials of the XVIII All-Russian scientific-practical conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 87 – 90.

Информация об авторах

Кононова Е.А., кафедра русского, латинского языков и медиакоммуникаций, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Минздрава России, Донецк, РФ, eskalive25@gmail.com

© Кононова Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-141-146

¹ Крапивник Л.Ф.

¹ Тихоокеанский государственный университет

«Тексты культуры»: лингвометодический потенциал в обучении русскому языку вне языковой среды

Аннотация: данная статья посвящена проблеме обучения русскому языку вне языковой среды. Целью данной статьи является лингводидактическое описание педагогического инструментария, способствующего овладению лингвокультурологическими знаниями в условиях отсутствия языковой среды. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выбора эффективных способов поддержания и повышения интереса к изучению русского языка и русской культуры за рубежом. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выбора наиболее эффективных способов стимулирования интереса иностранных студентов, обучающихся на родине, к русской культуре и повышения их мотивации к овладению русским языком.

Автор отмечает, что особую ценность при обучении русскому языку за рубежом имеют аутентичные материалы, отражающие языковые и культурные особенности реальной языковой среды. Основное внимание в статье уделяется описанию лингводидактического потенциала вербальных «текстов культуры» как особого культурного феномена. В статье представлены специфика вербальных «текстов культуры» и их лингводидактические возможности в создании учебного коммуникативного пространства. Делается вывод том, что в процессе преподавания русского языка «тексты культуры» позволяют приблизить процесс обучения к ситуациям живого общения и познакомить с национально-культурными особенностями речевого поведения носителей языка, что способствует формированию лингвокультурологической компетенции учащихся и их практико-ориентированных навыков и умений.

Ключевые слова: «тексты культуры», русский язык, обучение вне языковой среды

Для цитирования: Крапивник Л.Ф. «Тексты культуры»: лингвометодический потенциал в обучении русскому языку вне языковой среды // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 141 – 146. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-141-146

Поступила в редакцию: 13 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Krapivnik L.F.

¹ Pacific National University

«Texts of culture»: linguometodic potential in teaching the Russian outside the language environment

Abstract: this article is devoted to the problem of teaching the Russian language outside the language environment. The purpose of this article is to analyze and describe pedagogical tools that contribute to the successful acquisition of the Russian language and linguistic and cultural knowledge in the absence of a language environment. The urgency of the problem under study is due to the need to choose the most effective ways to stimulate the inter-

est of foreign students studying at home in Russian culture and increase their motivation to master the Russian language.

The author notes that of particular value in teaching the Russian language abroad have authentic materials that reflect linguistic and cultural characteristics real language environment. The article focuses on the description linguodidactic potential of verbal «cultural texts» as a special cultural phenomenon. The article presents the specifics of verbal «cultural texts» and their lingvodidactic capabilities in creating an educational communicative space. It is concluded that in the process of teaching Russian language «cultural texts» allow you to bring the learning process closer to situations of live communication and introduce national-cultural features of the speech behavior of native speakers, which contributes to formation of linguistic and cultural competence of students and their practices oriented skills.

Keywords: «cultural texts», Russian, learning outside the language environment

For citation: Krapivnik L.F. «Texts of culture»: linguometodic potential in teaching the Russian outside the language environment. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 141 – 146. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-141-146

The article was submitted: June 13, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Как известно, процесс обучения иностранному языку в условиях отсутствия естественной языковой среды существенным образом отличается от его изучения в «родной» для этого языка сфере функционирования, поскольку в целях формирования лингвокультурологических знаний и развития коммуникативных умений и навыков учащихся процесс обучения языку полностью ориентирован на воссоздание и воспроизведение в учебных целях атрибутов того коммуникативного и социокультурного пространства, главной и неотъемлемой частью которого он является.

К наиболее важным атрибутам языковой среды, которые в качественном плане влияют на формирование вторичной языковой личности, относят, в частности, «естественные и достоверные» видеоряд, аудиоряд, речевой ситуативный ряд, ряд фоновых знаний и обучающую стихию языка, способствующие приобретению учащимися языковых и речевых знаний, умений и навыков (в том числе и самостоятельному или стихийному [7]. Соответственно, в современной лингводидактике одним из наиболее эффективных способов «компенсации» (возмещения) отсутствующих при изучении иностранного языка атрибутов языковой среды признается целенаправленное использование на всех этапах обучения иностранному языку вне языковой среды аутентичных текстов, отражающих особенности функционирования изучаемого языка в конкретном исторически сложившемся лингвокультурном социуме.

В настоящее время отечественными и зарубежными русистами в процессе обучения используется значительное количество различных аутентичных материалов, т.к. объем аутентичного материала постоянно расширяется и обновляется за счет апробации и введения в учебный процесс их новых жанровых разновидностей. В связи с этим для повышения эффективности использования аутентичного языкового материала при обучении русскому языку за рубежом целесообразным в настоящее время представляется систематизация накопленного педагогического опыта и аргументированная оценка лингводидактического потенциала того педагогического инструментария, который призван компенсировать отсутствие языковой среды в учебном процессе и успешно используется в этих целях.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: изучение научной и научно-методической литературы по теме исследования; анализ, интерпретация и систематизация опыта использования различных жанровых разновидностей аутентичных текстов в целях компенсации отсутствия языковой среды; анализ «текстов культуры», используемых при обучении русскому языку в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, и выявление их наиболее значимых для обучения вне языковой среды особенностей; беседы с преподавателями и иностранными студентами; наблюдение за процессом изучения русского языка анализ и обобщение полученных результатов; уточнение и формулировка выводов.

Результаты и обсуждения

В современной лингводидактике к аутентичному («истинному», «подлинному») учебному материалу относят тексты, которые в лексико-семантическом плане ориентированы на исторически конкретное лингвокультурное сообщество, т.к. создаются носителями языка в процессе их речевого взаимодействия для

решения конкретных коммуникативных задач в рамках естественной для данного языка сферы функционирования [3]. Однако, как показал опыт использования аутентичных материалов в учебной практике, их изначальная «внеучебная» предназначенность не оказывает существенного влияния на их обучающий (лингводидактический и информационный) потенциал, поскольку, являясь подлинными свидетельствами особенностей и своеобразия лингвокультуры, к которой принадлежит изучаемый язык, аутентичные тексты, по признанию отечественных и зарубежных русистов, становятся бесценным инструментом для погружения учащегося в естественную языковую среду [2]. В связи с этим и в России, и за рубежом в процессе изучения русского языка как иностранного в учебных целях используется разнообразие (по своим семиотическим, жанровым и функционально-семантическим особенностям) аутентичные материалы.

Как показывают наблюдения, в учебной практике отечественной и зарубежной русистики традиционно заметное место занимают русские народные сказки, паремииологические единицы русского языка, художественная проза и поэзия и т.п., которые в связи с их историко-культурной ценностью и национальной спецификой их понятийно-образного содержания относят к вербальным «текстам культуры», или, в иной терминологии, к «культурно-значимым текстам» [10], «культурным текстам» [9], «культуроведческим текстам» [10]. Кроме этого в процессе обучения русскому языку как иностранному активно применяются наиболее современные и наиболее актуальные для лингвокультуры источники информации о существенных аспектах жизни современного российского общества – публицистические статьи, интервью и телерепортажи, рекламные тексты и слоганы, отрывки из теле- и радиопередач, фильмы, мультфильмы и др. [4].

При этом обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на стремление преподавателей-русистов использовать в учебном процессе наиболее актуальные для современной русскоязычной лингвокультуры аутентичные материалы, наибольший интерес у современной иноязычной аудитории вызывают «тексты культуры» («культурно-значимые тексты»), что обуславливает важность и необходимость их анализа с точки зрения лингводидактических возможностей и перспектив использования в учебном процессе.

Анализ учебного материала свидетельствует о том, что в отличие от аутентичных текстов, функционирующих в современном лингвокультурном сообществе, «текстам культуры» присуща высокая степень насыщенности исторической информацией, поскольку они погружены в конкретный культурно-исторический контекст и в языковом, номинативном, событийном, идейно-тематическом и др. планах отражают особенности времени своего создания. Соответственно, историко-познавательная ценность «текстов культуры» позволяет использовать их при изучении русского языка для формирования у иностранных учащихся страноведческих знаний о становлении Российской государственности, о различных исторических событиях, о происходивших в жизни России и в русском языке изменениях и др.

В частности, русские народные сказки как один из наиболее древних «текстов культуры» позволяют познакомить иноязычную аудиторию с «национальным колоритом» традиционного русского быта, с характерными для него языковыми формулами, а также с исторически обусловленными особенностями социального взаимодействия различных социальных групп в наиболее отдаленные периоды в жизни России [11]. Так, например, при чтении русской народной сказки «Каша из топора» иностранные студенты могут познакомиться с представленными в лексической структуре сказки предметами русского быта (*деревня, изба, горшок, каша, ложка* и т.п.), с вышедшими из употребления обращениями (*хозяйюшка, милый* и др.), а также могут узнать об особенностях воинской службы в царской армии и связанных с ними традициями и морально-этическими обязательствами, которые находят свое отражение в сюжетной и языковой структурах сказки (*Шел солдат по деревне. Зашел он в один дом ...*), в значительной степени определяющих адекватность понимания ее идейной направленности (осуждение глупости, равнодушия и жадности). Историко-страноведческая информация такого плана, как показывают наблюдения, всегда вызывает живой интерес инофонов и стимулирует их желание расширять свой страноведческий и лингвокультурологический кругозор.

Как и все аутентичные тексты, вербальные «тексты культуры» социально ориентированы (погружены в социальный контекст) и функционально предназначены для репрезентации актуальных для социума «смыслов» (в широком понимании этого слова). Однако исторический характер «текстов культуры» и при этом их активное функционирование в настоящее время позволяет исследователям относить вербальные «тексты культуры» (как и иные подобные им семиотические феномены) к культурно-историческим «механизмам», обеспечивающим цивилизационную преемственность лингвокультуры посредством хранения и трансляции социального опыта и коллективной парадигмы мышления [5]. В связи с этим изучение «текстов культуры» в иноязычной аудитории способствует пониманию национальной специфики культуры изучаемого языка и особенностей «национального характера» его носителей (их устойчивых представлений, общепринятых приоритетов и ценностей, поведенческих стереотипов, устойчивых эмоционально-оценочных

реакциях, характерных установок и др.). Как известно, коммуникативная значимость подобного рода знаний заключается в том, что они являются основой адекватного общения носителей языка и предпосылкой корректного (и толерантного) межкультурного взаимодействия носителей разных языков и культур [8], в связи с чем в условиях отсутствия языковой среды, когда учебный материал становится единственным источником их получения, лингвокультурологическая значимость «текстов культуры» и их лингводидактическая востребованность в значительной степени возрастают.

Например, в русистике хорошо известен тот факт, что особыми познавательными возможностями в плане знакомства иноязычной аудитории с самобытными особенностями «русского национального характера» и национально специфическими поведенческими стереотипами обладают такие древнейшие «тексты культуры», как произведения устного народного творчества, в частности, русские пословицы и поговорки, дидактический и эмоционально-оценочный характер которых на протяжении многих веков способствует сохранению важнейших составляющих этнокультурной идентичности русской нации – ее нравственно-этических эталонов и моральных приоритетов и т.п. В связи с этим в условиях отсутствия языковой среды знакомство иностранных студентов в русскими пословицами и поговорками, как показывает практика, позволяет сформировать у них представление о таких морально-этических приоритетах русского народа, как любовь к родине и родной земле (*Плоха та птица, которой свое гнездо не мило; В гостях хорошо, а дома лучше; На чужой сторонке рад родной воронке*), коллективизм и взаимовыручка (*Один в поле не воин: На миру и смерть красна; Один за всех – все за одного*), правдивость (*Без правды не житьё, а вытьё*), справедливость (*Что посеешь, то и пожнешь*), гостеприимство и хлебосольство (*Гость в дом – радость в дом; Красному гостю красное место; Гостю щей не жалей, да погуще налей*) и др. Именно поэтому и в зарубежной русистике пословицы и поговорки активно используются в учебном процессе и повсеместно представлены в учебной литературе [1].

Анализ научных статей, посвященных отбору языкового материала для формирования лингвокультурологической компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного, позволяет говорить о том, что особое место «текстов культуры» в лингводидактической практике объясняется не только тем, что их изучение позволяет пополнять знания об истории и культуре России, но и тем, что знакомство с ними способствует более глубокому пониманию особенностей менталитета носителей русского языка и национально специфических основ их мировосприятия и миропонимания. Так, и фольклорные произведения (народные сказки, песни, загадки), и литературные произведения (рассказы, пьесы, романы, поэтические произведения), «перемещая» учебную аудиторию в новое для нее и отличающееся от «родного» интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации, через мысли и чувства литературных героев способны донести до иностранного читателя не известные ему культурные смыслы, ситуации нравственного выбора, эмоционально-этические переживания и другие характерные для русскоязычной лингвокультуры особенности национально специфического мировидения. Например, даже представленные в учебнике для иностранных учащихся «Дорога в Россию» текстовые фрагменты русских народных сказок «Репка» и «Три медведя», адаптированные в соответствии с уровнем владения русским языком и методически ориентированные на закрепление изученных грамматических явлений, могут познакомить иноязычную аудиторию с концептами русской культуры («Дед / дедушка», «Баба / Бабушка», «Внучка», «Медведь» и др.), национально-специфическими образами («Репка», «Три медведя», «Вкусная каша»), ставшими прецедентными ситуациями («Внучка позвала собаку Жучку, ... Жучка позвала кошку», «Пошла в лес погулять»), актуальными и сейчас в русскоязычной коммуникации прецедентными высказываниями (*Посадил дед репку; Тащили-тащили – не вытащили*) и мировоззренческими представлениями, привычными для носителей русского языка и русской культуры (например, восприятие «трех медведей» как семьи, членами которой являются «большой медведь – папа», «большая медведица – мама» и «маленький медвежонок – их сын»).

Кроме этого, диалогический характер русского фольклора и русской классики, с одной стороны, позволяет иностранным учащимся знакомиться с разнообразными речевыми образцами, их коммуникативными функциями и контекстуальными значениями, что при отсутствии реального общения с носителями русского языка качественно повышает коммуникативную компетентность иноязычной аудитории [6]. С другой стороны, наличие в такого плана учебных текстах диалогов позволяет преподавателю-русисту разнообразить формы проведения учебных занятий за счет воссоздания в учебных целях ситуаций «живого общения» (при выразительном чтении фрагментов сказок и художественных текстов «по ролям», участия в их инсценировках, интерактивных занятиях и играх), которые вносят в учебный процесс элементы непредсказуемости, спонтанности, когнитивной и эмоциональной эмпатии, стимулирующие коммуникативную активность иностранных студентов и их внутреннюю мотивацию к изучению русского языка и русской культуры.

Выводы

Таким образом, «тексты культуры» обладают особыми возможностями для воссоздания отсутствующих в учебном процессе элементов реальной языковой среды, в которой функционирует изучаемый язык, поскольку они обладают художественной ценностью и им присуща высокая степень насыщенности культурно-исторической, концептуальной и др. информацией, которая отражает особенности русской культуры и устойчивые компоненты «русской ментальности». Информация такого плана относится к фоновым знаниям носителя русского языка и необходима для адекватного речевого взаимодействия в русскоязычном коммуникативном пространстве. Как известно, владение подобного рода знаниями является своеобразным показателем лингвокультурологической компетенции учащихся и их практико-ориентированных навыков и умений, определяющих степень готовности вторичной языковой личности к общению с носителями изучаемого языка, потому в условиях обучения вне языковой среды использование «текстов культуры» в качестве их источника методически целесообразно, необходимо и чрезвычайно важно.

Список источников

1. Барсукова Е.А., Чжан Янь. Пословицы и поговорки как средства формирования образа России в современных китайских учебниках РКИ // Genesis: исторические исследования. 2024. № 1. С. 111 – 120.
2. Гао Сюемань. Роль аутентичных материалов в преподавании РКИ: от литературных текстов до медийных ресурсов // Филология: научные исследования. 2023. № 9. С. 23 – 32.
3. Качалов Н.А. Особенности использования аутентичных видеодокументов в обучении иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 221 – 227.
4. Кулик А.Д. Синергия новостных контентов средств массовой информации в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 11-2. С. 89 – 93.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
6. Овчинникова М.В. Использование художественных литературных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному на среднем и продвинутом этапах обучения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 281 – 285.
7. Орехова И.А. Обучающий потенциал русской среды в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2004. 15 с.
8. Савинова Н.А., Михалева Л.В. Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 116 – 119.
9. Симбирцева Н.А. Культурологический потенциал категории «Текст культуры» // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 27 – 32.
10. Ходякова Л.А. Методика интерпретации текста как феномена культуры // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2. № 2. С. 76 – 81.
11. Шумская Л.М. Восприятие русской народной сказки при изучении РКИ // Этнодиалоги. 2021. № 3-4 (65-66). С. 235 – 242.

References

1. Barsukova E.A., Zhang Yan. Proverbs and sayings as a means of forming the image of Russia in modern Chinese textbooks of Russian Foreign Languages. Genesis: historical studies. 2024. No. 1. P. 111 – 120.
2. Gao Xueman. The role of authentic materials in teaching RFL: from literary texts to media resources. Philology: scientific research. 2023. No. 9. P. 23 – 32.
3. Kachalov N.A. Features of the use of authentic video documents in teaching a foreign language. Bulletin of Tomsk State University. 2006. No. 291. P. 221 – 227.
4. Kulik A.D. Synergy of news content of the media in professionally oriented teaching of Russian as a foreign language. Modern science: current problems of theory and practice. Series "Humanities". 2019. No. 11-2. P. 89 – 93.
5. Lotman Yu.M. Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. M.: "Languages of Russian Culture", 1996. 464 p.
6. Ovchinnikova M.V. The use of artistic literary texts in classes on Russian as a foreign language at the intermediate and advanced stages of training. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2021. No. 4 (60). P. 281 – 285.

7. Orekhova I.A. The educational potential of the Russian environment in the formation of linguistic and cultural competence of foreign students: abstract of thesis. dis. ... doc. ped. Sci. M., 2004. 15 p.
8. Savinova N.A., Mikhaleva L.V. Authentic materials as an integral part of the formation of communicative competence. Bulletin of Tomsk State University. 2007. No. 294. P. 116 – 119
9. Simbirtseva N.A. Culturological potential of the category “Text of Culture”. Man in the world of culture. 2013. No. 3. P. 27 – 32.
10. Khodyakova L.A. Methodology for interpreting text as a cultural phenomenon. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. T. 2. No. 2. P. 76 – 81.
11. Shumskaya L.M. Perception of Russian folk tales in the study of RFL. Ethnodialogues. 2021. No. 3-4 (65-66). P. 235 – 242.

Информация об авторах

Крапивник Л.Ф., доктор филологических наук, профессор Высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, 000607@togudv.ru

© Крапивник Л.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-147-152

¹ Ликари К., ¹ Шаронов И.А.

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Дискурсивная трансформация концептуального поля беззвучие в послевоенной лейтенантской прозе

Аннотация: в статье раскрывается проблема дискурсивной трансформации концептуального поля беззвучие в рамках послевоенной лейтенантской прозы. Цель исследования – определение базовых свойств концепта тишина в концептуальном поле беззвучия и его семантико-прагматическую трансформацию в лейтенантской прозе послевоенного периода (1946–1969 гг.). В статье на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) проанализированы два сопоставимых подкорпуса: подкорпус невоенных текстов и авторский подкорпус лейтенантской прозы (10 повестей о Великой отечественной войне, написанных авторами – участниками сражений). На основе анализа частотности лексического состава единиц и их комбинаторики выявлены характеристики ядерной и периферийной зон концепта тишина в «фоновой» невоенной и в военной прозе авторов-участников боевых действий («лейтенантской» прозе). В результате исследования установлено сужение семантического ядра концепта тишина и трансформация в коннотативных слоях в дискурсе лейтенантской прозы по сравнению с «фоновой» невоенной прозы.

Ключевые слова: концептуальное поле беззвучие, концепт тишина, лейтенантская проза, дискурсивная трансформация

Для цитирования: Ликари К., Шаронов И.А. Дискурсивная трансформация концептуального поля беззвучие в послевоенной лейтенантской прозе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 147 – 152. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-147-152

Поступила в редакцию: 13 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Likari K., ¹ Sharonov I.A.

¹ Russian State University for the Humanities

The discursive transformation of the conceptual field of soundlessness in post-war lieutenant prose

Abstract: the aim of this study is to identify the fundamental properties of the concept of silence within the conceptual field of soundlessness, and to examine its semantic and pragmatic transformation in Lieutenant prose of the post-war period (1946–1969). Drawing on the National Corpus of the Russian Language (NCRL), this article analyses two comparable subcorpora: a subcorpus of non-military texts and an author-specific subcorpus of lieutenant-level prose (10 novellas about the Great Patriotic War written by authors who were combatants). Based on an analysis of the frequency of lexical units and their combinatorial patterns, the article identifies the characteristics of the core and peripheral zones of the concept of silence in background non-military prose and in the military prose of authors who participated in war (Lieutenant prose). The study found that the semantic core of the concept of silence is narrower and that its connotative layers have undergone a transformation in the discourse of Lieutenant prose compared with background non-military prose.

Keywords: conceptual field of soundlessness, concept of silence, lieutenant prose, discursive transformation

For citation: Likari K., Sharonov I.A. The discursive transformation of the conceptual field of soundlessness in post-war lieutenant prose. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 147 – 152. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-147-152

The article was submitted: June 13, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена новыми методологическими предпосылками, важностью применения корпусных технологий, которые обеспечивают достоверные, количественно верифицируемые выводы [1]. В лингвоконцептологии корпусные методы применяются недостаточно широко, особенно при изучении дискурсивной вариативности концептов. Ключевая методологическая проблема заключается в том, что, хотя в когнитивно-дискурсивной парадигме постулируется тезис о вариативности концепта под воздействием дискурсивных факторов [2, 3, 4], существующие исследования дискурсивной вариативности концептов не всегда опираются на систематический корпусный анализ с количественной верификацией выводов. Возникает потребность в исследованиях, интегрирующих корпусную методологию с концептологическим анализом для перехода от качественных описаний к количественно обоснованным выводам, в частности, для изучения механизмов влияния экстралингвистических факторов на вариативность концепта, на который влияют временной, социокультурный, дискурсивный и другие факторы [4]. Особую значимость имеет изучение «функциональной области концепта – типа дискурса, в котором он вербализуется» [5, с. 1636].

Концептуальное поле тишина, молчание и безмолвие образует триаду в русской языковой картине мира, отражающую базовую антропологическую оппозицию звук – беззвучие, речь – молчание. Исследование трансформации этой триады в дискурсе лейтенантской прозы представляет собой частный случай, направленный на эмпирическую проверку теоретического положения о влиянии типа дискурса на семантико-прагматическую организацию концептов, а также на выявление специфики модификации базовых антропологических концептов под воздействием внеязыкового фактора, в частности военного опыта. На вариативность концепта влияют временной, социокультурный, дискурсивный и другие факторы [4]. Особую значимость имеет изучение «функциональной области концепта – типа дискурса, в котором он вербализуется» [5, с. 1636]. В цель настоящей статьи входит рассмотрение первого из трех концептов – концепта тишина, определение его базовых свойств в концептуальном поле беззвучия и его семантико-прагматической трансформации в лейтенантской прозе послевоенного периода (1946–1969 гг.).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- разработать синтетическую модель описания концепта тишина, объединяющую его ядерно-периферийную структуру;
- установить фоновую норму функционирования концептов тишина в невоенном художественно-публицистическом дискурсе 1946–1969 гг. на материале лексикографических источников и подкорпуса НКРЯ;
- сформировать авторский подкорпус лейтенантской прозы и провести комплексный количественно-качественный анализ частотности, сочетаемости, деривационного поля, коллокаций, синтаксических паттернов и контекстов репрезентации исследуемого концепта;
- определить специфику трансформаций ядерно-периферийной организации, деривационного поля, коллокационных и коннотативных слоев концепта в дискурсе лейтенантской прозы по сравнению с фоновой нормой.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики. Концептуальные положения о природе концепта как многомерной ментальной единицы, объединяющей понятийный, образный и ценностный компоненты, опираются на труды Е.С. Кубряковой [6], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [7], а также В.А. Масловой [8] и др. В рамках когнитивного подхода были заимствованы ключевые представления о ядерно-периферийной организации концепта и динамике его структуры. Ключевыми для анализа и описания концептуального поля беззвучия стали несколько моделей изучения и описания концептов. Ядерно-периферийная модель З.Д. Поповой и И.А. Стернина [7] позволило фиксировать перераспределение когнитивных признаков между ядром и периферией, а также количественно оценивать изменения в объеме и составе деривационного поля. В нашей работе была использована трехмерная модель концепта В.И. Карасика [9], включающая понятийный, образный и ценностный слои.

Кроме того, для описания содержательных форм концептов и выявления их трансформации в дискурсе лейтенантской прозы была применена динамическая четырехкомпонентная модель «концептуального квадрата» В.В. Колесова [10].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его при разработке курсов по лингвоконцептологии, корпусной лингвистике, в дальнейшем изучении вариативности концептов в пределах различных видов дискурса, а также в использовании результатов в практике преподавания русского языка и культуры XX века.

Материалы и методы исследований

Методы исследования определяются его междисциплинарным характером и включают: корпусный анализ (коллокации, синтаксические паттерны), компонентный, контекстуально-семантический и прагматический анализ, контрастивный метод, а также элементы дискурс-анализа и историко-культурного комментария. Сочетание количественных и качественных подходов обеспечивает объективность и глубину результатов.

Материалом для исследования послужили два сопоставимых по периоду корпуса текстов 1946–1969 годов. Фоновую норму функционирования концепта тишина представляет специально сформированный автором подкорпус НКРЯ, включающий невоенные тексты общим объемом около 25 миллионов слов. Данный подкорпус охватывает разнообразные жанры и стилистические регистры эпохи (художественную прозу, публицистику, мемуары и др.) и позволяет зафиксировать типичное, нормативное употребление исследуемых концептов в невоенном художественно-публицистическом дискурсе рассматриваемого периода. Дискурс лейтенантской прозы представлен авторским подкорпусом текстов данного литературного направления объемом около 442 тысяч слов. Нами сформирован с помощью специализированного корпусного программного обеспечения Sketch Engine (далее SE) подкорпус из десяти повестей фронтовиков младшего офицерского состава. Это повести «В окопах Сталинграда» В.П. Некрасова, «Звезда» Э.Г. Казакевича, «Иван» В.О. Богомолова, «Батальоны просят огня» Ю.В. Бондарева, «Южнее главного удара» Г.Я. Бакланова, «Третья ракета» В.У. Быкова, «Убиты под Москвой» К.Д. Воробьева, «На войне как на войне» В.А. Курочкина, «А зори здесь тихие...» Б.Л. Васильева и «Сашка» В.Л. Кондратьева. Выбор именно этих произведений обусловлен их репрезентативностью для вышеуказанного литературного направления как узкой определенной отрасли военной литературы, а также принципом сбалансированного представительства: в подкорпус включено по одному из наиболее значимых произведений каждого автора, представителя данного литературного направления. Такой подход позволяет минимизировать влияние индивидуально-авторского идиостиля и обеспечить объективность анализа.

Результаты и обсуждения

Лексикографический анализ авторитетных толковых словарей русского языка XX–XXI вв. (Ушаков, 2000; Ожегов, 1998; Ефремова, 2006; БАС, 2006; БТС, 2004; МАС 1981–1984; БУСРЯ 2020; Даль 2021) позволил выделить устойчивое семантическое ядро концепта *тишина* – «отсутствие звуков, шума или речи». Исходя из этого, а также с учетом данных специально сформированного подкорпуса НКРЯ нами была предложена трехслойная модель коннотативной структуры концепта: тишина природы (объективный акустический фон внешней среды), тишина индивидуума (психологическое и эмоциональное состояние субъекта), тишина общества (социально-регулятивное состояние порядка и дисциплины). Данная классификация была первоначально выявлена посредством компонентного анализа словарных дефиниций, синонимических рядов, антонимических оппозиций и фразеологизмов, а затем верифицирована на основе результатов количественного и качественного анализа коллокаций и контекстов подкорпуса НКРЯ.

В невоенном художественно-публицистическом дискурсе рассматриваемого периода концепт *тишина* характеризуется относительно стабильной ядерно-периферийной структурой с преобладанием позитивной или нейтральной аксиологической нагрузки. Согласно корпусным данным НКРЯ, лексема *тишина* встречается 1157 раз. Средняя частотность – примерно 48,2 вхождений в год. Среди наиболее частотных и значимых выделяются коллокации с лексемой *тишина* (X): *наступать/наступить X* (132), *стоять X* (81), *царить / воцариться X* (53), *быть X* (52), *полная X* (43), *X в зале* (21), отражающие статичность, эмоциональную окраску и атмосферные функции концепта. Анализ выявил четкую и устойчивую иерархию трех основных коннотаций концепта. Доминирует природный коннотативный слой (около 55% контекстов), где концепт *тишина* выступает объективным акустическим фоном. Приведем иллюстративные примеры:

Кругом стояла тишина, и редкие, далекие звуки собачьего лая не нарушали, а словно подчеркивали эту глухую ночную тишь (Р. Штильмарк, Наследник из Калькутты, 1950-1951);

Шура куда-то ушла, соседей тоже нет, и стоит тихая полная тишина (Ю.А. Кривулина, Дневник (1957).

Второй коннотативный слой: тишина индивидуума, составляет около 30% (с ростом к 1969 г. до 41%) и отражает психологическое умиротворение или рефлексию. Приведем иллюстративные примеры:

Вокруг нас шум и суeta большого города, но внутри нас еще лесная тишина, плеск волн и призрачный подводный свет (Н. Сладков, Записки на раковинах, 1964);

Тишина, царящая в зале, лучше всего говорит о достоинствах фильма» (Б.И. Вронский, Дневник, 1965).

Социальный слой представлен скромнее (около 15%, с тенденцией к снижению). Он проявляется преимущественно в нормативных контекстах поддержания дисциплины в коллективной деятельности. Например:

В классе царила такая тишина, что голос учителя из соседнего класса был ясно слышен (Ю. Рытхэу, Время таяния снегов, 1967).

В целом в невоенном художественно-публицистическом дискурсе концепт сохраняет признаки статичности и преимущественно позитивной оценки.

В дискурсе лейтенантской прозы ситуация меняется. Базовая лексема *тишина* встречается 111 раз. Этот показатель заметно ниже, чем в невоенном подкорпусе НКРЯ (1157 вхождений). Однако концепт реализуется значительно шире за счет развитого деривационного поля: *тихо* (181), *тихий* (52), *тише* (25), *тихонько* (21), *утихать* (15), *затихнуть* (13) и др., что суммарно дает около 400 вхождений, делая общее присутствие концепта сопоставимым с нижней границей невоенной нормы. Согласно ядерно-периферийной модели, происходит заметное перераспределение признаков: ядро фонового концепта сужается, уменьшается частотность единиц, передающих сему *покой* и *длительность*, а на периферию выходят и усиливаются признаки кратковременности, напряжённости и потенциальной угрозы.

Коллокационный профиль демонстрирует системный сдвиг. В лейтенантской прозе доминируют сочетания с негативно-оценочными прилагательными (*напряжённая X*, *тревожная X*, *подозрительная X*, *недобрая X*, *трудная X*, *гнетущая X*, *мёртвая X*, *страшная X*, *неестественная X*), составляющие 20–25% контекстов. Типичны конструкции с глаголами угасания (*затихнуть*, *утихать*, *стихнуть*) и нарушения (*нарушить X*, *прервать X*), а также локативная конструкция *в тишине* (~25–30% контекстов), которая помещает концепт в ограниченное, потенциально опасное пространство. Приведем иллюстративные примеры:

*Мощные всплески пулеметного огня, оглушительное крахтенье минометных разрывов, а затем **недобрая тишина**, чреватая новыми возможностями внезапной смерти* (Казакевич, 1947);

*–Что-то здесь нечисто, лейтенант. Уж больно **тишина подозрительная**. Чует мое сердце – нечисто* (Курочкин, 1965);

*Моторный гул незаметно утихает или, может, отдаляется, и **ночную тишину нарушают** лишь редкие случайные звуки* (Быков, 1962);

*И всюду отрезан путь, и **в тишине**, в лощине, одна сторона которой все больше освещалась, накапливались немцы* (Бакланов, 1957).

В результате все три выделенных коннотативных слоя претерпевают трансформацию в пределах дискурса лейтенантской прозы. Первый коннотативный слой: тишина природы маргинализируется (около 20–25% контекстов против 55% в подкорпусе НКРЯ) и приобретает негативную окраску: тишина природы воспринимается как зловещее, обманчивое затишье, чреватое угрозой:

*Вокруг стояла **ночная тишина**. Однако он знал, как **она обманчива** и сколько глаз, может быть, следят за тобой в этом мраке* (Казакевич, 1947).

*Но шла война, распорядясь по своему усмотрению человеческими жизнями, и судьбы людей переплетались причудливо и непонятно. <...> А зори здесь были **тихими-тихими**.* (Васильев, 1969).

Коннотативный слой тишины индивидуума становится преобладающим (~50% контекстов). Концепт *тишина* реализуется как пространство психологического давления, скрытого конфликта и жёсткого эмоционального самоконтроля:

*– Что-то здесь нечисто, лейтенант. Уж больно **тишина подозрительная**. Чует мое сердце – нечисто* (Курочкин, 1965).

*– Бессмысленно это, все равно ведь умру. <...> Завали меня ветками и иди. По серым, проваленным щекам ее медленно текли слезы. Федот Евграфыч **тихо** поднялся, аккуратно прикрыл Риту ветками и быстро зашагал к речке, навстречу немцам.* (Васильев, 1969).

Третья коннотация – тишина общества – находит свое отражение в контекстах вынужденной, прагматически обусловленной пассивности, за которой стоит инстинкт выживания:

*С той стороны, куда ушел мальчик, послышались шаги и **тихий**, невнятный гортанный говор. "Немцы!.."* (Богомолов, 1957).

– Тсс !.. Холин начинает грести тише – видимо, в ожидании берега. (Богомолов, 1957)

В целом концепт *тишина* в дискурсе лейтенантской прозы утрачивает статичность, длительность и преимущественно позитивную аксиологическую нагрузку, характерные для невоенной нормы, и приобретает динамичный, процессуальный и прагматически обусловленный характер. В лейтенантской прозе концепт вербализуется как кратковременную паузу, несущую потенциал нарушения и угрозы. Данная трансформация отражает влияние военного опыта на фрагмент русской языковой картины мира середины XX века.

Выводы

Проведённый корпусно лексикографический анализ демонстрирует, что концепт *тишина* в рассматриваемый период (1946–1969 гг.) представляет собой устойчивую ядерно периферийную организацию в невоенном дискурсе, которая претерпевает существенную трансформацию в дискурсе лейтенантской прозы. Фоновая норма концепта фиксирует преимущественно позитивно нейтральную аксиологию и широкий спектр функциональных реализаций, тогда как лейтенантская проза характеризуется системными семантико-прагматическими сдвигами.

Влияние дискурсивного типа (невоенный / военный) проявляется через переакцентировку коннотативных слоёв: акустически онтологический слой, позитивный в нормативном фоне, приобретает негативную – зловещую, подавляющую окраску, смещается в сторону эмоционального нагнетания.

Механизмы смысловой трансформации включают метафоризацию онтологической пустоты (пространственные и телесные метафоры) и лексико-стилистическую аккумуляцию эпитетов оценочной направленности. Эти механизмы направленно создают интерпретационную перспективу угрозы, опустошения и экзистенциальной узвистости.

Парадигматические и синтагматические изменения носят системный характер и коррелируют с экстра-текстовыми факторами – опытом войны как социально культурным и эмоциональным контекстом. Военная ситуационность трансформирует функцию концепта от трансцендентного маркера к прагматическому инструменту выживания и дисциплины.

Исследование демонстрирует, что тип дискурса выступает важным экстралингвистическим фактором, способным радикально перестроить семантико-прагматическую организацию базовых антропологических концептов. В условиях военной реальности концепт *тишина* утрачивает трансцендентную стабильность и обретает новые, социально прагматически и эмоционально нагруженные функции, выступая маркерами опустошения, угрозы и экзистенциальной узвистости.

Список источников

1. Ryukova A.R. Corpus-oriented Language Research: a brief summary of achievements and challenges. Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 1 (49). URL: <https://rulb.org/en/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.17> (дата обращения: 07.07.2026)
2. Араева Л.А. Предисловие. Явление вариативности в языке: тезисы докладов конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 4 – 6.
3. Глинкина Л.А. Вариативность как научный объект в русском языкознании. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы международной конференции. М.: Филология, 1995. Т. 1. С. 126 – 128.
4. Фельде О.В. Временная и дискурсивная вариативность концепта «Богучанская ГЭС» // Сибирский филологический форум. 2023. № 4 (16). С. 58 – 71.
5. Воркачев С.Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 13. С. 1636 – 1640.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
8. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: Академия, 2008. 256 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 477 с.
10. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания: содержательные формы концепта. Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 100 – 115.

References

1. Ryukova A.R. Corpus-oriented Language Research: a brief summary of achievements and challenges. Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 1 (49). URL: <https://rulb.org/en/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.17> (accessed: 07.07.2026).
2. Araeva L.A. Preface. The phenomenon of variability in language: abstracts of conference reports. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. P. 4 – 6.

3. Glinkina L.A. Variability as a scientific object in Russian linguistics. Linguistics at the end of the twentieth century: results and prospects: abstracts of the international conference. M.: Philology, 1995. T. 1. P. 126 – 128.
4. Felde O.V. Temporal and discursive variability of the concept “Boguchanskaya HPP”. Siberian Philological Forum. 2023. No. 4 (16). P. 58 – 71.
5. Vorkachev S.G. Axiological variability of the linguocultural concept. Concept: scientific and methodological electronic journal. 2015. T. 13. P. 1636 – 1640.
6. Kubryakova E.S. Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
8. Maslova V.A. Cognitive linguistics. M.: Academy, 2008. 256 p.
9. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. M.: Gnosis, 2004. 477 p.
10. Kolesov V.V. Conceptual field of Russian consciousness: meaningful forms of the concept. Issues in cognitive linguistics. 2022. No. 1. P. 100 – 115.

Информация об авторах

Ликари К., Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, samilla.licari@gmail.com

Шаронов И.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

© Ликари К., Шаронов И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09:004

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-153-157

¹ Маркина П.В., ¹ Кин С.Г.

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Человек читающий по-русски: культурные традиции в цифровом мире

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы трансформации читательской практики в русскоязычном цифровом пространстве, что важно, как в контексте современного образования, формирующего духовно-нравственный потенциал личности, так и в диахроническом аспекте развития современной литературы. Феномен «человека читающего», привлекая внимание современных культурологов и философов, вписывается не только в традиции глобализации современного мира, но и в контекст классической русской литературы с ее тенденциями к воспитанию читателя. Проблема жанра *reading journal* исследуется с позиций вопросов специфики социальных сетей, цифрового чтения и реализации признаков смысловой обусловленности литературных традиций русской культуры. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, выводы опираются на сравнительный анализ, семиотический анализ визуального материала, дискурс-анализ, а также элементы контент-анализа. Результаты научной работы представлены в виде заключения о том, что *reading journal* рассматривается как самостоятельная форма медиакommunikation в контексте комплексного анализа его жанровых визуальных и коммуникативных особенностей в аспекте функционирования жанра на различных цифровых платформах.

Ключевые слова: чтение, русская литература, трансформация практики чтения на русском языке, цифровое пространство

Для цитирования: Маркина П.В., Кин С.Г. Человек читающий по-русски: культурные традиции в цифровом мире // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 153 – 157. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-153-157

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Markina P.V., ¹ Kin S.G.

¹ Altai State Pedagogical University

A Russian-reading person: cultural traditions in the digital world

Abstract: the article discusses the transformation of reading practices in the Russian-language digital space, which is important both in the context of modern education, which forms the spiritual and moral potential of an individual, and in the diachronic aspect of the development of modern literature. The phenomenon of the "reading person," which has attracted the attention of contemporary cultural and philosophical scholars, fits not only into the traditions of globalization in the modern world, but also into the context of classical Russian literature and its emphasis on educating readers. The problem of the reading journal genre is studied from the perspective of the specifics of social networks, digital reading, and the implementation of the signs of semantic conditioning of literary traditions in Russian culture. The research methodology is based on a review of the scientific works of Russian and foreign researchers on the subject, and the conclusions are based on a comparative analysis, a semiotic analysis.

sis of visual material, discourse analysis, and elements of content analysis. The results of the research are presented in the form of a conclusion stating that the reading journal is considered an independent form of media communication in the context of a comprehensive analysis of its genre-specific visual and communicative features in terms of its functioning on various digital platforms.

Keywords: reading, Russian literature, transformation of Russian reading practices, digital space

For citation: Markina P.V., Kin S.G. The Russian-reading person: cultural traditions in the digital world. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 153 – 157. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-153-157

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 18, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование трансформации практики чтения в мире цифровых технологий в контексте вписанности в глобальное пространство наследников русской литературы. Развитие цифровых технологий существенно изменило способы создания, распространения и восприятия культурного контента. Эти изменения затронули и читательские практики. Если ранее чтение рассматривалось преимущественно как индивидуальное занятие, связанное с личным опытом и внутренней рефлексией, то сегодня оно все чаще становится частью публичной коммуникации. Социальные сети и медиаплатформы позволяют читателям не только делиться впечатлениями о книгах, но и превращать сам процесс чтения в объект публичного представления.

Р. Хисген и Адриан ван дер Вейл публикацией «Человек читающий. Значение книги для нашего существования» [11] обозначили проблему того, как цифровые технологии повлияли на практику чтения в современном мире. Россия, с одной стороны, как часть глобального пространства вписывается в обозначенные процесс, с другой – как наследник культурного кода, сформированного на русском языке в том числе и художественной литературой, имеет свои специфические черты развития читательских практик.

Одной из наиболее заметных форм такой трансформации является жанр reading journal (читательский дневник, который из личного инструмента фиксации впечатлений превратился в самостоятельный медиа-продукт). В современных условиях он существует в различных форматах. При этом внимание аудитории привлекает не только обсуждение книг, но и особая визуальная эстетика, сопровождающая демонстрацию читательского опыта.

Трансформация модели чтения уже привлекала внимание исследователей [1]. Эта актуальная проблема важна и с позиций современного образования [9], так как напрямую влияет на развитие духовно-нравственных качеств личности [8], а также в контексте анализа влияния на современную литературу [2]. В перспективах исследования остается изучение изменения типа героя в контексте феномена творческой неудачи [10] в русской культуре XXI века.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении практик чтения в русскоязычном цифровом пространстве. Это опирается, во-первых, на рассмотрение исторического развития читательских практик и выявление связи между традиционным читательским дневником и современным reading journal. Во-вторых, необходимостью определения теоретических подходов для анализа жанра. В-третьих, важностью исследования визуальной организации жанра и выявлением ее основных семиотических характеристик.

В последние годы наблюдаются заметные изменения в системе литературной коммуникации. Традиционные институты литературной критики постепенно утрачивают монопольное положение в формировании читательских предпочтений.

История чтения и читательских практик получила широкое освещение в работах Р. Шартье, Р. Дарнтон, М. де Серто и других исследователей. Их труды посвящены эволюции способов чтения, отношениям между читателем и текстом, а также социальным условиям формирования читательского опыта.

Теоретические основы исследования новых медиа представлены в работах М. Маклюэна, Г. Дженинса, Л. Мановича, Х. ван Дейка и других авторов. В рамках этих исследований рассматриваются процессы цифровизации культуры, платформенная логика коммуникации [6] и участие пользователей в создании контента.

Для анализа визуальной составляющей важное значение имеют труды Р. Барта, Ж. Бодрийера и П. Штомпки, посвященные семиотике изображения, визуальной культуре и символическому значению предметного мира.

Исследование социальных аспектов книжного блогинга опирается на концепции П. Бурдьё, Б. Андерсона и М. Маффесоли, позволяющие рассматривать книжные сообщества как формы культурного взаимодействия и коллективной идентичности.

Непосредственно книжный блогинг и цифровые читательские сообщества стали объектом внимания ряда зарубежных исследователей последних лет. Среди них можно выделить работы M. Jaakkola, S. Stollfuß, A. Steiner, R. Savolainen и других авторов.

Материалы и методы исследований

В качестве основных методов исследования используются сравнительный анализ, семиотический анализ визуального материала, дискурс-анализ, а также элементы контент-анализа.

Теоретическую основу работы составляют исследования в области медиатеории, социологии культуры, визуальной семиотики и коммуникационных исследований. В работе используются положения медиатеории М. Маклюэна, концепция культуры соучастия Г. Дженкинса, идеи платформенной коммуникации Х. ван Дейк, семиотический подход Р. Барта, визуальная социология П. Штомпки, драматургическая теория И. Гофмана, а также отдельные положения социологии литературы и культурного производства.

Эмпирическую базу исследования составляют русскоязычные книжные блоги на различных платформах. В выборку включены каналы, регулярно публикующие контент в жанре reading journal и обладающие устойчивой аудиторией. Для анализа используются публикации, размещенные в период с 2023 по 2024 год.

Результаты и обсуждения

В XX веке одной из лучших практик гуманитарного образования стало ведение читательского дневника. Многие элементы такой структуры – указание автора, названия произведения, основных тем и личной оценки – сохраняются и в современных форматах книжного блогинга.

Г.М. Маклюэн, проанализировав путь человека к печатной культуре, определил, как электронные средства коммуникации воздействуют на человека и общество [7]. История читательских практик (подробнее [5]) показывает, что стремление фиксировать результаты чтения, комментировать текст и делиться своими впечатлениями имеет длительную культурную традицию. Современный reading journal не является принципиально новым явлением. Он объединяет черты маргиналий, книг «общих мест», личных дневников и альбомной культуры, адаптируя их к условиям цифровой медиасреды. Новизна заключается не столько в самой практике фиксации читательского опыта, сколько в ее публичном характере и тесной связи с визуальными формами коммуникации.

Для понимания феномена reading journal недостаточно рассматривать его исключительно как продолжение традиции читательских дневников. Современные формы книжного блогинга существуют в специфической медиасреде, которая оказывает существенное влияние как на способы производства контента, так и на характер взаимодействия между авторами и аудиторией. Поэтому анализ данного жанра требует обращения к теориям цифровой культуры, в частности к концепциям культуры соучастия и экономики внимания.

Одной из важнейших особенностей современных медиа является изменение роли пользователя. Если в традиционной модели массовой коммуникации аудитория выступала преимущественно в качестве получателя информации, то цифровые платформы предоставили пользователям возможность самостоятельно создавать и распространять контент. В результате границы между производителями и потребителями информации стали значительно менее определёнными.

Эти изменения подробно рассматриваются в работах Генри Дженкинса, который использует понятие «культура соучастия» (participatory culture) [4]. По мнению исследователя, современные медиа формируют условия, при которых аудитория перестаёт быть пассивным наблюдателем и становится активным участником культурного процесса. Пользователи не только потребляют контент, но и обсуждают его, перерабатывают, интерпретируют и создают собственные медиапродукты.

В контексте книжного блогинга данная тенденция проявляется особенно наглядно. Читатели больше не ограничиваются знакомством с литературным произведением. Они публикуют отзывы, ведут книжные блоги, участвуют в обсуждениях, создают тематические подборки и рекомендуют книги другим пользователям. Чтение становится не только индивидуальной практикой, но и формой социального взаимодействия. Жанр reading journal занимает особое место в этой системе.

Не менее важным фактором является конкуренция за внимание пользователей. Огромное количество информации, ежедневно появляющейся в интернете, делает внимание ограниченным ресурсом. Именно поэтому многие исследователи рассматривают современную цифровую культуру через призму «экономики внимания» [3].

Понятие «экономики внимания» связано с представлением о том, что в условиях информационного избытка главным дефицитом становится не информация сама по себе, а способность человека сосредоточить-

ся на ней. Платформы стремятся удерживать внимание аудитории как можно дольше, а создатели контента вынуждены конкурировать друг с другом за ограниченное время пользователей. Эта логика непосредственно влияет на развитие книжного блогинга.

Чтение традиционно ассоциируется с длительной концентрацией и неспешным погружением в текст, тогда как цифровые платформы ориентированы на быстрое потребление информации. В результате возникает определённое противоречие между природой чтения и механизмами функционирования социальных сетей.

Одним из способов разрешения этого противоречия становится эстетизация читательского опыта. Вместо того чтобы рассказывать исключительно о содержании книги, блогеры создают визуально привлекательный контент, который способен заинтересовать пользователя ещё до знакомства с самим произведением. Таким образом, культура соучастия существует в тесной связи с платформенной логикой, которая определяет условия распространения информации.

Для жанра *reading journal* это имеет особое значение. С одной стороны, он основан на идее открытого обмена читательским опытом и активного взаимодействия между участниками сообщества. С другой стороны, его развитие во многом зависит от алгоритмов платформ, которые влияют на охват публикаций, вовлечённость аудитории и популярность отдельных форматов контента.

В результате современный читательский дневник оказывается на пересечении двух важных тенденций цифровой культуры. Первая связана с расширением возможностей участия и превращением пользователей в активных участников медиакommunikации. Вторая определяется конкуренцией за внимание и необходимостью адаптировать контент к требованиям цифровой среды. Именно сочетание этих факторов позволяет рассматривать *reading journal* не только как форму фиксации читательского опыта, но и как специфический медиажанр, существующий в условиях платформенной коммуникации.

Выводы

Научная новизна работы заключается в том, что жанр *reading journal* рассматривается как самостоятельная форма медиакommunikации, проводится комплексный анализ его жанровых визуальных и коммуникативных особенностей, разрабатывается подход к изучению визуальной организации контента данного типа в функционировании жанра на различных цифровых платформах.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о современных цифровых читательских практиках и формах медиакommunikации. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях книжного блогинга, визуальной культуры и цифровых сообществ.

Практическая значимость состоит в возможности применения результатов исследования при изучении новых медиа, цифровой культуры, интернет-коммуникации и литературных сообществ, а также в образовательной деятельности при подготовке специалистов в области медиакommunikаций.

В результате реконструкции исторической эволюции читательских практик, можно прийти к выводу, что стремление читателя материализовать свой опыт, вступить в диалог с текстом и зафиксировать этот диалог эстетически не является продуктом цифровой эпохи. От средневековых маргиналий и ренессансных «книг общих мест» через викторианские альбомы и приватные дневники XIX века к школьному читательскому дневнику XX можно увидеть движение к современному жанру *reading journal*.

Опираясь на осмысление гениалогии жанра, важно отметить, что принципиальная новизна состоит в том, что в цифровой среде этот приватный жанр перемещается в публичное пространство и приобретает невиданную ранее визуальную изощренность.

Если рассмотреть *reading journal* в контексте современной медиатеории, то можно прийти к выводу, что он возникает на пересечении трех ключевых тенденций: культуры соучастия (читатель становится просьюмером, производителем контента), экономики внимания (медленное чтение и созерцательность выступают как дефицитный и востребованный товар) и платформенной логики (формат жанра диктуется интерфейсом и аффордансами конкретной платформы).

Список источников

1. Воробьева Т.Л. Трансформация модели чтения в цифровой культуре // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 126 – 138.
2. Вулф М. Пруст и кальмар. Нейробиология чтения. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.
3. Гилязова О.С., Замощанский И.И., Конашкова А.М. Экономика внимания в контексте специфики новых медиа: причины и факторы участия пользователей // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5-1. С. 294 – 302.
4. Дженкинс Г. Конвергентная культура: Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019. 384 с.

5. Козлов С.В. От манускрипта к гиперссылке: печатная и цифровая революции в сравнительной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2026. № 1. С. 152 – 175.
6. Ли С. Платформенная экономика как новая медиасреда: трансформация потребительского поведения // Филология: научные исследования. 2026. № 6. С. 210 – 223.
7. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Акад. Проект, Фонд «Мир», 2005. 495 с.
8. Маркин В.В. Факторы формирования духовно-нравственного потенциала личности // Перспективы науки. 2025. № 3 (186). С. 93 – 96.
9. Маркин В.В. Цифровые компетенции студентов в современном образовании // Перспективы науки. 2025. № 9 (192). С. 82 – 85.
10. Феномен творческой неудачи в литературе. М.: Издательство «ЮРАЙТ», 2018. 484 с.
11. Хисген Р., Вейл Адриан ван дер. Человек читающий. Значение книги для нашего существования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. 2025. 464 с.

References

1. Vorobyova T.L. Transformation of the reading model in digital culture. Text. Book. Book publishing. 2021. No. 27. P. 126 – 138.
2. Wolf M. Proust and the squid. Neurobiology of reading. M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2020. 384 p.
3. Gilyazova O.S., Zamoshchansky I.I., Konashkova A.M. The economy of attention in the context of the specifics of new media: causes and factors of user participation. Culture and Civilization. 2020. Vol. 10. No. 5-1. P. 294 – 302.
4. Jenkins G. Convergent culture: The collision of old and new media. M.: RIPOL classic, 2019. 384 p.
5. Kozlov S.V. From manuscript to hyperlink: print and digital revolutions in comparative perspective. Bulletin of Moscow University. Episode 10. Journalism. 2026. No. 1. P. 152 – 175.
6. Lee S. Platform economy as a new media environment: transformation of consumer behavior. Philology: scientific research. 2026. No. 6. P. 210 – 223.
7. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: the formation of a typing man. M.: Academician. Project, Mir Foundation, 2005. 495 p.
8. Markin V.V. Factors in the formation of the spiritual and moral potential of the individual. Perspectives of science. 2025. No. 3 (186). P. 93 – 96.
9. Markin V.V. Digital competencies of students in modern education. Perspectives of science. 2025. No. 9 (192). P. 82 – 85.
10. The phenomenon of creative failure in literature. M.: YURAYT Publishing House, 2018. 484 p.
11. Heesgen R., Weil Adrian van der. A person reading. The significance of the book for our existence. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 2025. 464 p.

Информация об авторах

Маркина П.В., кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Алтайский государственный педагогический университет, г. Баранул, ул. Молодежная 55, markina_pv@altspu.ru

Кин С.Г., Институт филологии и межкультурной коммуникации, Алтайский государственный педагогический университет, г. Баранул, ул. Молодежная 55, sergej.kin.01@mail.ru.

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) (филологические науки)

УДК 811.581

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-158-162

¹ Мустафина Ю.А., ¹ Королева А.С.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Анализ иероглифа “舞” от древних времен до наших дней

Аннотация: каждый язык имеет свою уникальную историю зарождения и развития. Китайский язык существенно отличается от любого другого языка мира. Данная статья посвящена изучению появления и развитию китайского иероглифа “舞” (wǔ). Цель исследования – изучить эволюцию иероглифа “舞”. Актуальность обусловлена необходимостью целостного диахронического анализа иероглифа. Комплексное изучение его развития позволяет проследить историю данного элемента, но и выработать методологические принципы для исследования других иероглифов. Для написания статьи были выбраны методы: сравнительно-исторического и компонентного анализа. Теоретической и методологической базой послужили источники палеографических работ, труды ведущих исследователей таких, как Ван Сян, Ли Сяодин, Сюй Шэнь и этимологических словарей. Анализируются надписи на 甲骨文 (цзяньгувэнь, гадательные кости), 金文 (цзиньгувэнь, бронзовые сосуды), 篆书 (чжуаньшу, печать) и другие начертания. Материал исследования: толковые и этимологические словари китайского языка. Результаты исследования могут быть использованы для проведения дополнительных исследований в области палеографии и исторической семантики. Данная работа может быть применено в процессе преподавания китайского языка, на семинарских и практических занятиях.

Ключевые слова: китайская письменность, этимология, цзяньгувэнь, 金文 цзиньгувэнь, 篆书 чжуаньшу, 隶书 лishi, 楷书 кайшу, 行书 синшу

Для цитирования: Мустафина Ю.А., Королева А.С. Анализ иероглифа “舞” от древних времен до наших дней // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 158 – 162. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-158-162

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Mustafina Yu.A., ¹ Koroleva A.S.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

An analysis of the character “舞” from ancient times to the present day

Abstract: every language has its own unique history of origin and development. Chinese is significantly different from any other language in the world. This article examines the origin and development of the Chinese character “舞” (wǔ). The purpose of the study is to explore the evolution of the character “舞”. This research is relevant due to the need for a holistic diachronic analysis of the character. A comprehensive study of its development allows us to trace the history of this element and also develop methodological principles for studying other characters. The methods chosen for writing this article include comparative historical and componential analysis. The theoretical and methodological bases are drawn from paleographic sources, the works of leading researchers such as Wang

Xiang, Li Xiaoding, and Xu Shen, and etymological dictionaries. This article analyzes inscriptions on 甲骨文 (oracle bones), 金文 (bronze vessels), 篆书 (seals), and other scripts. The study draws on explanatory and etymological dictionaries of the Chinese language. The results can be used to conduct additional research in the fields of paleography and historical semantics. This work can be applied in Chinese language teaching, seminars, and practical classes.

Keywords: Chinese writing, etymology, 甲骨文 (oracle bones), 金文 (bronze vessels), 篆书 (seals), 隶书 (clerical script), 楷书 (regular script), 行书 (semi-cursive script)

For citation: Mustafina Yu.A., Koroleva A.S. An analysis of the character “舞” from ancient times to the present day. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 158 – 162. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-158-162

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 18, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Китайская письменность, как и сам язык прошла долгий путь до нашего времени, от первых надписей на черепаших панцирях до современных образов. Способ написания и внешний вид менялись большое количество раз [1]. Изменения в письменности могут показать, как развивалась китайская цивилизация. Благодаря археологическим раскопкам 19 века китайские ученые насчитывают ей около 4000 лет. Понимание структуры иероглифов помогает получить дополнительное представление о китайской культуре.

Китайские иероглифы – это специальные символы, которые записывают слово или морфему. Согласно легенде, их создание приписывают как придворному историографу мифического императора Хуан-ди Цан Цзе, так и императору Фу Си. Кто и когда точно изобрел письменность доподлинно неизвестно. Китайские иероглифы представляют собой набор радикалов. В китайском языке насчитывается около 214 элементов. Некоторые функционируют как самостоятельные иероглифы, а другие используются лишь в сочетании с друг другом, образуя графему [2].

Материалы и методы исследований

Для исследования помимо толковых и этимологических словарей, также были выбраны работы известных китайских лингвистов, которые внесли огромный вклад в развитии изучения не только китайской письменности, но и китайского языка в целом.

Методы комплексного и сравнительно-исторического позволяют рассмотреть иероглиф с графической, этимологической, лексико-семантической и фонетической сторон, т.е. мы можем проследить развитие иероглифа “舞” (wǔ) от первого появления до сегодняшнего времени. Эти методы помогают понять логику создания элемента и его культурный код.

Результаты и обсуждения

В жизни первобытных людей многие события сопровождаются танцем: рождение, смерть, исцеление и так далее. Танец использовался в молитвах о дожде, плодородии, защите и примирении. Он выступал в качестве посредника между Богом и человеком, священного акта молитвы, во время которого человек сливался с силами природы. У жителей горных районов Китая народности туцзя с танцем и барабанами в белом одеянии провожают душу умершего [3].

В иероглифическом письме на гадательных костях иероглиф “舞” (wǔ) обозначает и танец, и молитву [4]. Первая пиктографическая форма изображает танцующего человека с перьями. Некоторые эксперты считают, что это человек, стоящий в центре и держащий в руках коровий хвост во время танца; другие интерпретируют это как танец с разветвлениями [5].

Известный ученый-эпиграфист Ван Сян писал в своей работе так: “畚, 古舞字, 象人执牛尾而舞” (Fèn, gǔ wǔ zì, xiàng rén zhí niúwěi ér wǔ 《簠室殷契征 文·考释 раздел 典礼》 данный иероглиф напоминает человека, держащего в обеих руках хвост животного во время танца). Также ученый пояснил, что графически “舞” и “無” изначально были едины.

В своем исследовании Ли Сюэдин опровергал, что в руках человека хвост животного, по его мнению, «он напоминает форму человека, держащего в руках перья во время танца». “不必牛尾”, 最后说, “即象执羽而舞之形。” (Bùbì niúwěi, zuìhòu shuō, jí xiàng zhí yǔ ér wǔ zhī xíng) [6]. Но как и Ван Сян он относил изобр-

ражение к ритуалам. Ученый сделал акцент на том, что в уставном письме сяочжуань добавили ключ ноги 舛 для передачи полного действия танцора.

В трактате «Юэ цзи» (Записки о музыке), который входит в состав конфуцианского канона «Ли цзи», иероглиф представляет собой важнейшие элемент концепции музыки: “舞, 动其容也” (Wǔdòng qí róng yě) [7]. Данная теория подчеркивает «красоту осанки» и «эмоциональное выражение», формирует образ, который благодаря ритмичным физическим движениям, демонстрирует осанку и внутренний мир.

В 8-4 веках до н.э. началась власть династий Шан и Чжоу. Во времена их правления поменялись материалы, которые используются для ритуальных надписей. Надписи отливали и гравировали на бронзовых сосудах [8].

Период династий Цинь и Хань дал Поднебесной основу для создания учебников. Были большие изменения в формах и стилях пиктограмм. В то время возник стиль церковного письма. Люди стали использовать кисти, а чуть позже и бумагу.

Форма иероглифа “無” окончательно превратился в современную форму “舞”. В церковном варианте штрихи иероглифа были дополнительно усовершенствованы.

Во времена династии Хань танец достиг высокого уровня. В это время он стал сочетанием танца и акробатических движений. Простые танцы эволюционировали, а простые движения рук и ног сменились барабанным боем и т.д. В китайском словаре династии Хань 《说文解字》 иероглифу давали такую характеристику: “舞, 乐也, 两足相背” (Wǔ, lè yě, liǎng zú xiāng bèi) Танец – это способ выражения радости, а его характерное движение – это покачивание или попеременное движение ног в противоположных направлениях). Он состоит из радикала “舛” (chuǎn, означающего «полный трудностей») и фонетического компонента “无” (wú, означающего «молчаливый»). Древняя форма “舞” (wǔ) сочетает в себе “羽” (yǔ) и “亡” (wáng) [9].

В «Исторических записках» Сыма Цяня с пиктограммой “舞” встречаются такие фразы: “舞智以御人” манипулировать (букв. размахивать умом; wǔzhìyǐyùrén) и “舞文巧诋” манипулировать текстом (wǔwénqiǎodǐ). Данные слова были посвящены сановнику Чжану Тану [10].

Во время появления Малого печатного письма (династия Цинь, 8-3 века до н.э.) произошли новые изменения в иероглифе «танец», исправили его сложность. Стиль той эпохи характеризовался пропорциональностью и симметрией, к тому же было преобладание идеографических символов над пиктографическими. Также характерной чертой являлось использование минималистичных элементов: отсутствие точек, крючков и пунктирных линий. Линии были выполнены одинаковой толщиной с равномерным нажимом, пиктограммы же вытягивались вертикально.

В современной версии «Шуовэнь Цзецзы» говорится: “舞, 樂也. 用足相背, 从舛, 無聲. 古文舞从羽亡” (Wǔ, lè yě. Yòng zú xiāng bèi, cóng chuǎn, wúshēng. Gǔwén wǔ cóng yǔ wáng) танец означает радость, слово обозначает стопы, стоящие спина к спине, и состоит из фонетических компонентов 舛 (chuǎn) и 無 (wú). Древняя форма 舞 (wǔ) сочетает в себе 羽 (yǔ) и 亡 (wáng)). Они символизируют ношение перьев, исполнение жертвенных танцев, оплакивая умерших [9].

Благодаря выше сделанным анализам, можно выявить ключевые моменты. На ранних этапах было доминирование изобразительной стороны иероглифа, но значение было довольно обширным. Тогда не существовало правила написания иероглифа и деление на черты. По мере развития письменности менялось и отношение к их структуре.

В стилях чжуаньшу и лишу составные части огромной роли не играли, а вот в кайшу и синшу они становятся одним из важнейших компонентов. В кайшу черты делали равномерными, присутствовали четкие углы, была строгая вертикальная ось. В этом стиле обычно делали упор на «скелет» танца. В синшу же углы сглаживали и связывали черты, акцент делали больше на «движение танца».

В обычном письме можно заметить, что пиктограммы становились похожими больше на наши современные иероглифы. Основные характеристики данного письма: стандартизация, строгая последовательность элементов, четкое написание каждой черты, важным также были толщина линий и скорость написания [11].

В современное время иероглиф “舞” состоит из 14 штрихов. Значение слова расширилось, теперь оно относится к движениям рук и ног. В словаре 《汉语大词典》 иероглиф означает [12]:

1) 表演舞蹈 (biǎoyǎn wǔdǎo); 挥动 (huīdòng), 舞动 (wǔdòng) вращение тела в определённом ритме для выполнения различных поз;

2) 嘲弄 (cháonòng); 玩弄 (wánnòng) играть, манипулировать.

В других китайских словарях также фигурируют слова танец, движение тела. Иероглиф входит в состав многих чэньюев, например: “手舞足蹈” плясать от радости (shǒuwǔzúdǎo; руки пляшут, ноги притоптывают), “歌舞升平” песнями и плясками прославлять благоденствие (gēwǔshēngpíng), “欢欣鼓舞” ликовать и плясать от радости (huānxīngǔwǔ) и в других. В данных выражениях можно заметить, что первое значение «ритуального танца» также сохранилось.

Из развития иероглифа “舞” можно понять, что появление искусства танца было в основном обусловлено первобытным обществом. В то время как раз появлялись первые предпосылки для развития культуры. По изменениям можно отследить как развивалось не только письмо, но и человеческое общество в целом.

Выводы

В данной статье предпринята попытка исследовать иероглиф “舞” с точки зрения его происхождения, эволюции формы, произношения и значения, а также его использования. В ходе исследования были осуществлены комплексный и сравнительно-исторический анализы иероглифа “舞”. Установлено, что первое написание иероглифа представляет собой человека с ритуальными атрибутами. Продемонстрированы изменения написания пиктограммы. Результаты могут быть интегрированы в учебные программы, не только для обучения каллиграфии, но и для чтения и перевода литературы.

Китаистам необходимо понимать историю и культуру Китая. Китайская письменность занимает важное место в жизни народа; ее письмо – это особое искусство и философия. Каждый символ имеет более широкое значение, которое выходит за рамки одного иероглифа.

Список источников

1. Чайлахов И.В. Этапы становления и стандартизации китайской письменности // Современная филология: материалы VI Международной научной конференции (г. Казань, март 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 41 – 46. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/259/13635> (дата обращения: 26.05.2026).
2. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. Москва: Восточная книга, 2014. 320 с.
3. Аллан С. Форма черепахи: миф, искусство и космос в древнем Китае [The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China]. Олбани: Издательство Государственного университета Нью-Йорка, 1991. 248 с. (Серия SUNY по китайской философии и культуре). ISBN 0-7914-0459-5. Яз.англ.
4. Крюков М.В., Шу-ин Хуан. Древнекитайский язык (тексты, грамматика, лексический комментарий). Академия наук СССР, Институт этнографии; Московский государственный университет, Институт стран Азии и Африки. Москва: Наука. 1978. 512 с.
5. Ма Сюэчунь. О древнекитайской письменности 馬叙, 《论学术论文集》. Пекин: Наука, 1958. 228 с.
6. Du J.G. 甲骨文“舞”字源中“手执牛尾”一说源流考释. A Source Study of the Version of «Holding an Ox Tail» in the Origin of the Oracle Bone Script Character “Dance” (舞) // 云南艺术学院学报, Journal of Yunnan Arts University. 2022. No. 3. P. 38 – 46. DOI: 10.16230/j.cnki.yyxb.2022.03.006.
7. Shulin. 从“舞”看舞蹈 Viewing Dance through the Prism of “Dance”: On the Evolution of the Character “Dance” (舞) in Ancient Chinese Dance. Jinzhong: Taiyuan Normal University. 2001. 45 p.
8. Baxter W.H., Sagart L. Old Chinese: A New Reconstruction. Oxford: Oxford University Press, 2014. 464 p.
9. Guo Moruo. Research on Ancient Chinese Society 《中国古代社会研究》 // Complete Works of Guo Moruo: in 10 vols. 1st ed. Beijing: People's Publishing House, 1982. Vol. 1: History. P. 1 – 350.
10. Huang D., Bai L. On the Chinese Characters ‘乐’ and ‘舞’: 说“乐”and“舞” // The World of Chinese 汉语世界. 2008. No. 20. P. 78 – 81.
11. Chen T. Chinese Calligraphy. Updated ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 140 p. (Introduction to Chinese Culture).
12. 《汉语大词典》 Большой словарь китайского языка: электрон. версия / гл.ред. Ло Чжифэн. Режим доступа: <https://www.hanyucidian.org/> (дата обращения: 23.04.2026).

References

1. Chailakhov I.V. Stages of Formation and Standardization of Chinese Writing. Modern Philology: Proceedings of the VI International Scientific Conference (Kazan, March 2018). Kazan: Young Scientist, 2018. P. 41 – 46. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/259/13635> (accessed: 26.05.2026).

2. Zavyalova O.I. The Big World of Chinese. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2014. 320 p.
3. Allan S. The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China. Albany: State University of New York Press, 1991. 248 p. (SUNY Series in Chinese Philosophy and Culture).
4. Kryukov M.V., Shu Huang-ying. Old Chinese Language (Texts, Grammar, Lexical Commentary). USSR Academy of Sciences, Institute of Ethnography; Moscow State University, Institute of Asian and African Countries. Moscow: Nauka. 1978. 512 p.
5. Ma Xuechun. About ancient Chinese writing 馬叙, 《论学术论文集》. Beijing: Science, 1958. 228 p.
6. Du J.G. 甲骨文“舞”字源中“手执牛尾”一说源流考释, A Source Study of the Version of “Holding an Ox Tail” in the Origin of the Oracle Bone Script Character “Dance” (舞). 云南艺术学院学报, Journal of Yunnan Arts University. 2022. No. 3. P. 38 – 46. DOI: 10.16230/j.cnki.yyxb.2022.03.006.
7. Shulin. 从“舞”看舞蹈 Viewing Dance through the Prism of “Dance”: On the Evolution of the Char-actor “Dance” (舞) in Ancient Chinese Dance. Jinzhong: Taiyuan Normal University. 2001. 45 p.
8. Baxter W.H., Sagart L. Old Chinese: A New Reconstruction. Oxford: Oxford University Press, 2014. 464 p.
9. Guo Moruo. Research on Ancient Chinese Society 《中国古代社会研究》. Complete Works of Guo Moruo: in 10 vols. 1st ed. Beijing: People's Publishing House, 1982. Vol. 1: History. P. 1 – 350.
10. Huang D., Bai L. On the Chinese Characters ‘乐’ and ‘舞’: 说“乐”和“舞”. The World of Chinese 汉语世界. 2008. No. 20. P. 78 – 81.
11. Chen T. Chinese Calligraphy. Updated ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 140 p. (Introduction to Chinese Culture).
12. 《汉语大词典》 The Comprehensive Dictionary of the Chinese Language: electronic version/editor-in-chief Luo Zhufeng. Access mode: <https://www.hanyucidian.org/> (accessed: 23.04.2026)

Информация об авторах

Мустафина Ю.А., кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, ул. Пушкина 1/55, YuAMustafina@kpfu.ru

Королева А.С., кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, ул. Пушкина 1/55, anna89th@mail.ru

© Мустафина Ю.А., Королева А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 004.5:159.937
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-163-168

¹ Николаев С.А.

¹ Московский университет “Синергия”

Переход от 2d к 3d в интерфейсах: влияние стереоэффектов на скорость принятия решений пользователем

Аннотация: статья посвящена переходу визуального медиатекста от плоского (2D) к объёмному (3D) представлению и тому, как стереоскопические эффекты влияют на скорость считывания образа и ориентацию аудитории в мультимедийном продукте. Цель статьи – рассмотреть современные теоретические подходы и эмпирические данные о влиянии стереоэффекта на время реакции и точность восприятия и соотнести эти данные с практикой мультимедийной журналистики. Материал исследования составили рецензируемые публикации 2014-2025 гг.; использованы сравнительно-сопоставительный анализ, систематизация и контент-анализ научной литературы. Стереоэффект действует избирательно, ускоряя восприятие в пространственно-ориентированных форматах – VR-репортаже, 3D-реконструкции, картографической дата-журналистике; но остаётся нейтральным или замедляет считывание в новостных и текстово-символьных форматах. Форматы разделены на три группы по функциональной значимости глубины; для гибридных решений (иммерсивный лонгрид, дата-сторителлинг) применять стереоэффект предлагается не ко всему продукту, а к отдельному образу. Полученные результаты сформировали практические рекомендации для новостных редакций в виде оценки смысловой роли глубины, учета разброса аудитории по способности к стереопсису и зрительной утомляемости и сохранении плоской версии материала.

Ключевые слова: визуальный медиатекст, мультимедийный продукт, стереоэффект, иммерсивная журналистика, восприятие аудитории, скорость считывания образа, медиаэстетика, визуальная коммуникация

Для цитирования: Николаев С.А. Переход от 2d к 3d в интерфейсах: влияние стереоэффектов на скорость принятия решений пользователем // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 163 – 168. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-163-168

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Nikolaev S.A.

¹ Moscow University “Synergy”

Transition from 2d to 3d in interfaces: the influence of stereo effects on the user's decision-making speed

Abstract: this article examines the transition of visual media content from flat (2D) to volumetric (3D) representation and analyzes how stereoscopic effects influence the speed of image processing and audience orientation within multimedia products. The study aims to review current theoretical approaches and empirical data regarding the impact of stereo effects on reaction time and perceptual accuracy, relating these findings to multimedia journalism practices. The research draws on peer-reviewed publications from 2014-2025, employing comparative analysis, systematization, and content analysis of academic literature. The stereo effect operates selectively: it accelerates perception in spatially oriented formats – such as VR reporting, 3D reconstructions, and cartographic

data journalism – yet remains neutral or slows down processing in news and text-based formats. These formats are categorized into three groups based on the functional significance of depth; for hybrid formats (e.g., immersive longreads, data storytelling), the study proposes applying the stereo effect to specific images rather than the entire product. The findings offer practical recommendations for newsrooms, emphasizing the need to evaluate the semantic role of depth, account for audience variations in stereopsis capability and visual fatigue, and maintain a flat version of the material.

Keywords: visual media text, multimedia product, stereo effect, immersive journalism, audience perception, speed of image reading, media aesthetics, visual communication

For citation: Nikolaev S.A. Transition from 2d to 3d in interfaces: the influence of stereo effects on the user's decision-making speed. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 163 – 168. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-163-168

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 19, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В современной медиакommunikации происходит визуальный поворот, при котором визуальный образ всё чаще выступает не иллюстрацией к вербальному сообщению, а самостоятельной смысловой единицей медиатекста. Логика «культуры клика» с её фрагментарным, ускоренным и мультиканальным потреблением информации формирует запрос на всё более выразительные способы предъявления образа [2]. Одним из проявлений этой тенденции становится переход мультимедийных продуктов – от интерфейсов новостных сайтов до иммерсивных репортажей – от плоского (2D) к объёмному (3D) представлению, при котором изображение обретает иллюзию глубины за счёт стереоскопических эффектов. Для журналистики и медиакommunikаций это вопрос не столько технологии, сколько языка: каким становится визуальный медиатекст, когда образ выходит из плоскости экрана, и как это меняет восприятие аудитории.

Создатели мультимедийных продуктов часто выбирают 3d ввиду того, что объёмный образ заведомо сильнее вовлекает и быстрее считывается. Данные этого не подтверждают: обзор более чем 180 экспериментов даёт улучшение лишь примерно в 60 % случаев, а почти в четверти преимущество перед плоским изображением не обнаруживается вовсе [9]. Нарращивание «объёмности» тоже не гарантирует увеличения показателей вовлечённости: избыточная глубина превращает сцену в «загромождённую» и замедляет её прочтение [4]. Стереозэффект, следовательно, суть приём избирательного, а не универсального действия.

В условиях ускоренного потребления решающим параметром восприятия медиаобраза становится скорость – то, насколько быстро аудитория схватывает образ, вычленяет в нём главное и делает выбор: смотреть дальше, перейти по ссылке, истолковать сцену. В литературе этот параметр описывают через время реакции и скорость принятия решения, и результаты противоречивы: где-то стереозэффект ускоряет отклик, где-то замедляет его и множит ошибки [6, 7]. Пока картина не сложилась, редакции лишены надёжного основания решать, стоит ли переводить материал в объём.

Цель статьи, таким образом, – систематизация современных теоретических подходов и эмпирических данных о влиянии стереозэффектов на скорость восприятия визуального образа, а также их проецирование на практику мультимедийной журналистики. В соответствии с целью исследования сформированы следующие задачи: 1) выделить типы визуальных задач, релевантные восприятию медиаобраза; 2) сопоставить данные о направлении эффекта (ускорение / отсутствие / замедление); 3) построить типологию мультимедийных форматов по критерию функциональной значимости глубины; 4) сформулировать проектные ориентиры для редакций.

Материалы и методы исследований

Объектом анализа выступает визуальный образ в мультимедийном продукте, предметом – влияние стереозэффекта на скорость его восприятия аудиторией. Материалом послужил корпус рецензируемых научных публикаций 2014-2025 гг., отобранных в международных (ScienceDirect, Springer, Frontiers, IEEE Xplore) и российских (eLibrary, КиберЛенинка) базах данных. В корпус включались работы, теоретически или эмпирически сопоставляющие плоское и стереоскопическое представление по параметрам времени реакции, скорости и качества восприятия; предпочтение отдавалось изданиям последних пяти лет, однако классические труды также привлекались для реконструкции теоретической рамки.

Исследование носит теоретический характер и опирается на методы сравнительно-сопоставительного анализа, систематизацию и категоризацию источников по типу задачи и направлению эффекта, контент-

анализа и концептуальное моделирование. Формат работы – нарративный (обзорно-аналитический) обзор, что соответствует практике систематизации данных о влиянии визуализации на суждения и решения [5]. Параметр «скорость» определялся через показатели времени реакции и времени до выбора, применяемые в айтрекинг-исследованиях зрительного внимания, где фиксируются время до первой фиксации и распределение фиксаций по зонам образа [11]. Полученные обобщения затем проецировались на типологию медийных форматов.

Результаты и обсуждения

Систематизация источников позволила упорядочить данные по типу визуальной задачи и направлению влияния стереоэффекта на скорость восприятия (таблице 1). В основу классификации положено различие между задачами, в которых глубина функционально значима (оценка расстояния, пространственная манипуляция, навигация в сцене), и задачами, где она избыточна (визуальный поиск, считывание символа или текста).

Таблица 1

Сводно-аналитическая систематизация исследований влияния стерео-3D на скорость и точность восприятия.

Table 1

Summary and analytical systematization of studies of the influence of stereo-3D on the speed and accuracy of perception.

№	Источник [ссылка]	Технология и тип задачи	Эффект на скорость решения	Ключевой вывод
1	McIntire, Navig, Geiselman, 2014 [9]	Обзор стерео-3D дисплеев (180 + эксп.); глубинно-пространственные и не связанные с глубиной задачи	Избирательно ускоряет ($\uparrow \approx 60\%$ эксп.; $= \approx 25\%$)	Сtereo полезно прежде всего для оценки глубины/расстояния и пространственной манипуляции; вне глубинных задач преимущества нет
2	Greene et al., 2021 [6]	Сtereo-3D + монокулярные признаки; визуальный поиск (feature/ conjunction)	Замедляет ($\downarrow$) при сочетании стерео и затенения; $=$ при «плоских» стимулах	Реалистичная комбинация признаков глубины повышает перцептивную нагрузку и время реакции
3	Herman et al., 2021 [7]	Реальное 3D (затворные очки) vs. псевдо-3D; планирование в цифровом двойнике	Замедляет ($\downarrow$): значимо хуже время ответа	Зрительный дискомфорт от стереотехнологии перевешивает выгоду восприятия глубины в сложных решениях
4	Cockburn, McKenzie, 2004 [4]	2D vs. 3D виртуальные среды; пространственная память, поиск объекта	Не улучшает ($= / \downarrow$)	Рост размерности делает интерфейс «загромождённым»; выигрыша в эффективности нет
5	Mehring et al., 2022 [10]	VR-задача на дискриминацию глубины; контроль стереопсиса	Сtereo критично ($\uparrow$ точность / скорость)	Без бинокулярных признаков точность падает с 90 % до 52 %; стереопсис необходим для быстрых визуомоторных решений
6	Eberhard, 2023 [5]	Обзор влияния визуализации на суждения и решения	Ускоряет / смешанно	Визуализация улучшает скорость и качество решений, но эффект по ряду переменных неоднозначен
7	Zhang et al., 2023 [12]	Иммерсивная 3D-визуализация; исследование данных	Ускоряет контекстно ($\uparrow$)	Дополнительный канал «глубина» повышает эффективность исследования данных; 3D на 2D-экране ограничено
8	Механизмы и погрешности восприятия 3D [3]	Теоретическая основа: стереопсис и ошибки восприятия глубины	Не применимо (механизм)	Объясняет физиологические пределы и искажения стереовосприятия, влияющие на скорость обработки

Знак эффекта задаётся типом задачи. Когда прочтение образа держится на оценке глубины, расстояния или пространственной ориентировки, стерео-3D ускоряет и уточняет считывание – на эти случаи и приходится большинство зафиксированных выигрышей объёмного отображения [9]. Опорой здесь выступает бинокулярное зрение: стоит подавить бинокулярные признаки, и доля верных ответов в задаче на различение глубины падает с 90 % почти до случайного угадывания – 52 % [10]. Иммерсивная 3D-визуализация, добавляющая к привычным визуальным переменным ещё и глубину, повышает отдачу при работе с многомерными данными, хотя это преимущество заметно ниже на плоском экране [12]. Там же, где объем и глубина функционально лишние, восприятие значительно ухудшается, так как: в визуальном поиске совмещение стереоскопических и монокулярных признаков перегружает восприятие и удлиняет время реакции [6]; в насыщенных пространственных сценах стереотехнология ухудшает отклик из-за зрительного дискомфорта [7]; а простое добавление измерения не улучшает, а порой и тормозит считывание из-за «загромождённости» [4]. Итоговое распределение эффекта показано на рисунке 1.

	Ускоряет (↑)	Нейтрально (→)	Замедляет (↓)
Оценка глубины / расстояния	[2, 7]		
Пространственная манипуляция объектами	[2]		
Навигация в 3D-сцене	[2]		
Визуальный поиск / идентификация			[3]
Сложное пространственное планирование			[4]
Символьный выбор / навигация по меню		[6]	

Рис. 1. Матрица влияния стереоэффекта на скорость восприятия по типам задач.
Fig. 1. Matrix of the influence of the stereo effect on the speed of perception by task types.

Перенос данной закономерности на медиапрактику позволяет разделить мультимедийные продукты по критерию функциональной значимости глубины. Первую группу образуют пространственно-ориентированные форматы, в которых глубина входит в само содержание сообщения: VR-репортаж и иммерсивная реконструкция события, виртуальные туры и панорамы, картографическая и «пространственная» дата-журналистика, трёхмерные модели и реконструкции в научно-популярных и исследовательских материалах. Стереoeffект в этих форматах работает на восприятие: он ускоряет ориентацию аудитории в сцене и уточняет считывание пространственных отношений, поскольку глубина – непосредственный носитель смысла [9, 10, 12]. Именно для таких форматов оправдан переход медиатекста в объём.

Вторую группу составляют новостные и текстово-символьные форматы: новостная лента и заголовочный комплекс, стандартная инфографика, текстовый лонгрид, интерфейсы навигации по разделам. В них смысл несёт не глубина, а порядок, контраст и композиция плоскости, поэтому стереоусиление избыточно и способно замедлять восприятие, перегружая внимание [4, 6]. Косвенным подтверждением служат данные айтрекинга о крайне неравномерном распределении зрительного внимания на насыщенном новостном экране, где взгляд избирательно притягивается к отдельным зонам, а «многослойность» изображения конкурирует за ресурс восприятия [8]. Третью, промежуточную группу образуют гибридные форматы – иммерсивный лонгрид и дата-сторителлинг, – где решение о применении стереoeffекта должно приниматься не для продукта в целом, а для каждого конкретного образа в зависимости от того, несёт ли он глубинную нагрузку.

Из данных обзоров работ следует несколько практических ориентиров. В первую очередь, решение о переводе визуального медиатекста в 3D плоскость целесообразно принимать по критерию смысловой роли глубины, а не из соображений технологической новизны или самоценного «вовлечения», так как объём, не работающий на содержание, скорее рассеивает внимание, чем ускоряет считывание. Также при проектировании объёмных материалов редакции следует учитывать разнородность аудитории по способности к стереопису: часть читателей воспринимает стереоэффект ослабленно или испытывает дискомфорт, поэтому объёмный медиатекст должен сохранять полноценную «плоскую» альтернативу [10]. Необходимо принимать во внимание зрительное утомление при длительном взаимодействии со стереоизображением [7] и общий рост когнитивной нагрузки при избыточной плотности визуального представления, снижающий эффективность восприятия [1]. Наконец, иммерсивные и объёмные решения наиболее оправданы в исследовательских, дата- и репортажно-реконструктивных форматах, где аудитория именно исследует пространство данных или события [12]. Таким образом, при проектировании визуального дизайна медиапродукта важно учитывать, где глубина усиливает медиаобраз, а где вступает с ним в конфликт.

На уровне механизма выявленная избирательность объяснима устройством стереоскопического восприятия: бинокулярный параллакс даёт выигрыш там, где задача апеллирует к глубине, но в остальных случаях обработка дополнительного зрительного канала требует ресурсов внимания и замедляет считывание [3, 6].

Выводы

Прежде всего, переход мультимедийных продуктов от 2D к 3D следует понимать, как смену визуального языка, где стереоэффект выступает избирательным средством, а не универсальным усилителем. В пространственно-ориентированных форматах (VR, 3D-реконструкции, картографии) стереоэффект ощутимо ускоряет считывание образа; в новостных и текстово-символьных он нейтрален или даже тормозит восприятие. Определяют этот исход три фактора: функциональная значимость глубины, уровень зрительной нагрузки и стереоскопические возможности самой аудитории. Без их учёта проектировать объёмный медиатекст нельзя. Для представителей медиаиндустрии практическая рекомендация заключается в следующем: вместо формального спора о выборе плоскости или объема следует приоритизировать вопрос о жанровой оправданности стереоэффекта – а вместе с тем усилить роль визуального редактора и оставлять плоскую версию для той части аудитории, для которой объём недоступен или некомфортен. Теоретические результаты уточняют представления о восприятии визуальных образов. Перспектива дальнейших исследований заключается в эмпирической проверке выявленных закономерностей айтрекингом на реальном медийном материале.

Список источников

1. Афанасьев А.А. Технология визуализации данных как инструмент совершенствования процесса поддержки принятия решений // Инженерный вестник Дона. 2014. № 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-vizualizatsii-dannyh-kak-instrument-sovershenstvovaniya-protssessa-podderzhki-prinyatiya-resheniy> (дата обращения: 20.07.2026).
2. Грибова А.В., Саенко Н.Р. Культура клика: динамика потребления и производства медиа в эпоху цифры // EISCRT. 2025. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-klika-dinamika-potrebleniya-i-proizvodstva-media-v-epohu-tsifry> (дата обращения: 20.07.2026).
3. Красильников Н.Н. Механизмы и погрешности восприятия 3D-пространства зрительной системой // Информационно-управляющие системы. 2014. № 6 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-pogreshnosti-vospriyatiya-3d-prostranstva-zritelnoy-sistemoi> (дата обращения: 20.07.2026).
4. Cockburn A., McKenzie B. Evaluating spatial memory in two and three dimensions // International Journal of Human-Computer Studies. 2004. Vol. 61. No. 3. P. 359 – 373. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2004.01.005.
5. Eberhard K. The effects of visualization on judgment and decision-making: a systematic literature review // Management Review Quarterly. 2023. Vol. 73. No. 1. P. 167 – 214. DOI: 10.1007/s11301-021-00235-8.
6. Greene C.M., Broughan J., Hanlon A., Keane S., Hanrahan S., Kerr S., Rooney B. Visual Search in 3D: Effects of Monoscopic and Stereoscopic Cues to Depth on the Validity of Feature Integration Theory and Perceptual Load Theory // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 596511. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.596511.
7. Herman L., Juřík V., Snopková D., Chmelík J., Ugwitz P., Stachon Z., Šašinka Č., Řezník T. A Comparison of Monoscopic and Stereoscopic 3D Visualizations: Effect on Spatial Planning in Digital Twins // Remote Sensing. 2021. Vol. 13. No. 15. Art. 2976. DOI: 10.3390/rs13152976.
8. Martín-Pascual M.Á., Andreu-Sánchez C. Visual perception of war images in Spanish TV news: an eye-tracking study using still frames // Frontiers in Neuroscience. 2025. Vol. 19. Art. 1612487. DOI: 10.3389/fnins.2025.1612487.

9. McIntire J.P., Havig P.R., Geiselman E.E. Stereoscopic 3D displays and human performance: A comprehensive review // Displays. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 18 – 26. DOI: 10.1016/j.displa.2013.10.004.
10. Mehringer W., Wirth M., Roth D., Michelson G., Eskofier B. M. Stereopsis Only: Validation of a Monocular Depth Cues Reduced Gamified Virtual Reality with Reaction Time Measurement // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2022. Vol. 28. No. 5. P. 2114 – 2124. DOI: 10.1109/TVCG.2022.3150486.
11. Simonetti A., Bigné E. Does banner advertising still capture attention? An eye-tracking study // Spanish Journal of Marketing - ESIC. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 3 – 20. DOI: 10.1108/SJME-11-2022-0236.
12. Zhang Y., Wang Z., Zhang J., Shan G.H., Tian D. A survey of immersive visualization: Focus on perception and interaction // Visual Informatics. 2023. Vol. 7. No. 4. P. 22 – 35. DOI: 10.1016/j.visinf.2023.10.003.

References

1. Afanasyev A.A. Data visualization technology as a tool for improving the decision support process. Engineering Bulletin of the Don. 2014. No. 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-vizualizatsii-dannykh-kak-instrument-sovershenstvovaniya-protsesta-podderzhki-prinyatiya-resheniya> (accessed: 20.07.2026).
2. Gribova A.V., Saenko N.R. Cabal culture: the dynamics of media consumption and production in the digital era. EISCRT. 2025. No. 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kluka-dinamika-potrebleniya-i-proizvodstva-media-v-epohu-tsifry> (accessed: 20.07.2026).
3. Krasilnikov N.N. Mechanisms and errors in the perception of 3D space by the visual system. Information and control systems. 2014. No. 6 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-pogreshnosti-vospriyatiya-3d-prostranstva-zritelnoy-sistemoy> (accessed: 20.07.2026).
4. Cockburn A., McKenzie B. Evaluating spatial memory in two and three dimensions. International Journal of Human-Computer Studies. 2004. Vol. 61. No. 3. P. 359 – 373. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2004.01.005.
5. Eberhard K. The effects of visualization on judgment and decision-making: a systematic literature review. Management Review Quarterly. 2023. Vol. 73. No. 1. P. 167 – 214. DOI: 10.1007/s11301-021-00235-8.
6. Greene C.M., Broughan J., Hanlon A., Keane S., Hanrahan S., Kerr S., Rooney B. Visual Search in 3D: Effects of Monoscopic and Stereoscopic Cues to Depth on the Validity of Feature Integration Theory and Perceptual Load Theory. Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 596511. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.596511.
7. Herman L., Juřík V., Snopková D., Chmelík J., Ugwitz P., Stachoň Z., Šašík Č., Řezník T. A Comparison of Monoscopic and Stereoscopic 3D Visualizations: Effect on Spatial Planning in Digital Twins. Remote Sensing. 2021. Vol. 13. No. 15. Art. 2976. DOI: 10.3390/rs13152976.
8. Martín-Pascual M.Á., Andreu-Sánchez C. Visual perception of war images in Spanish TV news: an eye-tracking study using still frames. Frontiers in Neuroscience. 2025. Vol. 19. Art. 1612487. DOI: 10.3389/fnins.2025.1612487.
9. McIntire J.P., Havig P.R., Geiselman E.E. Stereoscopic 3D displays and human performance: A comprehensive review. Displays. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 18 – 26. DOI: 10.1016/j.displa.2013.10.004.
10. Mehringer W., Wirth M., Roth D., Michelson G., Eskofier B. M. Stereopsis Only: Validation of a Monocular Depth Cues Reduced Gamified Virtual Reality with Reaction Time Measurement. IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2022. Vol. 28. No. 5. P. 2114 – 2124. DOI: 10.1109/TVCG.2022.3150486.
11. Simonetti A., Bigné E. Does banner advertising still capture attention? An eye-tracking study. Spanish Journal of Marketing - ESIC. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 3 – 20. DOI: 10.1108/SJME-11-2022-0236.
12. Zhang Y., Wang Z., Zhang J., Shan G.H., Tian D. A survey of immersive visualization: Focus on perception and interaction. Visual Informatics. 2023. Vol. 7. No. 4. P. 22 – 35. DOI: 10.1016/j.visinf.2023.10.003.

Информация об авторах

Николаев С.А., автономная некоммерческая организация высшего образования “Московский университет “Синергия”, amsem2001@yandex.ru

© Николаев С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77:004.773

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-169-175

¹ Никольская А.В.

¹ Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина

Структура комментариев в Telegram-каналах как индикатор горизонтальной солидарности

Аннотация: в статье представлен анализ структурных характеристик комментариев в пяти Telegram-каналах, различающихся по идеологической направленности: одном проправительственном (*belarusian_silovik*) и четырёх альтернативных (*golos_publish*, *rabkor*, *soprotivlenie*, *tikandelaki*). На основе метрик длины ветки (*branch_length*), максимальной глубины (*max_depth*) и доли ответов (*share_of_replies*) показано, что проправительственный канал характеризуется полным отсутствием диалога: 100% корневых комментариев изолированы, ветки отсутствуют. В альтернативных каналах фиксируются развёрнутые ветки обсуждений с глубиной до 31 уровня. Доля ответов в проправительственном канале (93%) сопоставима с оппозиционными, однако структурный анализ позволяет отличить «видимость» диалога от содержательного обмена мнениями: в *belarusian_silovik* ответы не порождают цепочек последующих реплик. Полученные результаты интерпретируются в рамках концепции авторитарного аттрактора и фрактальной динамики массового сознания, где вертикальная и горизонтальная солидарность рассматриваются как две независимые компоненты. Структура дискуссии предлагается в качестве надёжного прокси-индикатора политического режима и диагностического инструмента состояния общественного сознания.

Ключевые слова: Telegram, политическая коммуникация, структурный анализ комментариев, горизонтальная солидарность, вертикальная солидарность, авторитарный аттрактор, фрактальная динамика массового сознания, цифровые следы

Для цитирования: Никольская А.В. Структура комментариев в Telegram-каналах как индикатор горизонтальной солидарности // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 169 – 175. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-169-175

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Nikolskaya A. V.

¹ A. N. Kosygin Russian State University

Comment structure in Telegram channels as an indicator of horizontal solidarity

Abstract: the article presents a structural analysis of comment threads in five Belarusian Telegram channels differing in ideological orientation: one pro-government (*belarusian_silovik*) and four alternative (*golos_publish*, *rabkor*, *soprotivlenie*, *tikandelaki*). Using metrics of branch length (*branch_length*), maximum depth (*max_depth*), and share of replies (*share_of_replies*), we demonstrate that the pro-government channel exhibits a complete absence of dialogue: 100% of root comments are isolated, with no branching. In contrast, alternative channels display extended discussion threads reaching depths of up to 31 levels. Although the share of replies in the pro-government channel (93%) is comparable to that in opposition channels, structural analysis reveals a qualitative difference: in *belarusian_silovik*, replies do not generate chains of subsequent responses, indicating a simulation rather than a substantive

exchange of opinions. The findings are interpreted within the framework of the authoritarian attractor concept and the fractal model of mass consciousness, which distinguish vertical and horizontal solidarity as two independent components. The structure of discussion is proposed as a reliable proxy indicator of political regime and a diagnostic tool for assessing the state of public consciousness.

Keywords: Telegram, political communication, structural analysis of comments, horizontal solidarity, vertical solidarity, authoritarian attractor, fractal dynamics of mass consciousness, digital traces

For citation: Nikolskaya A.V. Comment structure in Telegram channels as an indicator of horizontal solidarity. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 169 – 175. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-169-175

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 19, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В условиях цифровой трансформации политической коммуникации социальные сети всё чаще выступают не просто техническими посредниками, а самостоятельными игроками, формирующими публичную сферу. Особое место в этом процессе занимает Telegram – платформа, сочетающая черты традиционных СМИ и социальных сетей (интерактивность, комментарии, репосты). В постсоветских политических режимах Telegram стал одной из ключевых площадок как для проправительственной коммуникации, так и для альтернативных нарративов [8, 16].

Исследователи отмечают, что Telegram-каналы выполняют функции не только информирования, но и мобилизации, координации и формирования общественной повестки [7, 12]. При этом большинство работ сосредоточено на содержательном анализе сообщений. Меньшее внимание уделяется формальным, структурным характеристикам коммуникации, а именно: кто с кем вступает в диалог, как строятся обсуждения, формируются ли горизонтальные связи между пользователями. Как показывают исследования, структура цифрового взаимодействия может служить индикатором политического режима и состояния общественного сознания [2, с.60-63]. Сетевой анализ политических Telegram-каналов позволяет выявлять процессы сплочения или поляризации аудитории, а также латентные паттерны коллективного поведения.

В настоящем исследовании анализируются структурные характеристики комментариев в пяти Telegram-каналах, различающихся по идеологической направленности: одном проправительственном (*belarusian_silovik*) и четырёх альтернативных (*golos_publish*, *rabkor*, *soprotivlenie*, *tikandelaki*). Основная гипотеза состоит в том, что в проправительственном сегменте горизонтальная коммуникация подавлена, а дискурс носит монологичный характер, тогда как в альтернативных сегментах развиты диалоги и сетевые обсуждения. Для проверки этой гипотезы используются метрики ветвления комментариев (длина ветки *branch_length*, максимальная глубина *max_depth*, доля ответов *share_of_replies*) как индикаторы горизонтальной и вертикальной солидарности. Теоретической рамкой исследования служит концепция фрактальной динамики массового сознания [9], в рамках которой различаются вертикальная и горизонтальная компоненты коллективной солидарности, а структурные паттерны коммуникации рассматриваются как эмпирические индикаторы этих компонент.

В отличие от традиционных СМИ Telegram-каналы дают возможность диалога, что делает платформу пространством, где пересекаются вертикальные (властные) и горизонтальные (гражданские) коммуникативные потоки [12].

Но наличие технической возможности не означает наличия диалога. В авторитарных сегментах коммуникация часто остаётся монологичной, там аудитория воспринимает сообщения, но не вступает в обсуждение [16]. Исследования лингвистической сложности авторитарной речи показывают, что элиты используют язык для умиротворения и кооптации граждан, что согласуется с монологичным стилем проправительственных каналов [15]. В оппозиционных каналах комментарии становятся средством для обмена мнениями, аргументации и конфликта интерпретаций [8]. Жанровые особенности политического комментария в Telegram включают оценочность, апелляцию к общим ценностям и выражение одобрения или неодобрения, причем статус автора влияет на жанровые признаки [6, с.658-660]. Кроме того, в политических Telegram-каналах коммуникативные сценарии направлены на создание атмосферы неформального общения для «своих», что способствует укреплению внутригрупповой идентичности [5]. В ряде случаев в проправительственных каналах наблюдается стратегия «коммуникативного паразитизма» – подстройки под чужой контент для продвижения собственного ресурса и дискредитации оппонентов [13].

Важной особенностью политической коммуникации является ее фрактальная природа, когда микровзаимодействия (отдельные комментарии, ветки обсуждений) воспроизводят макропаттерны (общий тип дискурса канала) [2]. Это позволяет использовать структурные характеристики диалогов (длину веток, глубину вложенности) как индикаторы более широких социально-политических процессов. Исследования показывают, что в периоды политической напряженности сетевая структура Telegram-каналов претерпевает изменения: усиливается поляризация, что говорит о фрагментации общественного дискурса [2, с. 73].

Вертикальная и горизонтальная солидарность как компоненты массового сознания

Вертикальная солидарность означает идентификацию с властной иерархией, лояльность власти. Она предполагает патерналистские ожидания, доверие к институтам власти и готовность делегировать им право принятия решений. Горизонтальная солидарность означает связи между согражданами, членами сообщества, единомышленниками. Она является основой для коллективных действий, гражданского участия и общественного контроля над властью.

В рамках фрактальной модели массового сознания [9], эти два типа солидарности рассматриваются следующим образом: вертикальная асабия (A_v) характеризует силу связи общество – государственные институты, т.е. легитимность власти, готовность к мобилизации сверху, действие механизмов оправдания системы [1], доверие к институтам. Горизонтальная асабия (A_h) характеризует качество связей внутри общества: готовность к кооперации, глубину разделяемой социальной идентичности [3], межличностное и межгрупповое доверие [11], способность к самоорганизации снизу.

Эмпирические исследования показывают, что авторитаризм коррелирует с высокими значениями вертикальной асабии и низкими – горизонтальной [1], т.е. авторитарные режимы подавляют горизонтальные связи, поскольку именно они создают угрозу для монополии власти на интерпретацию реальности и мобилизацию общества [14, 16].

Структурный анализ комментариев как метод диагностики горизонтальной солидарности

Метрики длины ветки (*branch_length*) и максимальной глубины (*max_depth*) позволяют измерить понятие горизонтальной солидарности. Короткие ветки (длина = 1, глубина = 0) указывают на изолированные высказывания, отсутствие диалога и, следовательно, подавленные горизонтальные связи. Длинные ветки с высокой глубиной говорят о том, что пользователи вступают в диалог, спорят, аргументируют, т.е. возникает горизонтальное обсуждение [6, с. 211].

Этот подход согласуется с пониманием политической коммуникации как фрактальной структуры, где макропаттерны взаимодействия (отдельные ветки комментариев) воспроизводят макропаттерны (тип политического режима). В авторитарных системах фрактальная структура характеризуется отсутствием ветвления, дискурс монологичен и не порождает диалога. В демократических или оппозиционных сегментах фрактальная структура разветвлена – дискурс диалогичен и порождает горизонтальные связи [2, с. 61, 12, с. 79].

Авторитарный аттрактор и фрактальная динамика массового сознания

Теоретической рамкой нашего исследования служит концепция авторитарного аттрактора, разработанная в рамках фрактальной модели массового сознания [10]. Согласно этой модели, массовое сознание в своей исторической динамике тяготеет к двум устойчивым состояниям-аттракторам: авторитарному (высокая A_v , низкая A_h) и локалистскому (низкая A_v , A_h от низкой до умеренно высокой). Идеал согласия (умеренно высокие A_h и A_v) представляет собой зону бифуркации, где система чувствительна к малым возмущениям и может резко изменить траекторию.

В авторитарном аттракторе вертикальная солидарность высока, аудитория лояльна, поддерживает официальный нарратив, а горизонтальная солидарность подавлена: пользователи не вступают в диалог друг с другом, комментарии изолированы. Смыслы транслируются сверху как готовые истины, не требующие обсуждения.

В локалистском аттракторе или оппозиционном сегменте горизонтальная солидарность развита, т.е. пользователи активно обсуждают, спорят, аргументируют. Смыслы производятся коллективно, через обмен мнениями и конфликт интерпретаций, что ведет к разветвленной структуре комментариев.

Переход между аттракторами происходит через зоны бифуркации, где малые события могут запустить лавинообразные изменения. В этих точках система особенно чувствительна к информационным воздействиям, апеллирующим к коллективной памяти и историческим травмам [4, с. 133]. В цифровой среде такими триггерами могут выступать резонансные события, мобилизационные сообщения или действия модераторов, изменяющие структуру коммуникации [7, с. 65-66].

В изложенных теоретических рамках формулируются следующие гипотезы.

Гипотеза 1. В проправительственном Telegram-канале (*belarusian_silovik*) структурные характеристики комментариев будут соответствовать авторитарному аттрактору: подавляющее большинство корневых комментариев не будут иметь ответов (доля изолированных веток близка к 100%), максимальная глубина и длина веток будут минимальными, что свидетельствует о монологичном характере коммуникации и подавленной горизонтальной солидарности.

Гипотеза 2. В альтернативных Telegram-каналах (*golos_publish*, *rabkor*, *soprotivlenie*, *tikandelaki*) структурные характеристики комментариев будут соответствовать локалистскому или переходному состоянию: значительная доля корневых комментариев порождает ветки, максимальная глубина и длина веток достигают высоких значений, что свидетельствует о развитой горизонтальной солидарности и диалогическом характере коммуникации.

Гипотеза 3. Показатель доли ответов (*share_of_replies*) сам по себе не является достаточным критерием для диагностики горизонтальной солидарности: в проправительственном канале он может быть сопоставим с альтернативными каналами, однако структурный анализ (длина и глубина веток) позволит выявить качественное различие между реальным диалогом и его имитацией.

Эти гипотезы проверяются на эмпирическом материале, описание которого представлено ниже.

Материалы и методы исследований

Были проанализированы пять каналов за период (май-июнь 2026 года) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Канала по идеологической ориентации и числу комментариев.

Table 1

Channel by ideological orientation and number of comments.

Канал	Идеологическая ориентация	Число корневых комментариев
belarusian_silovik	провластный, силовой	44 591
golos_publish	либеральный	1 378
rabkor	социалистический	131 687
soprotivlenie	националистический	3 962
tikandelaki	нейтрально-провластный	234 120

Для каждого корневого комментария фиксировались *branch_length* – общее число сообщений в ветке (включая корневое), *max_depth* – максимальный уровень вложенности ответов. На основе этих показателей рассчитывались доля веток длиной 1 (изолированные комментарии), максимальная длина и глубина, средняя длина и глубина (для каналов с полными данными).

Дополнительно использовался показатель *share_of_replies* – доля всех комментариев, которые являются ответами на другие комментарии (не корневые), полученный из агрегированных данных каналов.

Результаты и обсуждения

Сравнительные показатели структуры комментариев представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительные показатели структуры комментариев.

Table 2

Comparative indicators of comment structure.

Канал	Доля изолированных корневых (1)	Макс. длина ветки	Макс. глубина	Средняя длина	Средняя глубина
belarusian_silovik	100%	1	0	1,0	0,0
golos_publish	~71%	72	31	1,8	0,6
rabkor	~75%	30	15	1,5	0,5
soprotivlenie	~85%	10	5	1,2	0,2
tikandelaki	~70%	32	10	1,7	0,6

Из таблицы видно, что в *belarusian_silovik* ни один корневой комментарий не получил ни одного ответа. Все ветки имеют длину 1 и глубину 0. Это означает, что пользователи оставляют изолированные реплики, не вступая в диалог. Графически структура представляет собой множество несвязанных точек.

В *golos_publish* ситуация иная. Здесь 29% корневых комментариев порождают ветки, причём некоторые из них разрастаются до 72 сообщений с глубиной 31. Это говорит о наличии активных дискуссий, споров, уточнений.

Посмотрим долю ответов (таблица 3).

Таблица 3

Доля комментариев, являющихся ответами (дочерними).

Table 3

Percentage of comments that are replies (child comments).

Канал	Всего комментариев	Ответы (дочерние)	Доля ответов
<i>belarusian_silovik</i>	828 716	772 721	0,932
<i>golos_publish</i>	3 494	3 368	0,964
<i>rabkor</i>	131 687	131 293	0,997
<i>soprotivlenie</i>	3 962	2 237	0,565
<i>tikandelaki</i>	234 120	228 774	0,977

Доля ответов в *silovik* (93%) сопоставима с оппозиционными каналами, однако, ответы, скорее всего, представляют собой технические реплики или являются «пустыми», т.к. они не образуют содержательных цепочек. Это подтверждается тем, что корневые комментарии не имеют дочерних веток, а значит, ответы не порождают диалога. В оппозиционных каналах высокая доля ответов сочетается с глубокими ветками, что указывает на реальные обсуждения.

Разница в структуре дискуссий отражает фундаментальные различия в функциях каналов и характере аудитории.

belarusian_silovik – типичный представитель авторитарного аттрактора. Вертикальная солидарность (поддержка власти) высока, горизонтальные связи подавлены. Монолог здесь является сознательной стратегией, исключающей появление альтернативных нарративов. Героические образы войны и советского прошлого транслируются как готовые истины, не требующие рефлексии.

golos_publish, *rabkor*, *tikandelaki* – каналы, где горизонтальная коммуникация активно развивается. Длинные ветки и большая глубина свидетельствуют о том, что пользователи не только оставляют реплики, но и вступают в диалог, спорят, уточняют, аргументируют. Это указывает на наличие альтернативной коллективной идентичности, которая стимулирует горизонтальную солидарность, даже если она конфликтна. Травматические образы репрессий, критика власти становятся поводом для развёрнутого обсуждения, что способствует формированию сетей и укреплению сообщества.

Высокая доля ответов в *silovik* (93%) могла бы создать ложное впечатление о наличии диалога, если бы мы ограничились этим показателем. Однако структурный анализ позволяет отличить видимость диалога от реального обмена мнениями. В *silovik* ответы не развиваются, они остаются одиночными и не порождают дальнейших реплик. Это напоминает псевдиалог, где форма ответа присутствует, но содержательное взаимодействие отсутствует.

Таким образом, ключевым индикатором горизонтальной солидарности является не сам факт ответа, а способность ответа порождать цепочку последующих реплик.

Полученные результаты полностью согласуются с моделью фрактальной динамики массового сознания (Никольская, 2026). В авторитарных системах вертикаль власти жёстко контролирует информационное пространство, горизонтальные связи подавляются, чтобы не допустить координации и коллективных действий, а дискурс спускается сверху без обратной связи.

В оппозиционных сегментах горизонтальные связи являются ресурсом сопротивления. Обсуждения, даже конфликтные, создают общественное мнение, альтернативные интерпретации, солидарность.

Отсутствие содержательного анализа. В будущем необходимо связать структуру с содержанием (например, темы войны, репрессий, экономики).

Возможные технические артефакты. В *silovik* высокая доля ответов может быть связана с работой ботов, автоматическими репостами или цитированием.

Ограниченный временной период. Мы не отслеживали динамику – возможно, в периоды протестов структура дискуссий меняется. Это открывает направление для дальнейших исследований.

Выводы

Проведённое исследование показало, что структура комментариев в Telegram-каналах является надёжным прокси-индикатором типа политической коммуникации. В провластном канале диалог полностью отсутствует – это монологичная среда, укрепляющая вертикаль власти. В оппозиционных каналах диалог развит, что соответствует горизонтальной солидарности и критике власти.

Мы также показали, что высокая доля ответов сама по себе не является достаточным критерием для диагностики горизонтальной солидарности – необходимо учитывать глубину и длину веток. Эти метрики позволяют отличить реальный диалог от его имитации.

Теоретически полученные результаты согласуются с концепцией авторитарного аттрактора и подтверждают, что цифровые следы могут служить эмпирической базой для диагностики состояния общества.

В перспективе исследование может быть расширено за счёт полного покрытия структуры веток по всем каналам, контент-анализа тем обсуждений, динамического анализа в зависимости от политических событий.

Таким образом, работа предлагает взгляд на изучение политической коммуникации через призму структурных характеристик, которые оказываются не менее информативными, чем само содержание сообщений.

Список источников

1. Агадуллина Е.Р., Лавелина Д.Я. Вклад оправдания системы в социальную сплоченность // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 89 – 104.
2. Ахременко А.С., Синицина А.В., Соловьев В.А. Размежевание или сплочение? Динамика сетевой структуры политических телеграм-каналов // Полития. 2024. № 3 (114). С. 59 – 81.
3. Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 3. С. 31 – 45.
4. Головинов Е.И., Гостев А.А. Эмоционально-чувственное восприятие как основа формирования вторичного образа // Психология и психотехника. 2025. № 1. С. 132 – 145.
5. Иванова Л.Ю. Преобразование речевого этикета в общественно-политических телеграм-каналах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 6: Журналистика. С. 108 – 119. DOI: 10.25205/1818-7919-202423-6-108-119.
6. Коростелева Л.В. Жанровые особенности политического комментария в персональных телеграм-каналах // Политическая лингвистика. 2025. № 3 (111). С. 209 – 213.
7. Ларский Г.А. Telegram-каналы как новый инструмент формирования повестки дня // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 2. С. 59 – 70.
8. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. № 1. С. 114 – 144.
9. Никольская А.В. Фрактальная парадигма в социальных науках: модели, методы, перспективы. Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда. 2026. Т. 11. (1). DOI: 10.38098/ipran.opwr_2026_38_1_002.
10. Никольская А.В. Фрактальная природа российского патриотизма // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5 (114). С. 314 – 319.
11. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В. Обобщенное доверие // Вестник СПбГУ. Социология. 2018. Т. 11. № 4. С. 464 – 486.
12. Самойлов П.А. Роль Telegram-каналов в трансформации политической экосистемы современного общества // Социодинамика. 2025. № 1. С. 69 – 84.
13. Трощенко Е.В. Коммуникативный паразитизм в российском сегменте телеграмканалов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 5. С. 53 – 71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.4>.
14. Bader J., Loughlin N. Soft power beyond liberal democracy. Authoritarian attraction, legitimacy and diffusion. Contemporary Politics. 2026. 1-16. <https://doi.org/10.1080/13569775.2026.2643594>.
15. Khokhlov N., Baturo A. Autocratic Audiences and Linguistic Complexity. British Journal of Political Science. 2025. 55. DOI:10.1017/S0007123425100914.
16. Zinnatullin A. Authoritarian responsiveness online: social media strategy of Russian regional governance centers // Policy Studies, Taylor & Francis Journals. 2025. Vol. 46 (5). P. 653 – 675. DOI: 10.1080/01442872.2024.2376082.

References

1. Agadullina E.R., Lavelina D.Ya. The Contribution of System Justification to Social Cohesion. *Social Psychology and Society*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 89 – 104.
2. Akhremenko A.S., Sinitsina A.V., Soloviev V.A. Disengagement or Cohesion? Dynamics of the Network Structure of Political Telegram Channels. *Polity*, No. 3 (114), 2024. P. 59 – 81.
3. Belinskaya E.P., Rikel A.M. Identity of Generations. *National Psychological Journal*. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 31 – 45.
4. Golovinov E.I., Gostev A.A. Emotional-sensory perception as the basis for the formation of a secondary image. *Psychology and Psychotechnics*. 2025. No. 1. P. 132 – 145.
5. Ivanova L.Yu. Transformation of Speech Etiquette in Socio-Political Telegram Channels. *NSU Bulletin. Series: History, Philology*. 2024. Vol. 23. No. 6: Journalism. P. 108 – 119. DOI: 10.25205/1818-7919-202423-6-108-119.
6. Korosteleva L.V. Genre Features of Political Commentary in Personal Telegram Channels. *Political Linguistics*. 2025. No. 3 (111). P. 209 – 213.
7. Larsky G.A. Telegram Channels as a New Tool for Agenda-Setting. *Issues of Media Business*. 2025. Vol. 4. No. 2. P. 59 – 70.
8. Lyakhovenko, O.I. Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Modern Russia. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. No. 1. P. 114 – 144.
9. Nikolskaya A.V. The Fractal Paradigm in Social Sciences: Models, Methods, and Prospects. *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Organizational and Labor Psychology*. 2026. Vol. 11. (1). DOI: 10.38098/ipran.opwp_2026_38_1_002.
10. Nikolskaya A.V. The Fractal Nature of Russian Patriotism. *World of Science, Culture, and Education*. 2025. No. 5 (114). P. 314 – 319.
11. Romashkina G.F., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V. Generalized trust. *Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology*. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 464 – 486.
12. Samoilov P.A. The role of Telegram channels in the transformation of the political ecosystem of modern society. *Sociodynamics*. 2025. No. 1. P. 69 – 84.
13. Troshchenkova E.V. “Communicative parasitism” in the Russian segment of Telegram channels. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 2023. T. 22. No. 5. P. 53 – 71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.4>.
14. Bader J., Loughlin N. Soft power beyond liberal democracy. Authoritarian attraction, legitimacy and diffusion. *Contemporary Politics*. 2026. 1-16. <https://doi.org/10.1080/13569775.2026.2643594>.
15. Khokhlov N., Baturo A. Autocratic Audiences and Linguistic Complexity. *British Journal of Political Science*. 2025. 55. DOI:10.1017/S0007123425100914.
16. Zinnatullin A. Authoritarian responsiveness online: social media strategy of Russian regional governance centers. *Policy Studies, Taylor & Francis Journals*. 2025. Vol. 46 (5). P. 653 – 675. DOI: 10.1080/01442872.2024.2376082.

Информация об авторах

Никольская А.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1, tonokazutoya@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)

УДК 811'111

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-176-186

¹ Пинчукова А.Е.

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Роль анализа языковых средств в развитии профессиональной коммуникативной компетенции студентов в рамках курса по нарративной медицине

Аннотация: в статье рассматриваются изучение языковых явлений в рамках междисциплинарной парадигмы научного знания и понятие нарратива как одно из наиболее популярных для изучения в разных областях. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить принципы развития коммуникативной компетенции в медицинской сфере, в которой все более широкое распространение получает нарративная медицина – дисциплина, сформировавшаяся на стыке медицины, литературоведения и лингвистики. На основе фундаментальной работы американского врача и литературоведа Риты Чарон выделены базовые навыки, которые развивают студенты-медики в процессе обучения нарративной медицине (внимательное чтение, внимательное слушание и креативное письмо). Проведен анализ исследований в данной области на предмет креативного употребления языковых средств, призванных помочь медицинским специалистам в развитии коммуникативной компетенции при взаимодействии с пациентами. Установлено, что развитию эмпатии и коммуникативной компетенции в наибольшей степени способствует анализ таких элементов языка, как хронотоп, лицо повествования и метафоры. При этом отмечается, что метафоры занимают особое место в формировании навыков нарративной медицины в силу наивысшей степени креативности и психотерапевтического потенциала данного приема. Это связано с возможностью максимального приближения к внутреннему миру и переживаниям пациента через понимание его уникального идиолекта.

Ключевые слова: нарративная медицина, нарратив, пациентоориентированная помощь, метафора, медицинский дискурс

Для цитирования: Пинчукова А.Е. Роль анализа языковых средств в развитии профессиональной коммуникативной компетенции студентов в рамках курса по нарративной медицине // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 176 – 186. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-176-186

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Pinchukova A.E.

¹ National Research University “Higher School of Economics”

The role of language analysis in students’ professional communicative competence development within the course of narrative medicine

Abstract: the paper focuses on the study of language phenomena within the interdisciplinary paradigm and the notion of a narrative as one of the most popular ones for investigation in various fields. The purpose of the article is to single out the principles of the communicative competence development in the medical sphere, in which the area of narrative medicine (a discipline at the intersection of medicine, literary studies, and linguistics) has gained prominence. Based on a seminal work by an American medical specialist and literary scholar Rita Charon, the

basic narrative medicine skills of close reading, close listening, and creative writing were highlighted as the ones that medical students develop while studying narrative medicine. Several scientific works from the field were analyzed with the aim of revealing creative language means that could help medical specialists to develop the communicative competence for a better interaction with a patient. It has been discovered that the development of empathy and communicative competence is best facilitated by the analysis of such language means as chronotope, type of narration, and metaphors. It was specified that metaphors play a crucial role in mastering narrative medicine skills due to their high degree of creativity and psychotherapeutic potential. This is connected with the possibility of getting closer to the patient's inner world and feelings through an understanding of their unique idiolect.

Keywords: narrative medicine, narrative, patient-centered care, metaphor, medical discourse

For citation: Pinchukova A.E. The role of language analysis in students' professional communicative competence development within the course of narrative medicine. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 176 – 186. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-176-186

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 20, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в необходимости исследовать то, каким образом анализ языковой составляющей произведений культуры помогает студентам-медикам развивать навык эмпатичного и внимательного общения с пациентом в рамках парадигмы нарративной медицины.

Цель исследования состоит в обозначении принципов обучения медицинских специалистов особенностям нарративной медицины. Поставленная цель предполагает решение нескольких *исследовательских задач*:

- 1) выявить какие базовые навыки и принципы лежат в основе курсов по нарративной медицине;
- 2) установить, помогает ли анализ произведений улучшать понимание субъективного опыта пациентов медицинским специалистам;
- 3) проанализировать какие языковые средства помогают пациентам выражать переживания, связанные со здоровьем.

Современная лингвистика представляет собой обширное исследовательское поле, в рамках которого особое место занимает изучение нарративов. В попытке разграничить форматы организации человеческого общения нарратив можно определить, как целенаправленное повествование, реализующее представление личной истории в совокупности ее обстоятельств в прошлом, настоящем и будущем [33, с. 58-59]. Среди характерных черт нарративов можно выделить наличие центральной проблемы, места действия и ориентации истории в пространстве, а также временную обособленность событий [33, с. 60-62].

Нарративы используются повсеместно, помогая человеку поделиться собственной историей, и одной из областей, особенно нуждающихся в нарративизации, становится медицина. Под нарративизацией в первую очередь понимается преобразование объективных фактов в историю, помогающую человеку воспринимать информацию в привычном последовательном виде [17, с. 386]. Распространенным способом использования нарративов в медицине является обучение медицинских специалистов навыкам эмпатической коммуникации с пациентами. Очевидно, что подобный неконвенциональный подход требует не только фундаментальных медицинских знаний, но и серьезного отношения к языковому аспекту общения с пациентом, который и обеспечивают лингвисты и литературоведы, играющие особую роль в составлении программ курсов.

Такой неконвенциональный взгляд на совмещение лингвистики и медицины становится возможным благодаря современной междисциплинарной парадигме научных исследований. В данном случае междисциплинарность предполагает совмещение исследовательских методов, характерных для каждой из наметенных областей в отдельности. С одной стороны, медицинские специалисты обеспечивают фундаментальность медицинского знания с помощью использования традиционных методов (например, сбора анамнеза). С другой стороны, лингвисты предоставляют эффективные методы анализа языка в общении с пациентами.

Так, наиболее популярным способом внедрения междисциплинарной практики нарративизации в медицинскую среду стала нарративная медицина, представляющая собой современное направление на стыке традиционной медицины и гуманитарных наук. Продвижение направления началось в 2000-х годах благодаря усилиям известного американского врача и литературоведа Риты Чарон. Новаторским аспектом данного подхода к медицине является необходимость целенаправленного и осознанного обучения медицинских специалистов навыкам активной и эмпатической коммуникации с пациентом. На курсах по развитию

навыков нарративной медицины студентам и практикующим специалистам, желающим развить навыки коммуникации с пациентами и коллегами, предлагается отойти от привычного взгляда на жалобы пациентов, начав интерпретировать их как полноценные истории. Для этого специалисты-медики читают, слушают и рассматривают различные произведения традиционной и современной культуры с целью распознать и проанализировать центральную тему, которая обязательно включает в себя эмоциональную составляющую, а также отреагировать на нее.

Важно заметить, что подобный пациентоориентированный подход и партнерская модель в медицине существуют и продвигаются уже давно [3, 9, 12]. Не менее распространена и так называемая «4 П-медицина», которая базируется на четырех принципах – персонализация, предсказательность, превентивность и партисипативность [6]. Легко заметить, что именно аспект персонализации, или персонализированная медицина, является наиболее близким нарративной медицине понятием, хотя и не равным ему. Базисом для развития навыков нарративной медицины становится развитие коммуникативных навыков и умение выстраивать профессиональное общение – прежде всего с пациентом и его родственниками [11, 16]. Однако, в то время как персонализированная медицина подразумевает индивидуальный подбор средств лечения исходя из контекста жизни пациента, нарративная медицина, в первую очередь, продвигает эмпатический и пациентоориентированный подход, предлагая развитие практического навыка восприятия и глубокого понимания историй пациентов через внимательное отношение к тому, с помощью каких языковых средств они рассказывают свои переживания [22, 24, 27].

Более того, область медицинской педагогики также развивается уже долгое время и способствует обновлению методов обучения, которые ложатся в основу персонализированной медицины. Однако область нарративной медицины все еще может восприниматься скептически. На данном этапе зарубежные исследователи отмечают эффективность внедрения курсов по нарративной медицине, что подтверждается самими практикующими врачами, но отечественные врачи часто указывают на невозможность реализации принципов нарративной медицины в своей врачебной практике в силу различных причин (например, бесполезности и незначительности нарративных практик или отношения к ним как к «шарлатанству») [2, 29]. Попытка реализовать курс по основам нарративной медицины все же была предпринята в 2018-2019 году на Факультете фундаментальной медицины МГУ, где был реализован межфакультетский учебный курс «Нарративная медицина» под руководством профессора В.А. Логинова. Впоследствии данный курс был расширен и переведен в цифровой формат, который доступен к прохождению на платформе «Открытое образование». Нельзя не отметить и существование широкого поля дисциплин, объединенных названием «Медицинская гуманитаристика» (Medical Humanities), в рамках которых большое внимание уделяется в том числе изучению классической русской литературы медицинской тематики [7].

Тем не менее, восприятие историй пациентов все еще видится лечащими специалистами как часть базовой подготовки, которую принято обозначать термином «клиническая компетенция» (*clinical competence*), согласно общепринятому медицинскому тезаурусу Medical Subject Headings (MeSH). Примечательно, что, хотя такие понятия, как «нарратив» (*narrative*) и «повествование» (*narration*) также присутствуют в MeSH, введенный Р. Чарон термин «нарративная компетенция» (*narrative competence*) в нем отсутствует. При этом наиболее близким по смыслу понятием можно назвать, например, «культурно-компетентную помощь» (*culturally competent care*). Так, можно заметить, что, хотя нарративная медицина более распространена за рубежом, соответствующая ей компетенция все еще не выделяется как отдельный необходимый навык.

Поэтому некоторые исследователи склонны видеть продвигаемое Р. Чарон направление как своего рода «утопию», так как нарративная медицина предполагает выполнение лечащим специалистом большого количества действий сразу – документирование разговора с пациентом, письменное комментирование разговора после приема, сбор комментариев самого пациента и его родственников, а также хранение всех официальных отчетов о диагнозе, лечении и возможных изменениях в них [4]. С одной стороны, в 2026 году, в эпоху больших данных и оцифровки медицинского процесса, подобное стремление уже не кажется таким утопичным. С другой стороны, врачебная нагрузка по-прежнему остается высокой, что безусловно может препятствовать полноценному воплощению идей Р. Чарон в рамках российских реалий. Тем не менее, нельзя не заметить, что в настоящее время растет спрос на специалистов, которые могут работать с комплексными заболеваниями – например, посттравматическим стрессовым расстройством, которое может включать в себя как психические, так и физические симптомы, и нарративная медицина может стать прогрессивным подходом к лечению подобных случаев [28]. Более того, в настоящее время развитие навыка креативного письма также поощряется западным медицинским сообществом. Так, авторитетный медицинский журнал JAMA принимает к публикации не только классические научные статьи, но и стихотворные произведения, посвященные медицине.

Таким образом, хотя принципы эмпатической коммуникации с пациентом поощряются в области медицины уже довольно давно, нарративная составляющая все еще в значительной степени упускается из виду. Поэтому представляется необходимым еще раз обратить внимание на базовые навыки нарративной медицины и привести примеры анализа языковых средств, которые могут стать основой для формирования и развития нарративной компетенции, о которой пишет Р. Чарон.

Материалы и методы исследований

Для исследования вопросов развития коммуникативной компетенции среди студентов-медиков и практикующих врачей были использованы следующие методы: обзор и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей. В силу того, что рассмотренные работы были написаны медицинскими специалистами, для проверки приводимых исследователями лингвистических данных также были употреблены стилистический анализ и метод классификации.

Результаты и обсуждения

Базовые языковые навыки, развиваемые в рамках нарративной медицины

Центральное место в овладении принципами нарративной медицины занимает развитие нарративной компетенции, которая опирается на такие базовые навыки, как внимательное чтение (*close reading*), внимательное слушание (*close listening*) и креативное письмо (*reflective and creative writing*) [14, 15]. При этом с методологической точки зрения развитие перечисленных навыков происходит с помощью участия в группах по практике принципов нарративной медицины, анализа мультимодальных средств репрезентации индивидуального опыта болезни (например, картин и историй) и аутентичного дискурса, ведения «параллельной карты» (*parallel chart*) и сторителлинга.

Внимательное чтение является отправной точкой и основным методом, используемым для реализации принципов нарративной медицины. На этапе внимательного чтения предлагаемого отрывка студенты по программе нарративной медицины учатся обращать внимание на мелкие детали текста, которые, на первый взгляд, могут показаться несущественными. В силу специфики своей профессии медицинские специалисты зачастую игнорируют те или иные аспекты историй, которые рассказывают им пациенты. Это связано с наиболее распространенным методом постановки диагноза – сбором анамнеза, который опирается на стандартные вопросы для выявления тех или иных симптомов у пациента в ходе общения с ним. Однако, как отмечают некоторые исследователи, подобные справочники по общению с пациентом не ориентированы на его историю, в силу чего они предлагают комбинировать данный традиционный подход с методом интервьюирования пациента, так как он может позволить лечащему специалисту получить ту информацию, которую пациент мог изначально скрыть или счесть ненужной [32]. Подобная практика интервьюирования в конечном счете приводит к более внимательному отношению к вербальным и невербальным знакам пациента со стороны врача [15, с. 165].

Как отмечает Р. Чарон, навык внимательного чтения, в первую очередь, дает медицинскому работнику понимание того, что истории, с которыми он знакомится и в которые вникает, – это не просто отражение реальности, но сама реальность. Так, врач становится «смелым участником появления реальности», осознавая, что пока история пациента остается невысказанной, ее, по сути, не существует. С этой точки зрения, навык внимательного чтения, который развивается на материале литературных произведений, переносится на навык интерпретации диалогов с пациентами, их настроения, языка тела и даже пауз, которые возникают во время разговора [15, с. 165-166].

Р. Чарон называет данное умение навыком внимательного слушания. Чтобы проиллюстрировать насколько важен навык внимательного слушания и как он может быть реализован в жизни, Р. Чарон рассказывает историю женщины, которая дважды пережила рак груди. Успешно излечившись от него, пациентка столкнулась со страхом, что рак может вернуться в третий раз. Перед Чарон, лечащим врачом пациентки, стояла задача успокоить ее и объяснить, что на тот момент не было необходимости каждую неделю приходить к ней или другим врачам. Вместо того, чтобы привести объективные доказательства – медицинские показатели, – она отдала предпочтение методу внимательного слушания, обсудив с пациенткой, не считает ли та, что она боится не столько возвращения рака, сколько смерти как таковой. Такая откровенность в общении с пациенткой дала свои плоды: она не только согласилась с врачом, но и избавилась от фобии и пребывает в добром здравии (по данным Р. Чарон на 2017 год) [15, с. 168-169]. Таким образом, восприятие истории пациента как единого текстового целого, в том числе со своей «интертекстуальностью» и взаимосвязью с другими деталями истории, может позволить практикующим специалистам не просто упрочить взаимоотношения с пациентом, но и решить объективную проблему, напрямую относящуюся к самочувствию пациента и влияющую на него.

Интересно отметить, что вне рамок нарративной медицины также предпринимались попытки облегчить коммуникацию между пациентом и врачом. Например, еще в 1975 г. был создан опросник боли Мак-Гилла (McGill Pain Questionnaire), который включает в себя различные дескрипторы для описания того или иного вида боли по категориям. Так, дескрипторы одной из категорий предлагают пациенту описать длительность боли (*constant, periodic, brief*), а другой – ее остроту (*sharp, cutting, lacerating*). Нельзя не заметить, что в основе опросника лежат метафоры восприятия боли через предметы повседневности. Например, употребление дескриптора *cutting* подразумевает опору на метафору PAIN IS A SHARP WEAPON. Как отмечает знаменитый российский психолог А.Ш. Тхостов, в таких случаях метафора утрачивает свою очевидность в силу конвенциональности, переходя в разряд «первичного симптома», которым пациент делится с врачом на приеме [8, с. 52].

Создание такого опросника способствует улучшению коммуникации не только с пациентами без особенностей восприятия, но также и с теми, кто может страдать от таких состояний, как алекситимия (неспособность определить и вербализовать собственные ощущения и эмоции). Применяя подобный метод коммуникации, медицинские специалисты облегчают жизнь людям с таким диагнозом, буквально обучая их стратегиям вербализации телесного опыта, что в дальнейшем может уберечь их от неприятных и даже опасных ситуаций.

Следующим этапом в рамках занятий является этап креативного письма, который, по мнению Р. Чарон, играет ключевую роль в овладении принципами нарративной медицины. Основной причиной является то, что письмо само по себе – это «акт экстернализации», или придания формы тому, что до этого существовало только в мыслях человека [15, с. 215]. Путем экстернализации опыта медицинский специалист может не только создать реальный текстовый продукт, которым он сможет поделиться с коллегами, но и вербализовать психологические переживания, связанные с конкретным опытом. В какой-то степени креативное письмо даже становится высшим проявлением собственной уязвимости. В этом случае медицинский работник впервые занимает место своего пациента, ведь именно он всегда оказывается в подобной позиции, делаясь собственным опытом, неприятными ощущениями и переживаниями.

Приводя пример роли креативного письма, Р. Чарон рассказывает историю молодой студентки-медика, которая стала свидетелем смерти пациентки ее возраста, вызванной последствиями химиотерапии. Роль студентки заключалась в том, чтобы держать пациентку за руку и успокаивать ее: «Просто дыши. Успокойся, все будет хорошо. Дыши. Пожалуйста, постарайся расслабиться. Мы все здесь с тобой. Просто дыши» («Just breathe. Relax, it's going to be okay. Breathe. Please, try to relax. We're all here for you. Just breathe»), в то время как врачи периодически приходили и уходили, делая то, что было в их силах. Через пять часов была констатирована смерть пациентки, врачи ушли, а студентка осталась сидеть вместе с умершей девушкой. Комментируя этот эпизод, студентка призналась, что чувствовала себя беспомощной, и ей бы хотелось сделать больше для пациентки, помочь ей («Я просто хотела бы сделать что-то для Мэри, как и все остальные. Я чувствовала себя такой беспомощной. Просто ненужной и мешающей») / «I just wish I'd been able to do something for Mary, like everyone else. I felt so helpless. Just useless and in the way»). Однако при перечитывании уже описанной на бумаге истории, стало очевидно, что роль студентки была центральной в этой ситуации, ведь именно она провела большую часть времени вместе с пациенткой, постоянно успокаивая ее [15, с. 215–216]. Тем не менее, этап креативного письма остается сложнейшим по своему содержанию и эмоциональной отдаче, хотя перед студентами групп нарративной медицины не ставятся четкие ограничения по формату и объему письма.

Языковые и текстовые критерии выбора материала

Под «материалом» на занятиях по нарративной медицине подразумевается так называемый «инпут» – практически любое произведение культуры, от литературы до живописи и музыки, которое может выступать основой для анализа на этапе внимательного чтения (или внимательного слушания). Однако важно обратить внимание на критерии отбора материала.

Во-первых, выбранное произведение может не ограничиваться тематикой болезни: темы могут варьироваться, но должны вызывать у аудитории необходимые эмоции и сподвигать ее к активному обсуждению. Тем не менее, как подчеркивает Р. Чарон, необходимо, чтобы выбранная работа была так или иначе выдающейся. Под этим она подразумевает наличие «глубины» для анализа: в произведении должен присутствовать не только очевидный посыл, но и сложное переплетение временного и пространственного пластов повествования, образный язык, описываться различные эмоциональные состояния и иные аспекты. Еще одним критерием отбора материала является продвижение инклюзивности: предпочтение чаще отдается такому произведению, в котором в центре внимания оказываются социальные слои населения, по той или иной причине не получившие широкой репрезентации в произведениях искусства. Если же речь идет о

живописных и музыкальных произведениях, то особое внимание должно уделяться настроениям, которые транслируются доступными для конкретной модальности способами.

Так, Р. Чарон часто упоминает произведение Вирджинии Вульф «На маяк» («To the Lighthouse») как одно из тех, которым она и знакомые ей преподаватели нарративной медицины отдавали предпочтение в рамках своих занятий. Чарон объясняет такой выбор тем, что именно на основе этого романа становится возможным тщательно проанализировать разные аспекты текста при тренировке навыка внимательного чтения – время, пространство, «голос» (лицо повествования), метафоры, настроение и интерсубъективность [15, с. 186]. Перечисленные аспекты становятся ключевыми для анализа произведений в рамках нарративной медицины.

Первые упомянутые аспекты – время и пространство – несомненно могут сказать читателю многое о том, в каком году или даже веке разворачиваются события истории, и помочь визуализировать место, в котором разворачиваются события. Р. Чарон предлагает рассматривать эти аспекты с позиции понятия, введенного именитым русским литературоведом М.М. Бахтиным – хронотоп [1, с. 234]. Концепция хронотопа особенно полезна для целей нарративной медицины, так как врачу необходимо воспринимать и ощущать ситуацию общения с пациентом и контекст его болезни во всей полноте. Если врач видит в пациенте только физическое тело, стоящее перед ним, такой взгляд нельзя назвать соответствующим принципам нарративной медицины; напротив, если врач видит в пациенте более обширное «пространство», которое охватывает не только тело само по себе, но и то, каким образом он «двигается» по жизни, его прошлое и будущее, такой подход соответствует принципам нарративной медицины [15, с. 190-191].

Р. Чарон приводит пример анализа студентами короткого стихотворения американской поэтессы Люсиль Клифтон «the death of fred clifton», в котором описывается опыт наблюдения за умирающим человеком. Стихотворение стало настоящим откровением для обучающихся, которые имели опыт работы в реанимации, так как многие из них смогли установить связь между собственным опытом и описываемой в произведении картиной: фраза «*rising and turning*» («поднимая и переворачивая»), по их словам, была похожа на привычные манипуляции медсестры с пациентом в реанимации. Важнейшим наблюдением при этом стало то, что автор, как и читатель, был помещен в самый центр разворачивающихся событий – с одной стороны наблюдая, а с другой частично участвуя. С языковой точки зрения примечательно то, что повторы причастий настоящего времени также задают ритм и меланхоличное настроение пассажа, невозможность персонажа уйти от ситуации: «*leaving the edges of me // in the hands of my wife*» («оставляя края меня // в руках моей жены»). Р. Чарон решила далее сфокусировать внимание студентов на временном аспекте стихотворения с помощью своего рода подсказки (или «промпта») «*Oh, at last*» («О, наконец») для части креативного письма, также являющегося цитатой, чтобы вызвать возможную ассоциацию с ранее намеченным сравнением с реанимационной палатой [15, с. 186-188].

Третьим аспектом является «голос», или лицо, от которого ведется повествование. Отправной точкой для анализа типа повествования является определение первого, второго или третьего лица. Очевидно, что этот аспект помогает установить определенную связь с читателем или, наоборот, избежать ее. Иногда автор прибегает еще к одному типу повествования, обращаясь к читателю напрямую с конкретным указанием с помощью повелительного наклонения. Безусловно, навык анализа такого компонента истории может помочь практикующему врачу в том, чтобы испытывать эмпатию по отношению к историям пациентов и определенным образом направлять их в изложении своих переживаний и опыта.

На практическом уровне применения идеи лица повествования в реальной врачебной практике нельзя не упомянуть исследование аутентичных ответов пациентов на предложенные им подсказки. В одном исследовании пациентам-женщинам с раком груди, а также женщинам и мужчинам с колоректальным раком, проходящим химиотерапию, было предложено вести цифровой дневник на онлайн-платформе DNMLAB (Digital Narrative Medicine Laboratory). Пациенты могли документировать свои наблюдения в свободной форме или в соответствии с предложенными подсказками: *It all started when...* (Все началось, когда...), *Today I feel...* (Сегодня я чувствую...), *I could feel better if...* (Я бы мог чувствовать себя лучше, если...), *I think it might be helpful to...* (Думаю, что было бы полезно...). Впоследствии лечащие специалисты читали все задокументированные истории и обсуждали их с пациентами на запланированных встречах [13].

Текстовые данные исследования показали, что пациенты документировали аспекты, относящиеся к своему диагнозу, преимущественно с помощью терминологии, в то время как побочные эффекты химиотерапии описывались в более свободной форме от первого лица с помощью различных языковых средств – сравнений и эпитетов: «*I feel like I am wandering in a reality that acts around me but does not affect me closely. [...] An intrusive, heavy, and at the same time almost artificial sleep*» («Мне кажется, что я блуждаю в реальности, которая разворачивается вокруг меня, но не оказывает на меня прямого воздействия. [...]

Навязчивый, тяжелый и в то же время почти искусственный сон»). Пациенты также отмечали, что для них было важно, чтобы остальные люди относились к ним как к нормальным и не жалели их, что иллюстрируется ярким примером метафоры: «I can recognize them right away; they have **“the poor girl” stamped on their faces**» («Я их сразу узнаю; на их лицах написано “бедная девушка”»).

Следующим аспектом анализа становится образность текста, особенно наличие в нем метафор. Заметим, что именно метафоры являются наиболее сложными для освоения специалистами, изучающими нарративную медицину, так как они предполагают понимание образного языка и скрытых сравнений, что абсолютно несвойственно медицине [15, с. 202]. В то время как Р. Чарон выделяет «когнитивный переворот» в лингвистике, положивший начало развитию теории концептуальной метафоры Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, как центральный для понимания того, каким образом пациенты концептуализируют собственный опыт болезни и передают его в языке (например, «I will **float on a tranquil sea of memory** one moment and **be swept away** the next by **boisterous waves** that leave me confused and uncertain» («В один момент я буду плыть по спокойному морю воспоминаний, а в следующий – меня унесет бурными волнами, которые оставят меня в замешательстве и неуверенности») о деменции или «I was struck by how the body sometimes looks like the **sea creature** it is, a **jellyfish with long tentacles**» («Меня поразило, как иногда его тело напоминает морское существо, которым оно и является, – медузу с длинными щупальцами») о перенесшем инсульт человеке), исследователи говорят и о пользе метафорического метода в психотерапии [10, с. 3-4, 18, 23].

Применение данного метода в психотерапии предполагает использование метафор в целях осознания, принятия и преодоления трудного жизненного опыта [5, 30]. Можно выделить две основные функции метафор для психотерапевтических целей: 1) внедрение концептуальной рамки в терапию в самом начале сеансов (может быть предложена как самим пациентом, так и лечащим специалистом) и 2) переосмысление наличествующего опыта с помощью смещения смыслового фокуса с травмирующего аспекта опыта на новый, соответствующий действительности взгляд [5, 23, 25]. Иными словами, обе стороны психотерапевтического процесса могут либо изначально предлагать метафорическую рамку для последующего общения, либо менять уже существующий нарратив на другой. Очевидно, что подобный подход к переосмыслению опыта болезни может положительно сказываться как на самом пациенте, так и на лечащем специалисте, который сможет улучшить собственные метафорическую и коммуникативную компетенции.

Следует отметить, что метафоризация опыта болезни тесно связана с телесными возможностями человека как таковыми. Данная гипотеза выдвигается в рамках теории воплощенного значения, которая активно развивается когнитивистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Так, данный метод является действенным в силу конструирования значения на основе сенсорных способностей человеческого организма [18, 20]. Иными словами, то, что происходит с человеческим телом и связанные с этим переживания, становятся фундаментом для выбора определенного способа вербализации ощущений. Концептуальная взаимосвязь ощущений, чувств и эмоций, и метафорического способа выражения переживаний пациентом крайне важна, так как она обращает внимание стороннего наблюдателя на осознанный характер выбираемых языковых средств.

Примечательно, что образность при выражении переживаний и иных аспектов, связанных с конкретной болезнью, можно передать другими языковыми средствами и через различные модальности. Так, группа исследователей рассмотрела способы репрезентации болезней легких в таких модальностях искусства, как романы, поэмы, фильмы, музыка и картины, ограничив список респираторных заболеваний такими диагнозами, как астма, ХОБЛ (хроническая обструктивная болезнь легких), муковисцидоз, рак легких, плеврит, пневмония, саркоидоз и туберкулез [19].

Исследование показало, что репрезентация респираторных заболеваний имеет большой потенциал с точки зрения образности языка. Например, астма наиболее подробно описана в пассаже французского писателя Раймона Кено таким образом, что, если зачитывать его вслух, то к концу пассажа человек столкнется с одышкой: «He cannot be said to be **panting**... but he is **affected**... **afflicted** with a constriction of the lungs, of **pulmonary** muscles, of the **pulmonous** nerves...» («Нельзя сказать, что он задыхается... но он болен... страдает от сдавления легких, легочных мышц, легочных нервов»). Очевидно, что большое количество глухих согласных с аспирацией ([p] и [f]) и употребление анафоры (**affected**, **afflicted**, **pulmonary**, **pulmonous**) позволяет создать подобный эффект. Еще один отрывок описывает страх и усталость, связанные с симптомами астмы, также с помощью анафоры и эпитета: «I **rock and rale in hell**, awaiting the morning sun/ and the birds at dawn/ to greet them with my **rhonchitic song**» («Я качаюсь и реву в аду, ожидая утреннего солнца и птиц на рассвете, чтобы приветствовать их своей ронхитовой песней»).

Интересным является пример репрезентации муковисцидоза (*Cystic fibrosis*), которому посвящено иллюстрированное стихотворение «65 роз». Оригинальное название «65 Roses» отражает фонетический прием ассимиляции, передавая то, каким образом обычно произносятся наименование *Cystic fibrosis* дети, которые еще не могут выговорить его четко. Иллюстрацией к стихотворению является коллаж из 65 картин красных роз различных авторов, который выполняет эвокативную функцию, вызывая еще больший отклик у читателя благодаря употреблению разных модальностей представления материала.

Нельзя не заметить, что развитие навыка восприятия образного языка положительно сказывается на профессиональной компетенции медицинских специалистов, которые прикладывают усилия к анализу поэзии. Так, группа студентов курса по нарративной медицине посетила несколько традиционных занятий, на которых зачитывались поэтические произведения разных типов с последующим обсуждением и этапом креативного письма. Согласно результатам исследования, студенты, посетившие не менее четырех занятий, показывали наименьшие результаты по шкале выгорания и лучшие по шкале развития эмпатии. Другое исследование 22-летних студентов-медиков также показало значительное или умеренное улучшение по показателю эмпатии. Для достоверности результатов в работе были использованы такие опросники измерения эмпатии и выгорания, как Empathy Construct Rating Scale (ECRS) и Balanced Emotional Empathy Scale (BEES) [31]. Несмотря на то, что данное исследование носило обзорный характер, в нем удалось доказать, что практика нарративной медицины может идти на пользу не только пациентам, но и медицинским работникам.

Хотя в рассмотренных материалах отсутствуют произведения советских и российских писателей, необходимо упомянуть, что большим потенциалом для использования на занятиях по нарративной медицине могут обладать такие признанные работы, как «Записки юного врача» М. Булгакова, «Раковый корпус» А. Солженицына, «Сердце хирурга» Ф. Углова, «Хроника одной больницы» Ю. Крелина, «Судьба врача» Н. Парыгиной, «Открытая книга» В. Каверина и другие (см., например, [7]).

Выводы

В заключение можно заметить, что во всех рассмотренных примерах прослеживается тенденция к тому, чтобы изучать влияние методов нарративной медицины в первую очередь на пациентов. Безусловно, сбор необходимых материалов из различных областей искусства для занятий нарративной медициной и внедрение улучшенных способов коммуникации с пациентами с точки зрения осмысления их историй и опыта являются первыми необходимыми шагами к достижению «нарративного переворота» в области медицины. Более того, центральную роль в подобном перевороте играют усилия медицинских специалистов по развитию навыков нарративной медицины – внимательного чтения, внимательного слушания и креативного письма – на основе анализа языковой составляющей различных произведений культуры (времени, пространства, лица повествования и метафор). Такие усилия помогают лечащим специалистам выработать более чуткий подход в общении с пациентом, чтобы воспринимать его историю как целостный нарратив.

Список источников

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 506 с.
2. Готлиб А.С. Нарративная медицина глазами российских врачей: попытка эмпирического анализа // Вестник СамГУ. 2010. № 79. С. 64 – 70.
3. Дьяченко Е.В., Сизова Ж.М. Оценка навыков общения с пациентом в симулированных условиях при аккредитации медицинских специалистов: организационное и научно-методическое обеспечение, проблемы, направления решений // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020. № 2 (38). DOI: 10.24411/2220-8453-2020-12005.
4. Лехциер В.Л. Нарративная медицина: светлая утопия доктора Риты Шэрон // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине: сб. науч. трудов / под общ. ред. В.Л. Лехциера. Самарский университет. 2012. С. 110 – 123.
5. Нагорная А.В. Использование метафор в психотерапевтической практике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 4. С. 97 – 120. DOI: 10.31249/ling/2021.04.04.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. N 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Спачиль О.В. Русская литература в медицинской гуманитаристике и нарративной медицине // Культура и текст. 2023. № 2 (53). С. 132 – 141. DOI: 10.37386/2305-4077-2023-2-132-142.

8. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
9. Хальфин Р.А., Мадьянова В.В., Качкова О.Е., Демина И.Д., Кришталева Т.И., Домбровская Е.Н., Мильчаков К.С., Розалиева Ю.Ю. Пациентоориентированная медицина: предпосылки к трансформации и компоненты // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2019. № 1. С. 104 – 114. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0245-2019-23-1-104-114>.
10. Ackerman D. One Hundred Names for Love: A Stroke, a Marriage, and the Language of Healing. New York: W.W. Norton & Company, 2011. 336 p.
11. Babione J., Panjwani D., Murphy S., Kelly J., Van Dyke J., Santana M., Kaufman J., Sargious P., Rabi D. Alignment of patient-centredness definitions with real-life patient and clinician experiences: A qualitative study // Health Expect. 2023. № 26 (1). P. 419 – 428. DOI: 10.1111/hex.13674.
12. Brown J., Noble L.M., Papageorgiou A., Kidd J. Clinical Communication in Medicine. New Jersey: John Wiley & Sons, 2015. 288 p.
13. Cercato M.C., Colella E., Fabi A. et al. Narrative medicine: feasibility of a digital narrative diary application in oncology // Journal of International Medical Research. 2022. № 50 (2). P. 1 – 12. DOI: 10.1177/03000605211045507.
14. Charon R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p.
15. Charon R. The Principles and Practice of Narrative Medicine. Oxford: Oxford University Press, 2017. 361 p.
16. Dwamena F., Holmes-Rovner M., Gaulden C.M., Jorgenson S., Sadigh G., Sikorskii A., Lewin S., Smith R.C., Coffey J., Olomu A. Interventions for providers to promote a patient-centred approach in clinical consultations // Cochrane Database Syst Rev. 2012. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.cd003267.pub2>.
17. Herman D., Jahn M., Ryan M.-L. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. London: Taylor & Francis, 2010. 752 p.
18. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 308 p.
19. Kaptein A.A., Meulenberg F., Smyth J.M. A breath of fresh air: Images of respiratory illness in novels, poems, films, music, and paintings // Journal of Health Psychology. 2015. № 20 (3). P. 246 – 258. DOI: 10.1177/1359105314566613.
20. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 640 p.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
22. Lazarus A. Narrative Medicine: Harnessing the Power of Storytelling Through Essays. Bloomington: iUniverse, 2024. 274 p.
23. Lee A. The power of metaphor in therapy // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. 2018. № 9 (3).
24. Marini M.G. Languages of Care in Narrative Medicine: Words, Space and Time in the Healthcare Ecosystem. New York: Springer International Publishing, 2018. 239 p.
25. Mathieson F., Jordan J., Stubbe M. Recent applications of metaphor research in cognitive behaviour therapy // Metaphor and the social world. 2020. № 10 (2). P. 199 – 213.
26. Miyamasu F. Metaphors of young-onset dementia in the illness narratives of those with the condition // PLOS One. 2024. № 19 (12). P. 1 – 15. DOI: 10.1371/journal.pone.0314717.
27. Phelan J. Narrative Medicine: A Rhetorical Rx. London: Taylor & Francis, 2022. 230 p.
28. Rasmussen A.J., Sodemann M. Narrative Medicine: Trauma and Ethics. Wilmington: Vernon Press, 2024. 306 p.
29. Rasmussen A.J., Mai A.-M., Ploug Hansen H. Narrative Medicine in Education, Practice, and Interventions. London: Anthem Press, 2022. 194 p.
30. Sandoz J. Alcoholic Iliad. Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy. Irvine: Brown Walker Press, 2009. 228 p.
31. Schoonover K.L., Hall-Flavin D., Whitford K., Lussier M., Essary A., Lapid M.I. Impact of Poetry on Empathy and Professional Burnout of Health-Care Workers: A Systematic Review // Journal of Palliative Care. 2020. № 35 (2). P. 127 – 132. DOI: 10.1177/0825859719865545.
32. Silistraru I. Narrative Medicine – the methodology of doctor-patient communication analysis // Social Change Review. 2017. № 15 (1-2). P. 105 – 128. DOI: <https://doi.org/10.1515/scr-2017-0005>.
33. Strauss S., Feiz P. Discourse Analysis: A Multi-Perspective and Multi-Lingual Approach. London: Taylor & Francis, 2014. 420 p.

References

1. Bakhtin M.M. Issues of Literature and Esthetics. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 506 p.
2. Gotlib A.S. Narrative Medicine through the Eyes of Russian Doctors: An Attempt of Empirical Analysis. Bulletin of Samara State University. 2010. No. 79. P. 64 – 70.
3. Dyachenko E.V., Sizova Zh.M. Assessment of Communication Skills with Patients in Simulated Conditions during Accreditation of Medical Specialists: Organizational and Scientific-Methodological Support, Problems, and Directions for Solutions. Medical Education and Professional Development. 2020. No. 2 (38). DOI: 10.24411/2220-8453-2020-12005.
4. Lekhtsier V.L. Narrative Medicine: Dr. Rita Sharon's Bright Utopia. Remission Society: Towards Narrative Medicine: Collection of Scientific Papers / edited by V.L. Lekhtsier. Samara University. 2012. P. 110 – 123.
5. Nagornaya A.V. Using Metaphors in Psychotherapeutic Practice. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Abstract Journal. 2021. No. 4. P. 97 – 120. DOI: 10.31249/ling/2021.04.04.
6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 24, 2018 N 186 "On Approval of the Concept of Predictive, Preventive, and Personalized Medicine". Accessed from the reference. - legal system "ConsultantPlus".
7. Spachil O.V. Russian literature in medical humanities and narrative medicine. Culture and text. 2023. No. 2 (53). P. 132 – 141. DOI: 10.37386/2305-4077-2023-2-132-142.
8. Tkhostov A.Sh. Psychology of corporeality. Moscow: Smysl, 2002. 287 p.
9. Khalfin R.A., Mad'yanova V.V., Kachkova O.E., Demina I.D., Krishtaleva T.I., Dombrovskaya E.N., Milchakov K.S., Rozalieva Yu.Yu. Patient-oriented medicine: prerequisites for transformation and components. Bulletin of RUDN University. Series: Medicine. 2019. No. 1. P. 104 – 114. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0245-2019-23-1-104-114>.
10. Ackerman D. One Hundred Names for Love: A Stroke, a Marriage, and the Language of Healing. New York: W.W. Norton & Company, 2011. 336 p.
11. Babione J., Panjwani D., Murphy S., Kelly J., Van Dyke J., Santana M., Kaufman J., Sargious P., Rabi D. Alignment of patient-centredness definitions with real-life patient and clinician experiences: A qualitative study. Health Expect. 2023. No. 26 (1). P. 419 – 428. DOI: 10.1111/hex.13674.
12. Brown J., Noble L.M., Papageorgiou A., Kidd J. Clinical Communication in Medicine. New Jersey: John Wiley & Sons, 2015. 288 p.
13. Cercato M.C., Colella E., Fabi A. et al. Narrative medicine: feasibility of a digital narrative diary application in oncology. Journal of International Medical Research. 2022. No. 50 (2). P. 1 – 12. DOI: 10.1177/03000605211045507.
14. Charon R. Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness. Oxford: Oxford University Press, 2006. 288 p.
15. Charon R. The Principles and Practice of Narrative Medicine. Oxford: Oxford University Press, 2017. 361 p.
16. Dwamena F., Holmes-Rovner M., Gauden C.M., Jorgenson S., Sadigh G., Sikorskii A., Lewin S., Smith R.C., Coffey J., Olomu A. Interventions for providers to promote a patient-centered approach in clinical consultations. Cochrane Database Syst Rev. 2012. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.cd003267.pub2>.
17. Herman D., Jahn M., Ryan M.-L. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. London: Taylor & Francis, 2010. 752 p.
18. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 308 p.
19. Kaptein A.A., Meulenberg F., Smyth J.M. A breath of fresh air: Images of respiratory illness in novels, poems, films, music, and paintings. Journal of Health Psychology. 2015. No. 20 (3). P. 246 – 258. DOI: 10.1177/1359105314566613.
20. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 640 p.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
22. Lazarus A. Narrative Medicine: Harnessing the Power of Storytelling Through Essays. Bloomington: iUniverse, 2024. 274 p.
23. Lee A. The power of metaphor in therapy. Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. 2018. No. 9 (3).
24. Marini M.G. Languages of Care in Narrative Medicine: Words, Space and Time in the Healthcare Ecosystem. New York: Springer International Publishing, 2018. 239 p.
25. Mathieson F., Jordan J., Stubbe M. Recent applications of metaphor research in cognitive behavior therapy. Metaphor and the social world. 2020. No. 10 (2). P. 199 – 213.

26. Miyamasu F. Metaphors of young-onset dementia in the narrative illnesses of those with the condition. PLOS One. 2024. No. 19 (12). P. 1 – 15. DOI: 10.1371/journal.pone.0314717.
27. Phelan J. Narrative Medicine: A Rhetorical Rx. London: Taylor & Francis, 2022. 230 p.
28. Rasmussen A.J., Sodemann M. Narrative Medicine: Trauma and Ethics. Wilmington: Vernon Press, 2024. 306 p.
29. Rasmussen A.J., Mai A.-M., Ploug Hansen H. Narrative Medicine in Education, Practice, and Interventions. London: Anthem Press, 2022. 194 p.
30. Sandoz J. Alcoholic Iliad. Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy. Irvine: Brown Walker Press, 2009. 228 p.
31. Schoonover K.L., Hall-Flavin D., Whitford K., Lussier M., Essary A., Lapid M.I. Impact of Poetry on Empathy and Professional Burnout of Health-Care Workers: A Systematic Review. Journal of Palliative Care. 2020. No. 35 (2). P. 127 – 132. DOI: 10.1177/0825859719865545.
32. Silistraru I. Narrative Medicine – the methodology of doctor-patient communication analysis. Social Change Review. 2017. No. 15 (1-2). P. 105 – 128. DOI: <https://doi.org/10.1515/scr-2017-0005>.
33. Strauss S., Feiz P. Discourse Analysis: A Multi-Perspective and Multi-Lingual Approach. London: Taylor & Francis, 2014. 420 p.

Информация об авторах

Пинчукова А.Е., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», apinchukova@hse.ru

© Пинчукова А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.112.2

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-187-193

¹ Прасова Э.Е.

¹ Балтийский федеральный университет
имени И. Канта

Поэтика пространства в повести Петера Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым»

Аннотация: в статье рассмотрена ранняя повесть П. Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», поэтика которой характеризуется критикой языка и экзистенциальными переживаниями. Критика языка, характерная для австрийской литературной традиции, выражена в саморефлексивных комментариях, нарушении языковых норм, а также через символику молчания и неудавшейся коммуникации. К элементам экзистенциальной поэтики повести относятся поиск protagonистом идентичности, тематизация страха, отстраненности protagonиста от окружающей действительности. Цель исследования заключается в определении особенностей поэтики пространства в повести Хандке «Страх Вратаря перед одиннадцатиметровым», для лучшего понимания авторской интенции, поэтики самого произведения, а также личных переживаний protagonиста. Рассматриваются особенности поэтики повести, определяется как особенности поэтики повести влияют на восприятие protagonистом пространства, выявляются способы построения пространства в повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым». Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, также феноменологическим подходом в литературоведческих исследованиях пространства, методом контекстуального анализа. Результаты исследования могут быть применены в курсах лекций и практических занятиях по поэтике и в лекционно-практических курсах по современной немецкоязычной литературе.

Ключевые слова: поэтика пространства, повесть «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», критика языка, экзистенциализм, Петер Хандке

Для цитирования: Прасова Э.Е. Поэтика пространства в повести Петера Хандке «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 187 – 193. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-187-193

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Prasova E.Ye.

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University

The poetics of place in Peter Handke's novel «The Goalkeeper's Anxiety at the Penalty Kick»

Abstract: this article examines P. Handke's early novella 'The Goalkeeper's Anxiety at the Penalty Kick', whose poetics are characterized by a critique of language and existential experiences. This critique of language, characteristic of the Austrian literary tradition, is expressed through self-reflexive commentary, violations of linguistic norms, and the symbolism of silence and failed communication. Elements of the novella's existential poetics include the protagonist's search for identity, the thematization of fear, and the protagonist's alienation from reality. The purpose of this study is to identify the characteristics of the poetics of space in Handke's novella 'The Goalkeeper's

Anxiety at the Penalty Kick to better understand the author's intentions, the poetics of the work itself, and the protagonist's personal experiences. The article examines the novella's poetic features, determines how these influence the protagonists' perception of space, and identifies methods of constructing space in *'The Goalkeeper's Anxiety at the Penalty Kick'*. The research methodology is presented through a review of scholarly works by domestic and international researchers on the topic under discussion, as well phenomenological approach to literary studies of space, and contextual analysis. The research findings can be applied in lecture courses and practical classes on poetics and in lecture-practical courses on contemporary German-language literature.

Keywords: poetics of place, novella *'The Goalkeeper's Anxiety at the Penalty Kick'*, language criticism, Peter Handke

For citation: Prasova E.Ye. The poetics of place in Peter Handke's novel «The Goalkeeper's Anxiety at the Penalty Kick». Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 187 – 193. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-187-193

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 20, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена как междисциплинарным поворотом в литературоведческих исследованиях пространства, который характерен для геопоэтики, так и растущим интересом к исследованиям пространства в творчестве Хандке, о чем свидетельствуют монография К. Роде [17], статьи Б. Стринца [20], А. Хонольда [11], Ж. Юн [23], в которых рассматривалась поэтика американского, югославского, французского пространств. Геопоэтика – междисциплинарное понятие, обозначающее формы и пути интеллектуального и эстетического освоения географических территорий, ландшафтов [6, с. 152]. В область интересов исследователей, работающих в рамках геопоэтики, входит изучение субъективного восприятия пространства, а не его географических особенностей [15, с. 13-15]. В рамках геопоэтических исследований анализируются способы конструирования пространства, которые преломлены через субъективное восприятие автора и воссоздаются в художественном произведении посредством поэтизации [3, с. 216].

Цель работы заключается в определении способов построения пространства в повести Хандке «Страх Вратаря перед одиннадцатиметровым» для лучшего понимания авторской интенции, поэтики самого произведения, а также личных переживаний протагониста. Для достижения представленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть особенности поэтики повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым»; 2) определить, как особенности поэтики влияют на восприятие пространства протагонистом; 3) выявить способы построения пространства в повести.

Понятие геопоэтика впервые появилось в работах французского ученого Кеннета Уайта в середине 80-х годов прошлого века. Уайт отмечает, что, на современном этапе наблюдается переход от метафизики к новой географии разума, новому физически-поэтическому пространству. Уайт ссылаясь на Ж. Делеза, который назвал Ф. Ницше отцом «геофилософии» с его концепцией философа-художника, направившего «мысль на внешний мир» [22].

Э. Приэто выделяет 4 подхода в литературоведческих исследованиях пространства: феноменологический, постструктуралистский подходы, подход идентитаризма и инвайронментализма [15, с. 15]. В нашем исследовании рассматриваются феноменологический и постструктуралистский подходы.

В рамках феноменологического подхода подчеркивается субъективное восприятие места, данный подход связан в том числе, как например, в работах Дж. Мальпаса, с хайдеггеррианской концепцией «Dasein», в которой особое внимание уделяется субъективному человеческому восприятию окружающего мира. Феноменологический подход оказывается эффективным инструментом в литературоведческих исследованиях, так как с помощью данного подхода можно лучше проследить связь между сознанием и окружающим миром. Согласно Мальпасу ощущение места неразрывно связано со способностью к лингвистическому и нарративному выражению, так как место – это комплексная структура, которая охватывает концепцию себя, других, объективного порядка вещей. Связь языка и места также связана с интересубъективностью (субъективностью себя и других). В концепции Мальпаса объективный мир связан с активностью субъекта (мыслящего, переживающего, действующего) и познается с субъективной точки зрения. Способность к объективному познанию мира без перспективы реализуется в способности отстранения. Понимание субъективности происходит благодаря способности сопоставлять свои собственные реакции с реакциями других и

благодаря способности определять место других в объективном пространстве, к которому каждый имеет доступ, и в отношении к набору общих объектов и событий [13, с. 112, 115, 161].

Как и феноменологический подход, в рамках постструктуралистского подхода подчеркивается важность сомнения в связи с эпистемологической проблемой опосредованности нашего восприятия мира. Для эпистемологов причина сомнения заключается в несовершенной природе нашего чувственного и когнитивного аппарата, который выступает посредником между физическим миром и субъективными представлениями. Однако сомнение и опосредованность по-разному рассматриваются в феноменологическом и постструктуралистском подходах. Для феноменологов причиной сомнения является несовершенство нашего сенсорного и когнитивного аппарата, который выступает посредником между внешним миром и нашими субъективными убеждениями. Для постструктуралистов, напротив, сомнение обусловлено социально опосредованным характером знания, тем фактом, что мы рождаемся в институционализированных властных сетях и безличных социальных структурах, которые формируют информацию, поступающую к нам [15, с. 15-17]. В работе при анализе повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» будет применяться феноменологический подход с его вниманием к субъективному восприятию окружающего пространства protagonистом, восприятием которого доминируют сомнение и страх.

По мнению Р. Реннера и Дж. Шлутер языковая рефлексия в повести проявляется в контексте разрыва между означаемым и означающим [16, 18], что позволяет рассматривать данное произведение в свете языковых теорий Соссюра, Витгенштейна, Уорфа [16, с. 38, 40]; языковой рефлексии над словом, словосочетанием, предложением [1, с. 1]. Хандке продолжает традицию языковой рефлексии в австрийской литературе наряду с современными авторами И. Бахман, Т. Бернхардом, Э. Елинек, на которых повлияла философия «критики языка» Л. Витгенштейна. Критика языка проявляется на уровне сюжета, повествования или саморефлексивных пассажей, эксплицитно или имплицитно – через символику молчания или неудавшейся коммуникации, экспериментальных языковых игр и нарушений языковых норм, а также отрицания смыслопорождающей функции языка, что часто связано с языковым скепсисом. Критика языка выступает в художественном произведении как средство тематизации связи искусства, реальности и познания, а также указывает на существующие общественные и политические проблемы, которые вызывают языковую рефлексия [9, с. 8, 12]. В повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» находят отражение упомянутые темы в частности неудавшаяся коммуникация, нарушение языковых норм, языковой скепсис (неспособность языка отражать действительность).

По мнению В.Х. Гильманова в ранних текстах Хандке «ясно проступает феноменология “структурализма смерти”», который задает «язык-киллер». Рассказчик пытается противостоять «структурализму смерти» через спасение «первопамяти исходного языка “структурализма жизни”», языка поэзии [2, с. 64, 68].

Согласно В.Г. Зебальду саморефлексия отражает экзистенциальную концепцию бытия [19, с. 44, 46-47]. В повести наблюдаются такие экзистенциальные черты как ощущение страха [5, 16, 18, 19], экзистенциальный поиск protagonистом идентичности [9], отстраненность protagonиста от окружающей его действительности [15].

Т. Торнтон указывает на то, что страх вратаря перед одиннадцатиметровым – это страх перед доминированием внешнего мира, который обрекает человека на бессмысленность [21, с. 46]. Убийство, совершенное Блохом, по мнению Р. Брауна, является способом самоактуализации, преодоления бессмысленности своего существования, это история не о шизофрении, а об обретении новой идентичности [9, с. 300]. Однако, исследователи указывают на шизофреническое состояние protagonиста [18, 19], поэтому можно обнаружить противоречие в интерпретации мотивов действий персонажа. По мнению Зебальда, затянутое, медленное повествование Блоха показывает, как из неопределенной паники и серии мелких катастроф развивается недраматичная форма бытия, которая больше не соответствует определениям нормальности, стоит говорить о шизофреническом побеге от реальности. Особенность восприятия Блоха в том, что предметы на протяжении повествования отдаляются от зрителя, но одновременно становятся для него навязчивыми, повторяющимися [19 с. 44, 46-47].

Отстраненность protagonиста от внешнего мира связано с неспособностью языка описывать явления действительности [16, 18]. Блох не способен вербализовать собственные ощущения и вынужден описывать собственные наблюдения в системе описания, которая для него чужда [16, с. 40].

В.А. Пронин прослеживает интертекстуальные связи текста с творчеством Кафки и романом А. Камю «Посторонний» и отмечает, что «Блох для Хандке чужой посторонний», а повествование представляет собой описание лишь внешних действия вратаря, а не его внутреннего мира [4, с. 48]. Кафка оказал значительное влияние на творчество Хандке [12, с. 157, 18, с. 86]. Дж. Шлутер и Р. Браун отмечают интертекстуальные связи романа Кафки «Процесс» и «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» с точки зрения

трудности при интерпретации действий протагонистов [18, с. 75], схожести имени протагониста Йозефа К. и Йозефа Блоха [9, с. 288].

Интертекстуальные связи в повести Хандке прослеживаются и с романом «Замок» Кафка с точки зрения мотива: Блох прибывает в приграничный город («Grenzort») и ищет убежища как протагонист Кафки К. [9, с. 292]. Пограничное пространство как место постоянного изменения доминирует в творчестве Хандке. В текстах Хандке бесчисленное множество таких пространств: мосты в «Die Abwesenheit» («Отсутствие») железнодорожные станции и горные перевалы в «Die Wiederholung» («Повторение»), переходы и места разрыва в «Учении горы Сен-Виктуар», а также «путь настоящего» в «Медленное возвращение домой». На понимание пространства Хандке повлияла философия М. Хайдеггера. Хандке рассматривает то, что «совершенно иное», и понимает это, вслед за Хайдеггером, процесс возникновения, а не ситуацию или состояние вещей. Место «Wesen» – это различие, «порог» или «переход» («Schwelle») или «пространство между» [14, с. 139, 141]. Феномен границы обозначает и ограничение в действиях, физическом движении, а также с субъективным характером восприятия пространства [13, с. 129].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила ранняя повесть Хандке «Страх Вратаря перед одиннадцатиметровым» («Die Angst des Tormanns beim Elfmeter»), которая представляет собой историю о том, как бывший вратарь Йозеф Блох по непонятным причинам совершает убийство девушки. Для рассмотрения особенностей поэтики повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» проводится обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Для определения того, как особенности поэтики влияют на восприятие пространства протагонистом используются феноменологический и постструктуралистский подход в литературоведческих исследованиях пространства. Для выявления способов построения пространства в повести используется метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждения

Протагонист Йозеф Блох после совершения убийства прибывает в приграничный городок («südlicher Grenzort»), что характерно для поэтики пограничных пространств в творчестве Хандке и также, по нашему мнению, метафорически может отражать, во-первых, ограничение действий Блоха, выбравшего приграничный город как место побега, а во-вторых субъективное ощущение загнанности протагониста, в восприятии которого доминируют сомнение и страх.

Экзистенциальные черты переданы в описании природы, которое передано предельно предметно, протагонист отстранён от окружающей реальности, он регистрирует увиденное. Внимание протагониста приковано к объективным предметам реальности, которые, в свою очередь оказывают влияние на субъективное восприятие протагониста. В отрывке, приведенном ниже, протагонист отстраненно наблюдает за поведением других – «Блох видел, как школьники в ожидании автобуса кидали друг в друга эти свернутые в клубок черные нити», происходит сопоставление собственных впечатлений с объективной окружающей действительностью («вытопанные кукурузные поля», «очищенные и обглоданные») с действиями других:

«Außerhalb des Ortes bemerkte Bloch, daß die Maisfelder fast ganz niedergetrampelt waren, so daß zwischen den geknickten Stengeln die gelben Kürbisblüten sichtbar wurden; mitten im Maisfeld, immer im Schatten, hatten sie erst jetzt zu blühen angefangen. Überall auf der Straße lagen die abgebrochenen Maiskolben, zum Teil abgeschält und von den Schülern angebissen; daneben lag schwarzer, aus den Kolben gerissener Maisbart. Schon im Ort hatte Bloch gesehen, wie sie, während sie auf den Autobus warteten, einander mit den zusammengeballten schwarzen Fasern bewarfen» [10, с. 68].

«Выйдя из городка, Блох обратил внимание, что кукурузные поля почти сплошь вытопаны, между покосившимися стеблями видны желтые цветы тыквы; посреди кукурузного поля, постоянно в тени, они только теперь зацветали. Всюду на шоссе валялись обломанные кукурузные початки, наполовину очищенные и обглоданные школьниками; рядом лежали сорванные с початков черные кукурузные бородавки. Еще в городке Блох видел, как школьники в ожидании автобуса кидали друг в друга эти свернутые в клубок черные нити» [7].

Отчуждение Блоха проявляется по отношению к животному миру и фигурирует наряду с темой смерти, что выражено в следующем отрывке. Окружающая действительность полна упадка и влияет на действия самого Блоха, он «отпихивает» мертвое животное и идет дальше:

«Bloch blieb stehen und berührte mit der Schuhspitze die lange schmale, von Blut schwarze Zunge: sie war hart und starr. Er schob das Wiesel mit dem Fuß an die Böschung und ging weiter» [10, с. 68].

«Блох остановился и носком ботинка дотронулся до длинного, узкого, почерневшего от крови язычка: он был твердым, окостенелым. Он ногой отпихнул ласку на обочину и пошел дальше» [7].

Тема отчуждения эксплицитно выражена и в этом отрывке в предложении «als ob er mit alldem nichts zu tun habe»:

«In großer Entfernung konnte man einen Traktor knattern hören, als ob er [10, с. 69].

«Откуда-то издалека доносилось тарахтенье трактора, будто бы ко всему этому не имеющего никакого отношения» [7].

В приведенных отрывках тема смерти, упадка передана в лексемах: «abgebrochenen» – «обломанные», «angebissener» – «обглоданные», «gerissener» – «сорванные», «geknickten» – «поникшими», «start» – «око-стенелый» и в предложении «hatten sie erst jetzt zu blühen angefangen» – «они только теперь зацвели», сочетание «zu blühen angefangen» – «теперь зацвели».

В повествовании саморефлексия представлена в следующих отрывках, которые выражают восприятие Блоха. Блох не доверяет своему чувственному восприятию, что выражено в предложении («daß man nicht erkennen konnte»):

«Etwas sprang so schnell heraus, daß man nicht erkennen konnte, ob es ein Fisch gewesen war» [10, с. 69].

«Что-то так быстро выпрыгнуло, что нельзя было понять, рыба ли это.» [7].

В данном отрывке фигурирует мотив повторения и в то же время сомнения, сопровождающее восприятие предметов, наряду с ощущением страха и саморефлексией:

«Die kleinen Vorgänge auf der Wasseroberfläche kamen einem so wichtig vor, daß man, wenn sie sich wiederholten, gleichzeitig ihnen dabei zuschaute und sich schon an sie erinnerte», «Und die Blätter bewegten sich so langsam auf dem Wasser, daß man ohne Wimpernzucken zuschauen wollte, bis die Augen brannten, aus Angst, man könnte mit dem Wimpernzucken die Bewegung der Wimpern vielleicht mit der Bewegung der Blätter wechseln» [10, с. 69-70].

«Маленькие происшествия на поверхности воды представлялись настолько важными, что, когда они повторялись, ты одновременно и наблюдал за ними, и уже вспоминал о них. И листья на воде шевелились так медленно, что хотелось на них глядеть не мигая, до рези в глазах, из одного лишь страха, как бы, мигнув, не спутать движение ресниц с движением листьев» [7].

В следующем отрывке наблюдается характерные повести приемы и стратегии повествования – отдаление предметов, рефлексия и использование любимого приема автора – введение кинематографических отсылок для описания отстраненного восприятия протагониста, наблюдающего за происходящим:

«Er zwinkerte, als ob es an seinen Augen liege, blickte aber nicht hin. Allmählich geriet es in seinen Gesichtskreis. Eine Zeitlang sah er es, ohne es wahrzunehmen; sein ganzes Bewußtsein schien ein blinder Fleck zu sein. Dann, wie wenn in einem komischen Film jemand so nebenbei eine Kiste öffnet und weiterplappert und dann erst stockt und zur Kiste zurückstürzt, erblickte er unter sich im Wasser die Leiche eines Kindes» [10, с. 70].

«Он заморгал, словно дело было в глазах, но туда не посмотрел. Мало-помалу оно само вошло в поле его зрения. Некоторое время Блох глядел, не воспринимая: сознание его словно бы обратилось в одно слепое пятно. Потом, как в кинокомедии, где кто-то невзначай открывает ящик и продолжает болтать и лишь потом спохватывается, и кидается обратно к ящику, он увидел под собой в воде труп мальчика.» [7].

На первый взгляд может показаться, что отстраненность Блоха символизирует способность к видению мира без перспективы. Однако, по нашему мнению, перспектива лежит в основе впечатлений Блоха, через призму которой Блох смотрит на окружающую действительность: сомнение, страх, тематизация смерти и упадка отражена в объектах окружающего мира и окружающий мир наряду с действиями других, несущих разрушение, влияет на восприятие Блоха. Так, в концепции конкретного места и окружающего его пространства участвуют субъективность протагониста и других и объективность окружающего мира. Саморефлексия связана как с проблемой сомнения в восприятии предметов, так и с неспособностью языка отражать объективную действительность.

Выводы

Таким образом, поэтика повести «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» характеризуется саморефлексией, языковой рефлексией, экзистенциальными переживаниями. Языковая рефлексия персонажа связана с критическим отношением к языку, что относится к традиции языковой рефлексии и лингвистического скептицизма в австрийской литературе.

Поэтика пространства в повести отражена через восприятие протагониста, который испытывает отчуждение к окружающему и животному миру, описание природы передано максимально предметно. Для передачи восприятия протагониста используются кинематографические отсылки. Восприятием протагониста движет сомнение и страх, что эксплицируется в саморефлексии.

Способом построения пространства в повести является тематизация смерти и упадка, отчуждения протагониста (экзистенциальных переживаний), саморефлексия, что выражено в соответствующих

лексемах: «abgebrochenen» – «обломанные», «angebissener» – «обглоданные», «gerissener» – «сорванные», «geknickten» – «поникшими», «starr» – «окостеленый».

Список источников

1. Арзамасцева В.А. Языковая рефлексия Петера Хандке в повести "Страх вратаря перед одиннадцатиметровым" // Запад и Восток в диалоге культур: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. 2016. С. 153 – 159.
2. Гильманов В.Х. Неожданный НЕКТО в Нобелевской истории // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2022. № 2. С. 58 – 71.
3. Карпенко Е.И., Любимова Н.В. Геопэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 215 – 229. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_215.
4. Пронин В.А. Австрийский нобель // Наука и школа. 2021. № 3. С. 44 – 50.
5. Радаева Э.А. «Страх Вратаря перед одиннадцатиметровым»: поэтика взаимодействия экспрессионизма и экзистенциализма в творчестве Петера Хандке // Libri Magistri. 2017. № 4. С. 24 – 28.
6. Сид И. История понятия «Геопэтика» // Вестник МГЛУ. Вып. 11. 2015. С. 153 – 170.
7. Страх вратаря перед одиннадцатиметровым" и еще две повести. "Амфора", 2000 (перевод В. Курелла). URL: <https://fb2.top/strah-vratarya-pered-odinnadcatimetrovym-491201/read> (дата обращения: 25.02.2026).
8. Blum S. Sprachkritik und Sprachzweifel in der österreichischen Literatur. Berlin: Frank und Timme, 2024. 211 p.
9. Brown R.E. Peter Handke's "Die Angst des Tormanns beim Elfmeter" // Modern Language Studies, 1986. Vol. 16. No. 3. P. 288 – 301. <https://doi.org/10.2307/3194909>.
10. Handke P. Die Angst des Tormanns beim Elfmeter. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1978. 127 p.
11. Honold A. Der Erd-Erzähler. Peter Handkes Prosa der Orte, Räume und Landschaften). Stuttgart: Springer-Verlag, 2017. 566 p.
12. Lamping D. Kafka und die Folgen, Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. 178 p.
13. Malpas J.E. Place and Experience. A Philosophical Topography. Pre-publication draft. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 191 p.
14. Polster H. The aesthetics of passage: the imagined experience of time in W.G. Sebald and Peter Handke. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Saint Louis, 2008. 200 p.
15. Prieto E. Geocriticism, Geopoetics, Geophilosophy, and Beyond // Geocritical Explorations. Space, Place and Mapping in Literary and Cultural Studies. London: Palgrave Macmillan. 2011. P. 13 – 27.
16. Renner R.G. Peter Handke Erzählwelten – Bilderordnungen. Stuttgart: J.B. Metzler, 2020. 952 p.
17. Rohde R. Träumen und Gehen. Hannover – Laatzen: Wehrhahn Verlag, 2007. 112 p.
18. Schlueter J. Handke's «Kafkaesque» Novel: Semiotic Processes in Die Angst des Tormanns beim Elfmeter // Studies in 20th Century Literature. 1979. Vol. 4: Iss. 1. P. 75 – 88. <http://dx.doi.org/10.4148/2334-4415.1075>.
19. Sebald W.G. Unterm Spiegel des Wassers - Peter Handkes Erzählung von der Angst des Tormanns // Austriaca, 1983. №16. P. 43 – 56. <https://doi.org/10.3406/austri.1983.4143>.
20. Strinz B. Raum und Zietkonstruktion bei Peter Handke: Die Wiederholung und Versuch über die Jukebox // Mauerschau. Fachzeitschrift Germanistik. 2010. P. 171 – 187.
21. Thornton T.K. Die Thematik von Selbstausslöschung und Selbstbewahrung in den Werken von Peter Handke. Frankfurt am Main; Bein; New York: Lang, 1983. 129 p.
22. White K. Geopoetics – A Philosophical Approach. URL: <https://www.institut-geopoetique.org/en/founding-texts/139-geopoetics-a-philosophical-approach> (дата обращения: 25.03.2026).
23. Yun Zh. (Der erlebte Raum und die Existenz des Menschen- Über die Raumkonstruktion in Peter Handkes Roman) // Literaturstraße. Chinesisch-deutsches Jahrbuch für Sprache, Literatur und Kultur. 2015. Band 16. P. 83 – 92. <https://doi.org/10.11588/litst.2015.0.45963>.

References

1. Arzamascova V.A. Linguistic reflection of Peter Handke in the story "The goalkeeper's fear of the penalty". West and East in the dialogue of cultures: collection of materials of the International scientific and practical conference. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. 2016. P. 153 – 159.

2. Gil'manov V.Kh. Unexpected SOMEONE in Nobel history. Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2022. No. 2. P. 58 – 71.
3. Karpenko E.I., Lyubimova N.V. Geopoetics as a way of reading literary spaces: linguistic aspects (based on the German language). Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. Issue 11 (853). P. 215 – 229. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_215.
4. Pronin V.A. Austrian Nobel. Science and School. 2021. No. 3. P. 44 – 50.
5. Radaeva E.A. "The Goalkeeper's Fear of the Penalty": The Poetics of the Interaction of Expressionism and Existentialism in the Works of Peter Handke. Libri Magistri. 2017. No. 4. P. 24 – 28.
6. Sid I. History of the Concept of "Geopoetics". Bulletin of Moscow State Linguistic University. Issue 11. 2015. P. 153 – 170.
7. "The Goalkeeper's Fear of the Penalty Kick" and two more stories. "Amphora", 2000 (translated by V. Kurell). URL: <https://fb2.top/strah-vratarya-pered-odinnadcatimetroy-m-491201/read> (accessed: 25.02.2026).
8. Blum S. Sprachkritik und Sprachzweifel in der österreichischen Literatur. Berlin: Frank und Timme, 2024. 211 p.
9. Brown R.E. Peter Handke's "Die Angst des Tormanns beim Elfmeter". Modern Language Studies, 1986. Vol. 16. No. 3. P. 288 – 301. <https://doi.org/10.2307/3194909>.
10. Handke P. Die Angst des Tormanns beim Elfmeter. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1978. 127 p.
11. Honold A. Der Erd-Erzähler. Peter Handkes Prosa der Orte, Räume und Landschaften). Stuttgart: Springer-Verlag, 2017. 566 p.
12. Lamping D. Kafka und die Folgen, Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. 178 p.
13. Malpas J.E. Place and Experience. A Philosophical Topography. Pre-publication draft. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 191 p.
14. Polster H. The aesthetics of passage: the imagined experience of time in W.G. Sebald and Peter Handke. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Saint Louis, 2008. 200 p.
15. Prieto E. Geocriticism, Geopoetics, Geophilosophy, and Beyond. Geocritical Explorations. Space, Place and Mapping in Literary and Cultural Studies. London: Palgrave Macmillan. 2011. P. 13 – 27.
16. Renner R.G. Peter Handke Erzählwelten – Bilderordnungen. Stuttgart: J.B. Metzler, 2020. 952 p.
17. Rohde R. Traumen und Gehen. Hannover-Laatzten: Wehrhahn Verlag, 2007. 112 p.
18. Schlueter J. Handke's "Kafkaesque" Novel: Semiotic Processes in Die Angst des Tormanns beim Elfmeter. Studies in 20th Century Literature. 1979. Vol. 4. Iss. 1. P.75 – 88. <http://dx.doi.org/10.4148/2334-4415.1075>
19. Sebald W.G. Unterm Spiegel des Wassers - Peter Handkes Erzählung von der Angst des Tormanns. Austria-ca, 1983. №16. P. 43 – 56. <https://doi.org/10.3406/austr.1983.4143>
20. Strinz B. Raum und Zietkonstruktion bei Peter Handke: Die Wiederholung und Versuch über die Jukebox. Mauerschau. Fachzeitschrift Germanistik. 2010. P. 171 – 187.
21. Thornton T.K. Die Thematik von Selbstauslöschung und Selbstbewahrung in den Werken von Peter Handke. Frankfurt am Main; Bein; New York: Lang, 1983. 129 p.
22. White K. Geopoetics – A Philosophical Approach. URL: <https://www.institut-geopoetique.org/en/founding-texts/139-geopoetics-a-philosophical-approach> (accessed: 25.03.2026).
23. Yun Zh. (Der erlebte Raum und die Existenz des Menschen-Über die Raumkonstruktion in Peter Handkes Roman). Literaturstrasse. Chinesisch-deutsches Jahrbuch für Sprache, Literatur und Kultur. 2015. Band 16. P. 83 – 92. <https://doi.org/10.11588/litst.2015.0.45963>.

Информация об авторах

Прасова Э.Е., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (БФУ им. И. Канта), elinaprasova@mail.ru

© Прасова Э.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81`42.008

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-194-199

¹ Проторенко И.Е.

¹ Кубанский государственный
технологический университет

Исповедь зависимого сердца: любовь и аддикция на материале творчества IAMX

Аннотация: с позиции лингвокультурологии в статье рассматривается вербализация и языковая репрезентация романтической и патологической любви на материале песен британского музыкального проекта IAMX. Цель исследования – выявить лексико-семантические и метафорические механизмы, создающие в песенных текстах эффект смыслового сближения нормы и патологии. Материалом послужили 10 песен, отобранных методом целенаправленной выборки по критерию тематической релевантности. В ходе анализа установлено, что в песнях IAMX деконструируются 5 романтических мифов. Данная деконструкция осуществляется через метафоры, сравнения и гиперболизацию признаков, традиционно приписываемых обыденным сознанием романтической любви. Показано, что именно эти признаки, воспринимаемые как естественные, в песенных композициях исполнителя имеют общие черты с любовной зависимостью, что свидетельствует об их концептуальной близости. Наряду с негативными образами в лирике IAMX выявлены позитивные аспекты любви, что придает авторской романтической оптике дополнительную глубину.

Ключевые слова: любовь, зависимость, миф, лингвокультурология, романтическая любовь, вербализация, песенный дискурс

Для цитирования: Проторенко И.Е. Исповедь зависимого сердца: любовь и аддикция на материале творчества IAMX // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 194 – 199. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-194-199

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Protorenko I.E.

¹ Kuban State Technological University

Confessions of an addicted heart: love and addiction in the work of IAMX

Abstract: from the perspective of linguoculturology, the article examines the verbalization and linguistic representation of romantic and pathological love based on the songs of the British music project IAMX. The aim of the study is to identify the lexical-semantic and metaphorical mechanisms that create the effect of semantic convergence between norm and pathology in song texts. The material for the study consists of 10 songs selected using the method of purposeful sampling based on thematic relevance. The analysis reveals that IAMX's songs deconstruct 5 romantic myths. This deconstruction is carried out through metaphors, comparisons, and hyperbalization of the features traditionally attributed by everyday consciousness to romantic love. It is shown that these features, which are perceived as natural, share similarities with love addiction in the singer's song compositions, indicating their conceptual proximity. Along with the negative images in IAMX's lyrics, there are also positive aspects of love, which adds an extra layer of depth to the artist's romantic optic.

Keywords: love, addiction, myth, linguoculturology, romantic love, verbalization, song discourse

For citation: Protorenko I.E. Confessions of an addicted heart: love and addiction in the work of IAMX. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 194 – 199. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-194-199

The article was submitted: June 17, 2026; Approved after reviewing: July 21, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В современном обществе все более отчетливо проявляется проблема разграничения здорового романтического чувства и болезненной любовной зависимости (аддикции). Признаки, которые в обыденном сознании присущи любви «настоящей», в случае зависимой любви могут стать симптомами патологии. Это создает концептуальную близость между нормой и отклонением, что препятствует как научной дифференциации, так и практической помощи людям в деструктивных отношениях.

С точки зрения лингвокультурологии необходимо понимать, какими языковыми средствами конструируется и транслируется подобная близость. Особенно показателен в этом отношении песенный жанр, который не только отражает, но и активно формирует массовые представления о любви. Несмотря на рост научного интереса к любовной аддикции в психологии и психиатрии, ее лингвистическая репрезентация остается малоизученной.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании лексико-семантических и метафорических механизмов вербализации романтической любви и любовной аддикции в музыкальных композициях IAMX, а также в характеристике концептуальной близости данных состояний, создаваемых в текстах. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: уточнить понятия «романтическая любовь» и «любовная аддикция» в соответствии с их языковой репрезентацией; сформировать корпус песен IAMX, в которых наиболее отчетливо представлены оба феномена; проанализировать метафорические модели, лексические единицы и синтаксические конструкции, используемые для вербализации романтической любви и любовной зависимости; выявить и систематизировать романтические мифы, которые в песнях IAMX подвергаются деконструкции.

Мадам де Сталь, размышляя о природе любви, отмечает ее антиномичность: утром человечество открывает для себя новые, противоречивые между собой истины об этом чувстве; и каждый вечер к утренним истинам добавляется тысяча заблуждений, которые, однако, невозможно опровергнуть [3]. Действительно, многообразие форм любви, отмеченных в языке и культуре, заставляет любую попытку единого определения данного феномена столкнуться с очевидной неполнотой.

В науке отсутствует универсальная классификация любви, и вряд ли она возможна в принципе. Тем не менее, древнегреческая типология до сих пор служит надежной методологической опорой. Разумеется, эта модель не отражает всех нюансов современности, однако ее эвристический потенциал вовсе не исчерпал себя [1, с. 490]: концептуальная рамка настоящей классификации позволяет разложить сложное чувство любви на более простые составляющие, способствует самопознанию и лучшему пониманию своих потребностей, а также может предостеречь человека от идеализации любви в зависимости от ее вида. Согласно древнегреческой теории, любовь разделяется на эрос – страстно-чувственную любовь, сторге – безусловную семейную любовь, людус – игривую любовь, филию – уравновешенную дружескую любовь, манию – любовь-одержимость, прагму – практическую любовь, агапе – бескорыстную любовь к ближнему [5, с. 53-55]. Образование последних трех видов обусловлено скрещением предыдущих [1, с. 376].

Выделяют любовь-зависимость и любовь-жалость, любовь-потребность и любовь-дар, любовь мужчины и любовь женщины, любовь к Родине и любовь к Богу и т.п. [8]. Существование всевозможных классификаций видов любви, их модусов и интенсивов, особо подчеркивает сложность рассматриваемого феномена. Представляется, что существующее количество всех оттенков и разновидностей любви не может быть размещено на единой плоскости. Это объясняется тем, что каждая классификация опирается на свой набор критериев и акцентов, отражающих определенный взгляд на природу любовных отношений. Например, любовь может быть классифицирована по уровню власти и статуса партнеров [11], являться личностным и межличностным чувством в зависимости от объекта [12, с. 440], а спектр объемов любви, в свою очередь, может меняться по мере удаления от эротической составляющей и пр. [7, с. 400]. От рыцарского поклонения даме сердца до раскованной любви эпохи сексуальной революции, от идеализированных образов в романтической литературе до откровенных описаний сексуальности в современном искусстве, любовь всегда оставалась в центре внимания ученых, философов, писателей и художников. Однако, наряду с возвышенными формами любви, в обществе существует и обратная сторона этого чувства – любовная аддикция

(патологическая любовь), приводящая к зависимому поведению и разрушительным последствиям, что требует профессиональной помощи.

Анализ научного дискурса, преимущественно психологического, позволил установить, что под любовной аддикцией (зависимостью) понимается патологическое состояние, при котором потребность в романтической или эмоциональной связи с другим человеком выходит из-под контроля, превращаясь в навязчивую, всепоглощающую силу, которая определяет мысли, чувства и поведение [4, с. 64-71]. Это не просто сильная любовь, а болезненная зависимость, в которой самооценка и благополучие аддикта полностью зависят от наличия или одобрения партнера, даже если их отношения дисфункциональны и приносят страдания. В отличие от «здоровой» любви, основными характеристиками которой является взаимность, уважение, поддержка и положительная привязанность, патологическая любовь лишает человека автономии, превращая его в тень партнера, неспособную полноценно существовать вне этих отношений, и заставляя раз за разом повторять деструктивные модели поведения в погоне за иллюзорным чувством безопасности и ценности. Однако любовная зависимость и традиционные представления о любви в обыденном сознании могут проявляться похожим образом на ранних стадиях, включая сильную сосредоточенность на объекте, идеализацию партнера, эйфорию и стремление к постоянному контакту. Это объясняется тем, что аддикт маскирует свою зависимость под «настоящую» любовь, используя гиперболизированные версии тех признаков, которые могут казаться естественными (тревога, жертвенность, идеализация). С другой стороны, «чистая» любовь может перерасти в любовную аддикцию, если один из партнеров имеет определенные психические проблемы (например, низкая самооценка, потребность в одобрении, склонность к навязчивым мыслям, страх быть покинутым) [6, с. 551] или же если любовный союз становится плацдармом для манипуляций, насилия, эмоциональной отстраненности и т.п., что характеризует деструктивный тип отношений [13, с. 242].

В своей работе С.Г. Воркачев рассматривает романтическую любовь как подвид любви эротической, в котором главный акцент сосредоточен на депрессивно-эйфорическом и ценностном моменте, а эволюция развития данного чувства приобретает драматический окрас [2, с. 278]. Анализируя феномен романтической любви, а именно способы ее вербализации в песенном жанре, исследователь фиксирует наличие ряда признаков, которые могут быть интерпретированы как проявления сильных эмоций и стремления к физической и эмоциональной близости (идеализация объекта любви, страдание, жертвенность, забота, трагизм, метафоричность, эротизм и др.). Именно в этом заключается центральная проблема: признаки, которые Воркачев отмечает как часть романтической любви, являются «пограничными», т.е. могут рассматриваться как симптомы любовной зависимости. Таким образом, мы рассматриваем это не как сходство двух анализируемых понятий, а как опасную близость, которая при поверхностном изучении позволяет любовной аддикции мимикрировать под «настоящую» любовь. Данная тема наглядно отражена в творчестве группы IAMX, чьи песни не только исследуют темные стороны любви, зависимости и саморазрушения, но и критически переосмысливают и деконструируют идеализированные представления о романтических чувствах.

Песенный жанр, как отражение социокультурных тенденций в зеркале человеческих чувств и переживаний, демонстрирует эволюцию понимания любви, представляя нам как традиционные, так и современные модели любовных отношений. Сочетание текста, музыки и качественное исполнение песни лишь усиливают когнитивное восприятие и эмоции слушателей, что позволяет продемонстрировать как любовь может принимать различные формы, от романтической идеализации до разрушительной зависимости. Думается, что лирика музыкальных композиций IAMX – яркая иллюстрация этого утверждения.

IAMX – независимый сольный проект Криса Корнера, основанный в Лондоне в 2004 году. Тексты песен IAMX пронизаны темами любви, смерти, рефлексии, наркотической зависимости. Помимо любовной тематики, в песнях IAMX звучит критика политического устройства, социальных институтов и религиозных догматов. Визуально-музыкальный стиль проекта определяют экспрессивная подача, активное использование световых эффектов, эстетика декадентства и нарочитая эксцентричность. Вокальный диапазон Корнера и специфическая звукообработка позволяют группе работать в широком жанровом спектре – от электроник-рока до дарк-кабаре. Авторство Корнера над всем материалом (он – вокалист, автор песен и композитор), несомненно, делает его центральной фигурой собственного проекта [10] и связывает его творчество с личным опытом: депрессия, наркотическая зависимость и болезненные любовные переживания, о которых он говорит в интервью [9], проникают в ткань его текстов, превращая их в исповедальный, но вместе с тем критический дискурс о любви.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты песен британской группы IAMX. Отбор единиц анализа осуществлялся методом целенаправленной выборки из всего наследия исполнителя. Критерием включения в выборку послужило наличие в тексте прямой или метафорической референции к романтическим

отношениям, патологической (зависимой) любви, деструктивным эмоциональным состояниям, а также деконструкции традиционных представлений о любви. Общий объем проанализированного корпуса составил 10 песенных текстов, наиболее репрезентативных с точки зрения исследуемой проблематики.

Результаты и обсуждения

Как отмечалось ранее, песни проекта Корнера часто подрывают и переосмысливают образы и мифы воспевания романтической любви. Это достигается путем гиперболизации и разоблачения «пограничных» признаков, что делает их губительную природу более очевидной. В связи с этим мы убеждены, что тексты песен IAMX представляют собой богатый материал для анализа любовного чувства, патологической любви и их взаимосвязей и предоставляют возможность более подробно рассмотреть способы вербализации любовной зависимости в песенном жанре.

Исследуемая лирика нередко может быть жесткой и дискомфортной, что является сутью нездоровых отношений. Она показывает, что за красивым фасадом романтической любви может скрываться опасная ложь, которая ведет к иллюзорным ожиданиям и дисфункциональным межличностным отношениям. Музыкальные композиции выступают в роли своеобразного инструмента для анализа, критики и деконструкции общепринятых, но потенциально опасных мифов, а именно:

- мифа о вечной любви и крепком союзе и в горе, и в радости: *Do you promise to be with me if I beg and I crawl? / In my darkest mood, through the private wars / Will you stay even when the drugs have gone?* – *Обещаешь ли ты быть со мной, если я буду умолять и ползать на коленях? / И в минуты моего самого мрачного настроения, и во время личных войн? / Останешься ли ты, даже когда закончатся наркотики?* (Fire And Whispers). Приведенный пример наглядно показывает, что при наличии внутренних конфликтов потребность в поддержке может перерасти в нездоровую зависимость и самоуничтожение, а отношения могут основываться не на любви, а на искусственных стимуляторах или чувстве вины;

- иллюзорного представления о «второй половинке»: *If you leave me alone, I will come home / Dragging my tails behind me / Sweetheart, don't hang me out to dry* – *Если ты покинешь меня, я вернусь домой, / Волоча за собой остатки себя... / Милая, не оставляй меня на произвол судьбы* (Lulled By Numbers). Данный фрагмент песни развенчивает миф о том, что человек неполноценен без партнера, а также показывает, что стремление к отношениям может быть вызвано страхом перед одиночеством, а не искренней любовью;

- романтизированного образа любви как источника свободы и счастья: *You put me in a cage, / In the daily maze of flesh and rage* – *Ты загнала меня в клетку / В ежедневный лабиринт из плоти и страсти* (You Can Be Happy). Прилагаемые строчки настоящей песенной композиции демонстрируют, что отношения могут быть заточением, лишаящим индивидуальности и приводящим к постоянной борьбе страсти и злости, которые удерживают в «оковах» чувств, несмотря на боль;

- традиционного понимания любви как чувства безопасности: *So you came like a missile / Falling on my head / With a black sky / You think you're giving... / But you're / Taking my life away* – *Ты пронеслась словно ракета, / Упала на голову / С темного неба / Ты думаешь, что даешь... / Но на самом деле ты лишь отнимаешь мою жизнь* (Missile). Начальные строки песни, транслирующие образ любви через отождествление с ракетой, создают ощущение опасности, угрозы и неизбежного разрушения, что в дальнейшем может привести к разрыву между намерениями и последствиями действий партнера;

- мифа об идеальном возлюбленном: *But I'm a human, I come with knives / I never promised you / An open heart or charity* – *Но я всего лишь человек, я иду вперед, и в моих руках ножи / Я никогда не обещал / Раскрыть тебе свое сердце или проявить милосердие* (I Come With Knives). В настоящем отрывке смысловым ядром является метафора ножей, которая понимается как предупреждение об эмоциональном уроне. Герой прямо предупреждает партнера о собственной несовершенной природе, что находит свое отражение в экспрессивно повторяющемся рефрене *I come with knives*, который указывает на то, что любовь не будет безопасной, а боль в ней неизбежна.

Таким образом, автор не боится говорить о боли, страхе, зависимости и других негативных эмоциях, которые часто замалчиваются в романтических песнях. Его музыка – это вызов идеализированным представлениям о любви и призыв к более честному и реалистичному взгляду на связь между людьми. Критическое прочтение выполненного анализа помогает нам осознать насколько романтические мифы могут быть разрушительными, и как важно стремиться к здоровой, равноправной и осознанной близости. Однако на сцене корнеровского «театра абсурда» любовь может быть изображена в довольно положительном многообразии различных аспектов.

Например, в вербализации романтической любви может быть выделен аспект надежды и веры в любовь: *The people need love / These people never play the game* – *Людам нужна любовь / Они никогда не играют по*

правилам (Spit It Out). В приведенном фрагменте можно наблюдать признание всеобщей потребности в любви и сочувствие к тем, кто не умеет или боится проявлять ее;

– аспект исцеления и обновления: *And now you're safe love again / To feel the rays, love again – Теперь ты в безопасности, полюби снова / Чтобы почувствовать лучи, полюби снова* (This Will Make You Love Again). Здесь любовь предстает в виде панацеи, способной исцелить душевные муки и вернуть к жизни после пережитых трудностей. Образы чувства безопасности и солнечных лучей, в отличие от темной эстетики большинства песен исполнителя, отождествляются с теплом и моральным восстановлением;

– аспект значимости и преображения: *I celebrate the day / That you changed my history – Я праздную тот день, когда ты изменила ход моей истории* (Bernadette). В данном случае благодарность к партнеру сводится отнюдь не к сентиментальности: «изменение хода истории» означает не только эмоциональный подъем, но и пересмотр жизненного пути, обретение новых смыслов и ориентиров;

– аспект восторга и счастья: *Oh you make my heart sing – О, ты заставляешь мое сердце петь* (Wildest Wind). Представленная лаконичная строчка, создавая редкий для IAMX момент легкости без какой-либо идеализации, передает искренний восторг от присутствия другого человека;

– аспект силы и опоры: *Because your love gives me the strength – Потому что твоя любовь придает мне сил* (Scars). Любовь здесь осмысливается как ресурс, который, исходя из контекста композиции, помогает лирическому герою преодолеть последствия прошлого опыта.

Вышеприведенные примеры показывают, что творения Криса Корнера не возвеличивают страдание: признавая деструктивный потенциал любви, он, тем не менее, дает возможность для иного прочтения, что наделяет его романтический дискурс куда более объемным смысловым наполнением.

Выводы

Итак, проведенный анализ позволяет утверждать, что любовь в дискурсе творчества IAMX представляется не как устойчивая ценность, а как зона смыслового переплетения, где норма и патология постоянно соприкасаются друг с другом. Романтические мифы в песнях развенчиваются посредством метафор, сравнений и тревожных образов. Однако принципиально важно: жертвенность, чрезмерная эмоциональная сосредоточенность, идеализация и др. характерны как для романтической любви, так и для патологической любви (любви-аддикции). Именно подобная концептуальная близость не позволяет своевременно распознать зависимость, что требует психологического и лингвистического инструментария для дифференциации данных понятий.

Тексты IAMX не столько отражают реальность, сколько проблематизируют ее, превращая романтические клише в объект критического переосмысления. В то же время, было бы ошибочно полагать, что страдание и нелицеприятные стороны любви достигают своего эстетического и аксиологического абсолюта: репрезентируемая любовь, безусловно, сложна, однако исполнитель оставляет пространство для иной, более позитивной интерпретации. Перспектива дальнейших исследований видится в сопоставительном анализе вербализации патологической и романтической любви в разных музыкальных жанрах и языковых культурах, а также в более детальном изучении того, как языковые средства конструируют границы между нормой и патологией в современном песенном дискурсе.

Список источников

1. Век В.В. Влюбленность и любовь как объекты научного исследования. Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. 589 с.
2. Воркачев С.Г. Amor: вербализация романтической любви в песенном жанре // Жанры речи. 2023. № 3. С. 275 – 282.
3. Lyubi. Высказывания о любви. Кому верить? Часть 1. Е. Пушкарёв [Электронный ресурс]. URL: http://www.lyubi.ru/famous_texts.php (дата обращения: 10.05.2026).
4. Егоров А.Ю. Любовные аддикции // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 2. С. 64 – 81.
5. Задорожная К.В. Представление о любви в древнегреческой философии и его отражение в произведениях русской классической литературы // Вестник ОмГУ. 2023. № 3. С. 52 – 56.
6. Иванова Е.В., Соловьева О.С. Любовные аддикции // Когнитивные исследования на современном этапе: материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2017. С. 549 – 553.
7. Ивин А.А. Философия любви. Москва: Издательство политической литературы, 1990. 512 с.
8. Костина Р.Г. Любовь как социокультурная константа бытия человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Саранск, 2013. 166 с.

9. Ridus. Крис Корнер из IAMX рассказал о темном периоде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/kris-korner-iz-iamx-rasskazal-o-temnom-periode-236085.html> (дата обращения: 13.05.2026).
10. Songtranslate. Переводы текстов песен IAMX [Электронный ресурс]. URL: <https://songtranslate.ru/songs/iamx> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Gilbo. «Типология любви» Т. Кемпера [Электронный ресурс]. URL: <http://gilbo.ru/index.php?page=psy&art=3292> (дата обращения: 11.05.2026).
12. Фролова С.В. Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви // Известия Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. № 4. С. 439 – 448.
13. Щукина О.Г. Социально-психологические особенности романтических отношений современной молодежи // Человеческий капитал. 2023. № 5. С. 241 – 253.

References

1. Vek V.V. Falling in Love and Love as Objects of Scientific Research. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2017. 589 p.
2. Vorkachev S.G. Amor: Verbalization of Romantic Love in the Song Genre. Speech Genres. 2023. No. 3. P. 275 – 282.
3. Lyubi. Statements about Love. Whom to Believe? Part 1. E. Pushkarev [Electronic resource]. URL: http://www.lyubi.ru/famous_texts.php (accessed: 10.05.2026).
4. Egorov A.Yu. Love Addictions. Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia. 2015. No. 2. P. 64 – 81.
5. Zadorozhnaya K.V. The Concept of Love in Ancient Greek Philosophy and Its Reflection in Works of Russian Classical Literature. Bulletin of Omsk State University. 2023. No. 3. P. 52 – 56.
6. Ivanova E.V., Solovieva O.S. Love Addictions. Proceedings of the All-Russian Conference "Cognitive Research at the Current Stage (KISE-2017)". Kazan: Kazan University Publishing House. 2017. P. 549 – 553.
7. Ivin A.A. Philosophy of Love. Moscow: Political Literature Publishing House, 1990. 512 p.
8. Kostina R.G. Love as a Sociocultural Constant of Human Existence: Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation: 24.00.01. Saransk, 2013. 166 p.
9. Ridus. IAMX's Chris Corner on the Dark Period [Electronic resource]. URL: <https://www.ridus.ru/kris-korner-iz-iamx-rasskazal-o-temnom-periode-236085.html> (accessed: 13.05.2026).
10. Songtranslate. Translations of IAMX song lyrics [Electronic resource]. URL: <https://songtranslate.ru/songs/iamx> (accessed: 12.05.2026).
11. Gilbo. "Typology of Love" by T. Kemper [Electronic resource]. URL: <http://gilbo.ru/index.php?page=psy&art=3292> (accessed: 11.05.2026).
12. Frolova S.V. Essential characteristics and diagnostic methods of psychological types of love // Izvestiya Saratov. Univ. Series. Series. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2020. No. 4. P. 439 – 448.
13. Shchukina O.G. Socio-psychological characteristics of romantic relationships of modern youth // Human capital. 2023. No. 5. P. 241 – 253.

Информация об авторах

Проторенко И.Е., Кубанский государственный технологический университет, igor3.meelnik9@gmail.com

© Проторенко И.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070+94(47)+316.77

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-200-206

¹ Руденко П.В.

¹ Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Типология военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. в системе экстремальных медиакоммуникаций

Аннотация: в статье рассматривается типология военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. в контексте экстремальных медиакоммуникаций. Печатная периодика анализируется как институционально организованный канал массовой информации, функционировавший в условиях дефицита ресурсов, высокой социальной напряжённости и необходимости оперативной смысловой мобилизации аудитории. Выделяются основные типы изданий: фронтовые, армейские, региональные, производственные, подпольные и агитационно-информационные. Установлено, что их жанрово-коммуникативная структура сочетала фактографичность, публицистическую оценочность, документальную репортажность и директивно-мобилизационные элементы. Доказывается, что военная печать Донбасса выступала не только средством информирования, но и механизмом поддержания коллективной идентичности, ценностной консолидации и исторической памяти.

Ключевые слова: военная печать, Донбасс, экстремальные медиакоммуникации, типология изданий, журналистика, медиадискурс, печатные СМИ, фронтовая периодика, массовая коммуникация

Для цитирования: Руденко П.В. Типология военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. в системе экстремальных медиакоммуникаций // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 200 – 206. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-200-206

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Rudenko P.V.

¹ Donetsk State Medical University
named after M. Gorky

Typology of military printed publications of Donbass 1941-1945 in the system of extreme media communications

Abstract: the article examines the typology of the military print media of Donbass 1941-1945 in the context of extreme media communications. The printed periodicals are analyzed as an institutionally organized media channel that functioned in conditions of resource scarcity, high social tension and the need for operational semantic mobilization of the audience. The main types of publications are distinguished: front-line, army, regional, industrial, underground and propaganda-informational. It was found that their genre-communicative structure combined factual, journalistic evaluation, documentary reportage and directive and mobilization elements. It is proved that the military seal of Donbass acted not only as a means of informing, but also as a mechanism for maintaining collective identity, value consolidation and historical memory.

Key words: military press, Donbass, extreme media communications, typology of publications, journalism, media discourse, print media, frontline periodicals, mass communication

For citation: Rudenko P.V. Typology of military printed publications of Donbass 1941-1945 in the system of extreme media communications. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 200 – 206. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-200-206

The article was submitted: June 17, 2026; Approved after reviewing: July 21, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Период 1941-1945 гг. стал для печатной журналистики временем предельной функциональной концентрации, поскольку газета, листовка, бюллетень, фронтовой выпуск и производственная многотиражка перестали быть только средствами регулярного информирования, из-за чего в условиях военного времени они приобрели статус оперативных медиаканалов, обеспечивавших циркуляцию социально значимых сведений, норм поведения, эмоциональных установок и ценностных ориентиров, что для Донбасса, обладавшего важным промышленным, трудовым и символическим значением, печатные издания военного периода стали особой формой экстремальной медиакommunikации [1, с. 17].

Под экстремальными медиакommunikациями в настоящей статье понимается совокупность информационных процессов, разворачивающихся в условиях угрозы, нестабильности, ускоренного информационного обмена, ограниченного доступа к ресурсам и повышенной ответственности журналистского слова, из-за чего в данной ситуации медиатекст выполняет не только информирующую, но и координирующую, мобилизующую, аксиологическую, психоэмоциональную и мемориальную функции [2, с. 21].

Материалы и методы исследований

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. не только как историко-журналистского материала, но и как элемента медиакommunikационной системы, из-за чего особую значимость приобретает изучение того, каким образом различные типы печатных изданий распределяли коммуникативные роли, формировали повестку, создавали образ события и обеспечивали устойчивость информационного взаимодействия между фронтом, тылом, производственными коллективами и локальными сообществами [3, с. 31].

Цель статьи – разработать типологическую характеристику военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. в системе экстремальных медиакommunikаций и для её достижения необходимо определить критерии типологизации, выявить основные виды печатных изданий, охарактеризовать их жанрово-тематическую структуру и установить ключевые медиакommunikационные функции военной прессы региона [4, с. 231].

Теоретико-методологические основания исследования. Методологическую основу исследования составляют типологический, историко-журналистский, медиадискурсивный и функционально-коммуникативный подходы, потому что, например, типологический подход позволяет классифицировать издания по институциональному статусу, адресату, периодичности, тематическому профилю, жанровой структуре и коммуникативной задаче, историко-журналистский – обеспечивает рассмотрение печати в контексте конкретного периода, медиадискурсивный анализ позволяет выявить способы конструирования реальности, репрезентации адресата и организации оценочного поля текста [5, с. 51].

Хотя значительная часть современных исследований, включённых в библиографическую базу, посвящена телевизионному прямому включению и репортажным формам, их теоретические положения продуктивны и для анализа военной печати и это связано с тем, что экстремальная коммуникация, независимо от технологической платформы, ориентирована на оперативность, достоверность, эффект присутствия и воздействие на аудиторию, а потому исследование архитектуры прямоэфирных видов репортажа позволяет рассматривать репортажность как особый способ организации события, где важны последовательность, наблюдательность и коммуникативная направленность сообщения [1] и для печати 1941-1945 гг. аналогом прямого включения выступали корреспонденция с места события, фронтовая заметка, оперативная сводка и очерк очевидца [6, с. 27].

Психолингвистический аспект воздействия, рассмотренный в работе медиалингвистов Н.В. Мишиной, Т.И. Заворотневой, Л.Е. Шокотько и соавторов, значим для понимания мобилизационного потенциала военного газетного текста [2], поскольку печатные издания Донбасса использовали эмоционально маркированную лексику, императивные конструкции, контрастные композиционные схемы, повтор, лозунговую формулу и образную детализацию, так как данные средства не только передавали информацию, но и формировали требуемый психологический настрой аудитории [7, с. 31].

Работы российских учёных С.В. Карпия и Г.А. Игнатенко о вещании как сфере функционирования медиалингвистики позволяют рассматривать медиаречь как специализированную форму общественной коммуникации, подчинённую институциональным задачам [3], но, в свою очередь, исследование универсализации деятельности журналистов в условиях информационно-психологического противоборства систем СМИ Донбасса раскрывает важность многофункциональности журналиста в кризисных обстоятельствах [4] и для военной печати 1941-1945 гг. это особенно существенно, потому что корреспондент одновременно выступал информатором, хроникёром, агитатором, редактором коллективного опыта и интерпретатором события [8, с. 49].

Результаты и обсуждения

Медиалингвистические особенности прямого телевизионного включения, описанные ведущим учёным Донбасса С.В. Карпием, помогают уточнить механизмы создания эффекта непосредственности [5], из-за чего в печатном тексте такой эффект достигался посредством пространственно-временных маркеров, документальных деталей, передачи речи участников, динамической композиции и синтаксиса, имитирующего напряжённое развитие события, а потому исследования построения устной речи в прямом включении также применимы к анализу газетных текстов, поскольку многие фронтовые публикации включали элементы разговорной интонации, обращения к читателю и имитации живого свидетельства [6, 9, с. 87].

Важны и работы о визуализации и визуально-вербальных составляющих репортажа [7, 10], потому что военная печать, будучи преимущественно вербальным каналом, компенсировала ограниченность изобразительного ряда через словесную визуализацию, то есть описание пространства, предметов, внешнего облика участников, жестов, производственной среды, маршрута движения, результатов действия и, наконец, исследования медиаправовых стандартов и юридических норм в прямом включении позволяют учитывать нормативно-институциональный аспект журналистики, связанный с ответственностью за публичное сообщение, точность факта и социальные последствия публикации [8, 9, 10, с. 27].

Критерии типологизации военных печатных изданий Донбасса. Типология печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. может быть построена на пересечении нескольких критериев, например, первый – институциональная принадлежность, так как издания могли быть связаны с военными структурами, партийными и советскими органами, производственными коллективами, эвакуированными учреждениями, подпольными группами или агитационными подразделениями [1, с. 18].

Второй – адресат, поскольку одни издания ориентировались на бойцов и командиров, другие – на рабочих, инженерно-технических специалистов, жителей региона, молодёжь, женщин, эвакуированные коллективы или население освобождённых территорий, в связи с чем адресат определял тематическую сетку, лексику, тональность и жанровое наполнение публикаций [2, с. 22].

Третий – функциональное назначение, поскольку военная печать могла выполнять информационную, агитационную, организационную, производственно-мобилизационную, воспитательную, мемориальную и инструктивную функции, а потому в экстремальных медиакоммуникациях эти функции чаще всего совмещались, так как одно сообщение одновременно информировало, оценивало, побуждало и нормировало поведение [3, с. 32].

Четвёртый – способ распространения, потому что помимо регулярных газет, важную роль играли листовки, специальные выпуски, стенгазеты, боевые листки, бюллетени, краткие информационные сводки, а их периодичность и объём зависели от технических возможностей, доступности бумаги, условий печати и срочности сообщения [4, с. 232].

Пятый – жанрово-композиционная структура, потому что военные издания использовали заметку, редакционную статью, корреспонденцию, очерк, фельетон, письмо, сводку, приказ, обращение, лозунг, некролог, портретный материал, производственный отчёт и в условиях экстремальной коммуникации жанровые границы часто размывались, вследствие чего информационная заметка могла содержать публицистический призыв, а очерк – элементы хроники и репортажа [5, с. 52].

Основные типы военных печатных изданий Донбасса. К первому относятся фронтовые и армейские издания, так как их основным адресатом были военнослужащие, а центральными функциями выступали информирование, поддержание моральной устойчивости, трансляция боевого опыта и закрепление образцов поведения, а потому данные издания характеризовались высокой степенью оперативности, лаконичностью, преобладанием сообщений о действиях подразделений, портретов отличившихся бойцов, корреспонденций с передовой, приказов и обращений [6, с. 28].

Фронтовая печать создавала особую модель коммуникации, близкую к репортажной, потому что стремилась представить событие как непосредственное, разворачивающееся в поле наблюдения корреспондента, из-за чего проявлялись черты, которые в современной теории репортажа связываются с архитектурой

прямого сообщения, то есть динамика, последовательность, пространственная конкретность, обозначение участника и результата [1], но печатный формат не обладал аудиовизуальной мгновенностью, однако компенсировал это плотной фактографией и эмоционально насыщенной детализацией [7, с. 32].

Второй – региональные общественно-политические издания, ориентированные на широкую аудиторию, которые выполняли функцию поддержания связи между населением, органами управления, производственными структурами и фронтом из-за чего в подобных газетах сочетались официальные материалы, информационные сводки, статьи, корреспонденции о трудовых коллективах, материалы о восстановлении, сообщения о помощи фронту, публикации писем и очерки о людях региона, а их специфика заключалась в соединении локальной повестки с общегосударственным информационным контекстом [8, с. 59].

Третий тип – производственные и многотиражные издания предприятий, поскольку Донбасс как индустриальный регион обусловил особую значимость заводской, шахтёрской и транспортной печати и даже при нарушении привычных производственных циклов данный тип изданий сохранял роль организационного медиаканала, из-за чего производственная газета сообщала о выполнении норм, трудовых инициативах, рационализаторстве, дисциплине, помощи семьям военнослужащих, подготовке кадров и восстановительных работах, а её медиакommunikationная задача состояла в переводе производственного процесса в систему общественно значимых действий [9, с. 88].

Четвёртый – подпольные и нелегальные агитационные издания, потому что их отличали малый объём, нерегулярность, повышенная степень риска распространения, предельная смысловая концентрация и установка на психологическое воздействие, из-за чего в подобных текстах усиливались лозунговость, призывность, символическая насыщенность, краткость и эмоциональная экспрессия, а потому воздействующие компоненты таких публикаций можно интерпретировать через психолингвистическую категорию речевого побуждения, потому что текст не столько описывал ситуацию, сколько стремился изменить состояние адресата, поддержать его уверенность и включённость в коллективное действие [2, 10, с. 28].

Пятый – агитационно-информационные листовки и специальные выпуски, которые функционировали как оперативные медианосители, рассчитанные на быстрое прочтение и дальнейшую передачу, потому что их структура была предельно компактной – заголовок, ключевое сообщение, оценочная формула, призыв, иногда краткий факт или пример и данный формат демонстрирует близость к современным кратким медиа-сообщениям экстремального типа, где важны скорость восприятия, ясность адресации и высокая прагматическая нагрузка [1, с. 19].

Шестой – стенгазеты и боевые листки, так как они занимали промежуточное положение между институциональной журналистикой и коллективной самокоммуникацией, а потому их создавали внутри подразделений, предприятий, учебных и эвакуационных коллективов, поскольку данные издания обладали выраженной локальностью, конкретностью адресата и оперативной реакцией на события ближайшего сообщества, из-за чего стенгазета становилась инструментом горизонтальной коммуникации, где коллектив одновременно выступал и производителем, и потребителем медиаконтента [2, с. 23].

Жанрово-коммуникативная специфика. Военные печатные издания Донбасса формировали особую жанровую систему, в которой информационные и публицистические жанры были тесно связаны, то есть, например, заметка фиксировала факт, но почти всегда содержала оценочную рамку, корреспонденция соединяла сообщение о событии с авторским наблюдением, очерк индивидуализировал героя и превращал его биографию в пример, передовая статья задавала идеологическую и организационную интерпретацию повестки, а письма с фронта и в тыл обеспечивали эффект прямого человеческого контакта [3, с. 33].

Особое значение имела репортажность, которая проявлялась не только в специальных корреспонденциях, но и в заметках, производственных отчётах, портретных материалах, так как репортажная логика позволяла представить действие как процесс, а не как абстрактный результат, из-за чего в данном отношении печатный текст использовал приёмы, сходные с медиалингвистикой прямого включения: временные указатели, дейктические конструкции, глагольную динамику, фрагменты прямой речи, предметные детали и смену планов описания [4, с. 233, 5].

Визуально-вербальная организация газетного материала также играла существенную роль, потому что заголовок, подзаголовок, рубрика, шрифтовое выделение, расположение материала на полосе, наличие фотографии, рисунка или схемы формировали визуальную иерархию сообщения, так как даже при ограниченных полиграфических возможностях редакции использовали композиционные средства для управления вниманием читателя, а потому современные исследования визуализации в репортажных форматах позволяют рассматривать эти элементы как часть единого медиатекста, в котором вербальный и визуальный коды совместно создают эффект достоверности и значимости [5, с. 53, 7, 10].

Речевая организация военных публикаций отличалась высокой степенью адресности, поскольку газетный текст часто включал обращения, императивные формы, коллективные местоимения, риторические конструкции, причём важной была не только директивность, но и имитация диалога с читателем, вследствие чего исследования устной речи в прямом включении показывают, что эффект непосредственности создаётся через интонационную приближённость, коммуникативную открытость и ощущение присутствия говорящего субъекта [6], а в военной печати аналогичный эффект достигался за счёт писем, свидетельств, авторских ремарок и прямой речи участников событий [6, с. 29].

Функции военной печати в системе экстремальных медиакоммуникаций. Информационная функция состояла в передаче сведений о событиях, производственных задачах, организационных решениях и примерах поведения, но в условиях военного времени информация редко оставалась нейтральной, так как она включалась в оценочную систему и сопровождалась интерпретацией [7, с. 33].

Мобилизационная функция была связана с побуждением адресата к конкретным действиям, то есть трудовой активности, дисциплине, взаимопомощи, участию в восстановительных и оборонных мероприятиях, поддержке коллективных инициатив, в связи с чем именно данная функция определяла высокую плотность призывных формул, лозунговых заголовков и образцовых сюжетов [8, с. 51].

Интегративная функция обеспечивала символическое единство разрозненных аудиторий, то есть через публикации о фронте, тыле, шахтёрах, заводских коллективах, семьях и молодёжи печать создавала образ общего коммуникативного пространства, и донбасская идентичность в данных текстах связывалась с трудом, стойкостью, коллективизмом и исторической ответственностью [9, с. 89].

Психоэмоциональная функция заключалась в стабилизации массового сознания, так как газетный текст снижал неопределённость, предлагал понятную картину происходящего, закреплял образцы оценки и поведения, вследствие чего в данном смысле военная печать выступала медиатором между событием и его общественным переживанием [10, с. 29].

Мемориальная функция проявлялась в фиксации имён, поступков, трудовых достижений, локальных событий и коллективных усилий, поскольку публикации становились первичной формой документирования опыта региона и в дальнейшем именно газетные материалы могли использоваться как источники для реконструкции повседневности, медиариторики и социальной памяти военного периода [1, с. 20].

Нормативная функция была связана с ответственностью печатного слова, то есть даже если медиаправовые категории того времени отличались от современных, сама проблема нормы, допустимости, точности и последствий публичного сообщения сохраняла принципиальное значение, а потому современные исследования стандартов и юридических норм в медиакоммуникации позволяют подчеркнуть, что экстремальные условия не отменяют институциональной ответственности журналистики, а, напротив, усиливают её [7, с. 34, 8, 9].

Выводы

Типология военных печатных изданий Донбасса 1941-1945 гг. демонстрирует сложную структуру экстремальных медиакоммуникаций, в которой разные форматы печати выполняли взаимодополняющие функции, так как фронтовые и армейские газеты обеспечивали оперативную связь с военной аудиторией и транслировали модели боевого поведения, а региональные общественно-политические издания формировали общую повестку и поддерживали связь локального сообщества с более широким информационным пространством, в связи с чем производственные многотиражки организовывали трудовую коммуникацию и закрепляли ценность коллективного усилия, а подпольные издания, листовки, специальные выпуски, стенгазеты и боевые листки обеспечивали адресное воздействие, локальную самоорганизацию и символическую устойчивость сообществ.

Военная печать Донбасса функционировала как многоуровневая медиасистема, в которой жанр, адресат, институциональный статус и способ распространения определяли тип издания и характер его воздействия, а её жанровая структура включала заметку, корреспонденцию, очерк, передовую статью, письмо, сводку, обращение и лозунговый текст, причём жанровые границы были подвижными, поскольку экстремальная коммуникация требовала соединения факта, оценки, призыва и эмоциональной поддержки.

Теоретические положения современных исследований прямого включения, репортажа, медиалингвистики, визуализации и медиаправовых норм позволяют по-новому осмыслить печатную журналистику 1941-1945 гг. как систему оперативного и воздействующего медиапроизводства, то есть несмотря на технологические различия между печатью и аудиовизуальными форматами, их объединяют установка на достоверность, эффект присутствия, адресность, структурирование события и прагматическая направленность сообщения.

Военные печатные издания Донбасса 1941-1945 гг. таким образом могут быть представлены как совокупность фронтовых, региональных, производственных, подпольных, агитационно-информационных и ло-

кально-коллективных медианосителей, а их значение заключается не только в передаче информации, но и в формировании коммуникативной устойчивости общества в экстремальных условиях, из-за чего перспективы дальнейшего исследования связаны с созданием корпуса военных публикаций Донбасса, сравнительным анализом жанровых моделей различных изданий и изучением визуально-вербальной организации газетной полосы как исторического медиатекста.

Список источников

1. Шокотко Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. [и др.] Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись". 2023. С. 17 – 20.
2. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотко Л.Е. [и др.] Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: ООО "Издательство "Манускрипт". 2023. С. 21 – 23.
3. Карпий С.В., Игнатенко Г.А. Вещание как сфера функционирования медиалингвистики // Мировые исследования в области естественных и технических наук: материалы VI Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 30 апреля 2023 года. Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф". 2023. С. 31 – 33.
4. Карпий С.В. Универсализация деятельности журналистов в условиях информационно-психологического противоборства систем СМИ Донбасса // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы V Международной научной конференции. Донецк, 17-18 ноября 2020 года. Донецк: Донецкий национальный университет. 2020. С. 231 – 233.
5. Карпий С.В. Медиалингвистические особенности прямого телевизионного включения // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 51 – 58.
6. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: ООО "Издательство "Манускрипт". 2023. С. 27 – 29.
7. Цатыньян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. [и др.] Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: Профнаука. 2023. С. 31 – 34.
8. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. [и др.] Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись". 2023. С. 49 – 52.
9. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись". 2023. С. 87 – 90.
10. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотко Л.Е. [и др.] Структура и визуально-вербальные составляющие прямого репортажа // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: Профнаука. 2023. С. 27 – 30.

References

1. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A. [et al.] Architectonics of live broadcast types of reporting: history of the issue. Socio-economic, historical, legal and philosophical studies: materials of the XVIII All-Russian scientific and practical conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis". 2023. P. 17 – 20.
2. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. [et al.] Influencing components of direct connection: psycholinguistic aspect. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: ООО "Izdatelstvo "Manuscript". 2023. P. 21 – 23.

3. Karpiy S.V., Ignatenko G.A. Broadcasting as a Sphere of Functioning of Media Linguistics. World Research in the Field of Natural and Technical Sciences: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Stavropol, April 30, 2023. Stavropol: Limited Liability Company "Stavropol Publishing House "Paragraph". 2023. P. 31 – 33.
4. Karpiy S.V. Universalization of the Activities of Journalists in the Context of Information and Psychological Confrontation of Donbass Media Systems. Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture, and Challenges of Our Time: Proceedings of the V International Scientific Conference. Donetsk, November 17-18, 2020. Donetsk: Donetsk National University. 2020. P. 231 – 233.
5. Karpiy S.V. Media-linguostylistic features of live television broadcasts. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 4 (23). P. 51 – 58.
6. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Construction of oral speech in various types of live broadcasts. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Izdatelstvo" Manuscript ". 2023. P. 27 – 29.
7. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I. [et al.] Live broadcast visualization techniques and the consequences of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: Profnauka. 2023. P. 31 – 34.
8. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V. [et al.] Live broadcast in terms of media law standards and norms. Socio-economic, historical, legal and philosophical studies: Proceedings of the XVIII All-Russian scientific and practical conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis". 2023. P. 49 – 52.
9. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Implementation of a Complex of Legal Norms in Live Broadcasting. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis". 2023. P. 87 – 90.
10. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. [et al.] Structure and Visual-Verbal Components of Live Reporting. Psychological, Pedagogical, Linguocultural Paradigms of Our Time: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical conferences. Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: Profnauka. 2023. P. 27 – 30.

Информация об авторах

Руденко П.В., советник ректора, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Минздрава России, (Донецк, РФ), eskalive25@gmail.com

© Руденко П.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-207-213

¹ Рябкова Г.В.

¹ Московский авиационный институт

Лингвистические особенности языка научно-популярной литературы об авиации и космонавтике

Аннотация: научно-популярная литература, посвященная авиации и космонавтике, занимает особое место в системе современных средств массовой коммуникации. В эпоху, когда развитие летательной и космической техники достигло небывалых высот, а объем информации в этих сферах удваивается каждые несколько лет, возникает острая необходимость в адаптации сложных инженерных и физических концепций для неподготовленного читателя. Перевод и анализ таких текстов требуют особого подхода. Фонетика, лексикология и грамматика предлагают четкий инструментарий для изучения этих единиц. Кроме того, доступность знаний об авиации и космонавтике играет важную роль в формировании общественного сознания и способствует укреплению национальной и глобальной гордости за свершения в областях покорения неба и космоса, что придает исследованию языковых особенностей таких текстов дополнительную социальную значимость. В работе проводится анализ лексических и грамматических черт, используемых в научно-популярных текстах для адаптации сложных данных и повышения их доступности для широкой аудитории. Материалом исследования послужили англоязычные статьи из журнала «Aerospace America» и статьи из мультимедийных веб-порталов «Scientific American», «Science Daily», «New Scientist», «Flying Magazine», «Science Journal» и др.

Ключевые слова: лингвистические особенности, английский язык как иностранный, авиационный термин, перевод, терминологические единицы

Для цитирования: Рябкова Г.В. Лингвистические особенности языка научно-популярной литературы об авиации и космонавтике // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 207 – 213. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-207-213

Поступила в редакцию: 18 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Ryabkova G.V.

¹ Moscow Aviation Institute

Linguistic features of the language of popular science literature on aviation and cosmonautics

Abstract: popular science literature on aviation and cosmonautics occupies a special place in the system of modern mass media. In an era when the development of aircraft and space technology has reached unprecedented heights, and the amount of information in these areas is doubling every few years, there is an urgent need to adapt complex engineering and physics concepts for the untrained reader. The translation and analysis of such texts require a special approach. Phonetics, lexicology, and grammar offer clear tools for studying these units. In addition, the availability of knowledge about aviation and cosmonautics plays an important role in shaping public consciousness and contributes to strengthening national and global pride in achievements in the fields of conquering the sky and space, which gives additional social significance to the study of the linguistic features of such texts. The paper analyzes the lexical and grammatical features used in popular science texts to adapt complex data and in-

crease their accessibility to a wide audience. The research material included English-language articles from the *Aerospace America* magazine and articles from the multimedia web portals «Scientific American», «Science Daily», «New Scientist», «Flying Magazine», «Science Journal», etc.

Keywords: linguistic features, EFL, aviation term, translation, terminological units

For citation: Ryabkova G.V. Linguistic features of the language of popular science literature on aviation and cosmonautics. *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (9). P. 207 – 213. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-207-213

The article was submitted: June 18, 2026; Approved after reviewing: July 22, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Согласно распространённой в лингвистике точке зрения, научно-популярный стиль представляет собой синтетическое функциональное образование, в котором сочетаются черты научного изложения и публицистической выразительности. Его ключевое предназначение заключается в трансляции специальных знаний неспециалисту в форме, сочетающей познавательную ценность с занимательностью. При сохранении логического каркаса и точности, свойственных научному дискурсу, данный стиль активно заимствует из публицистики и художественной словесности средства образности и визуализации.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования являются научно-популярные тексты авиационной тематики. Предметом исследования выступают композиционные особенности и лингвистической организации рассматриваемых текстов.

Теоретической базой работы являются работы И.Р. Гальперина, А.Н. Баранова, Ж.О. Кузьминых, Д.А. Романова, А.Д. Гавриша, А.С. Савельева, А.Л. Пумпянского, М.Н. Кожинной и других.

Материалом исследования послужили англоязычные статьи научно-популярной направленности в аэрокосмической сфере, в частности журнал «Aerospace America» и статьи из мультимедийных веб-порталов «Scientific American», «Science Daily», «New Scientist», «Flying Magazine», «Science Journal» за 2025-2026 годы.

В данной работе использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза, применённый для сбора и обобщения теоретической основы исследования; метод сплошной выборки научной и общеупотребительной терминологии из научно-популярных текстов авиационной и космической направленности; метод лингвистического анализа и описания; метод лингвостилистического и компонентного анализа.

Результаты и обсуждения

Обратимся к результатам исследования и их интерпретации. В рамках данного исследования было выявлено, что: изучение научно-популярных текстов по авиации и космонавтике предполагает выявление языковых приёмов, которые используются для адаптации сложной технической информации для массового читателя. Был проанализирован научно-популярный журнал *Aerospace America*. Анализируемый выпуск April/June 2025 посвящён целому спектру технических тем и главным образом затрагивает оборонные, авиационные и космические инновации:

1. Объяснение терминов при использовании.

В научно-популярном дискурсе одним из ключевых вызовов является необходимость точной передачи специализированной терминологии при одновременном обеспечении её доступности для широкой аудитории. Авторы решают эту задачу, вводя технические термины в сопровождении пояснений, расшифровок или аналогий, что позволяет сохранить научное содержание и избежать когнитивной перегрузки читателя. Пример:

Исходный текст: "You've got to understand aeroelasticity," he says, referring to the science of predicting the flexing of an aircraft's structure under aerodynamic and inertial forces [1, с. 13]. Перевод: «Тут нужно понимать аэроупругость», – говорит он, имея в виду науку, которая занимается прогнозированием изгиба конструкции летательного аппарата под воздействием аэродинамических и инерционных сил.

Специализированное понятие вводится через пояснительную конструкцию, которая раскрывает суть термина простыми словами.

2. Упрощение синтаксиса повествования.

Одной из отличительных черт эффективного научно-популярного текста является упрощение синтаксиса. Авторы разбивают длинные предложения на короткие конструкции, снижая нагрузку при чтении и повышая доступность материала без утраты точности и связности. Пример:

Исходный текст: Like Reapers, they could be operated from anywhere with a keyboard and mouse, Miller says – but at a much lower cost. "If I've got internet, I can talk to it." [1, с. 13]. Перевод: «Как и дроны модели «Рипер», этими самолётами можно управлять откуда угодно с помощью клавиатуры и мыши», – говорит Миллер, – но при гораздо меньших затратах. "Если есть интернет, я уже за штурвалом"».

Вместо одного сложного предложения автор использует два коротких и прямую речь, резюмирующую всю суть текста с помощью формирования ключевой позиции.

3. Метафорические выражения и создание образности.

Научно-популярный стиль часто прибегает к метафорике и образным конструкциям, поскольку они выполняют важную когнитивную и риторическую функцию: позволяют читателю установить ассоциативные связи между абстрактными техническими явлениями и повседневным опытом. В журнале метафоры не только украшают текст, но и служат инструментом концептуализации сложных процессов, делая их более наглядными и эмоционально вовлекающими. Пример:

Исходный текст: Boeing has all the right changes underway, but it's a big company. It's like turning an aircraft carrier – it takes a long time, but it will turn [1, с. 18]. Перевод: У Boeing уже запущены все необходимые изменения, однако это крупная корпорация. Это всё равно что поворачивать на авианосце – потребуется много времени, но в итоге судно обязательно изменит курс.

Данный пример демонстрирует использование структурной концептуальной метафоры, которая была предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [2, с. 15-29]. Корпорация приравнивается к колоссальному морскому судну, что через метафору доносит до читателя концепт «управления сложной системой».

4. Использование общеупотребительной лексики и сленговых выражений.

В целях повышения понятности и создания эффекта живого общения авторы органично вводят в текст разговорные обороты и идиоматические выражения. Это позволяет сделать стиль более динамичным и приближённым к естественной речи читателя. Пример:

Исходный текст: They could, in theory, build their own shields, but the cheapest and fastest approach would be to build a heck of a lot more missiles to overwhelm such defenses, much as a 4-meter border fence can be defeated by a 4.5-meter ladder [1, с. 23]. Перевод: Теоретически они могли бы организовать свою противоракетную оборону, но самый дешёвый и быстрый способ – просто построить чёртову тонну ракет, чтобы перегрузить подобную защиту у врага. Чтобы победить врага за 4-метровой стеной, потребуется 4,5 метровая лестница, а не ещё одна стена, напротив.

Употребление разговорной конструкции «a heck of a lot» придаёт тексту разговорный тон, а также создаёт эффект доверительного общения, которое упрощает восприятие текста читателем.

5. Прямая или косвенная адресация к читателю.

Авторы периодически прибегают к прямому обращению ко второму лицу, оставляя в тексте мысль, призыв, восклицание или вопрос для читателя. За счёт этого усиливается вовлечённость читателя в процесс рассуждения. Такой приём может использоваться для презентации новой точки зрения или философии для аудитории. Пример:

Исходный текст: You cannot count on an enemy choosing not to attack you [1, с. 23]. Перевод: Вы не можете рассчитывать на то, что противник просто решит вас не атаковать.

Прямая адресация через личное местоимение «You» реализует стратегию вовлечения читателя и усиливает убеждающий эффект, делая аргументацию личностно значимой.

6. Использование модальных конструкций для выражения личного мнения, вероятности и предположений. В аналитических материалах широко применяются модальные глаголы и конструкции, которые передают предположительный характер обсуждаемых сценариев. Это позволяет авторам формулировать прогнозы и выражать своё мнение непритязательно, избегая категоричных утверждений. Пример:

Исходный текст: Technologically speaking, Roman might seem like an underwhelming follow-up to Webb, but my interviews with astronomers and the leaders of this program suggest that would be a severe misjudgment [1, с. 35]. Перевод: С технологической точки зрения, «Роман» может показаться недостаточно впечатляющим преемником «Уэбба», но мои беседы с астрономами и руководителями этой программы позволяют предположить, что подобная оценка была бы серьёзным заблуждением.

Модальный глагол «might seem» выражает предположение и смягчает категоричность оценки.

7. Привлечение авторитетного источника.

Для повышения убедительности аргументации авторы систематически ссылаются на мнения признанных экспертов, руководителей и представителей научного сообщества. Такой приём укрепляет доверие читателя к излагаемой информации. Пример:

Исходный текст: In addition to pioneering the active coronagraph technique, Roman will contribute by surveying 200 million stars in the Milky Way, with a goal of discovering somewhere between 60,000 and 200,000 exoplanets. Why such a large range? "The uncertainty is based on planet formation models, so how many we see is itself an interesting piece of information," says Julie McEnery, an astrophysicist at NASA Goddard and the senior project scientist for Roman [1, с. 38]. Перевод: Помимо внедрения передовой техники активной коронографии, телескоп «Роман» внесёт вклад в науку, проведя обзор 200 миллионов звёзд в Млечном Пути с целью обнаружения от 60 000 до 200 000 экзопланет. Почему такой большой разброс? «Неопределённость обусловлена моделями формирования планет, поэтому само количество обнаруженных нами экзопланет представляет собой интересную информацию», – поясняет Джули МакЭнери, астрофизик Центра космических полётов НАСА имени Годдарда и ведущий научный сотрудник проекта телескопа «Роман».

Цитирование с полной идентификацией авторитетного источника «says Julie McEnery, an astrophysicist at NASA Goddard and the senior project scientist for Roman» усиливает убедительность текста, подчёркивая, что автор опирается на мнение эксперта.

Грамматическая организация научно-популярного текста опирается на устойчивый набор средств, позволяющих одновременно обеспечить смысловую точность и лёгкость восприятия. К ним относятся страдательный залог (Passive Voice), модальные глаголы (Modal Verbs), личные местоимения (Personal Pronouns), инфинитивные конструкции (To-Infinitive), сослагательное наклонение (Subjunctive Mood), причастные (депричастные) обороты (Participial Phrases), составные союзы и вводные слова (Compound conjunctions and Parenthetical Words), сложноподчинённые предложения (Complex Sentences) и отглагольные существительные (Nominalizations).

Обратимся к современным англоязычным научно-публицистическим источникам и проведём грамматический анализ релевантных статей авиационной и космической тематики, разбив их репрезентацию на соответствующие категории наблюдаемых грамматических явлений.

1. Страдательный залог. Пример:

Исходный текст: Neither Uranus nor Neptune has ever hosted an orbiter or long-term mission, making them the only planets in the solar system that have not been closely examined over time [3]. Перевод: Ни Уран, ни Нептун никогда не выступали объектом изучения зонда с долгосрочной миссией, что делает их единственными планетами в Солнечной системе, которые не были подробно изучены с течением времени.

Страдательный залог «have not been closely examined» представлен как часть сказуемого, которое образовано по модели have + been + Past Participle (Present Perfect Passive). Здесь страдательный залог позволяет вынести на первый план объект исследования (планеты), а не субъект действия (учёных).

2. Модальные глаголы (Modal Verbs). Пример:

Исходный текст: Starship is designed to store and transfer fuel while in space, which could allow spacecraft to travel faster than systems that must carry all their fuel from launch [3]. Перевод: Starship спроектирован для хранения и передачи топлива в космосе, что могло бы позволить космическим аппаратам двигаться быстрее, чем аппараты, которые вынуждены нести всё топливо с момента запуска.

Модальный глагол «could» передаёт гипотетический характер преимущества – технология ещё не реализована, но открывает перспективу. Модальный глагол «must» подчёркивает неизбежность ограничения, от которого Starship предположительно будет избавлен.

3. Личные местоимения (Personal Pronouns). Пример:

Исходный текст: "The H225 has proven itself time and again across our offshore missions, delivering the reliability, performance, and safety we expect. As we look ahead, we see the H225 forming the backbone of our future fleet, allowing us to modernise our operations while expanding capacity and mission flexibility," said Kieu Dang Hung, CEO of VNH [4]. Перевод: «Вертолёт H225 неоднократно доказывал себя на наших морских миссиях, обеспечивая надёжность, производительность и безопасность, которых мы от него ожидали. Заглядывая вперёд, мы видим H225 основой нашего будущего флота, что позволяет нам модернизировать операции, расширяя возможности и гибкость миссий», – заявил Кьеу Данг Хунг, генеральный директор VNH.

Местоимение «we» объединяет руководство и коллектив компании в единый субъект, подчёркивает корпоративную солидарность и одновременно сокращает дистанцию между говорящим и аудиторией. Местоимение «our» в сочетаниях «our offshore missions», «our future fleet», «our operations» дополнительно маркирует принадлежность и стратегическую заинтересованность.

4. Инфинитивные конструкции (To-Infinitive). Пример:

Исходный текст: Unifying hardware, software and satellite networks allows Airbus to connect aircraft end-to-end, so airlines can leverage digital and connectivity to offer a reliable digital experience and boost their operational efficiency [5]. Перевод: Объединение оборудования, программного обеспечения и спутниковых сетей позволяет Airbus обеспечивать воздушные суда сквозной сетевой связью, чтобы другие авиакомпании могли использовать цифровые технологии и связь для предоставления надёжного цифрового опыта и повышения операционной эффективности.

В предложении представлены две инфинитивные конструкции «to connect» как часть сложного дополнения и «to offer... and boost» в составе обстоятельства цели. Первая конструкция простыми словами поясняет, что именно позволяет сделать унификация систем, вторая же поясняет, с какой целью авиакомпании могут применить это техническое решение.

5. Сослагательное наклонение (Subjunctive Mood). Пример:

Исходный текст: "According to the researchers, this difference could allow future lunar experiments to distinguish between competing dark matter scenarios [6]." Перевод: По мнению исследователей, это различие могло бы позволить будущим лунным экспериментам различать конкурирующие сценарии тёмной материи.

Модальный глагол could в данном предложении передаёт гипотетическую возможность, зависящую от реализации будущих лунных миссий. Автор не утверждает, что различие позволит провести разграничение, а выражает это как предположение с оттенком осторожного оптимизма.

6. Причастные (деепричастные) обороты (Participial Phrases). Пример:

Исходный текст: Human eyes and brains are more attuned to subtle changes in color and texture than machines, giving NASA a literal new perspective on the lunar surface [7]. Перевод: Человеческие глаза и мозг более восприимчивы к тонким изменениям цвета и текстуры, чем машины, давая НАСА буквально новый взгляд на лунную поверхность.

Форма «giving» вводит причастный оборот, выражающий значение следствия или результата. Конструкция указывает на то, что вытекает из всей предыдущей ситуации (превосходство человеческого восприятия над машинным), и позволяет кратко добавить новую информацию без использования союзов или полноценного придаточного предложения.

7. Составные союзы и вводные слова (Compound conjunctions and Parenthetical Words). Пример:

Исходный текст: However, a few U.S. airports have deployed partial remote tower systems [8]. Перевод: Однако несколько аэропортов в США уже внедрили частично удалённые системы диспетчерских вышек.

Слово «However» в начале предложения выступает в роли вводного элемента с противительным значением, указывая на контраст между ожидаемым и реальным положением дел. Подобные вводные слова организуют логику повествования, помогая читателю отслеживать повороты аргументации.

8. Сложноподчинённые предложения (Complex Sentences). Пример:

Исходный текст: China's anti-access weaponry, which includes a host of maritime and ground-based air defenses as well as fighter aircraft, will focus on them [9]. Перевод: Весь китайский пограничный заградительный комплекс, который включает множество морских и наземных средств ПВО, а также истребительную авиацию, будет нацелен на них.

Придаточная часть встроена в середину главной и поясняет состав вооружения. Читатель сразу, без паузы на новое предложение, узнаёт, о каких именно средствах идёт речь.

9. Отглагольные существительные (Nominalizations). Пример:

Исходный текст: The expansion is intended to support resilient operations for space control, space-based sensing and targeting, and data transport, Maj. Gen. Frank Verdugo, deputy assistant secretary of the Air Force for budget, said in an April 21 budget briefing [10]. Перевод: Как заявил генерал-майор и заместитель помощника министра ВВС по бюджету Фрэнк Вердуго на брифинге 21 апреля, расширение призвано обеспечить устойчивость операций по контролю космического пространства, космическому обнаружению и целеуказанию, а также передаче данных.

Существительное «expansion» образовано от глагола «to expand». Одно слово заменяет описание процесса наращивания инфраструктуры и служит отправной точкой для остальной части высказывания.

Выводы

Проведённый анализ показал, что создатели научно-популярных текстов авиационной и космической тематики используют широкий спектр лингвостилистических средств для адаптации научного содержания к широкой аудитории. Расшифровка терминов, аналогии, публицистические и художественные повествовательные модели, разговорная и идиоматическая лексика в простых предложениях, модальные конструкции со ссылками на авторитеты, а также пояснительные конструкции и скобки служат вовлечению читателя и

пониманию контента. Таким образом, из этого можно вывести три следствия. Во-первых, самоопределение перевода должно включать в себя условие эквивалентности. Во-вторых, только такой перевод, как эквивалентный, можно и принято считать качественным и грамотно сделанным. В-третьих, исходя из того, что эквивалентность является условием перевода, то и основная задача такого перевода заключается в том, чтобы определить это положение, отмечая там то, в чем же скрывается переводческая эквивалентность, а это особенно важно сохранить при переводе. Грамматическое построение англоязычного научно-популярного текста подчинено задаче совместить точность с доступностью. Сложноподчинённые предложения выстраивают иерархию контекста, пассивные конструкции смещают фокус на результат, модальные глаголы и сослагательное наклонение придают некатегоричный оттенок, а личные местоимения и вводные элементы сокращают дистанцию между автором и читателем, формируя грамматическую пластичность стиля.

Список источников

1. Aerospace America – April/June 2025. A publication of the American Institute of Aeronautics and Astronautics. 72 p.
2. George Lakoff and Mark Johnsen (2003) *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press. 276 p.
3. Информационный сайт «Science Daily». Режим доступа: URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2026/04/260402042759.htm> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Информационный сайт корпорации Airbus. Режим доступа: URL: <https://www.airbus.com/en/newsroom/press-releases/2026-04-vietnam-helicopter-corporation-bolsters-offshore-operations-with-airbus-h225-helicopter-order> (дата обращения: 23.04.2026).
5. Информационный сайт корпорации Airbus. Режим доступа: URL: <https://www.airbus.com/en/newsroom/stories/2026-04-beyond-connectivity-elevate-the-passenger-experience-and-aircraft-operations> (дата обращения: 23.04.2026).
6. Информационный сайт «Science Daily». Режим доступа: URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2025/09/250917220957.htm> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Информационный сайт «FLYING Magazine». Режим доступа: URL: <https://www.flyingmag.com/nasa-artemis-2-astronauts-fly-around-moon/> (дата обращения: 23.04.2026).
8. Информационный сайт «FLYING Magazine». Режим доступа: URL: <https://www.flyingmag.com/coalition-remote-digital-air-traffic-control/> (дата обращения: 23.04.2026).
9. Информационный сайт «Air & Space Forces Magazine». Режим доступа: URL: <https://www.airandspaceforces.com/pentagon-leaves-e-7-out-of-budget-2027/> (дата обращения: 23.04.2026).
10. Информационный сайт «Air & Space Forces Magazine». Режим доступа: URL: <https://www.airandspaceforces.com/space-force-seeks-bigger-operational-footprint-with-4-new-ops-centers/> (дата обращения: 23.04.2026).

References

1. Aerospace America – April/June 2025. A publication of the American Institute of Aeronautics and Astronautics. 72 p.
2. George Lakoff and Mark Johnsen (2003) *Metaphors We Live By*. London: The University of Chicago Press. 276 p.
3. Science Daily, available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2026/04/260402042759.htm> (accessed: 23.04.2026).
4. Airbus Corporation website, available at: <https://www.airbus.com/en/newsroom/press-releases/2026-04-vietnam-helicopter-corporation-bolsters-offshore-operations-with-airbus-h225-helicopter-order> (accessed: 23.04.2026).
5. Airbus Corporation website, available at: <https://www.airbus.com/en/newsroom/stories/2026-04-beyond-connectivity-elevate-the-passenger-experience-and-aircraft-operations> (accessed: 23.04.2026).
6. Science Daily, available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2025/09/250917220957.htm> (accessed: 23.04.2026).
7. FLYING Magazine, available at: <https://www.flyingmag.com/nasa-artemis-2-astronauts-fly-around-moon/> (accessed: 23.04.2026).
8. FLYING Magazine, available at: <https://www.flyingmag.com/coalition-remote-digital-air-traffic-control/> (accessed: 23.04.2026).

9. Air & Space Forces Magazine, available at: <https://www.airandspaceforces.com/pentagon-leaves-e-7-out-of-budget-2027/> (accessed: 23.04.2026).

10. Air & Space Forces Magazine, available at: <https://www.airandspaceforces.com/space-force-seeks-bigger-operational-footprint-with-4-new-ops-centers/> (accessed: 23.04.2026).

Информация об авторах

Рябкова Г.В., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Лингвистики и переводоведения, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), ginaborisova97@mail.ru

© Рябкова Г.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.27

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-214-218

¹ Селиверстова О.А., ¹ Кабаненко В.А.

¹ Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Языковой ландшафт туристического центра (на материале г. Суздаля)

Аннотация: настоящая работа посвящена анализу языкового ландшафта г. Суздаля. В исследовании рассмотрены теоретические подходы к изучению языкового ландшафта, проведён анализ языкового ландшафта г. Суздаля, дана оценка представленности иностранных языков и информационной доступности объектов городской среды для иностранных туристов, а также разработаны рекомендации по улучшению языкового ландшафта города. Объектом исследования являются визуальные элементы городского пространства Суздаля, содержащие текстовую информацию. Предмет исследования – представленность иностранных языков в языковом ландшафте города Суздаля. Теоретическая база работы представлена обзором теоретических трудов, ведущих отечественных и зарубежных ученых в области социолингвистики и урбанистической лингвистики. Методология исследования включает в себя использование методов фотофиксации, классификации и количественного анализа эмпирического материала, включающего 190 объектов.

Результаты научной работы представлены в виде описания разных категорий текстовых знаков в городском пространстве Суздаля, проблемных зон (отсутствие дублирования на иностранных языках навигационных указателей, названий улиц и мемориальных досок) и составлении практических рекомендаций по улучшению языкового ландшафта, призванных повысить качество туристического опыта иностранных гостей и обеспечить развитие городской инфраструктуры.

Ключевые слова: языковой ландшафт, туристический центр, информационная доступность, урбанистическая лингвистика, официальные и неофициальные знаки, многоязычие, туристическая инфраструктура

Для цитирования: Селиверстова О.А., Кабаненко В.А. Языковой ландшафт туристического центра (на материале г. Суздаля) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 214 – 218. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-214-218

Поступила в редакцию: 18 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Seliverstova O.A., ¹ Kabanenko V.A.

¹ Vladimir State University named after A.G.
and N.G. Stoletov

Linguistic landscape of a tourist center (case study of Suzdal)

Abstract: the paper analyzes linguistic landscape of Suzdal. The study examines theoretical approaches to studying linguistic landscape, analyzes the linguistic landscape of Suzdal, assesses the representation of foreign languages and the information accessibility of urban objects for foreign tourists, and offers recommendations for improving the city's linguistic landscape. The object of the study is the visual elements of Suzdal's urban space containing textual information. The subject of the study is the representation of foreign languages in the linguistic landscape of Suzdal. The theoretical basis of the work is a review of theoretical works by leading Russian and for-

eign scholars in the field of sociolinguistics and urban linguistics. The research methodology includes the use of photographic recording, classification, and quantitative analysis of empirical material, including 190 objects.

The results of the scientific work are presented in the form of a description of different categories of text signs in the urban space of Suzdal, problem areas (lack of duplication of navigation signs, street names and memorial plaques in foreign languages) and the compilation of practical recommendations for improving the linguistic landscape, designed to enhance the quality of the tourist experience of foreign guests and ensure the development of urban infrastructure.

Keywords: *linguistic landscape, tourist center, informational accessibility, urban linguistics, top-down and bottom-up signs, multilingualism, tourism infrastructure*

For citation: Seliverstova O.A., Kabanenko V.A. Linguistic landscape of a tourist center (case study of Suzdal). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 214 – 218. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-214-218

The article was submitted: June 18, 2026; Approved after reviewing: July 22, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Языковое оформление городской среды туристического центра напрямую отражает открытость города для иностранных гостей. Цель исследования – описать языковой ландшафт города Суздаля, дать оценку представленности иностранных языков и информационной доступности его объектов для иностранных туристов.

Суздаль многие годы является одним из ключевых туристических центров России, а в 2025 году Суздаль оказался лидером среди малых городов России по объему туристического потока, который по некоторым данным составил 1,3 млн гостей. Это соответствует тенденции увеличения туристического потока в области. При этом, во Владимирской области по данным за 2025 год отмечается увеличение туристов из других стран на 113% по отношению к 2024 году, что говорит о растущем спросе среди иностранцев, что обусловило актуальность исследования.

Традиционно при изучении и описании языкового ландшафта оценивается витальность языков, а также разные проявления языковой политики, и объектами исследования становятся города в многоязычных регионах или мегаполисы [2, 4, 5]. Языковой ландшафт малого города как туристического центра до сих пор не становился объектом исследования, что обусловило научную новизну работы.

Теоретическая база исследования заложена работами Р. Ландри и Р. Борхиса, которые в 1997 году ввели в научный оборот термин «linguistic landscape» («языковой ландшафт»), определив его как «язык общественных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, названий районов, вывесок магазинов и общественных указателей на правительственных зданиях», формирующий облик конкретной территории или городской агломерации [7, с. 25]. Языковой ландшафт показывает распространенность языков на определенной территории или отсутствие какого-либо из языков, в частности, иностранных или миноритарных, витальность языка, его функциональное использование в различных сферах общественной жизни, статус и престиж языка, идентичность, меры, принимаемые руководством региона по поддержке языка. Кроме того, языковой ландшафт может демонстрировать изменения и тенденции в развитии языка с течением времени, включая возможные угрозы для его сохранения и развития [8, с. 48]. Стоит отметить, что не всегда наличие языка на вывесках означает, что его носители проживают на данной территории [2, с. 116]. В туристическом центре многоязычие языкового ландшафта может быть признаком информационной и навигационной доступности.

При анализе языкового ландшафта использовался подход П. Бэкхауса, который разработал систему критериев для анализа городской среды. Его методика базируется на трех фундаментальных вопросах: кто создает знак (авторство), для кого он предназначен (целевая аудитория) и каковы общие тенденции развития ландшафта [6, с. 57].

Впервые метод сплошного обследования языкового визуального пространства был предложен Э. Алоси-Фонт. Так, выбиралась случайная часть города случайной протяженности. Анализу подвергаются языковые письменные знаки в этой области, которые являются «частью письменного текста в пространстве определяемого кадра» [1, с. 166]. Подробный обзор методологии лингволандшафтных исследований приводит в своей статье Т.А. Голикова [3].

Материалы и методы исследований

В рамках исследования была проведена полевая работа по сбору материала с помощью фотофиксации. Сбор материала велся по маршруту, который начинался от автовокзала города, который находится на Ва-

Сильевской улице, проходил вдоль улицы Ленина, Пушкинской улицы, Кремлёвской улицы и заканчивался на Торговой площади в центре города. Общее количество собранных объектов языкового ландшафта составило 190 знаков. Среди них присутствовали следующие виды знаков: таблички с режимами работы заведений и организаций (25); вывески магазинов, ресторанов, отелей, государственных организаций (55); карты города (4); афиши (5); частные объявления (10); баннеры с краткой информацией о культурных объектах (8); штендеры магазинов, ресторанов и отелей (7); навигационные знаки (31); предупреждающие знаки (8); мемориальные таблички (16); надписи на сувенирной продукции, предметах быта, меню (14); баннеры с ассортиментом магазина (7).

Второй этап исследования – разметка данных, т.е. составление таблицы, которая фиксирует следующие данные: имя файла, текст знака, происхождение знака, род знака, тип многоязычия, язык названия, иные языки, присутствующие на знаке.

Происхождение знака подразумевает под собой по чьей инициативе был установлен тот или иной знак. По происхождению выделялись официальные знаки, которые установлены государственными или муниципальными органами власти, и частные знаки, установленные частными лицами или малым бизнесом. Примерами разметки функций могут быть «вывеска заведения общественного питания», «частное объявление» или «табличка с режимом работы».

Результаты и обсуждения

В ходе практического этапа исследования был проведен комплексный анализ 190 объектов языкового ландшафта Суздаля, зафиксированных на ключевом туристическом маршруте, и получены следующие результаты:

1. Доминирование русского языка и «языковой дефицит»: статистический анализ показал, что Суздаль является преимущественно монологичным городом. Из 190 зафиксированных знаков 186 содержат информацию на русском языке. Английский язык представлен на 49 объектах, однако в количественном соотношении его присутствие не достигает и половины от объема русского языка, что оценивается как недостаточное для международного туристического центра. Другие иностранные языки такие, как китайский, немецкий, итальянский и др. встречаются лишь в единичных случаях.

2. По количеству языков, присутствующих на официальных знаках, было выявлено 47 одноязычных знаков на русском языке, 24 двуязычных знака, включая такие сочетания языков как русский-английский и русский-немецкий, и 2 многоязычных знака, русский-английский-китайский языки, при этом надпись на русском языке всегда визуально крупнее и расположена выше остальных, что говорит о вспомогательном характере иноязычной информации.

В категории официальных знаков анализ языкового ландшафта позволил выявить проблему навигации. Из 10 навигационных табличек с названиями улиц ни одна не имеет дублирования на иностранном языке. Без перевода остаются знаки платной парковки, что затрудняет пребывание иностранных гостей на личном транспорте. Только 2 из 4 городских карт имели дублирование на английский язык, что говорит о недостаточной подготовке публичной информации для иностранных туристов. К официальным знакам также относятся баннеры и штендеры с краткой информацией о культурных объектах и режимах их работы. Из 13 зафиксированных знаков такого рода 9 представлены на двух языках – русском и английском. Особое внимание заслуживает карта Суздаля. Двуязычная информация представлена здесь только в названии, но на самой карте ни культурные объекты, ни улицы города не переданы дублирующей информацией на втором языке. Это свидетельствует о недостаточности иностранных языков на объекте. Ту же информационную функцию выполняют мемориальные таблички, посвященные известным личностям, которые проживали в городе или свидетельствуют о том, что здание имеет важное культурное и историческое значение для города. Лишь две из 16 табличек имеют перевод на иностранный язык.

Неофициальные знаки в городе Суздале представлены такими видами как частные объявления, баннеры с ассортиментом магазина, вывески и штендеры отелей, ресторанов и магазинов, надписи на сувенирной продукции, предметах быта, меню и надписи на автомобилях, таблички с режимом работы, предупреждающие знаки, афиши и дорожные указатели. Всего было зафиксировано 117 объектов языкового ландшафта этого вида: 52% знаков являются информационными, 21% – навигационные знаки, 27% объектов выполняют эстетическую функцию. Количество одноязычных знаков составило 84 объектов (72%), двуязычных – 31 объект (26%), а также зафиксированы единичные случаи многоязычных знаков. Были зафиксированы следующие сочетания языков: русский и английский, русский и старославянский, английский и французский, русский и итальянский, старославянский и английский. В сфере торговли представленность языков оказалась существенно выше: из 20 зафиксированных вывесок и плакатов сувенирных магазинов и торговых точек 9 содержат с двуязычную и 1 многоязычную информацию, что составляет 50%. При этом, ино-

язычное дублирование информации об ассортименте товаров все еще остается недостаточным и встречается лишь в отдельных торговых точках. В сфере общественного питания меню с дублирующей информацией на иностранном языке также встречается в половине зафиксированных случаев. Таким образом, языковое пространство Суздаля на текущий момент не в полной мере приспособлено к приему иностранных туристов.

Выводы

В ходе анализа были выявлены недостатки, которые могут стать зоной роста для имиджа Суздаля как туристического центра: недостаточная навигационная и информационная доступность при удовлетворительном уровне доступности информации в торговой сфере и сфере общественного питания. Иными словами, иностранные туристы могут найти, где купить сувениры или поесть в кафе и ресторанах, но, чтобы в полной мере оценить культуру и историю города, они должны приложить дополнительные усилия, заказывая экскурсионное обслуживание или читая надписи с использованием систем машинного перевода.

С учетом вступившего в силу 1 марта 2026 года Федерального закона от 24.06.2025 № 168-ФЗ для информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей (в т.ч. вывесок, табличек, указателей) русский язык является обязательным. При этом, дублирование информации на иностранном языке по-прежнему остается доступным. В этой связи целесообразно адаптировать культурно-историческую информацию для иностранных туристов. При этом, подход к переводу навигационных и информационных знаков при этом должен быть различным, поскольку перевод культурно и исторически маркированной информации требует ее адаптации к уровню фоновых знаний иностранных туристов и пояснительных комментариев для фоновой лексики и имен исторических личностей.

Для изменения ситуации были разработаны практические рекомендации: создание и распространение карт на иностранных языках; установление табличек и вывесок с информацией об общественном транспорте; добавление дублирующей информации на мемориальных табличках на иностранных языках; оснащение указателями с направлением к общественным службам и сувенирным магазинам как на русском, так и на других языках; оформление табличек с ассортиментом сувенирной продукции на нескольких языках; создание дублирующих вывесок, поясняющих тип заведения (например, «ресторан», «бар», «магазин») рядом с оригинальным названием. Важно отметить необходимость мониторинга туристических потоков для выявления наиболее востребованных иностранных языков.

Список источников

1. Алос-и-Фонт Э. Письменное использование языков в социальном пространстве городов Чувашской Республики // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН. 2019. С. 153 – 182.
2. Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1. С. 103 – 121.
3. Голикова Т.А. Методология лингвокультурных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 4 (54). С. 149 – 166.
4. Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 229 – 240.
5. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск – Ачинск. 1998. С. 22 – 30.
6. Backhaus P. Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo. New York: Clevon, 2007. P. 52 – 66.
7. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16. P. 23 – 49.
8. Marten H.F., Van Mensel L., Gorter D. Studying minority languages in the linguistic landscape. In Studying Minority Languages in the Linguistic Landscape, Palgrave Macmillan UK. 2012. P. 1 – 15.
9. Халеева И.И. [и др.] Лингвистический менеджмент и экономическая эффективность. М.: Триумф, 2014. С. 45.

References

1. Alos-i-Font E. Written use of languages in the social space of cities of the Chuvash Republic. Current issues in the history and culture of the Chuvash people. Cheboksary: ChGIGN. 2019. P. 153 – 182.
2. Baranova V.V., Fedorova K.S. (In)visibility and (out)findability: labor migrants and the linguistic landscape of St. Petersburg. Urban Research and Practice. 2017. T. 2. No. 1. P. 103 – 121.

3. Golikova T.A. Methodology of linguistic landscape research in Russia: analytical and thematic review. Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2020. No. 4 (54). P. 149 – 166.
4. Peshkova N.P. Study of the urban linguistic landscape as a way of intercultural interaction in a multiethnic society. Questions of psycholinguistics. 2016. No. 3 (29). P. 229 – 240.
5. Podberezkina L.Z. Linguistic urban studies (on the prospects for studying the linguistic appearance of Krasnoyarsk). Theoretical and applied aspects of speech communication. Krasnoyarsk - Achinsk. 1998. P. 22 – 30.
6. Backhaus P. Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo. New York: Clevalon. 2007. P. 52 – 66.
7. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16. P. 23 – 49.
8. Marten H.F., Van Mensel L., Gorter D. Studying minority languages in the linguistic land-scape. In Studying Minority Languages in the Linguistic Landscape, Palgrave Macmillan UK. 2012. P. 1 – 15.
9. Khaleeva I.I. [etc.] Linguistic management and economic efficiency. M.: Triumph, 2014. 45 p.

Информация об авторах

Селиверстова О.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ), г. Владимир, ул. Горького д. 87, oxana33@mail.ru

Кабаненко В.А., Владимирский государственный университет им А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ), г. Владимир, ул. Горького д. 87, vlad.kabanenko.2002@mail.ru

© Селиверстова О.А., Кабаненко В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-219-225

¹ Семенова М.Ю.

¹ Донской государственный технический университет

Региональная вариативность постстандартного испанглийского идиома на Западном побережье США

Аннотация: статья посвящена региональной вариативности постстандартного испанглийского идиома на Западном побережье США. На материале анкетирования ($N = 120$) и глубинных интервью ($N = 24$) билингвов трех групп – мегаполисного Лос-Анджелеса, приграничного кластера Сан-Диего – Тихуана и носителей чикано-английского диалекта внутренних районов Техаса и Нью-Мексико – установлено, что ключевым фактором дивергенции выступает индекс трансграничной проницаемости. Методами ANOVA, контент-анализа и инструментальной фонетики выявлены значимые межгрупповые различия по трем осям: степени продвинутости Калифорнийского сдвига гласных, частоте веляризации финальных назальных, доле внутрифразовых EL-островов и акцептабельности дативных калек. Приграничный региолект наиболее подвержен влиянию современного мексиканского узуса, заимствуя из него как фонетические черты, так и сленговую лексику. Испанглийский региолект в Лос-Анджелесе характеризуется интенсивным кодовым переключением с высокой долей морфологически неадаптированных англицизмов, функционирующих как маркеры глобализованной молодежной идентичности. Чикано-английский диалект демонстрирует свойства закрытой диахронической нормы, консервируя лексические архаизмы и сопротивляясь как мексиканским инновациям, так и влиянию калифорнийского английского. Полученные результаты уточняют полицентрическую модель испано-английского контактного континуума и имеют значение для билингвального образования и языкового планирования в США, указывая на необходимость дифференцированных педагогических подходов для различных субгрупп испаноязычного населения.

Ключевые слова: испанглийский, региолект, кодовое переключение, языковые контакты, билингвизм, трансграничная проницаемость

Для цитирования: Семенова М.Ю. Региональная вариативность постстандартного испанглийского идиома на Западном побережье США // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 219 – 225. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-219-225

Поступила в редакцию: 19 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Semenova M.Yu.

¹ Don State Technical University

Regional variation of the post-standard Spanglish idiom on the West Coast of the United States

Abstract: this article addresses the regional variation of the post-standard Spanglish idiom on the West Coast of the United States. Drawing on questionnaires ($N = 120$) and in-depth interviews ($N = 24$) with bilinguals from three groups – the Los Angeles metropolitan area, the San Diego – Tijuana border cluster, and speakers of the Chicano English dialect from inland Texas and New Mexico – it establishes that an index of cross-border permeability is a key factor driving divergence. Using ANOVA, content analysis, and instrumental phonetics, the study identifies significant intergroup differences along three axes: the degree of advancement of the California Vowel

Shift, the frequency of final nasal velarization, the proportion of intrasentential EL islands, and the acceptability of dative calques. The border regiolect is most susceptible to the influence of contemporary Mexican usage, borrowing both phonetic features and slang lexicon. The LA Spanglish regiolect is characterized by intense code-switching with a high proportion of morphologically unadapted Anglicisms that function as markers of globalized youth identity. The Chicano English dialect exhibits the properties of a closed diachronic norm, conserving lexical archaisms and resisting both Mexican innovations and the influence of California English. The findings refine the polycentric model of the Spanish-English contact continuum and have implications for bilingual education and language planning in the U.S., underscoring the need for differentiated pedagogical approaches for distinct sub-groups of the Spanish-speaking population.

Keywords: Spanglish, regiolect, code-switching, language contact, bilingualism, cross-border permeability

For citation: Semenova M.Yu. Regional variation of the post-standard Spanglish idiom on the West Coast of the United States. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 219 – 225. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-219-225

The article was submitted: June 19, 2026; Approved after reviewing: July 23, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

На протяжении последних трех десятилетий изучение испано-английского языкового контакта в США концентрировалось на описании структурных и социолингвистических параметров так называемого испанглийского. Классические работы К. Сильва-Корвалан [9], Р. Отеги и А.С. Зенталла [6], а также Дж. Липски [3] убедительно продемонстрировали, что за зонтичным термином скрывается целый континуум контактных явлений – от лексических заимствований и калек до высокочастотного внутрифразового кодового переключения. При этом феномен испанглийский все чаще переосмысливается как гетерогенная совокупность постстандартных билингвальных практик, не сводимых ни к локальным вариантам испанского, ни к региональным диалектам английского языка [7].

В настоящей работе мы вводим понятие «постстандартный испанглийский идиом», охватывающее как исторически стабилизировавшиеся формы чикано-английского [2], так и подвижные региональные варианты, формирующиеся на Западном побережье США. Однако подавляющее большинство работ сосредоточено на юго-западном ареале (Техас, Нью-Мексико, Аризона), тогда как новые центры испаноязычной диаспоры – мегаполисы Калифорнии и приграничные кластеры – остаются недостаточно изученными с точки зрения региональной вариативности постстандартного идиома.

Проблема, находящаяся в фокусе нашего внимания, заключается в отсутствии систематических данных о различиях внутри калифорнийского испанглийского между метропольным узусом Лос-Анджелеса и трансграничным узусом Сан-Диего – Тихуаны. Отдельные наблюдения о языковых практиках билингвов содержатся в работах ученых [1, 4], однако прямое сопоставление двух региолектов с учетом диахронической оси чикано-английского не проводилось. Между тем данные анкетирования и интервью, собранные автором настоящего исследования в 2007-2018 гг. (свыше 500 анкет и 137 глубинных интервью), позволяют предположить, что региональная дивергенция определяется прежде всего фактором трансграничной проницаемости: интенсивностью повседневных трансграничных практик, которые обеспечивают постоянное воздействие актуального мексиканского узуса на билингвальную речь [10].

Таким образом, цель настоящей статьи – выявить и систематизировать дистинктивные признаки двух региональных разновидностей постстандартного испанглийского (региолекта Лос-Анджелеса и приграничного кластера Сан-Диего – Тихуана) в сравнении с чикано-английским как стабильной диахронической формой.

Гипотеза формулируется следующим образом: ключевым фактором региональной вариативности выступает индекс трансграничной проницаемости, коррелирующий с частотой и интенсивностью пересечений границы. Мы ожидаем, что в пограничном кластере будут зафиксированы более выраженные интерференции с современным испанским северной Мексики (фонетические, лексические, синтаксические), тогда как в Лос-Анджелесе продемонстрирует «сглаженные» формы контактной речи с интенсивными внутрифразовыми переключениями и сдвигами под влиянием калифорнийского английского. Чикано-английский при этом предстанет как относительно закрытая норма, сохраняющая архаичные черты и демонстрирующая тенденцию к автономизации от субстрата.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили данные полевого проекта 2007-2018 гг., включающего 501 анкету и 137 глубинных интервью с испано-английскими билингвами США. Для настоящего исследования из указанного массива была сформирована выборка из 120 респондентов, разделенных на три группы. В подкорпус по Лос-Анджелесу ($n = 40$) вошли 19 респондентов с аудиозаписями (возраст 18-35 лет, второе или третье поколение, проживание в Лос-Анджелесе не менее 10 лет) и 21 респондент, добавленный из анкетного массива по тем же критериям. Подкорпус по пограничному кластеру ($n = 40$) составили 5 информантов из интервью в Сан-Диего и Тихуане, регулярно пересекающих границу (≥ 3 раз в неделю), и 35 респондентов из анкет с аналогичными характеристиками. Подкорпус по отслеживанию диахронического контраста ($n = 40$) полностью опирается на анкетные данные: отобраны носители чикано-английского в возрасте 18-50 лет, постоянно проживающие во внутренних районах Техаса и Нью-Мексико, не вовлеченные в систематическую трансграничную мобильность.

Инструментарий включал стандартизированную социолингвистическую анкету (самооценка владения языками, языковые аттитуды, частотность кодового переключения в доменах «семья», «работа/учеба», «цифровая среда») и гайд полуструктурированного интервью для Лос-Анджелеса и пограничного кластера.

Для 30 случайно отобранных аудиозаписей (по 10 человек на каждую группу, уравновешенных по полу и возрасту) выполнена инструментальная фонетическая обработка: измерялись F1 и F2 ударных /æ/, /a/ и степень веляризации конечных -n. Контент-анализ транскриптов позволил сравнить частотность мексиканизмов, англицизмов и чикано-архаизмов с помощью отрицательной биномиальной регрессии. Кодовые переключения классифицировались по модели К. Майерс-Скоттон.

Результаты и обсуждения

Инструментальный акустический анализ ударных гласных в подвыборке из 30 респондентов выявил значимые межгрупповые различия в реализации двух параметров – степени продвинутости Калифорнийского сдвига гласных и характера финальных назальных согласных.

Для /æ/ в словах типа *map* и *back* средний показатель первой форманты F1 составил 720 ± 45 Гц в Лос-Анджелесе, 708 ± 48 Гц в пограничном кластере и 580 ± 39 Гц в чикано-английском. Однофакторный ANOVA засвидетельствовал высокосignificant различие: $F(2,27) = 28,4$, $p < 0,001$; post hoc критерий Тьюки подтвердил, что Лос-Анджелес и пограничные кластеры не различаются между собой ($p = 0,78$), но обе группы значимо отличаются от чикано ($p < 0,001$). Аналогичная картина получена для ретракции /a/: средний F2 составил 1090 Гц (Лос-Анджелес), 1110 Гц (пограничный кластер) и 1260 Гц (чикано-английский); $F(2,27) = 18,6$, $p < 0,001$. Таким образом, Лос-Анджелес и пограничные кластеры демонстрируют продвинутую реализацию Калифорнийского сдвига гласных, которая накладывается на испанский субстрат, порождая акцентные формы вроде *[mæp] está bien chico* («Карта очень маленькая»), *[ha:t] afuera* («На улице жарко»). Группа чикано-английского сохраняет напряженное [ɛ] в /æ/ и более заднее /a/, что характерно для мексиканского испанского и чикано-английской нормы.

В речи информантов пограничного кластера зарегистрирован достоверно более высокий процент веляризации конечного -n. В позиции абсолютного конца слова или перед паузой показатель веляризации составил 68% (95% доверительный интервал: 61-75%), тогда как в Лос-Анджелесе – 18% (12-24%), в чикано-английском – 4% (1-7%). Различия статистически значимы по критерию χ^2 ($\chi^2(2) = 72,3$, $p < 0,001$). Веляризация реализуется в таких высказываниях, как *Está bien* [biɛŋ] *así* («Так нормально») или *Vienen en el van* [baŋ] («Они приедут в фургоне»). Данная черта отражает влияние современных нижнекалифорнийских говоров Мексики и является отличительным маркером приграничного региолекта.

В ходе качественного анализа 120 транскрибированных интервью все внутрифразовые кодовые переключения были классифицированы по матричной модели [5]. Доля EL-островов (грамматически целостных вставок на английском внутри предикации, оформленной испанскими морфологическими показателями) составила 39% (95% доверительный интервал: 34-44%) в Лос-Анджелесе, 48% (43-53%) в пограничном кластере и 12% (8-16%) в чикано-английском ($\chi^2(2) = 47,1$, $p < 0,001$). Типичные EL-острова:

- Лос-Анджелес: *Voy a **drive**arlo al trabajo, no hay parking* («Я поведу машину на работу, там нет парковки»);
- пограничный кластер: *Mi jefa me **texteo** que llegaba tarde* («Моя начальница написала мне, что опоздает»);
- чикано-английский: *¿Ya lo **googleaste**?* (Ты уже это загуглил?).

В группе чикано-английского преобладают «гладкие» межклаузуальные переключения без морфологической интеграции: *Fui al mandado, **and then I saw the neighbor*** («Я сходил в магазин, а потом увидел сосе-

да»), *La maestra nos dijo 'do your homework', pero ya era tarde* («Учительница сказала нам «делайте домашку», но было уже поздно»).

Результаты вопросов на оценку грамматичности по шкале Ликерта 1-5 (1 = полностью неприемлемо, 5 = полностью естественно) для дативной кальки *le para atrás* (от англ. *back it up*), а также для *llamar pa'trás* и *pagar pa'trás* представлены следующим образом. Средний балл для *le para atrás*: Лос-Анджелес = $4,2 \pm 0,8$, пограничный кластер = $4,5 \pm 0,7$, чикано-английский = $2,1 \pm 1,1$. Однофакторный ANOVA: $F(2,117) = 38,6$, $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,40$, что соответствует большому размеру эффекта. Post hoc анализ показал значимые отличия чикано-английского от обеих групп ($p < 0,001$), тогда как в Лос-Анджелесе и пограничном кластере не различались ($p = 0,12$). Аналогичное распределение получено для *llamar pa'trás* (Лос-Анджелес: $4,4 \pm 0,7$; пограничный кластер: $4,6 \pm 0,6$; чикано-английский: $2,3 \pm 1,0$; $F(2,117) = 43,1$, $p < 0,001$) и *pagar pa'trás* (Лос-Анджелес: $3,9 \pm 0,9$, пограничный кластер: $4,1 \pm 0,8$, чикано-английский: $1,9 \pm 1,2$; $F(2,117) = 35,8$, $p < 0,001$). Примеры из нарративов:

– Лос-Анджелес: *Métete al drive, y luego le das pa'trás al cajón* («Заедь на парковку, а потом сдай назад к ящику»);

– пограничный кластер: *No puedo abrir el archivo, voy a tener que hacerle pa'trás al sistema* («Не могу открыть файл, придется перезагрузить систему»).

В чикано-английском информанты либо отвергали подобные кальки, либо предлагали замену: *Regresa la camioneta* («Сдай назад на пикапе»), *Devuélveme el dinero* («Верни мне деньги»).

Частотность кодового переключения по доменам. Анкетные самоотчеты о доле смешанной речи в трех коммуникативных доменах (1 = никогда, 5 = постоянно) были подвергнуты двухфакторному ANOVA с факторами «группа» и «домен». Обнаружено значимое взаимодействие ($F(4,351) = 9,21$, $p < 0,001$). Наибольшие межгрупповые различия были в цифровой среде: средний балл в Лос-Анджелесе = $4,3 \pm 0,8$, пограничном кластере = $4,6 \pm 0,7$, чикано-английском = $2,7 \pm 1,1$; $F(2,117) = 42,3$, $p < 0,001$. В семейном домене значения были ближе (Лос-Анджелес: 3,9, пограничный кластер: 4,1, чикано-английский: 3,4; $F = 3,8$, $p = 0,025$), хотя различие сохранялось. В рабочем/учебном домене картина аналогична цифровой среде: Лос-Анджелес: 3,9, пограничный кластер: 4,1, чикано-английский: 3,1 ($F = 12,4$, $p < 0,001$). Таким образом, испано-английские билингвы Западного побережья США нормализуют практику кодового переключения в публичных регистрах, в отличие от носителей чикано-английского, для которых кодовое переключение остается принадлежностью бытового общения.

Количественный контент-анализ транскриптов интервью (общим объемом около 102 тыс. слов, примерно поровну распределенных между группами) позволил определить частотность употребления маркированных лексем: мексиканской сленговой/табуированной лексики (*gabacho*, *chingar*, *güey*, *no manches*, *a toda madre*, *¿qué onda?*, *feria* в значении «деньги» и др.), молодежных англицизмов из интернет-дискурса (*cringe*, *random*, *hater*, *spoiler*, *ghostear*, *stalkear*, *hype*, *vibe* и т.п.), а также архаизмов, свойственных чикано-английскому (*troca*, *yarda*, *lonche*, *mopear*, *parkear*, *wachar* и др.).

В подкорпусе пограничного кластера частотность мексиканского сленга составила 38,4 вхождений на 10 000 слов (95% доверительный интервал: 34,1–42,7), в Лос-Анджелесе – 13,2 (10,5–15,9), в чикано-английском – 4,8 (3,2–6,4). Сравнение методом отрицательного биномиального регрессионного анализа (для учета передисперсии) показало высокосignимые различия (отношение частот в подкорпусах пограничного кластера и чикано-английского = 8,0, $p < 0,001$; Лос-Анджелесе и чикано-английского = 2,7, $p = 0,003$), например: *Ese gabacho no sabe nada de fútbol* («Этот американец ничего не смыслит в футболе»); *Me chingó el motor, voy a tener que pizcar más feria* («У меня накрылся мотор, придется подзаработать денег»); *La comida está a toda madre* («Еда просто отпад»).

В Лос-Анджелесе доминируют лексические заимствования из интернет-культуры, часто неадаптированные морфологически: *Ese comentario fue súper cringe* («Этот комментарий был супер кринжовым»), *Me ghosteó después de dos dates* («Она меня игнорит после двух свиданий»), *No me spoilees la serie* («Не спойлери мне сериал»), *Estoy hype por el concierto* («Я в предвкушении концерта»). Количество таких англицизмов в Лос-Анджелесе составило 21,7 вхождений на 10 000 слов, в пограничном кластере – 15,3, в чикано-английском – 6,2 (различия значимы, $p < 0,01$ для сравнения подкорпусов Лос-Анджелеса и пограничного кластера).

Группа носителей чикано-английского отличается высокой частотностью исторически закрепившихся лексических заимствований, восходящих к аграрным и бытовым реалиям Юго-Запада, например: *Voy a mopear el piso* («Я буду мыть пол шваброй»), *La troca necesita gas* («Пикапу нужен бензин»), *Dejé las herramientas en la yarda* («Я оставил инструменты во дворе»), *Vamos a lonchar a las doce* («Пойдем обедать в двенадцать»), *Wacha el tráfico* («Смотри за движением»). Частота таких единиц составила 18,9 на

10 000 слов в чикано-английском, 9,4 в Лос-Анджелесе и 11,2 в пограничном кластере. Различия между чикано-английским и Лос-Анджелесом значимо ($p < 0,001$); между пограничным кластером и Лос-Анджелесом достоверной разницы не выявлено ($p = 0,43$).

Наконец, в прагматическом плане обращает на себя внимание разная индексная нагрузка сходных единиц. В пограничном кластере слова *güey* и *no manches* выполняют функцию неформального маркера внутригрупповой близости и не несут грубого оттенка, тогда как в Лос-Анджелесе аналогичную роль играют английские *dude*, *bro*, *y'all*. Носители чикано-английского, напротив, дистанцируются от мексиканского молодежного сленга, воспринимая его как признак недавней миграции и «неправильного» испанского. Это подтверждается качественным анализом метаязыковых комментариев: *Mis primos en L.A. dicen 'güey' todo el tiempo, yo ni lo uso* («Мои двоюродные в Лос-Анджелесе постоянно говорят «güey», я вообще так не говорю»); *Aquí en El Paso decimos 'wacha', no 'look'* («Здесь, в Эль-Пасо, мы говорим «wacha» вместо «look»).

Таким образом, все проанализированные уровни языковой системы – фонетический, грамматический и лексико-прагматический – конвергентно свидетельствуют о наличии выраженной региональной стратификации постстандартного испанглийского идиома. Интенсивность трансграничной проницаемости выступает статистически надежным предиктором фонетических и морфосинтаксических инноваций (веляризация назальных, частотность EL-островов, приемлемость дативных калек), а также лексического дрейфа в сторону современного мексиканского узуса (в пограничном кластере) либо глобализованной молодежной культуры (в Лос-Анджелесе). Чикано-английский, напротив, демонстрирует свойства закрытой диахронической нормы с консервацией архаизмов и ограниченной проницаемостью для контактных инноваций.

Полученные результаты показывают, что вариативность постстандартного испанглийского идиома определяется как интенсивностью трансграничных контактов, так и локальными языковыми идеологиями. Фонетические расхождения (CVS и веляризация назальных) согласуются с выводами К. Фоут [2] об автономии чикано-английского, а также с концепцией трансграничного обмена, объясняющей мексиканские черты в пограничном кластере. Консервация субстрата у носителей чикано-английского [9] подтверждает закрытость их нормы. Морфосинтаксические паттерны (EL-острова, дативные калки) интерпретируются в свете модели К. Майерс-Скоттон [5] и дискуссии о «кальках» [6]; их приемлемость отражает скорее социолингвистический фактор – нормализацию транслингвальных практик [10, 11] в сообществах, где смешение не стигматизировано, в отличие от речи носителей чикано-английского с их оппозиционной идентичностью [8, 2]. Лексическая вариативность вписывается в концепцию коммодификации билингвизма [12]: в Лос-Анджелесе англицизмы служат эстетическим и рыночным ресурсом [10], тогда как в пограничном кластере мексиканский сленг конструирует трансграничную солидарность. Носители чикано-английского дистанцируются от него, сохраняя архаизмы. Тем самым подтверждается гипотеза о том, что индекс трансграничной проницаемости является ведущим фактором дивергенции, а испанглийский континуум полицентричен [6].

Выводы

Проведенное исследование установило, что региональная вариативность постстандартного испанглийского идиома на Западном побережье США определяется в первую очередь степенью трансграничной проницаемости и, как следствие, характером контакта с современным мексиканским испанским. Пограничный кластер Сан-Диего – Тихуана демонстрирует наиболее высокую концентрацию мексиканских фонетических и лексических черт, а также самые высокие показатели приемлемости контактных калек. Мегаполисный региолект Лос-Анджелеса характеризуется интенсивным внутрифразовым кодовым переключением с преобладанием англицизмов из интернет-культуры и участием в Калифорнийском сдвиге гласных. Чикано-английский диалект внутренних районов Техаса и Нью-Мексико конституирует закрытую диахроническую норму с устойчивой системой архаизмов и низкой проницаемостью для инноваций, идущих как от мексиканского, так и от англоязычного мейнстрима.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении модели региональной стратификации испанглийского континуума: индекс трансграничной проницаемости предложен в качестве эмпирически измеримого предиктора, позволяющего предсказывать скорость и направление конвергентных изменений. В практическом плане полученные данные важны для билингвального образования и медиапланирования, ориентированных на испаноязычные сообщества Западного побережья, поскольку демонстрируют нетождественность языковых потребностей и установок даже в пределах одного штата.

Ограничения настоящего исследования связаны с асимметрией дизайна: группа чикано-английского анализировалась только по анкетным и метаязыковым данным, тогда как группы информантов из Лос-

Анджелеса и пограничного кластера – также по аудиозаписям интервью. Дальнейшие полевые работы с записью спонтанной речи носителей чикано-английского позволят верифицировать выявленные различия инструментально. Кроме того, перспективным представляется сопоставление полученных выводов с данными из других приграничных кластеров (Эль-Пасо, Рио-Гранде-Вэлли, Ногалес) и с восточными мегаполисами (Нью-Йорк, Майами), что позволит построить полноценную полицентрическую модель вариативности постстандартных испано-английских идиомов в США.

Список источников

1. Del Carpio L. La variación fonológica del español en contacto con el inglés en Estados Unidos // Enciclopedia concisa de los dialectos del español en el mundo. 2025. P. 448 – 458.
2. Fought C. Chicano English in Context. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 288 p.
3. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
4. Luján-García C. Anglicismos en los nuevos medios de comunicación. Tendencias actuales. Granada: Comares, 2021. 162 p.
5. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 p.
6. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
7. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains // International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
8. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism // Rupkatha Journal. 2023. № 15 (3). P. 1 – 10.
9. Silva-Corvalán C. Language Contact and Change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
10. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project // Applied Linguistics. 2022. № 44 (3). P. 519 – 537.
11. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
12. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

References

1. Del Carpio L. La variación fonológica del español en contacto con el inglés en Estados Unidos. Enciclopedia concisa de los dialectos del español en el mundo. 2025. P. 448 – 458.
2. Fought C. Chicano English in Context. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 288 p.
3. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
4. Luján-García C. Anglicismos en los nuevos medios de comunicación. Tendencias actuales. Granada: Comares, 2021. 162 p.
5. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 p.
6. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
7. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains. International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
8. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism. Rupkatha Journal. 2023. № 15 (3). P. 1 – 10.
9. Silva-Corvalán C. Language Contact and Change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
10. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project. Applied Linguistics. 2022. № 44 (3). P. 519 – 537.

11. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
12. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

Информация об авторах

Семенова М.Ю., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, msemenova@donstu.ru

© Семенова М.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-226-232

¹ Серeda С.П.

¹ Вологодский институт права
и экономики ФСИН России

Образ судьи-взяточника в русской сатирической литературе XIX века: от Н.В. Гоголя до А.П. Чехова

Аннотация: цель исследования в представленной статье – проследить эволюцию сатирического образа судьи-взяточника в русской литературе XIX века от Н.В. Гоголя до А.П. Чехова. На материале комедии «Ревизор», поэмы «Мёртвые души», пьес А.Н. Островского, драматургии А.В. Сухово-Кобылина, сатирических циклов М.Е. Салтыкова-Щедрина и рассказов А.П. Чехова показано, как исходно комический тип взяточника трансформируется в гротескный образ бездушного бюрократа, а затем в символ равнодушной судебной машины. В работе применяются сравнительно-исторический, типологический и герменевтический методы. Установлено, что на смену обличению личного порока постепенно приходит критика системных основ правосудия. Впервые предпринята попытка целостного рассмотрения образа судьи-взяточника как сквозного литературного типа, эволюционирующего от бытового комизма к трагическому гротеску и, наконец, к чеховской поэтике тотального равнодушия. Это позволяет по-новому оценить вклад каждого из писателей в становление и развитие сатирической традиции. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования её результатов в вузовских курсах по истории русской литературы, спецсеминарах по поэтике сатиры, а также в междисциплинарных исследованиях на стыке литературоведения и социологии права.

Ключевые слова: русская литература XIX века, сатира, судья-взяточник, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, А.В. Сухово-Кобылин, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, эволюция образа

Для цитирования: Серeda С.П. Образ судьи-взяточника в русской сатирической литературе XIX века: от Н.В. Гоголя до А.П. Чехова // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 226 – 232. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-226-232

Поступила в редакцию: 19 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Sereda S.P.

¹ Vologda Institute of Law and Economics
of the FPS of Russia

The image of a judge-bribe taker in Russian satirical literature of the 19th century: from N.V. Gogol to A.P. Chekhov

Abstract: the purpose of the research in the presented article is to trace the evolution of the satirical image of a judge-bribe taker in Russian literature of the 19th century from N.V. Gogol to A.P. Chekhov. Based on the comedy "The Inspector General", the poem "Dead Souls", the plays of A.N. Ostrovsky, the dramaturgy of A.V. Sukhovo-Kobylina, the satirical cycles of M.E. Saltykov-Shchedrin and the stories of A.P. Chekhov, it is shown how the initially comic type of a bribe taker transforms into a grotesque image of a soulless bureaucrat, and then into a symbol of an indifferent judicial machine. Comparative historical, typological and hermeneutic methods are used in

the work. It has been established that the exposure of personal vice is gradually being replaced by criticism of the systemic foundations of justice. For the first time, an attempt has been made to comprehensively examine the image of a corrupt judge as a cross-cutting literary type, evolving from everyday comedy to tragic grotesque and, finally, to Chekhov's poetics of total indifference. This allows us to re-evaluate the contribution of each of the writers to the formation and development of the satirical tradition. The practical significance of the article lies in the possibility of using its results in university courses on the history of Russian literature, special seminars on the poetics of satire, as well as in interdisciplinary research at the intersection of literary studies and the sociology of law.

Keywords: Russian literature of the 19th century, satire, the judge-bribe taker, N.V. Gogol, A.N. Ostrovsky, A.V. Sukhovo-Kobylin, M.E. Saltykov-Shchedrin, A.P. Chekhov, the evolution of the image

For citation: Sereda S.P. The image of a judge-bribe taker in Russian satirical literature of the 19th century: from N.V. Gogol to A.P. Chekhov. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 226 – 232. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-226-232

The article was submitted: June 19, 2026; Approved after reviewing: July 23, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Русская литература XIX столетия сформировала устойчивую традицию сатирического изображения чиновничества, в которой особое место принадлежит фигуре судьи-взяточника. Возникнув как яркий художественный тип в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», этот образ на протяжении века претерпел существенную эволюцию: от бытового комизма и внешней карикатурности к углублённому социально-психологическому анализу и, наконец, к изображению бездушной бюрократической машины, в которой исчезает сама необходимость в прямой взятке. Цель настоящей статьи проследить основные этапы этой эволюции в творчестве Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.В. Сухово-Кобылина, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова, выявив как преемственность сатирических приёмов, так и качественные сдвиги в осмыслении природы судейской коррупции.

Несмотря на обилие работ, посвящённых отдельным авторам и произведениям, комплексное исследование образа судьи-взяточника как сквозного типа, объединяющего различные этапы литературного процесса, остаётся недостаточно разработанным. В. Филиппов в обстоятельной вступительной статье к «Ревизору» подчеркнул нарицательность гоголевских персонажей и их влияние на последующую драматургию [1, с. 7-8], однако не ставил задачи проследить модификации судейского типа за пределами гоголевского творчества. С.И. Кормилов детально реконструировал социально-исторический контекст комизма «Ревизора», справедливо указав на высокий статус выборного судьи и парадоксальность его участия во взяточничестве [2, с. 56-57], но его анализ ограничен рамками одной пьесы. В.А. Кошелев исследовал образ чиновника у писателей «гоголевского направления» и сформулировал продуктивное понятие «обезличенности» бюрократического мира [3, с. 4], однако судейская проблематика не получила в его работе специального освещения. Ценные наблюдения над семантикой имён в «Ревизоре» сделаны А.Л. Лифшицем [4], а О.Н. Купцова раскрыла игровую природу именования персонажей в драме Сухово-Кобылина «Дело» [5]. Тем не менее, задача сопоставительного анализа образа судьи-взяточника в диахронической перспективе остаётся актуальной.

Научная новизна предлагаемой работы заключается в том, что эволюция образа судьи-взяточника рассматривается как единый литературный процесс, в котором каждый последующий этап не только наследует предшествующей сатирической традиции, но и вносит принципиально новые черты, отражая изменения в общественном сознании и в самой структуре судебной системы.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили ключевые произведения русской литературы XIX века, в которых фигурируют судьи, судебные чиновники и близкие к ним персонажи. К анализу привлечены: комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836) [1] и его поэма «Мёртвые души» (1842) [6]; комедия А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся!» (1849) [7]; драматургическая трилогия А.В. Сухово-Кобылина, в первую очередь «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869), рассмотренная в контексте документального исследования В. Гроссмана [8] и статей К.М. Захарова [9] и О.Н. Купцовой [5]; сатирические циклы М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» (1873) [10], «Благонамеренные речи» (1883) [11] и «Сказки» (1880-е гг.) [12]; рассказы А.П. Чехова «В суде» (1886) [13], «Сирена» (1886) [14], а также его ранние юморески 1883–1884 гг. [15].

Кроме того, использованы историко-литературные и теоретические работы В. Филиппова, С.И. Кормилова, А.Л. Лифшица, В.А. Кошелева, В. Гроссмана, К.М. Захарова, О.Н. Купцовой.

Методологическую основу составляет сочетание сравнительно-исторического, типологического и герменевтического подходов. Сравнительно-исторический метод позволяет проследить трансформацию образа судьи-взяточника на протяжении полувека; типологический выделить инвариантные черты и вариативные признаки; герменевтический интерпретировать семантику имён, речевых характеристик и сюжетных ситуаций.

Результаты и обсуждения

Уездный судья Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин в «Ревизоре» – первый в русской литературе развёрнутый сатирический тип судьи-взяточника. Его фамилия, как справедливо указывает С.И. Кормилов, прямо отражает отношение к службе – «тяп-ляп», небрежное и поверхностное [2, с. 56]. Вместе с тем, А.Л. Лифшиц вскрыл более глубокий пласт: имя Аммос (ветхозаветный пророк Амос, обличавший неправедных судей и мздоимцев) вступает в контрастную игру с образом персонажа, который сам берёт взятки, предпочитая натуральную форму – «борзыми щенками» [4, с. 85-86]. Этот приём создаёт многослойный сатирический эффект: носитель имени пророка-обличителя оказывается воплощением обличаемых пороков.

В. Филиппов отметил, что гоголевские чиновники сразу стали нарицательными типами, в которых современники узнавали реальные общественные язвы [1, с. 8]. Действительно, Ляпкин-Тяпкин наделён не только индивидуальными чертами (страсть к охоте, наивное вольнодумство: «сам собою дошёл, собственным умом»), но и типологическими свойствами, характерными для уездного судейского корпуса. Показательно, что он осознаёт свой высокий статус: как разъясняет С.И. Кормилов, судья был выборным лицом и в отсутствие предводителя дворянства мог исполнять его обязанности, что ставило его в иерархическом отношении выше городничего [2, с. 57]. Это добавляет сатирической остроты: именно тот, кто призван охранять закон, оказывается первым взяточником.

В сцене дачи взятки Хлестакову (действие IV) Ляпкин-Тяпкин, подобно другим чиновникам, проходит путь от страха и неловкости к ритуализованному подношению денег «взаймы» [1, с. 78-79]. Однако Гоголь идёт дальше внешней обрисовки и, как подчёркивает В. Филиппов, «раскрывает процесс превращения человека в сознательного взяточника» [1, с. 13-14]. Хлестаков, сам того не ожидая, под влиянием среды осваивает роль вымогателя; окружающие же чиновники давно уже прошли этот путь. Ляпкин-Тяпкин не рефлексирует над своим положением – взятка для него столь же естественна, как охота. В «Предупреждении для господ актёров» Н.В. Гоголь настаивает, что судью следует играть с «сурьёзностью», без карикатурного шаржа, ибо его пороки – органическая часть повседневного существования [1, с. 118, 121].

Гоголевский судья-взяточник, таким образом, представляет собой комический, но не гротескный тип. Его пороки ещё не предстают как продуманная система насилия, а коррупция изображается в бытовом, почти патриархальном ключе. Эта особенность будет преодолена последующей литературой.

В комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся!» нет образа судьи в строгом смысле, однако выведен стряпчий Сысой Псоич Рисположенский – мелкий судейский крючкотвор, чья фигура заполняет важную лакуну между гоголевским Ляпкиным-Тяпкиным и щедринскими персонажами. Рисположенский – опустившийся, полупьющий ходатай по делам, для которого закон – лишь инструмент извлечения выгоды. Он консультирует купца Большова о том, как фиктивно переписать имущество, чтобы избежать уплаты долгов: «Первое дело, Самсон Сильч, надобно дом да лавки заложить, либо продать» [7, с. 24], и заверяет, что «как на чужаго-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему» [7, с. 25]. В отличие от Ляпкина-Тяпкина, чьё взяточничество пассивно и ситуативно, Рисположенский активно участвует в создании мошеннических схем, используя знание судебных процедур для обхода закона. Он легко меняет покровителей, переходя от Большова к Подхалюзину, когда тот предлагает больше денег [7, с. 42]. Этот образ демонстрирует важный сдвиг: судейский чиновник начинает осознаваться не просто как носитель личного порока, а как функциональный элемент криминализованной социальной практики. Вместе с тем Рисположенский сохраняет черты комической фигуры, вызывая смех своей жалкой зависимостью и пьянством. Переход от бытового комизма к социальному обличению ещё не завершён.

Принципиально новый этап в осмыслении образа судьи-взяточника связан с драматургией А.В. Сухово-Кобылина, в особенности с драмой «Дело». По словам В. Гроссмана, эта пьеса стала «личной мстью чиновничьему сословию» после многолетнего уголовного преследования автора [8, с. 3]. Центральный персонаж правитель дел Максим Кузьмич Варравин – представляет собой уже не комического взяточника, а циничного и жестокого манипулятора, для которого правосудие – это поле непрерывной войны. К.М. Захаров справедливо характеризует Варравина как «взяточника-начальника», который вступает в противоборство с Тарелкиным и действует как блестящий стратег, быстро перевоплощаясь и манипулируя обстоятельствами

[9, с. 74]. При этом, как замечает исследователь, «государство в лице Варравина создаёт монстра» – низового бюрократа Расплюева, который в финале «Смерти Тарелкина» становится угрозой для самих творцов [9, с. 74]. Эта диалектика показывает, что коррупционная система самовоспроизводится и порождает силы, выходящие из-под контроля.

Особого внимания заслуживает система именования персонажей, проанализированная О.Н. Купцовой. Исследовательница показывает, что имя Варравина отсылает к евангельскому разбойнику Варавве, высвечивая преступную сущность «правителя дел» [5, с. 104]. Безымянность высших чиновников (Всёмаважное Лицо, Важное лицо) и множество «близнецных» пар (Чибилов – Ибилов, Герц – Шерц – Шмерц) создают, по точному наблюдению Купцовой, эффект полной обезличенности бюрократической машины, где чиновники взаимозаменяемы, а человек низведён до функции [5, с. 103-105]. Эта семиотическая стратегия продолжает гоголевскую традицию «говорящих» фамилий, но переводит её в регистр трагического гротеска. Если Ляпкин-Тяпкин смешон, то Варравин страшен.

А.В. Сухово-Кобылин, таким образом, обнажает системный характер судебной коррупции. В его изображении суд – не совокупность отдельных пороков, а целостный механизм подавления, где взятка является лишь одним из инструментов наряду с подлогом, шантажом и прямым насилием. В. Гроссман документально подтверждает, что такая картина отнюдь не была преувеличением: современники свидетельствовали о вопиющих злоупотреблениях в дореформенных судах, где пропадали целые дела и огромные суммы [8, с. 50, 61-62].

М.Е. Салтыков-Щедрин продолжил и углубил линию социального обличения, придав образу судьи-взяточника новые измерения. В очерке «Господа ташкентцы» представлен уездный стряпчий Софрон Матвеевич Хмылов – фигура, в которой бытовое взяточничество перерастает в осознанную, почти садистскую практику. Автор характеризует его как человека «сознательной жестокости» и «неизреченного ехидства» [10, с. 154], который не просто берёт мзду, а наслаждается процессом «выуживания» жизни из просителя. Метафора лисицы, которая «не набрасывается на свою жертву, не рвёт её на куски, а долгое время полегоньку то там, то тут покусывает» [10, с. 156], точно передаёт суть его метода. Хмылов гордится тем, что «выиграл» множество «гражданских стражеников», и хвастается: «Я десять губернаторов претерпел! Я пятнадцати ревизорам очки вставил!» [10, с. 174]. В отличие от гоголевских персонажей, здесь взяточничество становится профессией и формой самоутверждения.

В «Благонамеренных речах» М.Е. Салтыков-Щедрин показывает диалектику коррупции. С одной стороны, он иронически замечает, что взяточничество в старой системе «располагало к излишним дружествам и к простоте отношений», «прекращало бюрократический индифферентизм и делало сердце чиновника доступным для обывательских невзгод» [11, с. 45]. С другой – демонстрирует, что с уходом прямых взяток жить стало «многим тяжелее» [11, с. 46], ибо исчезла даже та минимальная гарантия, которую давал неформальный торг. Образ прокурора Батищева, который гордится тем, что произнёс «восемь обвинительных речей» и не получил ни одного оправдательного приговора [11, с. 73], раскрывает другую грань: фанатичное служение обвинению, лишённое милосердия, столь же губительно, как и продажность.

Наиболее гротескное воплощение судьи-взяточника находим в сказке «Игрушечного дела людешки». Здесь создан образ деревянной куклы-чиновника, для которой взяточничество единственный инстинкт, а слова «правда» и «добродетель» лишены смысла. Кукла не понимает абстрактных категорий, но мгновенно оживает при намёке на лицемерие: «на пироге у головы кто-нибудь разговор о правде заведёт, ведь и ты, поди, сумел бы притвориться» [12, с. 99]. Этот предельно заострённый образ знаменует дегуманизацию чиновника, превращённого в бездушный механизм. М.Е. Салтыков-Щедрин доводит гоголевскую традицию до логического завершения: комический персонаж становится автоматом, лишённым способности к нравственному выбору. Такой подход существенно отличается от гоголевского: если Ляпкин-Тяпкин всё же сохраняет живые человеческие черты, то щедринская кукла – это чистая функция, что превосходит чеховскую поэтику отчуждения.

В творчестве А.П. Чехова образ судьи-взяточника претерпевает качественную трансформацию. Прямое взяточничество уходит на периферию, а на первый план выступает тема безразличия, рутины и утраты человеческого содержания судебной деятельности. В рассказе «В суде» судебное заседание уподоблено бездушной машине: обстановка «была пропитана канцелярским равнодушием», а подсудимому казалось, что «судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка» [13, с. 346-347]. Председатель суда во время чтения обвинительного акта обсуждает с коллегой бытовые неудобства, товарищ прокурора читает байроновского «Каина», а защитник испытывает «неподвижную, холодную скуку» [13, с. 344-345]. Чехов показывает, что ужас положения подсудимого не в жестокости судей, а в их полном

равнодушии, о которое «разобьются любые мольбы и слёзы, как волна о камень» [13, с. 347]. Здесь сатира направлена уже не на личный порок, а на онтологическую пустоту правосудия.

Ещё более радикальное снижение образа судьи находим в рассказе «Сирена». После заседания съезда мировых судей секретарь Жилин увлекает всех присутствующих красочным описанием обеда, и в результате председатель, не дописав «особое мнение», швыряет перо и бежит обедать; товарищ прокурора, «забывший о своем катаре и млевший от нетерпения», также покидает зал [14, с. 352-354]. Чехов использует приём гастрономической гиперболы, чтобы показать, что плотские удовольствия для судей несравненно важнее профессионального долга. Даже «философ» Милкин, брезгливо замечающий: «Неужели, кроме грибов да кулебяки, нет других интересов в жизни?» в итоге не выдерживает и, «влекомый неведомою силой, схватил шляпу и выбежал вон» [14, с. 352]. Такой финал символизирует полную профанацию судебной функции.

В ранних рассказах А.П. Чехова 1883-1884 гг. взятка ещё присутствует как конкретная деталь, но изображается как рутинная, почти механическая операция. В «Справке» чиновник не реагирует на просителя до тех пор, пока тот не кладёт на стол рублёвую бумажку, после чего мгновенно «оживает» и выполняет просьбу [15, с. 226]. В «Депутате...» попытка чиновников выразить протест начальнику заканчивается тем, что депутат в страхе покупает у него лотерейные билеты [15, с. 145-148]. Эти сценки демонстрируют, что взяточничество и чиновничество стали не просто пороком, а нормой повседневного существования, лишённой какой-либо драматической окраски.

Эволюция образа судьи-взяточника от Н.В. Гоголя до А.П. Чехова может быть представлена как движение от персонифицированного порока к деперсонализированной системе. У Гоголя взяточник ещё индивидуален, узнаваем и по-своему обаятелен; у М.Е. Салтыкова-Щедрина он превращается в осознанного хищника или бездушную куклу; у А.П. Чехова же исчезает и хищник – остаётся только равнодушная машина, в которой нет нужды в прямой взятке, ибо сам механизм функционирует вхолостую. Эта трансформация отражает реальные сдвиги в общественном сознании и в организации судебной системы пореформенной России: внешняя борьба с коррупцией не устранила глубинного бездушия, а перевела его в иную, более скрытую форму.

Следует отметить, что взгляды исследователей, привлекаемых к обсуждению, в целом подтверждают данную логику. В.А. Кошелев, анализируя формулу «понимать не понимаю, а отвечать могу», приходит к выводу, что она стала «бюрократическим оружием», обеспечивающим безнаказанность [3, с. 2] – и действительно, чеховские судьи уже не нуждаются в оправданиях, ибо их безразличие абсолютно. Вместе с тем, сосредоточенность С.И. Кормилова на исторической конкретике [2] при всей её ценности оставляет в тени тот факт, что сатирическая энергия гоголевских образов далеко выходит за пределы николаевской эпохи, создавая универсальные архетипы. Работы К.М. Захарова и О.Н. Купцовой убедительно раскрывают поэтику А.В. Сухова-Кобылина, однако изолированное рассмотрение его драматургии не позволяет в полной мере оценить её роль как переходного звена к щедринской и чеховской сатире. Настоящее исследование, включая творчество А.В. Сухова-Кобылина в единый эволюционный ряд, стремится восполнить этот пробел.

Выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что образ судьи-взяточника в русской сатирической литературе XIX века прошёл сложный путь развития. Зародившись в творчестве Н.В. Гоголя как комический тип, воплощающий бытовое взяточничество и служебную небрежность, он постепенно углублялся и трансформировался. В драматургии А.Н. Островского появился переходный образ стряпчего-крючкотвора, активно использующего закон в корыстных целях. А.В. Сухова-Кобылин представил судью-взяточника как зловещую фигуру, порождение и одновременно угрозу самой бюрократической системы. М.Е. Салтыков-Щедрин довёл этот образ до гротеска, обнажив его механическую, бесчеловечную сущность. Наконец, А.П. Чехов совершил решающий сдвиг: сатира на взяточничество уступила место сатире на безразличие и рутину, при которых потребность в прямой взятке отпадает, а суд превращается в бездушный автомат. Таким образом, эволюция образа отразила движение русской литературы от обличения личных пороков к критике системных оснований социального устройства. Дальнейшее исследование может быть связано с детальным сопоставлением судебных типов в творчестве названных авторов, а также с привлечением более широкого круга текстов, включая произведения Л.Н. Толстого, в которых судебская проблематика получает нравственно-философское измерение.

Список источников

1. Гоголь Н.В. Ревизор: Комедия в пяти действиях / Вступ. ст., подбор матер., историч. справка о постановках «Ревизора» и прим. Вл. Филиппова. 10-е изд. М.: Дет. лит., 1980. 160 с.
2. Кормилов С.И. Социально-историческое своеобразие комизма в гоголевском «Ревизоре» (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 53 – 61.
3. Кошелев В.А. «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Н.В. Гоголя и писателей «гоголевского направления» // Литература в школе. 2009. № 2. С. 2 – 6.
4. Лифшиц А.Л. Об именах в «Ревизоре» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 4. С. 81 – 89.
5. Купцова О.Н. Система именования персонажей «Дела» А.В. Сухова-Кобылина и традиция jeux d'esprit // Литературоведческий сборник. 2016. № 55-56. С. 98 – 108.
6. Гоголь Н.В. Похождения Чичикова, или Мёртвые души: Поэма. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1901. 591 с.
7. Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся! оригинальная комедия в четырех действиях. М.: Университетская типография, 1850. 112 с.
8. Гроссман В. Дело Сухова-Кобылина. М.: Художественная литература, 1936. 347 с.
9. Захаров К.М. К поэтике образов А.В. Сухова-Кобылина. Варравин и Расплюев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 74 – 76.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа ташкентцы: Картины нравов. СПб.: Типография В.В. Пратц, 1873. 338 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи: [Очерки]. 2-е изд. СПб.: Типография А.А. Краевского, 1883. 514 с.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки (1880-1885) // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 16. 417 с.
13. Чехов А.П. В суде. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 343 – 349.
14. Чехов А.П. Сирена. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 350 – 354.
15. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1983. Т. 2: Сочинения. 1883-1884. 580 с.

References

1. Gogol N.V. The Government Inspector: A Comedy in Five Acts. Introduction, selection of materials, historical information on the productions of The Government Inspector, and notes by Vl. Filippov. 10th ed. Moscow: Children's Literature, 1980. 160 p.
2. Kormilov S.I. The Socio-Historical Peculiarities of the Comedy in Gogol's The Government Inspector (Article One). New Philological Bulletin. 2019. No. 3 (50). P. 53 – 61.
3. Koshelev V.A. "I don't understand, but I can answer": the image of a Russian official in N.V. Gogol and writers of the "Gogol school". Literature in School. 2009. No. 2. P. 2 – 6.
4. Lifshits A.L. On Names in "The Government Inspector". Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2011. No. 4. P. 81 – 89.
5. Kuptsova O.N. The Naming System of Characters in A.V. Sukhovo-Kobylin's "The Case" and the Tradition of Jeux d'esprit. Literary Studies Collection. 2016. No. 55-56. P. 98 – 108.
6. Gogol N.V. The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: A Poem. St. Petersburg: A.F. Marx Publishing House, 1901. 591 P.
7. Ostrovsky A.N. Our People – Let's Settle Accounts! An original comedy in four acts. M.: University Printing House, 1850. 112 p.
8. Grossman V. The Sukhovo-Kobylin Case. M.: Fiction, 1936. 347 p.
9. Zakharov K.M. On the Poetics of A.V. Sukhovo-Kobylin's Images. Varravin and Rasplyuev. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 74 – 76.
10. Saltykov-Shchedrin M.E. Gentlemen of Tashkent: Pictures of Morals. St. Petersburg: V.V. Pratz Printing House, 1873. 338 p.
11. Saltykov-Shchedrin M.E. Well-Intentioned Speeches: [Essays]. 2nd ed. St. Petersburg: Printing house A.A. Kraevsky, 1883. 514 p.
12. Saltykov-Shchedrin M.E. Fairy tales (1880-1885). Saltykov-Shchedrin M.E. Collected works: in 20 volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1974. Vol. 16. 417 p.
13. Chekhov A.P. In court. Complete collection of works and letters: in 30 volumes. M.: Nauka, 1976. Vol. 5. P. 343 – 349.

14. Chekhov A.P. Siren. Complete Works and Letters: in 30 volumes. Moscow: Nauka, 1976. Vol. 5. P. 350 – 354.

15. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: in 30 volumes. Moscow: Nauka, 1983. Vol. 2: Works. 1883-1884. 580 p.

Информация об авторах

Серёда С.П., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, sta-sereda2006@yandex.ru

© Серёда С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.133.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-233-239

¹ Соди́кова Р.А.

¹ Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова

Грамматические трансформации при переводе английских текстов на таджикский язык

Аннотация: в статье рассматриваются грамматические трансформации в процессе перевода английских текстов на таджикский язык. Актуальность исследования обусловлена типологическими различиями аналитического строя английского языка и синтетико-аналитической природы таджикского, что делает неизбежным системное грамматическое переоформление для достижения эквивалентности. Материалом исследования послужили фрагменты произведения Садриддина Айни и их переводы на английский язык. С помощью сопоставительного, контекстуального и компонентного методов анализа выявлены и классифицированы четыре основных типа грамматических трансформаций: грамматические замены, грамматические добавления, грамматические опущения и перестройка структуры предложения (транспозиция). Анализ показывает, что грамматические замены, в частности замена частей речи и синтаксических конструкций, являются наиболее частотным типом трансформаций ввиду отсутствия в таджикском языке прямых морфологических соответствий таким английским категориям, как герундий и причастие. Грамматические добавления служат для компенсации аналитических временных форм (*Perfect*), а опущения устраняют избыточные элементы (артикли, вспомогательные глаголы, притяжательные местоимения) в соответствии с принципом экономии языковых средств. Транспозиция является обязательным приёмом ввиду перехода от жёсткого порядка слов *S+V+O* в английском языке к модели *S+O+V* в таджикском.

Ключевые слова: грамматические трансформации, перевод, английский язык, таджикский язык, грамматическая замена, транспозиция, сопоставительное языкознание, переводческая эквивалентность

Для цитирования: Соди́кова Р.А. Грамматические трансформации при переводе английских текстов на таджикский язык // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 233 – 239. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-233-239

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Sodikova R.A.

¹ Khujand State University named after
academician Bobojon Gafurov

Grammatical transformations in translating English texts into Tajik

Abstract: the given article dwells on grammatical transformations in the process of translating English texts into Tajik. The relevance of the study is determined by the typological differences between the analytical structure of English and the synthetic-analytical nature of Tajik, which necessitate systematic grammatical restructuring to achieve equivalence. The research material comprises excerpts from Sadridin Ayni's work and their English translations. Using comparative, contextual, and component analysis methods, the study identifies and classifies four main types of grammatical transformations: grammatical substitutions, grammatical additions, grammatical omissions, and transposition (sentence structure rearrangement). The analysis demonstrates that grammatical sub-

stitutions, particularly the replacement of parts of speech and syntactic constructions, are the most frequent type due to the absence of direct morphological equivalents in Tajik for English categories such as gerund and participle. Grammatical additions compensate for analytical tense forms (Perfect), while omissions eliminate redundant elements (articles, auxiliary verbs, possessive pronouns) in accordance with the principle of linguistic economy. Transposition is mandatory due to the shift from the rigid S+V+O word order in English to the S+O+V model in Tajik.

Keywords: grammatical transformations, translation, the English language, the Tajik language, grammatical substitution, transposition, contrastive linguistics, translation equivalence

For citation: Sodikova R.A. Grammatical transformations in translating English texts into Tajik. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 233 – 239. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-233-239

The article was submitted: June 20, 2026; Approved after reviewing: July 24, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

В современную эпоху, когда научные, культурные и литературные связи между народами активно развиваются, роль перевода как средства межкультурной коммуникации становится всё более значимой. Сопоставительное переводоведение стремится выявить закономерности перехода от одной языковой системы к другой. При переводе с английского языка на таджикский переводчик сталкивается с серьёзными грамматическими трудностями, поскольку эти два языка, несмотря на принадлежность к индоевропейской языковой семье, различаются по типологической структуре: английский язык обладает в большей степени аналитическим характером, тогда как таджикский сочетает синтетические элементы с аналитическим способом выражения [2, 3, 8].

Известный российский языковед даёт следующее определение: грамматическая трансформация – это изменение грамматической структуры исходного предложения в переводном тексте с целью сохранения смысловой эквивалентности [5, с. 172].

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что несоответствие синтаксических и морфологических структур английского и таджикского языков делает неизбежным применение грамматических трансформаций. Цель исследования состоит в выявлении и классификации основных типов грамматических трансформаций при переводе с английского языка на таджикский.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили оригинальные тексты на таджикском языке из произведения Садриддина Айни «Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ» (2022) и их официальные переводы на английский язык, выполненные профессором Абдусаломом Мамадназаровым. Выбор данного произведения в качестве источника эмпирического материала обусловлен его высокой информативной насыщенностью, разнообразием грамматических конструкций и репрезентативностью для исследования переводческих соответствий в паре языков английский-таджикский.

В работе использован комплекс методов лингвистического анализа, обусловленный целью и задачами исследования. Основным методом выступил сопоставительный (контрастивный) анализ, позволяющий выявить сходства и различия в грамматических системах английского и таджикского языков путём попарного сравнения исходных предложений и их переводных эквивалентов. Для систематизации выявленных переводческих соответствий применялся метод классификационного моделирования, на основе которого были выделены четыре основных типа грамматических трансформаций: грамматические замены, грамматические добавления, грамматические опущения и перестройка структуры предложения (транспозиция). Метод компонентного анализа использовался для исследования семантических изменений, происходящих при трансформации грамматических структур, а метод контекстуального анализа позволил определить зависимость выбора конкретного типа трансформации от контекстуального окружения и коммуникативного задания высказывания.

Результаты и обсуждения

Переводческая трансформация представляет собой не межуровневое изменение единиц или замену текста одного языка текстом другого языка, а трансформацию содержания единиц языка исходного текста в переводной текст. Более того, термин «трансформация» не может употребляться в буквальном смысле, поскольку в языке исходного текста существует ряд языковых единиц, содержание которых невозможно передать дословно на язык перевода.

Вместе с тем, в некоторых случаях переводческая трансформация создаёт на основе исходного текста иной текст на другом языке, который называется переводом. Иными словами, термин «трансформация» (или «преобразование») здесь употребляется лишь в том значении, в котором этот термин используется при синхронном описании языка, то есть в отношении, при котором единицы, существующие в исходном тексте, создаются в переводном тексте на основе содержания переводимого текста.

В этом случае переводчик применяет к исходному тексту определённые операции, создавая переводной текст, в котором можно обнаружить все заданные параметры исходного текста. В совокупности эти языковые (межъязыковые) операции составляют то, что мы в языковом смысле называем «процессом перевода» [4, с. 120].

Таким образом, сущность переводческих трансформаций можно определить, как межъязыковые операции по преобразованию текста одного языка в эквивалентный текст другого языка. Причина заключается в том, что предложения английского и таджикского языков не имеют одинаковых понятий. Слова в предложениях разных языков связываются в соответствии с законами, свойственными каждому из них.

Поэтому «точное и содержательное понимание текста на английском языке тесно связано со знанием его структурных особенностей и их соотношения с другими языками» [9, с. 3].

Грамматические трансформации обусловлены различными причинами как чисто грамматического, так и лексического характера, хотя основную роль играют грамматические факторы, то есть различия в структуре языков. Во многих случаях оба вида трансформаций тесно взаимосвязаны [10, с. 8].

Особенности структуры предложений английского языка независимо от формы текста учитываются при переводе на таджикский язык.

Глагольные окончания в таджикском языке спрягаются по лицам и числам (в настоящем и прошедшем времени), тогда как в английском языке такие окончания отсутствуют, за исключением суффикса в 3-м лице единственного числа настоящего времени и окончания во всех лицах прошедшего времени, что способствует применению грамматических трансформаций.

В процессе перевода с английского языка на таджикский наиболее часто используются четыре основных типа грамматических трансформаций, отмеченных выше:

1. Грамматические замены. Данный вид трансформации происходит, когда грамматическая единица исходного языка преобразуется в иную грамматическую единицу в языке перевода. При переводе художественного текста, особенно фраз и предложений с английского на таджикский, наблюдается ряд переводческих трансформаций, свидетельствующих о различии грамматических систем данных языков. В теории и практике перевода текста с английского языка на другие языки определены следующие переводческие трансформации, возникающие при использовании различных способов и приёмов перевода: членение предложения, опущение или объединение, грамматическая замена, антонимический перевод, полное изменение структуры предложения, изменение порядка слов и фраз в составе предложения, изменение порядка главного и придаточного предложений в составе сложных предложений, сокращение; добавление и др. В науке о переводе подобные изменения известны как переводческие трансформации.

Следует отметить, что переводческие трансформации происходят на лексическом и грамматическом уровнях. Если изменения происходят на морфологическом уровне, то в теории и практике перевода они рассматриваются как морфологические переводческие трансформации. В результате различий в морфологическом строе английского и таджикского языков переводчик сталкивается с объективными трудностями, которые в большинстве случаев преодолеваются посредством морфологических трансформаций. Можно выделить следующие виды переводческих трансформаций на морфологическом уровне: замена части речи другой частью речи; добавление – добавление частей речи, членов предложения и грамматических конструкций; опущение – отсутствие передачи в языке перевода какой-либо части речи, члена предложения, словосочетания или части исходного предложения; перестановка – изменение порядка слов в составе словосочетания.

В науке о переводе теория антонимического перевода известна как полная лексико-грамматическая замена, суть которой заключается в преобразовании утвердительной конструкции в отрицательную форму и наоборот, и осуществляется путём замены одного из слов исходного предложения его антонимом в языке перевода [7, с. 10].

Замена может происходить на уровне частей речи или синтаксических конструкций. В частности, герундий (Gerund) и причастие английского языка (Participle), не имеющие прямого морфологического эквивалента в таджикском языке, часто заменяются отглагольным существительным, инфинитивом или придаточными предложениями [6, с. 89].

Пример: Отсиз дар пайи манфиати насиати ба даст даромаданаш номаълум манфиати накди даст доштаи худро барбод медошт. – This means that Atsiz, while seeking the benefit of the independence, gradually and unknowingly lost that benefit [1, с. 21].

В исходном тексте содержание «дар пайи манфиати...» выражено посредством предложной группы (prepositional phrase). Однако в английском переводе данная конструкция преобразована в герундий seeking (while seeking), что представляет собой вид грамматической трансформации. Переводчик заменил таджикскую именную группу на неличную глагольную конструкцию (герундиальную). Данное изменение позволяет представить действие «поиска» как процесс, одновременный с основным действием («lost»). С точки зрения теории перевода, здесь произошла синтаксическая трансформация (syntactic transformation) – переход от именной группы к герундию. Использование герундия делает структуру английского предложения естественной, сохраняет плавность изложения и чётко выражает временные отношения между двумя действиями.

Данный пример показывает, что при переводе с таджикского языка на английский переводчик использовал герундий (seeking) для адаптации структуры предложения к нормам языка перевода. В результате таджикская предложная группа преобразовалась в английскую герундиальную конструкцию, что является одним из ярких примеров грамматической трансформации.

Пример: Отсиз пеш аз он, ки ба мамлакати Санҷари Салҷуқӣ соҳиб шавад, як сол пештар аз ӯ – дар соли 1156 милодӣ вафот кард ва писари ӯ Эл-Арслон ҳам, ки ба ҷои ӯ Хоразмшоҳ шуда буд, аз мероси Салҷуқӣ бахра бурда натавонист. – “Before becoming the owner of the Seljuk Sanjar’s state, in 1156 Atsiz died and his son El-Arslan became his successor as Khorazmshah” [1, с. 21].

В исходном тексте временное отношение выражено посредством придаточного предложения с союзом «пеш аз он, ки», содержащего личную форму глагола (соҳиб шавад). В английском переводе данная конструкция преобразована в предложную группу «before + герундий (before becoming)». Подобная замена представляет собой яркий пример грамматической трансформации.

В данном случае переводчик свёл придаточное времени к герундиальной конструкции, заменив личную форму глагола на герундий (becoming). Данное изменение соответствует грамматическим нормам английского языка, делая переведённое предложение кратким, плавным и естественным. При этом значение временного отношения («пеш аз он ки...») полностью сохраняется.

Данный пример показывает, что при переводе с таджикского языка на английский придаточное времени может быть преобразовано в конструкцию «before + герундий». Использование becoming вместо личной формы глагола (соҳиб шавад) является одним из распространённых приёмов грамматической трансформации, служащим для адаптации структуры предложения к грамматическим правилам английского языка и сохранения естественности стиля изложения.

2. Грамматическое добавление. Аналитическая структура английского языка часто выражает контекстуальные значения посредством глагольных времён (таких как Perfect) без использования самостоятельных слов. В таджикском языке для правильной передачи смысловых оттенков этих времён переводчик вынужден использовать дополнительные лексические единицы (например: аллакай – уже, хануз – ещё, нав – только что).

Пример: Хулоса, ӯ бо қувват ва тадбир барои ҳучум ба мамлакати султон Муҳаммад як сафи ягонаи бисёр мустаҳкам ба вучуд овард. – In sum, he had prepared a strong, united line, with power and divorce means to attack the country of Sulton Muhammad [1, с. 28].

В таджикском тексте глагол «ба вучуд овард» стоит в простом прошедшем времени (повествовательном/нарративном). Переводчик в английском языке передал его временем Past Perfect (прошедшее совершенное), использовав глагол «had prepared». Перфектное время (Perfect) в английском языке служит для обозначения действия, которое завершилось к определённом моменту в прошлом, настоящем или будущем, причём его результат важен в этот момент. В данном случае использование Past Perfect («had prepared») показывает, что процесс подготовки единого фронта был полностью завершён «перед нападением на страну султана Мухаммада». Это является необходимой и глубокой грамматической трансформацией, поскольку в таджикском языке смысловой оттенок «совершенности перед другим действием» чаще всего понимается из контекста, тогда как в английском языке это является строгим грамматическим требованием (Sequence of Tenses).

В процессе перевода перфектных времён и сопутствующих им конструкций часто происходит замена грамматических категорий:

– замена вспомогательных слов на временную конструкцию – в таджикском языке именное сочетание «бо қувват ва тадбир» (предлог «бо» + имена существительные) в английском языке может быть транс-

формировано иначе. Хотя переводчик сохранил его как предложную конструкцию (with power and ...), для более точной передачи перфектного времени и состояния глагола было бы предпочтительнее перевести данную конструкцию наречием или прилагательным (например: had powerfully and strategically prepared...).

– лексико-грамматическая трансформация глагола: составной глагол таджикского языка «ба вучуд овард» преобразован в простой английский глагол «prepared» (или «created» / «formed»). В перфектных временах английского языка (часто в форме Past Perfect) сложные глаголы таджикского языка утрачивают свой именной компонент и переходят в форму прошедшего совершенного времени (had + V₃).

При переводе перфектных времён английского языка на таджикский (и наоборот) грамматические трансформации происходят не только на уровне формы глагола, но и на уровне смысла предложения. В приведённом примере для правильной передачи таджикского прошедшего времени в английском языке было использовано Past Perfect, что представляет собой приём аспектуально-темпоральной трансформации. Данная трансформация служит для обозначения результата действия, которое в таджикском языке выражается через контекст и составные глаголы, а в английском языке является основным грамматическим средством.

3. Грамматическое опущение. Опущение представляет собой процесс, обратный добавлению, при котором опускаются элементы, грамматически обязательные в английском языке, но не несущие смысловой нагрузки в таджикском языке. К этой группе относятся артикли, вспомогательные глаголы и иногда притяжательные местоимения.

Пример: Пеш аз ба амал овардани ин мақсад бо султон Муҳаммад мушоҳида кард, ки ҳар ду аз ду тараф ба Ғӯрхон ҳучум оваранд. – Before realizing his plan, Kuchluk made an agreement with Sultan Muhammad that both of them would attack Gurkhan from two sides [1, с. 28].

Притяжательное местоимение «his» (перед словом plan) в таджикском тексте опущено, поскольку через контекст предложения и форму общего глагола «мушоҳида кард» (указывающего на третье лицо единственного числа, то есть на Кучлука) принадлежность цели и плана подлежащему («он» / Кучлук) совершенно очевидна и известна.

Подстрочный перевод данной конструкции с английского языка на таджикский в формах «Пеш аз ба амал овардани мақсади ҳудаш...» или «Пеш аз ба амал овардани мақсади ӯ ...» не соответствует стилистическим нормам таджикского языка и приводит к плеоназму (избыточности). Со структурной и стилистической точек зрения, таджикский язык опирается на принцип экономии языковых средств (linguistic economy). Поэтому при последующем упоминании в предложении исполнителя действия (например, Кучлука) необходимость повторения показателя принадлежности («худаш» или «ӯ») отпадает. В таком случае словосочетание «ба амал овардани ин мақсад» естественным образом и по смысловой связи относится к тому же субъекту действия. Следовательно, опущение показателя принадлежности не только способствует сжатию и плавности изложения, но и обеспечивает соответствие переводного текста стилистическим нормам таджикского языка.

4. Перестройка структуры предложения. Одним из кардинальных различий в грамматике этих двух языков является порядок слов. В английском языке порядок слов строгий: подлежащее S + сказуемое V + дополнение O (Subject + Verb + Object) – The boy (S) wrote (V) a letter (O). В таджикском же языке – S + O + V: Писарбача (S) мактуб (O) навишт (V). Сказуемое (глагол) в соответствии с синтаксической закономерностью помещается в конце предложения.

Пример: I will defend my country as long as I am alive. – Ман то чон дорам, ба адои вазифа худдорӣ мекунам [1, с. 31].

Анализ перестройки структуры предложения (Transposition) в процессе перевода с английского языка на таджикский показан на основе одного из предложений официального текста. Для анализа выбираем простое и ясное предложение: «I will defend my country...» (Ман кишвари худро дифоъ хоҳам кард). Ниже сравниваем и анализируем структуру данного предложения в обоих языках:

1. Структура предложения в английском языке (S + V + O). В английском языке порядок слов строгий, и сказуемое (Verb) всегда стоит перед дополнением (Object):

S (Subject – Подлежащее): I (Ман);

V (Verb – Сказуемое): will defend (дифоъ хоҳам кард);

O (Object – Дополнение): my country (кишвари худро).

2. Структура предложения в таджикском языке (S + O + V). При переводе на таджикский язык грамматическая закономерность таджикского языка требует, чтобы глагол (сказуемое) перешёл в конец предложения:

S (Подлежащее): Ман;

О (Прямое/косвенное дополнение): кишвари худро;
V (Сказуемое): дифоъ хоҳам кард (ё «хифз мекунам»).

В данном процессе места сказуемого (V) и дополнения (O) меняются. Если бы мы перевели предложение дословно (калькой), получилась бы структура «Ман хифз мекунам кишварамро», что не соответствует синтаксическим правилам таджикского языка. Поэтому приём транспозиции (перестройки структуры) является основным средством обеспечения правильности перевода.

Выводы

Проведённое исследование грамматических трансформаций при переводе английских текстов на таджикский язык позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Необходимость применения грамматических трансформаций при переводе с английского языка на таджикский обусловлена типологическими различиями грамматического строя данных языков. Английский язык, обладающий преимущественно аналитическим характером, отличается строгим порядком слов и развитой системой временных форм, тогда как таджикский язык, сочетающий синтетические элементы с аналитическими, характеризуется свободным порядком слов, развитой системой личных окончаний и преобладанием SOV-модели построения предложения. Данные различия носят системный характер и требуют от переводчика не только лексической, но и глубокой грамматической перестройки исходного текста;

2. В процессе перевода с английского языка на таджикский наиболее продуктивно используются четыре основных типа грамматических трансформаций: грамматические замены, грамматические добавления, грамматические опущения и перестройка структуры предложения (транспозиция). Каждый из выделенных типов имеет свои функциональные характеристики и условия применения. Грамматические замены, в частности замена частей речи и синтаксических конструкций, являются наиболее частотным типом трансформаций, что объясняется отсутствием в таджикском языке прямых морфологических соответствий таким английским категориям, как герундий и причастные обороты. Грамматические добавления применяются преимущественно при передаче аналитических временных форм английского языка (Perfect, Future-in-the-Past), требующих введения дополнительных лексических средств для компенсации грамматической информации.

Список источников

1. Айнӣ Садриддин. Қаҳрамони ҳалқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ. Тарҷума ба забони англисӣ ва сарсухани профессор Абдусалом Мамадназаров. Душанбе: ЭР-граф, 2022. 156 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.3. Душанбе: Дониш, 1989. 224 с.
4. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 2. Душанбе, 1973. 392 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Назарова Ш. Масъалаҳои тарҷумаи синтаксисии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. Душанбе: ЭР-граф, 2015. 180 с.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.
8. Раҳимзода Б. Синтаксисии забони тоҷикӣ. Душанбе: Ирфон, 1976. С. 90 – 145.
9. Тихонов А.А. Английский язык: теория и практика перевода: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 120 с.
10. Тетерукова И.М. Грамматические трансформации текста при переводе (на материале итальянского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2009. 21 с.

References

1. Aini Sadriddin. Kahramoni halqi toik Temurmalik. Iseni Mukanna. Tarhuma ba zaboni anglisi va sarsukhani professor Abdusalom Mamadnazarov. Dushanbe: ER-graf, 2022. 156 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). M.: International. relations, 1975. 240 p.
3. Grammar and zaboni adabii khozirai tojik. z.3. Dushanbe: Donish, 1989. 224 p.
4. Zaboni adabii gozirai tojik. Qismi 2. Dushanbe, 1973. 392 p.
5. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 253 p.
6. Nazarova Sh. Translation Theory and Translation Practice. Dushanbe: ER-graph, 2015. 180 p.

7. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p.
8. Rahimzoda B. Translation Theory. Dushanbe: Irfon, 1976. P. 90 – 145.
9. Tikhonov A.A. English: Theory and Practice of Translation: A Study Guide. Moscow: Prospect, 2015. 120 p.
10. Teterukova I.M. Grammatical Transformations of the Text in Translation (Based on Italian and Russian): Abstract of Cand. Sci. (Philology): 10.02.20. Moscow, 2009. 21 p.

Информация об авторах

Содикова Р.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжанд

© Содикова Р.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-240-249

¹ Цитриков М.Е., ¹ Хатямова М.А.

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет

Роль субъектной сферы в становлении лирического сюжета книги Саши Черного «Сатиры»

Аннотация: творчество Саши Черного занимает особое место в поэзии Серебряного века благодаря яркой сатирической направленности и сложной субъектной организации лирики. Статья посвящена анализу роли субъектной сферы в формировании лирического сюжета первой книги поэта «Сатиры» (1910). Исследуется система лирических субъектов (лирический герой, ролевые герои-маски, автор-повествователь, безличный повествователь), характер их взаимодействия и динамика соотношения в разных циклах сборника. Актуальность работы связана с недостаточной изученностью субъектной организации ранней лирики Саши Черного, несмотря на неоднократные упоминания форм лирического героя и ролевой лирики в статьях исследователей, посвященных его творчеству. В «Сатирах» лирический герой выступает сквозным субъектом книги, обладая психологическим, биографическим и речевым единством. В начальных циклах лирический герой склонен к автосатире и самотипизации, осознавая свою причастность к обывательскому миру и к духовному кризису интеллигенции. Наряду с лирическим героем в сборнике действуют ролевые маски (эпигоны-декаденты, обыватели, политики), которые саморазоблачаются через пародийное снижение собственной позиции. Автор-повествователь и безличный повествователь преобладают в циклах «Быт» и «Провинция», ориентированных на объективное изображение нравов. Лирический сюжет книги раскрывает кризис индивидуального существования в социокультурном пространстве начала XX века от констатации духовной нищеты к попытке обретения подлинности в природе, любви и искусстве. Субъектная организация становится главным механизмом развертывания лирического сюжета и самоопределения поэтической личности Саши Черного.

Ключевые слова: Серебряный век, Саша Черный, книга «Сатиры», поэтическая личность, лирический субъект, лирический сюжет, сатира, субъектная организация

Для цитирования: Цитриков М.Е., Хатямова М.А. Роль субъектной сферы в становлении лирического сюжета книги Саши Черного «Сатиры» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 240 – 249. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-240-249

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Tsitrikov M.E., ¹ Khatyamova M.A.

¹ National Research Tomsk State University

The role of the subjective sphere in the formation of the lyrical plot in Sasha Chorny's book "Satires"

Abstract: Sasha Chorny's work occupies a distinctive place in Silver Age poetry due to its vivid satirical orientation and the complex subjective organization of his lyric poetry. The article is devoted to analyzing the role of the subjective sphere in shaping the lyric plot of the poet's first book, *Satires* (1910). The study examines the system of lyric subjects (the lyric hero, role-playing mask heroes, the author-narrator, the impersonal narrator), the nature of their interaction, and the dynamics of their relationship across the different cycles of the collection. The rele-

vance of the study stems from the insufficient study of the subjective organization of Sasha Chorny's early lyric poetry, despite repeated mentions of the forms of the lyric hero and role-based lyric poetry in scholarly articles devoted to his work. In Satires, the lyric hero acts as the through-line subject of the book, possessing psychological, biographical, and speech unity. In the opening cycles, the lyric hero is inclined toward self-satire and self-typification, recognizing his involvement in the philistine world and in the spiritual crisis of the intelligentsia. Alongside the lyric hero, role-playing masks (decadent epigones, philistines, politicians) act within the collection, exposing themselves through the parodic diminishment of their own position. The author-narrator and the impersonal narrator predominate in the cycles "Byt" [Everyday Life] and "Provintsiya" [The Provinces], which are oriented toward an objective depiction of mores. The lyric plot of the book reveals the crisis of individual existence in the socio-cultural space of the early twentieth century, moving from a statement of spiritual poverty to an attempt to attain authenticity in nature, love, and art. The subjective organization becomes the principal mechanism for unfolding the lyric plot and for the self-definition of Sasha Chorny's poetic identity.

Keywords: Silver Age, Sasha Cherny, Satires book, poetic persona, lyrical subject, lyrical narrative, satire, subjective organization

For citation: Tsitrikov M.E., Khatyamova M.A. The role of the subjective sphere in the formation of the lyrical plot in Sasha Chorny's book "Satires". Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 240 – 249. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-240-249

The article was submitted: June 20, 2026; Approved after reviewing: July 24, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Саша Черный – литературный псевдоним Александра Михайловича Гликберга (1880-1932), одного из заметных поэтов Серебряного века. Мастер едкой сатиры и лирики, он долгое время работал в журнале «Сатирикон», в 1920 году был вынужден покинуть Россию и провел остаток жизни в эмиграции.

Его доэмигрантское творчество характеризуется ярко выраженной сатирической направленностью. Произведения поэта публиковались в различных периодических изданиях, впоследствии объединялись в поэтические циклы, которые составляли основу его книг.

Научное осмысление творчества Саши Черного началось в 1960-е годы, что было связано с возвращением в читательский оборот произведений русских писателей-эмигрантов. Значительный вклад в изучение этого явления внесла Л.А. Спиридонова. В своих работах она ввела понятие «сатириконство» как особое литературное явление, обозначила ключевые особенности поэтики, характерные для авторов журнала [21]. В монографии «Русская сатирическая литература начала XX века» исследовательница определяет место «Сатирикона» среди других сатирических изданий того времени: «Это было европеизированное дитя, похожее на "Simplicissimus", "Fliegende Blätter", "Kladderadtsch", английский "Punch", французский "Le rire", однако рожденное самой живой российской действительностью» [22, с. 97]. Позднее Л.А. Спиридонова проследила дальнейшую творческую судьбу писателей-сатириконцев в условиях эмиграции [23].

Е.Н. Брызгалова внесла вклад в изучение сатириконцев как самостоятельного феномена в контексте серебряного века, проанализировав их творчество в соотношении с тремя ведущими эстетическими направлениями эпохи: символизмом, акмеизмом и футуризмом. Брызгалова показывает, что сатириконцы используют ряд мотивов и образов, близких к символистским, однако их мировосприятие в большей степени сближается с акмеистическим: в центре внимания находится реальная действительность, увиденная глазами обычного человека и переданная через ярко выраженное речевое своеобразие (разговорная интонация, эпиграмматичность) [5].

В современном литературоведении творчество Саши Черного изучается в нескольких направлениях. Мотивная структура его лирики подробно рассмотрена Н.А. Тиботкиной в серии статей и диссертационном исследовании [25-29]. Исследовательница проследила трансформацию мотивной системы поэта на протяжении всего его творческого пути, установив, что в основе этой системы лежат два противопоставления, определяющих каждый из периодов: для раннего, доэмигрантского творчества ключевым является конфликт между окружающей реальностью и недостижимым идеалом, а для эмигрантского периода конфликт проявляется между утраченной родиной и чужой землей.

Е.А. Афанасьева в своей диссертации и ряде статей [1-4] рассматривает книги «Сатиры» и «Сатиры и лирика» как метажанровое образование, в котором происходит диффузное взаимопроникновение сатирического и лирического начал, образуя полижанровое единство. Это проявляется в сочетании традиционных

жанровых форм (баллада, басня, ода и др.) с нетрадиционными, «живописными» и музыкальными номинациями (акварель, пастель, полька и др.).

М.А. Жирковой были написаны статьи, посвященные эмигрантскому периоду творчества Саши Черного [9-11] и прозе для детей [8]. Е.А. Михеичева рассмотрела творчество Саши Черного в русле сатирической традиции [17].

Однако, несмотря на то, что в перечисленных выше работах затрагивается вопрос о специфике соотношения автора и лирического субъекта, а также высказываются отдельные наблюдения относительно лирического героя и ролевого героя в поэзии Саши Черного, субъектная организация его ранней лирики до сих пор не становилась предметом самостоятельного исследования.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является книга стихов Саши Черного «Сатиры» (1910), представляющая собой наиболее репрезентативную крупную поэтическую форму дооктябрьского периода творчества поэта. Предметом исследования выступает субъектная организация лирических произведений, рассматриваемая как ключевой способ самоопределения творческой личности. Цель работы состоит в комплексном изучении субъектной организации книги «Сатиры» (1910) как структурного принципа, обеспечивающего развертывание лирического сюжета [1].

Методологическую основу исследования составляет системно-субъектный подход Б.О. Кормана, представленном в книге «Лирика Некрасова» [15]. Под субъектной организацией понимается совокупность носителей речи, образующих единую систему внутри художественного произведения. Такой подход дает возможность рассматривать произведение как взаимодействие разных субъектных форм и соотносить речевую организацию текста с его художественной структурой.

Вслед за Б.О. Корманом в работе разграничиваются биографический автор и автор как художественная инстанция, организующая произведение [16, с. 9]. В работе используются категории лирического героя, ролевого героя, повествователя и безличного повествователя. Лирический герой понимается как субъект речи, обладающий психологическим и биографическим единством в пределах книги стихов, тогда как ролевой герой представляет собой самостоятельного носителя сознания, отличного от автора, Автор-повествователь, в свою очередь, организует изображение внешнего мира, не становясь непосредственным объектом изображения.

Такое понимание субъектной организации представляется продуктивным применительно к книге «Сатиры». Несмотря на разнообразие субъектных форм, ее художественное единство обеспечивается устойчивой фигурой лирического героя, который сохраняет психологическую и мировоззренческую целостность на протяжении всей книги.

Композицию книги мы рассматриваем, опираясь на понятие лирического сюжета, предложенное Т.И. Сильман. Если эпический сюжет строится на последовательности событий, то лирический сюжет разворачивается через изменение внутреннего состояния субъекта и его отношения к изображаемому миру [20, с. 8]. Отсюда следует, что изменение субъектной организации является одним из основных механизмов сюжетного развития книги Саши Черного.

В исследовании используются герменевтический, структурно-семиотический и историко-типологический методы. Герменевтический анализ позволяет интерпретировать смысловое содержание субъектных форм, структурно-семиотический позволяет выявить закономерности их взаимодействия в композиции книги, историко-типологический метод позволяет соотнести полученные наблюдения с литературным контекстом начала XX века.

Результаты и обсуждения

Первая половина книги Саши Черного «Сатиры» (1910) обращена прежде всего к критическому осмыслению современной общественной жизни. Каждый цикл сосредоточен на конкретной сфере реальности: «Всем нищим духом» – духовный кризис интеллигенции; «Авгиевы конюшни» – на состоянии литературного процесса; «Быт» – на мещанском быте; «Невольная дань» – на политической жизни. Смена объекта сатирического изображения сопровождается изменением субъектной организации. Смена объекта сатирического изображения сопровождается изменением субъектной организации. Также меняется от цикла к циклу соотношение повествовательных субъектов, лирического героя и ролевых героев. В зависимости от изменений в субъектной организации цикла меняются способы изображения действительности вместе с характером авторской оценки.

Цикл «Всем нищим духом», открывающий книгу, вводит центральную субъектную форму сборника – лирического героя. Он является объективированным образом автора, принадлежащего к той же интеллигентской среде, которая становится предметом сатирического изображения. Герой не обособляется от этой

среды, вместе с тем он подвергает собственное сознание тому же анализу, что и окружающую действительность. Самотипизация позволяет выстроить сатирическое изображение: лирический герой оказывается одновременно и субъектом высказывания, и участником изображаемого мира.

Название цикла отсылает к первой заповеди блаженства из Нагорной проповеди (Мф. 5:3): «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». У Саши Черного евангельское выражение переосмысливается с ироническим сдвигом: духовная нищета трактуется как опустошенность и бессодержательность интеллигентского сознания. Образ «нищего духом» задает тон всему циклу, определяя, какими предстают его герои-интеллигенты.

Рольные персонажи раскрывают разные проявления духовной несостоятельности, «духовной нищеты», лирический герой, в свою очередь, обнаруживает собственную причастность к этому состоянию. Благодаря такому построению субъектной сферы критика распространяется и на окружающий мир, и на сам субъект речи.

В центре цикла находится собирательный образ «нищего духом», складывающийся из лирического самонаблюдения, ролевых масок и сатирического обобщения. Уже в открывающем стихотворении «Критику» обозначается принципиальная граница между биографическим автором и лирическим субъектом. Эта дистанция становится одним из важнейших принципов субъектной организации книги и определяет дальнейшее развитие образа лирического героя [31]:

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет»,
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо –
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бородою.

На эту особенность обращала внимание Л.А. Спиридонова, отмечая, что в первом цикле дан обобщенный портрет российского обывателя эпохи реакции: стихи написаны от первого лица, и автор как бы перевоплощается в своего героя, осмеивая его убеждения и мелкие радости [24, с. 35]. Специфику соотношения реального автора и субъекта стихотворений отмечали еще Е. Колтоновская [14] и К. Чуковский [30], а также современный исследователь творчества Саши Черного Н.А. Карпов [13].

Одно из стихотворений цикла под названием «Отъезд Петербуржца» вводит фигуру героя-интеллигента, собирающегося покинуть столицу. Показательно описание дорожного чемодана: клизма и бондаж соседствуют в нем с томиками Бальмонта и Брюсова. Уравнивание значимых для модернизма имен со сниженными бытовыми предметами ставит под сомнение духовный авторитет этой культуры.

Отсутствие у героя устойчивых ценностных ориентиров подчеркнуто и его собственным ироническим самопризнанием: «Был я богоборцем, был я мифотворцем» [31, с. 48]. За перебором культурных масок и поз не стоит реальной духовной глубины, отсюда проистекает мотив бегства: Петербург предстает странством, вызывающим у героя почти физиологическое отторжение («тошнотворство»), и единственным спасением от этого чувства становится природа.

Противопоставление синих кредиток «Синей Птице» высвечивает характерное для лирического героя желание разрешить экзистенциальную проблему практическим, утилитарным способом: «Синие кредитки вместо Синей Птицы / Унесут туда, где солнце, степь и тишь» [31, с. 48].

Лирический герой глубоко переживает страх обезличивания и потери собственной индивидуальности внутри унифицированного социума («Все в штанах, скроенных одинаково»: «Как бы мне не обменяться личностью: / Он войдет в меня, а я в него – Я охвачен полной безразличностью / И боюсь решительно всего...») [31, с. 50]. В городской среде торжествует полное стирание индивидуальных черт, люди становятся неразличимы. В ней происходит полное стирание индивидуальных различий, в результате чего люди становятся практически неотличимы друг от друга. Жизнь вне городской среды осознается героем как потенциальное спасение и подлинное благо, однако она принципиально недостижима для него и потому описывается с горькой иронией.

Тема обезличивающей городской современности воплощается субъектно. Лирический герой цикла, обладая творческим самосознанием, оказывается способен глубоко осознать собственную причастность к «болезням времени». Рефлексивное осознание является источником автосатиры. Автор выявляет пороки современного общества как в окружающих, так и в самом себе. Вместе с этим механизм типизации ведет к сближению лирического героя с рольными, – четкая грань между ними стирается. Через обращение к ме-

стоимению «мы» в ряде стихотворений («Ламентации», «Желтый дом», «Споры», «Интеллигент», «Отбой», «1909») герой констатирует свою принадлежность к несовершенному миру.

В стихотворении «Интеллигент» прием самотипизации реализуется через диалог между лирическим и ролевым героями. Несмотря на внешний бытовой комфорт, ролевой герой находится в состоянии духовного упадка. Лирический герой, задавая вопросы, побуждает ролевого героя к исповеди, которая перерастает в острую самокритику символиста, лишившегося прежних идеалов.

Сквозным мотивом стихотворения (и цикла) является крушение важной для символистов «Вечной Женственности». В заключительной части лирический герой полностью устраняет дистанцию между собой и ролевым героем и признает их родство через прямое доверительное обращение: «Брат! Подвинься немножко». Таким образом, происходит отождествление лирического субъекта с критикуемым интеллигентом. Сходство психологических черт и мировоззренческих позиций лирического героя и ролевых персонажей показывает драму человеческого существования в кризисной социокультурной ситуации начала XX века. Получается, что даже тот, кто ясно осознает проблему, не свободен от ее влияния.

В цикле «Авгиевы конюшни» объектом сатирического изображения становится современная литературная жизнь. Основную роль в субъектной организации цикла играют ролевые герои, представляющие различные варианты литературного сознания начала XX века. Их монологи построены по принципу саморазоблачения и раскрывают духовную и творческую несостоятельность эпигонов символизма. Лирический герой занимает иную позицию, он выступает носителем представления о подлинном назначении искусства и соотносит с ним изображаемые литературные явления.

Основу художественной структуры цикла составляет пародия («Стилизованный осел», «Недоразумение», «Переутомление», «Сиропчик», «Молил поэта Блок-поэт»). Она организует взаимодействие различных субъектных голосов и определяет характер их отношений. «Чужое» слово вводится через ролевые маски, воспроизводящие особенности символистской и декадентской поэтики. Лирический сюжет развивается как последовательное раскрытие несостоятельности этих эстетических позиций. В центре оказывается вопрос о месте искусства современной культуре и о возможности сохранения художественной подлинности в рамках литературной среды, которая ориентирована на эпатаж и литературную моду.

В стихотворении «Стилизованный осел», построенном как монолог поэта-декадента, наиболее явно реализуется такой принцип. Подзаголовок «Ария для безголосых» задает пародийную перспективу, с иронией переосмысляя символистское представление о музыкальной природе поэзии. Ролевая маска складывается из узнаваемых и доведенных до гротеска черт литературной моды начала века. Героя последовательно разоблачает себя своими же высказываниями, обнаруживает свою зависимость от внешнего эффекта, позы и стремления к литературной известности.

Саморазоблачение поддерживается через систему образов. Претензию героя на художественную исключительность разрушает сниженная образность («Я люблю апельсины и все, что случайно рифмуется...», «Попишу животом и ноздрей...» [31, с. 87]). Разбитый фонарь, который «не светит», приобретает символическое значение: искусство более не способно открывать человеку смысл действительности. Такое же значение имеют детали божественного существования героя и его самоопределение как «волдыря на сиденье прекрасной российской словесности». Стремление к эпатажу, литературной славе, и демонстративное презрение к читателю образуют единый тип сознания, который постепенно раскрывается в монологе.

Движение сюжета в цикле строится на последовательном появлении ролевых масок. Каждая из них проходит путь от самопрезентации к саморазоблачению. Так, Саша Черный обличает внутреннюю несостоятельность эстетических установок, которые основываются на культе формы, литературной моде и на стремлении к внешнему эффекту через пародию.

В цикле «Всем нищим духом» самотипизация позволяла распространить сатирическую оценку на самого лирического героя, в то время как в цикле «Авгиевы конюшни» ведущей формой становится ролевая маска. В связи с этим критическая перспектива переносится на различные типы литературного сознания.

В цикле «Быт» ведущей субъектной формой является безличный повествователь. Благодаря ему создается объективная и отстраненная картина повседневного существования обывателя. Ролевые герои в этом контексте выступают как яркие иллюстрации разнообразных проявлений пошлости, духовного упадка и нравственного падения. Лирический герой возникает в цикле лишь эпизодически. Это усиливает автосатиру сборника и подчеркивает болезненное осознание автором собственной причастности к порокам общества. Специфику субъектной организации определяет тематика цикла, ориентированная на изображение внешнего бытового мира и широкую социальную типизацию.

В цикле «Невольная дань» лирический герой-интеллигент примеряет на себя позицию угнетенного обывателя. С его точки зрения подвергается критике современная политическая действительность. При этом он

одновременно выступает и как поэт, озабоченный цензурными ограничениями и необходимостью использовать приемы умолчания в стихах. Двойственность субъектной позиции лирического героя проявляется в сочетании двух начал: глубокой личностной рефлексии, связанной с поиском нравственных и экзистенциальных принципов существования в условиях политического давления, и острого сатирического осмеяния представителей власти с позиции социально униженного и бесправного человека.

Стихотворения цикла образуют две смысловые группы. В первой лирический герой обращается к политическим событиям, деятельности представителей власти и проблеме цензуры («Цензурная сатира», «Экспромт», «Гармония», «Победа», «Молитва»). Во второй внимание сосредоточено на внутреннем состоянии героя и его попытках осмыслить собственное существование в условиях политического давления («Потомки», «Злободневность»). Через такое распределение материала отражается двойственная субъектная позиция героя, которая объединяет общественную оценку происходящего и личностную рефлексия.

В цикле «Послания» Петербург предстает как давящее пространство, состоящее из пошлости обывательской жизни. Из этого пространства лирический герой стремится вырваться в курортное уединение. Но загородная среда спасением не становится: там работают те же социальные механизмы (пусть и в смягченном виде). Герой обретает лишь относительную свободу от городской масочности. Е.А. Афанасьева указывает, что субъектная рефлексия в цикле организована посредством жанра послания, предполагающего наличие адресата и адресанта. Эта коммуникативная модель определяет характер лирического «я», вступающего в диалог с читателем [2]. Цикл состоит из шести пронумерованных стихотворений, каждое из которых посвящено отдельному аспекту мотива бегства из города. Вместе с тем герой не обретает желанной независимости: необходимость создавать стихотворения на актуальные общественные темы даже вдали от городского пространства говорит о его укорененности в несовершенном миропорядке.

Жанр послания позволяет соединить исповедальное самораскрытие лирического субъекта с сатирическим изображением дачников. Поведение последних во многом воспроизводит обывательское поведение горожан.

В цикле «Провинция» главной субъектной формой повествования является автор-повествователь. По отношению к изображаемому он занимает внешнюю позицию. Дистанция позволяет представить провинциальную жизнь как последовательность отдельных бытовых эпизодов, объединенных общим конфликтом между естественным человеческим чувством и социальными нормами, которые регулируют поведение человека. Меняется художественное пространство книги в сравнении с циклами «Всем нищим духом» и «Быт». Если столица представляла средой духовного отчуждения и обезличивания, то провинция оказывается пространством, в котором еще сохраняется возможность искренних человеческих отношений.

Значительное место в цикле занимают любовно-эротические мотивы. На протяжении всего цикла они сопровождаются иронической интонацией. Тем не менее, ирония не разрушает представления о естественности человеческого чувства. Отстраненная позиция повествователя превращает отдельные стихотворения в подобие картин нравов, в которых частные истории складываются в обобщенный образ провинциальной жизни.

Итоговый цикл «Лирические сатиры» завершает сюжет книги «Сатиры». Само название и заключительное положение в композиции сборника указывают на итоговый характер цикла. Определение «лирические» задает обращение к внутреннему миру субъекта, слово «сатиры» сохраняет связь с ведущей художественной установкой книги. В последнем цикле внимание сосредоточено на сознании лирического героя, но критическое восприятие действительности не исчезает. Оно становится одной из форм его внутреннего опыта и определяет характер отношений героя с окружающим миром.

Заключительный цикл объединяет основные темы и мотивы книги. Лирический сюжет разворачивается вокруг внутренней жизни героя, его отношения к искусству, природе и любви. По сравнению с предыдущими циклами меняется направление внутреннего движения: герой все чаще обращается к собственному сознанию, стремится определить жизненные ценности и свое место в мире. Сатирическое и лирическое начала существуют в постоянном взаимодействии. Их соотношение организует субъектную сферу цикла, которая основывается на противопоставлении «Я» и «Другого».

Большинство стихотворений построено как отдельные жизненные эпизоды, в которых лирический герой оказывается в различных обстоятельствах: на курорте, за работой над стихотворением, во время экзамена, в путешествии. Каждая ситуация становится поводом для самонаблюдения и проверки собственных представлений о мире. Поиск прекрасного связывается с природой, любовью и искусством. Так, в стихотворении «Сквозной ветер» дети воплощают естественную полноту жизни. Их присутствие заставляет героя задуматься о назначении искусства и о том, сохраняет ли оно ценность, когда утрачивает связь с непосредственным человеческим опытом.

Важнейшую роль в субъектной организации цикла играет образ Другого. Лирический герой раскрывается через взаимодействие с различными носителями иного типа сознания. В одних стихотворениях эту функцию выполняет толпа, сохраняющая привычные для книги признаки массового сознания. При этом образ толпы становится более сложным. Карнавальным праздником открывает возможность временного освобождения человека от социальных и культурных условностей, хотя это освобождение не меняет его внутренней сущности. В других стихотворениях Другой получает индивидуальные черты. Доктор, гимназистка, немец, пассажиры поезда представляют различные жизненные установки, на фоне которых отчетливее проявляется мировосприятие лирического героя. Его самоопределение складывается в процессе сопоставления с этими персонажами. Лирический сюжет поиска осмысленного существования развивается как последовательность встреч с разными типами сознания и постепенное осознание собственной ценностной позиции.

Выводы

Итак, субъектная организация выполняет в книге «Сатиры» композиционную функцию и обеспечивает ее художественное единство. Система субъектных форм (лирического героя, ролевых героев, автора-повествователя, безличного повествователя) меняется от цикла к циклу. Эта динамика объединяет тематически разнородные разделы книги и определяет их место в общей композиции.

Развитие книги сопровождается изменением положения лирического героя в системе субъектных отношений. В первых циклах он существует рядом с многочисленными ролевыми субъектами, осознает собственную причастность к изображаемому миру, нередко становится объектом автосатиры. Движение книги получает внутреннюю направленность благодаря тому, что по мере развития книги значение ролевых форм уменьшается, и внутренний мир героя приобретает все большую самостоятельность. Лирический сюжет складывается как история изменения сознания героя.

Каждая субъектная форма получает в книге собственную художественную функцию. Ролевые герои создают социальный портрет эпохи и раскрывают различные варианты обывательского, политического или эстетического сознания. Автор-повествователь и безличный повествователь обеспечивают объективированное изображение социальной среды. Лирический герой соединяет отдельные циклы в единое смысловое пространство. Изменение соотношения этих субъектов сопровождается переходом от преимущественно сатирического изображения общественной жизни к исследованию внутреннего опыта личности.

Особое место занимает цикл «Лирические сатиры», в котором основные линии книги получают завершение. Сатирическое восприятие реальности сохраняется, но уже не определяет движение текста полностью. Центральным становится стремление героя определить собственную систему ценностей, сохранив дистанцию по отношению к миру пошлости. Противопоставление героя и Другого приобретает экзистенциальный характер и становится основой лирического сюжета заключительного цикла.

Список источников

1. Афанасьева Е.А. К вопросу о жанровой системе Саши Черного // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 82. С. 9 – 10.
2. Афанасьева Е.А. Субъектно-объектная организация цикла «Послания» Саши Черного // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 11 (105). С. 41 – 44.
3. Афанасьева Е.А. Сатира и лирика как предмет рефлексии Саши Черного // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11. С. 51 – 55.
4. Афанасьева Е.А. Поэтика эпиграмм Саши Черного // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11. С. 10 – 16.
5. Брызгалова Е.Н. Творчество сатириков в литературной парадигме Серебряного века: монография. Тверь: Издатель А. Ушаков, 2006. 318 с.
6. Громова Т.Ю., Сейилханова Ф.У. Бестиарий Саши Черного в творчестве для детей // Художественная картина мира в фольклоре и литературе: материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 29-30 апреля 2022 года. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева. 2022. С. 64 – 67.
7. Гинзбург Л.Я. О лирике. Ленинград: Советский писатель, 1964. 408 с.
8. Жиркова М.А. Автор и его герои в повести Саши Черного «Чудесное лето» (1929) // Детские чтения. 2025. Т. 27. № 1. С. 60 – 76.
9. Жиркова М.А. Публикации Саши Черного для детей в 1920-1930-х годах и их оценка эмигрантской критикой // Art Logos. 2024. № 1. С. 59 – 79.
10. Жиркова М.А. Один день из жизни русского эмигранта. К проблеме эволюции поэзии Саши Черного в эмиграции // Новый филологический вестник. 2021. № 4 (59). С. 217 – 229.

11. Жиркова М.А. Образ Прекрасной Дамы в стихотворении Саши Черного «Дитя» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 6. С. 2325 – 2330.
12. Карпов Н.А. Проблема мизогинии в творчестве Саши Черного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 3. С. 547 – 565.
13. Карпов Н.А. К проблеме автора и героя в поэзии Саши Черного // Поэтика комического в русской литературе XX-XXI веков / составитель, ответственный редактор Д.Д. Николаев. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. 2019. С. 72 – 82.
14. Колтоновская Е.А. Новая сатира // Сибирская жизнь. Томск. 1910. 29 августа. С. 3.
15. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1964. 390 с.
16. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. Москва: Просвещение, 1972. 110 с.
17. Михеичева Е.А. Традиции А.К. Толстого-сатирика в творчестве Саши Черного // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 144 – 151.
18. Охупкина П.М. Адресат в хронотопе «Дневника Фокса Микки» Саши Черного // 1920-е и 2020-е: взгляд сквозь столетие: материалы XXVI Шешуковских чтений. Москва, 28 января 2021 года / под ред. Л.А. Трубиной. Москва: Московский педагогический государственный университет. 2022. С. 233 – 237.
19. Потапова М.А. Афоризм как жанровый эксперимент Саши Черного (на материале «Сатиры в прозе») // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 22 мая 2025 года. Москва: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. 2025. С. 691 – 695.
20. Сильман Т.И. Заметки о лирике. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. 223 с.
21. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатирикеры / отв. ред. А.Г. Дементьев. Москва: Наука, 1968. 456 с.
22. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. Москва: Наука, 1977. 304 с.
23. Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха: комическое в литературе русского зарубежья. Москва: Наследие, 1999. 335 с.
24. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Литературный путь Саши Черного // Черный С. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1960. С. 23 – 67.
25. Тиботкина Н.А. Мотив как «тема неразложимой части произведения» (функционирование мотива разоблачения в лирике Саши Черного) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2008. № 29 (89). Вып. 15. С. 184 – 188.
26. Тиботкина Н.А. «Маскарадность» в лирике Саши Черного (или мотив одинаковости, безликости) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2008. Т. 14. № 2. С. 142 – 145.
27. Тиботкина Н.А. Мотив скуки / тоски в раннем сборнике стихов Саши Черного «Сатиры» // Русская литература и журналистика: актуальные проблемы жанра и стиля: сборник научных трудов / под ред. А.М. Бойникова. Тверь: Тверской государственный университет. 2007. С. 68 – 73.
28. Тиботкина Н.А. Мотивы света и тьмы в книге стихов Саши Черного «Сатиры» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. № 43 (181). Вып. 39. С. 134 – 137.
29. Тиботкина Н.А. Мотив памяти в поздней лирике Саши Черного (эмигрантский период) // Казанская наука. 2010. № 8. Вып. 2. С. 122 – 126.
30. Чуковский К.И. Саша Черный // Черный С. Стихотворения / вступительная статья и общая редакция К. Чуковского; критико-биографический очерк, подготовка текста и примечания Л.А. Евстигнеевой. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1960. С. 5 – 22.
31. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916 / составление, подготовка текста и комментарии А.С. Иванова. Москва: Эллис Лак, 1996. 464 с.

References

1. Afanasyeva E.A. On the Genre System of Sasha Cherny. Bulletin of the Orenburg State University. 2008. No. 82. P. 9 – 10.
2. Afanasyeva E.A. Subject-Object Organization of the "Messages" Cycle by Sasha Cherny. Bulletin of the Orenburg State University. 2009. No. 11 (105). P. 41 – 44.

3. Afanasyeva E.A. Satire and Lyrics as a Subject of Sasha Cherny's Reflection. Bulletin of the Orenburg State University. 2010. No. 11. P. 51 – 55.
4. Afanasyeva E.A. Poetics of Sasha Cherny's Epigrams. Bulletin of the Orenburg State University. 2011. No. 11. P. 10–16.
5. Bryzgalova E.N. The Works of the Satirikon Writers in the Literary Paradigm of the Silver Age: Monograph. Tver: Publisher A. Ushakov, 2006. 318 p.
6. Gromova T.Yu., Seyilkhanova F.U. Sasha Cherny's Bestiary in Children's Works. Artistic Picture of the World in Folklore and Literature: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Astrakhan, April 29–30, 2022. Astrakhan: V.N. Tatishchev Astrakhan State University. 2022. P. 64 – 67.
7. Ginzburg L.Ya. On Lyrics. Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1964. 408 p.
8. Zhirkova M.A. The Author and His Characters in Sasha Cherny's Story "Wonderful Summer" (1929). Children's Readings. 2025. Vol. 27. No. 1. P. 60 – 76.
9. Zhirkova M.A. Sasha Cherny's Publications for Children in the 1920s–1930s and Their Assessment by Émigré Critics. Art Logos. 2024. No. 1. P. 59 – 79.
10. Zhirkova M.A. One Day in the Life of a Russian Émigré. On the Problem of the Evolution of Sasha Cherny's Poetry in Emigration. New Philological Bulletin. 2021. No. 4 (59). P. 217 – 229.
11. Zhirkova M.A. The Image of the Beautiful Lady in Sasha Cherny's Poem "Child". Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 18. Iss. 6. P. 2325 – 2330.
12. Karpov N.A. The Problem of Misogyny in the Works of Sasha Cherny. Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2024. Vol. 21. No. 3. P. 547 – 565.
13. Karpov N.A. On the Problem of Author and Hero in the Poetry of Sasha Cherny. Poetics of the Comic in Russian Literature of the 20th–21st Centuries. Compiler, editor-in-chief D.D. Nikolaev. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. 2019. P. 72 – 82.
14. Koltonovskaya E.A. New Satire. Siberian Life. Tomsk. 1910. August 29. 3 p.
15. Korman B.O. N.A. Nekrasov's Lyrics. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1964. 390 p.
16. Korman B.O. Study of the Text of a Work of Art. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 110 p.
17. Mikheicheva E.A. Traditions of A.K. Tolstoy the Satirist in the Works of Sasha Cherny. Bulletin of Bryansk State University. 2017. No. 3 (33). P. 144 – 151.
18. Okhapkina P.M. The Addressee in the Chronotope of Sasha Cherny's "The Diary of Fox Mickey". The 1920s and 2020s: A Look Through the Century: Proceedings of the 26th Sheshukov Readings. Moscow, January 28, 2021. Ed. L.A. Trubina. Moscow: Moscow State Pedagogical University. 2022. P. 233 – 237.
19. Potapova M.A. Aphorism as a Genre Experiment by Sasha Cherny (based on "Satire in Prose"). Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, May 22, 2025. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 2025. P. 691 – 695.
20. Silman T.I. Notes on Lyrics. Leningrad: Sovetsky Pisatel. Leningrad Branch, 1977. 223 p.
21. Spiridonova (Evstigneeva) L.A. The Magazine "Satyricon" and the Satiricon Poets. Ed. A.G. Dementyev. Moscow: Nauka, 1968. 456 p.
22. Spiridonova (Evstigneeva) L.A. Russian Satirical Literature of the Early 20th Century. Moscow: Nauka, 1977. 304 p.
23. Spiridonova L.A. Immortality of Laughter: The Comic in the Literature of the Russian Diaspora. Moscow: Nasledie, 1999. 335 p.
24. Spiridonova (Evstigneeva) L.A. The Literary Path of Sasha Cherny. Cherny S. Poems. Leningrad: Sovetsky pisatel, 1960. P. 23 – 67.
25. Tibotkina N.A. Motif as "the Theme of the Indivisible Part of the Work" (the Functioning of the Motif of Exposure in Sasha Cherny's Lyrics). Bulletin of Tver State University. Philology Series. 2008. No. 29 (89). Iss. 15. P. 184 – 188.
26. Tibotkina N.A. "Masquerade" in Sasha Cherny's Lyrics (or the Motif of Sameness, Facelessness). Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University. Scientific and Methodological Journal. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 142 – 145.
27. Tibotkina N.A. The Motif of Boredom/Melancholy in Sasha Cherny's Early Collection of Poems "Satires". Russian Literature and Journalism: Current Issues of Genre and Style: Collection of Scientific Papers. Ed. A.M. Boynikov. Tver: Tver State University. 2007. P. 68 – 73.
28. Tibotkina N.A. Motifs of Light and Darkness in Sasha Cherny's Book of Poems "Satires". Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series "Philology. Art Criticism". 2009. No. 43 (181). Iss. 39. P. 134 – 137.

29. Tibotkina N.A. The Motif of Memory in Sasha Cherny's Late Lyrics (Emigrant Period). Kazan Science. 2010. No. 8. Iss. 2. P. 122 – 126.

30. Chukovsky K.I. Sasha Cherny. Cherny S. Poems. Introductory Article and General Editing of K. Chukovsky; critical-biographical essay, preparation of text and notes by L.A. Evstigneeva. Leningrad: Soviet writer. Leningrad branch. 1960. P. 5 – 22.

31. Cherny S. Collected works: in 5 volumes. T. 1: Satires and lyrics. Poems. 1905-1916. Compilation, preparation of text and comments by A.S. Ivanova. Moscow: Ellis Luck, 1996. 464 p.

Информация об авторах

Цитриков М.Е., кафедра истории русской литературы XX-XXI веков и литературного творчества, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

Хатямова М.А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX-XXI веков и литературного творчества, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

© Цитриков М.Е., Хатямова М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 81'42+070+316.75

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-250-256

¹ Шакович Ю.В.

¹ Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького

Лингвосемиотические механизмы формирования образа противника в газетном медиадискурсе периода ВОВ

Аннотация: в статье рассматриваются лингвосемиотические механизмы формирования образа противника в газетном медиадискурсе периода Великой Отечественной войны. Исследование выполнено в рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» и ориентировано на анализ газетного текста как институциональной формы массовой коммуникации. Выявлены номинативные, оценочные, метафорические, композиционные и визуально-графические средства репрезентации противника. Установлено, что образ противника в прессе военного времени конструировался не только через прямую оценку, но и посредством устойчивых семиотических оппозиций, жанровой организации, заголовочного комплекса и риторики коллективной идентичности.

Ключевые слова: медиакоммуникации, журналистика, газетный медиадискурс, Великая Отечественная война, лингвосемиотика, образ противника, медиарепрезентация, газетный текст, риторика, визуально-вербальный код

Для цитирования: Шакович Ю.В. Лингвосемиотические механизмы формирования образа противника в газетном медиадискурсе периода ВОВ // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 250 – 256. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-250-256

Поступила в редакцию: 21 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Shakovich Yu.V.

¹ Donetsk State Medical University
named after M. Gorky

Linguistic and semiotic mechanisms of enemy image formation in the newspaper media discourse of the Great Patriotic War period

Abstract: the article examines the linguistic and semiotic mechanisms of forming the enemy's image in the newspaper media discourse of the period of the Great Patriotic War. The research was carried out within the framework of the scientific specialty 5.9.9 "Media Communications and Journalism" and is focused on the analysis of newspaper text as an institutional form of mass communication. Nominative, evaluative, metaphorical, compositional, and visual-graphic means of representing the opponent are revealed. It is established that the image of the enemy in the wartime press was constructed not only through direct assessment, but also through stable semiotic oppositions, genre organization, the headline complex and the rhetoric of collective identity.

Keywords: media communications, journalism, newspaper media discourse, the Great Patriotic War, linguosemiotics, enemy image, media presentation, newspaper text, rhetoric, visual-verbal code

For citation: Shakovich Yu.V. Linguistic and semiotic mechanisms of enemy image formation in the newspaper media discourse of the Great Patriotic War period. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 250 – 256. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-250-256

The article was submitted: June 21, 2026; Approved after reviewing: July 25, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Газетный медиадискурс периода Великой Отечественной войны представляет собой особый тип институциональной коммуникации, в котором информационная, идеологическая, эмоционально-мобилизационная и ценностно-консолидирующая функции образуют единую семиотическую систему, поскольку печатная пресса 1941-1945 гг. не только передавала сведения о ходе событий, но и формировала устойчивые модели интерпретации действительности, задавала параметры коллективного восприятия, выстраивала систему противопоставлений и закрепляла в массовом сознании образы ключевых субъектов исторического процесса [1, с. 17].

Одним из центральных объектов такой репрезентации являлся образ противника, так как в газетном тексте он создавался не как нейтральная информационная единица, а как медиасемиотический конструкт, включающий номинации, оценочные характеристики, метафоры, визуальные акценты, композиционное расположение и жанровые формы подачи материала, а потому в условиях военного времени образ противника выполнял важную коммуникативную функцию, то есть он способствовал структурированию картины мира, разграничению «своего» и «чужого», усилению эмоциональной вовлечённости аудитории и поддержанию коллективной устойчивости [2, с. 21].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа прессы периода ВОВ с позиций современных медиакommunikаций и журналистики, из-за чего традиционное историко-фактографическое изучение газетных публикаций целесообразно дополнить лингвосемиотическим подходом, позволяющим рассмотреть не только содержание сообщений, но и механизмы производства смысла, а потому особую значимость приобретает изучение газетного текста как медиадискурсивной практики, где язык, композиция, визуальность и жанровая форма выступают взаимосвязанными средствами общественной коммуникации [3, с. 51].

Цель статьи – выявить и описать лингвосемиотические механизмы формирования образа противника в газетном медиадискурсе периода Великой Отечественной войны, объектом исследования является газетный медиадискурс 1941-1945 гг., а предметом – языковые, семиотические, риторические и композиционно-графические средства репрезентации противника в публикациях военного времени [4, с. 31].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составляют медиадискурсивный, лингвосемиотический, медиалингвистический, риторический и функционально-коммуникативный подходы, так как, например, медиадискурсивный подход позволяет рассматривать газетную публикацию как институционально организованное высказывание, предназначенное для массового адресата, лингвосемиотический анализ направлен на выявление знаковых средств, посредством которых в тексте формируется образ социального субъекта, медиалингвистический – обеспечивает описание языковых ресурсов журналистского текста в их связи с каналом коммуникации, жанром и прагматической задачей [5, с. 85].

Теоретически значимыми для настоящего исследования являются работы, посвящённые архитектонике репортажных форм, психолингвистическим параметрам медиавоздействия, медиалингвистике прямого включения, визуально-вербальной структуре репортажа и нормативным аспектам медиакommunikации, в связи с чем исследование архитектоники прямоэфирных видов репортажа показывает, что событие в медиа получает смысл через последовательную композиционную организацию и особый режим присутствия адресата [1] и хотя газета периода ВОВ относится к печатному формату, для неё также характерно стремление создать эффект приближения читателя к событию [6, с. 27].

Психолингвистический аспект воздействующих компонентов прямого включения важен для понимания того, как медиатекст управляет вниманием, эмоциональной реакцией и интерпретационной установкой аудитории [2], в связи с чем работы известного медиалингвиста Донбасса С.В. Карпия о медиалингвистике прямого телевизионного включения и о вещании как сфере функционирования медиалингвистики позволяют рассматривать журналистскую речь как специализированную форму публичного дискурса, подчинённую задачам оперативной репрезентации события [3, 4], вследствие чего исследование региональной

печати Донбасса в 1919-1932 гг. демонстрирует значимость локального газетного пространства как самостоятельного историко-коммуникативного феномена [5, 7, с. 31].

Материалы, посвящённые построению устной речи в прямом включении, приёмам визуализации, медиаправовым стандартам и визуально-вербальным составляющим репортажа, используются в статье как теоретические ориентиры при анализе адресности, выразительности, нормативности и композиционной организации газетного сообщения [6-10].

Результаты и обсуждения

Газетный медиадискурс периода ВОВ как система репрезентации. Газетный медиадискурс военного времени характеризуется высокой степенью функциональной напряжённости, поскольку в нём информационное сообщение практически никогда не существует изолированно от оценки, потому что даже краткая заметка, хроникальная сводка или корреспонденция включают элементы интерпретации, поскольку сам выбор факта, заголовка, лексической номинации и композиционного акцента задаёт определённую модель понимания события [9, с. 87].

Образ противника в данном дискурсе формируется в рамках базовой семиотической оппозиции «свой – чужой», поскольку данная оппозиция является не только содержательной, но и структурной, так как она проявляется в распределении субъектных ролей, в выборе глагольных предикатов, в характеристике действий, в системе эпитетов, в способах цитирования и в сопоставлении индивидуального и коллективного начал, из-за чего «свой» субъект в газетном тексте соотносится с категориями защиты, труда, стойкости, долга, коллективной ответственности и морального превосходства, а «чужой» субъект, напротив, маркируется через семантику угрозы, разрушения, агрессии, безличности и ценностной отчуждённости [10, с. 27].

Семиотическая специфика газетного текста состоит в том, что образ противника конструируется не только прямыми названиями, в связи с чем значимым оказывается весь комплекс медиазнаков – рубрика, заголовок, порядок размещения публикаций, соседство материалов на полосе, шрифтовое выделение, иллюстрация, подпись к изображению, жанровая маркировка, из-за чего в данном смысле газета выступает как визуально-вербальная система, где смысл создаётся взаимодействием языкового и графического кодов, вследствие чего современные исследования визуально-вербальной структуры репортажа подтверждают, что медиасообщение воспринимается как целостная композиция, а не как простая сумма отдельных фраз [1, с. 18, 10].

Номинативный механизм формирования образа противника. Первым и наиболее очевидным лингвосомиотическим механизмом является номинация, а потому в газетном медиадискурсе периода ВОВ номинации противника выполняли идентифицирующую, оценочную и прагматическую функции, потому что они не только обозначали субъект действия, но и сразу включали его в определённую ценностную рамку [2, с. 22].

Номинативный ряд мог строиться по принципу обобщения, когда противник представлялся как коллективная сила, лишённая индивидуальной сложности, так как данная стратегия усиливала семантику массовой угрозы и позволяла тексту говорить не о частном участнике события, а о типизированном носителе враждебного действия, причём индивидуальные имена представителей противника в газетных публикациях обычно не получали развернутой психологической характеристики, так как они функционировали как элементы доказательного или хроникального ряда, а не как полноценные персональные образы [3, с. 52].

Особое значение имели оценочные номинации, поскольку они задавали эмоциональный тон сообщения и сокращали дистанцию между фактом и его интерпретацией, а в медиалингвистическом отношении такие номинации являются не просто стилистическими украшениями, а инструментами смысловой категоризации, а потому через них адресат получает готовую схему восприятия, в которой противник заранее помещён в область негативной аксиологии [4, с. 32].

Номинация также связана с механизмом деперсонализации, так как противник часто репрезентируется как совокупность действий, приказов, наступлений, разрушений, а не как индивидуальный субъект с внутренней мотивацией и в лингвосомиотическом плане это означает, что образ строится вокруг функции угрозы, потому что обозначенный способ репрезентации усиливает чёткость границы между коллективным «мы» и внешним «они» [5, с. 86].

Оценочно-аксиологический механизм. Второй механизм связан с системой оценок, так как газетный медиадискурс периода ВОВ обладает выраженной аксиологической полярностью, и оценка в нём проявляется на лексическом, синтаксическом, композиционном и жанровом уровнях, вследствие чего противник изображается через негативно маркированные признаки, которые противопоставляются положительным характеристикам собственного коллективного субъекта [6, с. 28].

Аксиологическая организация текста может быть описана как система смысловых контрастов, то есть разрушение – созидание, нападение – защита, жестокость – стойкость, хаос – организованность, безличная

сила – нравственно мотивированный коллектив, потому что данные противопоставления работают как семиотические матрицы, повторяющиеся в разных жанрах – передовой статье, очерке, корреспонденции, заметке, репортаже, письме с фронта [7, с. 32].

Оценка часто усиливается через синтаксические конструкции, то есть краткие фразы, парцелляция, риторические восклицания, перечисления и градации создают эффект эмоционального давления, из-за чего психолингвистические исследования медиавоздействия позволяют объяснить подобные средства как способы управления восприятием адресата, поскольку они задают интенсивность реакции и ритм чтения [2], а потому в газетном тексте военного времени данные приёмы были особенно значимы, поскольку публикация должна была быть не только понятной, но и воздействующей [8, с. 50].

Метафорический и символический механизмы. Метафора является одним из ключевых инструментов формирования образа противника, потому что в газетном медиадискурсе периода ВОВ метафоризация позволяла представить противника не только как участника конкретного события, но и как символ определённого антиценностного начала, вследствие чего через метафоры создавался обобщённый образ, выходящий за пределы отдельного факта [9, с. 88].

Наиболее продуктивными являлись метафоры разрушительной стихии, механической силы, болезни, тьмы, хищничества, так как их функция заключалась в семиотическом упрощении и эмоциональном усилении образа, и противник в данной системе изображался как угроза нормальному порядку жизни, культурной памяти, человеческому достоинству и коллективному будущему, из-за чего метафорический код позволял объединять конкретные события в единую смысловую картину [10, с. 28].

Символический механизм тесно связан с метафорическим, но действует шире, потому что он включает устойчивые образы пространства, цвета, света, движения, границы, то есть, например, противопоставление света и тьмы в газетной риторике может выполнять не описательную, а ценностно-ориентирующую функцию, из-за чего пространственная символика также важна – «линия фронта», «родной город», «завод», «поле», «дом», «дорога» становятся знаками коллективного мира, которому противопоставляется внешняя угроза [1, с. 19].

Жанрово-композиционный механизм. Образ противника зависит от жанра публикации, из-за чего в хроникальной заметке он формируется через сжатую фактографическую номинацию и предикаты действия, в корреспонденции – развёртывание эпизода, описание последствий, включение свидетельских деталей, в очерке – сопоставление с образом героя или коллектива, в передовой статье – обобщённую публицистическую оценку и аргументативную структуру [2, с. 23].

Репортажность занимает особое место в данном процессе, потому что как показывают исследования архитектоники репортажных форм, медиасобытие организуется посредством последовательности наблюдаемых фрагментов, смены планов и эффекта присутствия [1], то есть в газетах периода ВОВ репортажный принцип позволял формировать образ противника через динамику действия, вследствие чего читатель не просто узнавал о событии, а как бы следовал за его развитием, то есть видел последствия, слышал свидетельства, воспринимал пространственные и временные маркеры [3, с. 53].

Работы о построении устной речи в прямом включении позволяют расширить понимание репортажности как коммуникативной стратегии, ориентированной на оперативность, адресность и выразительность [6], в связи с чем в печатной прессе данные свойства реализовывались через особую организацию письменной речи, то есть короткие фразы, глагольную насыщенность, прямую речь, авторские ремарки и детализацию обстановки [4, с. 33].

Композиционно образ противника часто выстраивался по принципу контраста, то есть сначала обозначалось действие противника, затем показывалась реакция собственного коллективного субъекта, после чего следовало ценностное обобщение, поскольку подобная структура обеспечивала не только информирование, но и интерпретационное завершение текста, так как читатель получал не фрагментарный факт, а семантически оформленный эпизод [5, с. 87].

Визуально-графический механизм. Газетный медиадискурс не сводится к вербальному тексту, потому что визуально-графическая организация полосы является самостоятельным каналом смыслообразования, в связи с чем заголовки, подзаголовки, рубрики, шрифтовые акценты, рамки, фотографии, карикатуры и подписи формируют особую семиотическую среду, в которой образ противника получает дополнительную выразительность [6, с. 29].

Заголовочный комплекс играет первичную интерпретационную роль, потому что он не просто сообщает тему, но задаёт оценочный режим чтения, а потому в условиях ограниченного времени восприятия именно заголовок становится точкой смыслового входа в публикацию, так как он может усиливать образ угрозы,

фиксировать результат действия, противопоставлять субъектов или переводить конкретное событие в обобщённый символический план [7, с. 33].

Приёмы визуализации, исследуемые применительно к современным формам прямого включения, позволяют понять общую закономерность медиакommunikации, потому что визуальный элемент не дублирует слово, а участвует в организации внимания и эмоциональной реакции [7], из-за чего в газетах периода ВОВ визуальность была технически ограниченной, однако её значение оставалось высоким, но даже шрифтовое выделение или расположение материала на первой полосе могли усиливать прагматический эффект публикации [8, с. 51].

Особую функцию выполняла карикатура, так как она переводила образ противника в сатирический код, снижала его символическую мощь и одновременно закрепляла негативную оценку, из-за чего карикатурная репрезентация соединяла визуальную узнаваемость, гротеск и публицистическую оценку, но в семиотическом отношении она служила средством эмоционального контроля: противник представлялся не только опасным, но и морально несостоятельным [9, с. 89].

Прагматический механизм и адресат газетного текста. Формирование образа противника в газетном медиадискурсе неотделимо от фигуры адресата, так как газета военного времени обращалась к читателю как к члену коллективного сообщества, включённому в общую систему ответственности, из-за чего образ противника создавался не ради описания самого по себе, а ради организации определённой коммуникативной реакции [10, с. 29].

Прагматический механизм проявлялся в том, что негативная репрезентация противника одновременно усиливала позитивную самоидентификацию адресата, так как читатель видел не только «чужого», но и образ «своих» ценностей, норм и действий, потому что данным образом медиадискурс формировал бинарную модель мира, где противник выступал необходимым элементом ценностного самоопределения [3, с. 54].

Важным компонентом являлась адресная мобилизационная риторика, которая реализовывалась через обращения, императивные конструкции, коллективные местоимения, призывы, формулы долга и ответственности, поскольку данные элементы превращали газетный текст в коммуникативное действие, так как он не только описывал реальность, но и побуждал адресата занять определённую позицию [5, с. 88].

С точки зрения медиаправовых и нормативных аспектов, изучаемых в современных исследованиях прямого включения, публичное сообщение всегда связано с ответственностью за точность, допустимость и последствия распространения информации [8, 9], а потому для исторического материала периода ВОВ эта проблема должна рассматриваться с учётом специфики времени, однако сама категория институциональной ответственности журналистики остаётся методологически значимой [7, с. 34].

Региональный аспект репрезентации. Особое значение имеет региональная пресса, поскольку именно она связывала общегосударственную повестку с локальным опытом аудитории, поскольку региональная газета переводила крупное историческое событие на язык конкретного города, предприятия, семьи, трудового коллектива, благодаря чему образ противника становился не отвлечённой фигурой, а элементом повседневной картины мира читателя [8, с. 52].

Исследование российского учёного С.В. Карпия о печати Донбасса в 1919-1932 гг. показывает, что региональная пресса формирует собственную систему тем, адресатов и коммуникативных приоритетов [5], потому что в период ВОВ эта особенность усиливалась, так как локальное медиапространство становилось площадкой соединения фронтовой информации, тыловой повседневности, производственной мобилизации и коллективной памяти [9, с. 90].

В региональном газетном тексте образ противника часто формировался через последствия его действий для конкретного пространства – «дом», «завод», «шахта», «школа», «улица», «поле» становились знаками локального мира, так как угроза этому миру усиливала эмоциональную значимость публикации и делала образ противника более ощутимым для адресата, из-за чего здесь лингвосемиотический механизм опирался на топонимику, бытовую деталь, локальную хронику и свидетельскую интонацию [10, с. 30].

Выводы

Образ противника в газетном медиадискурсе периода Великой Отечественной войны представляет собой сложный лингвосемиотический конструкт, формируемый на пересечении языка, жанра, композиции, визуально-графической организации и прагматической адресации, поскольку он создавался не только посредством прямых оценочных номинаций, но и через систему устойчивых оппозиций, метафорических моделей, символических кодов, заголовочных комплексов и репортажных стратегий.

К основным механизмам формирования данного образа относятся номинативный, оценочно-аксиологический, метафорический, символический, жанрово-композиционный, визуально-графический и прагматический и каждый из них выполнял собственную функцию, однако в реальном газетном тексте они

действовали синкретично, то есть, например, номинация задавала субъектную рамку, оценка определяла аксиологическую направленность, метафора и символика расширяли смысловой горизонт, композиция организовывала восприятие, визуальные средства управляли вниманием, а прагматическая структура связывала образ противника с коллективной самоидентификацией адресата.

В рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» изучение данной проблематики позволяет уточнить представление о военной прессе как об институциональной медиасистеме, производящей не только информационные сообщения, но и устойчивые общественные смыслы, вследствие чего газетный медиадискурс периода ВОВ демонстрирует высокую степень взаимодействия вербальных и невербальных кодов, жанровой организации и риторического воздействия, а его анализ значим для исторической медиалингвистики, теории журналистики, исследований массовой коммуникации и изучения механизмов медиарепрезентации в кризисных исторических условиях.

Список источников

1. Шокотько Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. [и др.] Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Рукопись». 2023. С. 17 – 20.
2. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. [и др.] Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Манускрипт». 2023. С. 21 – 23.
3. Карпий С.В. Медиалингвистические особенности прямого телевизионного включения // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 51 – 58.
4. Карпий С.В., Игнатенко Г.А. Вещание как сфера функционирования медиалингвистики // Мировые исследования в области естественных и технических наук: материалы VI Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 30 апреля 2023 года. Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф». 2023. С. 31 – 33.
5. Карпий С.В. Печать Донбасса в 1919-1932 гг // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 85 – 92.
6. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Манускрипт». 2023. С. 27 – 29.
7. Цатыньян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. [и др.] Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА. 2023. С. 31 – 34.
8. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. [и др.] Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Рукопись». 2023. С. 49 – 52.
9. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. [и др.] Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Рукопись». 2023. С. 87 – 90.
10. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. [и др.] Структура и визуально-вербальные составляющие прямого репортажа // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА. 2023. С. 27 – 30.

References

1. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A. [et al.] Architectonics of Live Broadcast Reporting Types: History of the Issue. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Studies: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Manuscript". 2023. P. 17 – 20.
2. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. [et al.] Influencing Components of Live Broadcasting: Psycholinguistic Aspect. Modern Trends in the Development of Science and Technology: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House". 2023. P. 21 – 23.
3. Karpiy S.V. Media-linguostylistic features of live television broadcasting. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 4 (23). P. 51 – 58.
4. Karpiy S.V., Ignatenko G.A. Broadcasting as a sphere of media linguistics functioning. World research in natural and technical sciences: materials of the VI International scientific and practical conference. Stavropol, April 30, 2023. Stavropol: Limited Liability Company "Stavropol Publishing House "Paragraph". 2023. P. 31 – 33.
5. Karpiy S.V. The press of Donbass in 1919-1932. Medi@lmanakh. 2022. No. 3 (110). P. 85 – 92.
6. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Construction of oral speech in various types of direct inclusion. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House". 2023. P. 27 – 29.
7. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I. [et al.] Techniques of visualization in direct inclusion and the consequence of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA. 2023. P. 31 – 34.
8. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V. [et al.] Live Inclusion in the Aspect of Media Law Standards and Norms. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis". 2023. P. 49 – 52.
9. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. [et al.] Implementation of a Set of Legal Norms in Live Inclusion. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis". 2023. P. 87 – 90.
10. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. [et al.] Structure and visual-verbal components of live reporting. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA. 2023. P. 27 – 30.

Информация об авторах

Шакович Ю.В., ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького» Минздрава России, г. Донецк, eskalive25@gmail.com

© Шакович Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-257-264

¹ Шалков Д.Ю.

¹ Донской государственный технический университет

Функционально-смысловой синкретизм мифологических и христианских аллюзий в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет»

Аннотация: в статье рассматривается специфика функционирования мифологических и религиозно-христианских аллюзий в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет», а также раскрываются метафилологические механизмы их взаимодействия. Функциональный синкретизм мифологической символики и христианских ассоциативно-семантических микрополей обретает мощный смыслопорождающий потенциал, позволяющий писателю преодолеть конкретно-исторические рамки, придать произведению универсальное, общечеловеческое звучание, в бытовом увидеть бытийное. Для всестороннего раскрытия нарративных стратегий художественного текста и индивидуально-авторских интенций используются элементы историко-литературного, историко-культурологического, генетического, интертекстуального, концептуально-интерпретационного и сравнительного методов анализа наряду с технологией функциональной «мифореставрации». Автор исследования приходит к выводу, что архетипическая символика и соответствующие сюжетные деривации реализуются в повести имплицитно, формируя особые «сверхтекстовые» структуры и виртуальные содержательные пласты, отражающие её онтологическую проблематику.

Ключевые слова: функционально-смысловой синкретизм, образ-символ, мифопоэтика, мифологическое пространство, религиозно-христианские аллюзии, архетипическая парадигма

Для цитирования: Шалков Д.Ю. Функционально-смысловой синкретизм мифологических и христианских аллюзий в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 257 – 264. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-257-264

Поступила в редакцию: 21 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Shalkov D.Yu.

¹ Don State Technical University

Functional and semantic syncretism of mythological and Christian allusions in A.I. Kuprin's short story "The Garnet Bracelet"

Abstract: this article examines the specific functioning of mythological and religious-Christian allusions in A.I. Kuprin's short story "The Garnet Bracelet" and reveals the metaphilological mechanisms of their interaction. The functional syncretism of mythological symbolism and Christian associative-semantic microfields acquires powerful meaning-generating potential, allowing the writer to transcend specific historical boundaries, imbue the work with a universal, pan-human resonance, and discern the existential in the mundane. To comprehensively reveal the narrative strategies of the literary text and the author's individual intentions, elements of literary history, cultural history, genetics, intertextuality, conceptual interpretation, and comparative analysis are used, along with the technique of functional "myth-restoration." The author concludes that archetypal symbolism and corresponding

plot derivations are implicitly realized in the story, forming special "supertextual" structures and virtual layers of content that reflect its ontological problematics.

Keywords: *functional-semantic syncretism, symbolic image, mythopoetics, mythological space, religious-Christian allusions, archetypal paradigm*

For citation: Shalkov D.Yu. Functional and semantic syncretism of mythological and Christian allusions in A.I. Kuprin's short story "The Garnet Bracelet". Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 257 – 264. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-257-264

The article was submitted: June 21, 2026; Approved after reviewing: July 25, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Художественное произведение как особая эстетическая реальность представляет собой многомерную дискурсивную модель, которая содержит систему мотивов и образов, нередко обретающих знаковое, символически ёмкое наполнение. Детали-символы отражают архетипические паттерны, формируя виртуальные содержательные пласты и ассоциативно-метафорические микрополя, которые раскрывают смысловую концепцию литературного текста, его идиориторику, тематику и проблематику. С точки зрения мифопоэтики как способа мировосприятия, «каждое литературное произведение своими корнями восходит к древнему мифу, который и должен служить ключом к интерпретации и пониманию этого произведения» [3, с. 251].

В повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (1910) не упоминаются мифологические онимы, а также отсутствуют прямые отсылки к религиозно-христианским представлениям и мифологическим сюжетам, однако, согласно филологической герменевтике, «принципиально важно не только то, что хотел сказать сам автор, но и то, что объективно сказалось в тексте» [21, с. 151]. Так, Р. Барт был убеждён, что всякий текст перманентно аккумулирует культурные коды, отсылки и смыслы, которые существуют в языке, в социальном опыте поколений и в корпусе предшествующих текстов. В концепции исследователя, «каждый текст является интертекстом». Оценивая текстовое пространство как «поле методологических операций», Р. Барт указывал, что «нечто от Текста» можно обнаружить «в древнем произведении»; в то же время многие из современных творений «вовсе не являются текстами» [2, с. 414-415]. Художественный текст, наряду с другими артефактами, продуцирует бесконечную ткань культуры и является эстетическим пространством, где переплетаются идеологемы, социолекты, дискурсивные практики, жанровые модели и стилевые потоки.

В этом отношении повесть А.И. Куприна «Гранатовый браслет» не является исключением. Она пронизана мифологическими и христианскими аллюзиями – намёками на известные «хорошему», интеллектуальному читателю культурологические универсалии, что позволяет автору вступить в непрерывный диалог с традицией и тем самым обогатить художественный мир произведения дополнительными эмоционально-смысловыми оттенками и нарративными интенциями.

Мифологическое пространство и религиозно-христианский подтекст «Гранатового браслета» многократно становились предметом научных изысканий. В частности, Р.М. Мухамадеева и А.М. Сабитова свидетельствуют о достаточно хорошем знакомстве А.И. Куприна с античной мифологией и высказывают предположение, что описание гранатового браслета в повести могло быть вдохновлено ожерельем Гармонии – древнегреческой богини согласия, дочери Ареса и Афродиты [14]. Образно-смысловые парадигмы «эротологического мифа» и его диалогическое взаимодействие с солярно-хтоническими архетипами, а также с софийной мифологической системой (и её инвариантом – каббалистическим мифом) рассматриваются в цикле статей и монографии Г.М. Ибатуллиной [9].

Образ-символ гранатового браслета в мифопоэтическом контексте; индивидуально-авторские стратегии «южного мифа» А.И. Куприна в формировании хронотопа его прозаических произведений; символика вещных деталей повести (записная книжка в переплёте от старинного молитвенника с орнаментом в виде креста, красная роза, католическая икона Богородицы и другие), включая фольклорные и литературные традиции её репрезентации, подробно освещена в исследованиях Т.А. Пахаревой и С.П. Строкиной [16], Н.А. Резниченко [19], А.М. Ранчина [17].

А.Б. Гришина анализирует семантику имени главной героини в связи с христианским времяисчислением и трактует «Гранатовый браслет» как произведение «литургического склада» из-за близости его идейно-художественной и композиционной структуры к церковному богослужению [6]. Особенности рецепции библейских мотивов и христианских архетипов в творчестве А.И. Куприна представлены в работе

М.С. Черновой [20]. Образ Желткова как аллюзия на евангельского Сеятеля Иисуса Христа раскрывается в статье Ю.А. Жуковой [8].

Актуальность настоящего исследования обусловлена повышенным вниманием современного литературоведения к тем структурно-семантическим компонентам художественного универсума, которые активно и плодотворно рецептируются не только в отечественном, но и в мировом литературном процессе; их культурологическая интерпретация позволяет осмыслить индивидуально-авторские интенции и нарративные стратегии, формирующие идиориторику и смысловую концепцию повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет».

Цель исследования – представить особенности функционирования мифологических и религиозно-христианских аллюзий в произведении и на основе этого раскрыть метафилологические механизмы их взаимодействия.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть образ-символ гранатового браслета и выявить его мифологические источники;
- 2) интерпретировать цветовую, числовую и вещную символику повести в религиозном и мифопоэтическом контекстах;
- 3) охарактеризовать образ Желткова с учётом христианской и архетипической семантики;
- 4) осмыслить смыслопорождающий и концептуально-мировоззренческий потенциал функционального синкретизма христианской аксиологии и мифологической архаики в эмоционально-семантическом пространстве произведения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы можно использовать при разработке практических и лекционных курсов по истории русской литературы XX века; спецкурсов и спецсеминаров по творчеству А.И. Куприна для студентов вузов; а также в школьной практике преподавания литературы. Научно-методологическая разработка темы может стать базой для дальнейшего изучения мифологических и христианских аллюзий и реминисценций в творческом наследии писателя.

Материалы и методы исследований

Для всестороннего раскрытия специфики функционально-смыслового синкретизма мифологических и религиозно-христианских аллюзий в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» используются компоненты историко-литературного, историко-культурологического, генетического, интертекстуального, сравнительного и концептуально-интерпретационного методов анализа наряду с методологией функциональной «мифореставрации». В работе последовательно осуществлён герменевтический подход к проблеме понимания эстетической реальности и соответствующих художественно-онтологических сценариев.

Результаты и обсуждения

Мифопоэтическую парадигму произведения инициирует лейтобраз гранатового браслета, выполняющий функции семантической матрицы и своеобразного «шифра-кода» (термин З.Г. Минц), которые задают определённый вектор интерпретационных процедур. Вокруг словосочетания «гранатовый браслет», вынесенного в заглавие купринской повести, группируются ключевые сюжетно-тематические и логико-композиционные компоненты, отсылающие одновременно к нескольким мифологическим источникам. В частности, речь идёт о греческом мифе, посвящённом Деметре и Персефоне, атрибутом которых традиционно считается плод граната.

В одном из гимнов Гомера повествуется о том, как Персефона, дочь Зевса и Деметры, вместе с подругами беззаботно играла на лугу и собирала цветы. Внезапно появившийся из-под земли Аид с разрешения её отца похитил Персефону и умчал на золотой колеснице в подземное царство. Деметра, богиня земледелия и плодородия, безутешно горя по дочери, насылает на землю засуху, голод и неурожай, в результате чего гибнет всё живое, а боги-олимпийцы перестают получать причитающиеся им жертвы. Зевс вынужден отправить своего посланника Гермеса с приказанием вывести Персефону на свет и вернуть её матери.

Однако, не желая навсегда потерять возлюбленную, Аид идёт на хитрость и кормит Персефону гранатовым зёрнышком, символом брака, чтобы она не забывала «мрачное царство» и периодически возвращалась к супругу. В «Мифологической библиотеке» Аполлодора содержится эпизод, повествующий о том, как Зевс повелел Плутону вернуть Кору на землю, после чего «Плутон дал ей съесть зерно гранатового яблока, для того чтобы та не оставалась долгое время у матери. Кора же, не подозревая, что от этого может случиться, проглотила его» [1, с. 9].

Употребление пищи в царстве мёртвых, согласно мифопоэтическим представлениям, становится своеобразной точкой невозврата и создаёт прочную связь между двумя мирами – земным и потусторонним. В результате гранат обретает символику супружества, поскольку благодаря ему Персефона оказывается связанной с Аидом навечно. Узнав о коварстве бога подземного царства, Деметра осознаёт, что отныне, со-

гласно компромиссному решению Зевса, её дочь треть года будет посвящать супругу, а оставшиеся две трети находиться с ней. Радость матери возвращает земле изобилие – в это время зима сменяется весной, вся природа ликует, расцветает и плодоносит. Приближение скорой и неизбежной разлуки с дочерью запускает процессы витальной деградации – вслед за летом наступает осень (именно так мифологическое мышление интерпретирует цикличность времён года).

В энциклопедическом словаре «Мифы народов мира» указывается, что «гранатовое зёрнышко – символ плодovitости, но владельцем его является бог смерти» [13, с. 365]. Эротические и танатологические мотивы сопрягаются А.И. Куприным в образе гранатового браслета, подаренного Желтковым Вере Николаевне Шеиной на её именины: «Он был золотой, низкопробный... весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посередине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зелёный камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину» [10, с. 116]. Примечательно, что в аутентичных источниках (Аполлодор, Гомер, Овидий) и в современных реконструкциях античной мифологии (Р.Р. Грейвс, Ф.Ф. Зелинский, Н.А. Кун, А.И. Немировский, С. Дж. Фрай) фигурирует разное количество гранатовых зёрен, принимаемых Персефой (одно, семь, три или несколько).

Гранатовый браслет, который в повести А.И. Куприна становится символом чистой, бескорыстной, жертвенной любви, особенно дорог Желткову тем, что это украшение носила ещё его прабабка, а затем и «покойная матушка». Старинный браслет имеет свою историю: по семейному преданию, редкий сорт зелёного граната, который размещён в центре браслета, обладает свойствами «сообщать дар предвиденияносящим его женщинам и отгоняет от них тяжёлые мысли» [10, с. 117]. Кроме того, в письме к Вере Желтков утверждает, что украшение способно оградить его обладателя от насильственной смерти. Добровольно отказавшись от фамильного оберега, герой закономерно лишается и его защитных сил. Иными словами, гибель героя оказывается предreshённой. В этом убеждена и княгиня Вера, которая по возвращении мужа и брата от Желткова, вероятно обретя обещанный дар предвидения, неожиданно предсказывает, что «этот человек убьёт себя» [10, с. 125].

Образ граната связан и с другим древнегреческим мифом – историей о прекрасном юноше Адонисе, к которому вспыхнула любовью богиня любви Афродита. Согласно одной из легенд, Адонис был смертельно искусан диким кабаном во время охоты. Кровь, пролившаяся из его ран, тотчас же превратилась в яркие красные цветы. По одной из версий мифа, это были розы [13, с. 47]; по другой, изложенной в «Метаморфозах» Овидия, – соцветия граната: «Не минуло полного часа, – / А уж из крови возник и цветок кровавого цвета. / Схожие с ними цветы у граната ...» [15, с. 264]. Следует отметить, что «гранат как лексема, обозначающая группу минералов», омонимичен «гранату – плоду граната-кустарника, по имени которого, видимо, и были названы камни» [17, с. 40].

В результате фитоморфная культурно-мифологическая семантика транспонируется на образ украшения – гранатового браслета: сакральный объект, выполняющий функцию медиатора между двумя мирами, становится олицетворением вечного круговорота жизни и смерти, без которого немислимы плодородие и тотальное возрождение всего сущего. Алые цветы граната воплощают неугасимую любовь (именно таковы чувства Желткова к Вере Шеиной), а его плоды – супружескую верность (героиня даже в мыслях не допускает возможности измены супругу, несмотря на то что их «прежняя страстная любовь» уже давно переросла «в чувство прочной, верной, истинной дружбы» [10, с. 111]). Зелёный гранат, которым инкрустирован центр украшения, с учётом семантики цвета ассоциируется с природными силами, гармонией, ростом и вечным возрождением жизни, что «... как будто бы отрицает будущую смерть героя» [17, с. 38]. Круг (кольцевая форма браслета) – символически ёмкий элемент повести, который синонимичен кольцу – знаку брачного союза, соединяющего главных героев на метафизическом уровне.

Трагический финал повести символически закодирован в целом комплексе семантически значимых деталей, которые формируют негативное сенсорно-смысловое поле. В частности, гранаты, украшающие браслет, вызывают у именинницы устойчивые ассоциации с кровью. В свете электрической лампочки «... вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни. “Точно кровь!” – подумала с неожиданной тревогой Вера» [10, с. 117]. Размышляя о том, показать или не показать мужу подарок Желткова, Вера «не могла отвести глаз от пяти алых кровавых огней» [10, с. 117]. Амбивалентная символика гранатового браслета раскрывается в произведении с учётом мифопоэтических реалий: красный цвет граната, как и его сока, отсылает к цвету крови, поскольку в Древней Греции считалось, что гранатовое дерево выросло из крови юного бога Диониса. Однако после смерти Дионис был возвращён к жизни, в связи с чем гранат также воплощал и надежду на бессмертие.

Не только цветовая, но и числовая символика многократно усиливает мотивы смерти и небытия. Перед тем как встать из-за стола, Вера машинально пересчитала гостей, которые собрались за праздничным столом: их оказалось тринадцать (генерала Аносова в сопровождении двух военных встречают именно двенадцать собравшихся – это число соотносится с количеством апостолов на Тайной вечере [6, с. 19]). Автор попутно отмечает, что героиня была суеверна, именно поэтому несчастливое число, сулящее беду, неожиданно вывело её из душевного равновесия: «Вот это нехорошо! Как мне раньше не пришло в голову посчитать?» [10, с. 116]. Пиршество на именинах Веры реконструирует скорее инвертированную Тайную вечерю – сюжетно-ролевую ситуацию художественного дискурса, которая переосмысливает религиозный нарратив в негативном ключе.

Вместе с тем дата именин Веры Шеиной, выбранная автором, отсылает к христианским традициям. 17 сентября по старому стилю – день памяти мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Иными словами, именины героини совпадают с праздником, который посвящён святой, чьим именем она названа. Указанный сюжетный мотив на уровне подтекста формирует дискурсивно-тематический комплекс веры, надежды и любви, раскрывающий смысловые интенции «Гранатового браслета»: вера связана с духовно-нравственным прозрением героини; надежда возникает при мысли о сопричастности к идеальным, возвышенным чувствам; а любовь воспринимается как бесценный опыт существования и животворящая сила, противопоставленная обыденности окружающего мира. Не случайно автор отмечает, что Вера Николаевна всегда ожидала от дня именин «чего-то счастливо-чудесного» [10, с. 111]. И действительно, именно этот день напоминает Вере о почти утраченных чувствах любви и веры, дарует надежду и открывает путь к новым, высшим смыслам, несмотря на то что героиня осознаёт, что «мимо неё прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет» [10, с. 127].

Пограничное время действия (середина августа – середина сентября); трагические обстоятельства, которые упоминаются в начале повествования (несколько рыбацких баркасов пропали в море, два из них так и не вернулись, а спустя неделю трупы рыбаков выбросило в разных местах береговой линии); кульминация повести (самоубийство Желткова) и, наконец, её развязка (духовное возрождение Веры) – всё это связывает событийную цепь «Гранатового браслета» с нарративными интенциями мифологических сюжетов о Деметре и Персефоне и об Адонисе и Афродите. Исследователи отмечают, что в указанных мифах отразились представления древних греков об умирающем и воскресающем божестве, коррелирующие с сезонными циклами природы и ежегодным воспроизведением жизни [12, с. 399]. Общепризнано, что логико-композиционные, концептуально-смысловые и аксиологические аспекты указанного мифологического комплекса оказали непосредственное влияние на евангельские представления о смерти и воскресении Иисуса Христа.

В этом смысле фамилия Желтков дана герою повести не случайно. Образ страдавшего влюблённого, которому около «тридцати – тридцати пяти» лет (аллюзия на возраст Христа), через ассоциативно-метафорическую связь «желток – яйцо» обретает не только мифологические, но и религиозно-христианские коннотации. Кроме того, гранаты, украшающие подарок Желткова, обладают «гладкой яйцевидной поверхностью». Согласно мифопоэтическим концепциям, яйцо является одним из важнейших космогонических символов – олицетворением макро- и микрокосма, чистоты, совершенства и сокровенного знания. Образ мирового яйца, воплощающего рождение мира, непрерывный акт созидания без начала и конца, обнаруживается в большинстве фольклорно-мифологических традиций. Как отмечает Е.М. Мелетинский, происхождение космоса из хаоса «в целом часто представляется как развитие из яйца». Во многих архаических мифах «из яйца выходят первые люди, первопредки, а в более развитых – сам бог-демиург ...» [11, с. 202]; при этом сам творец исчезает, гибнет – приносит себя в жертву. Тем не менее символика яйца зачастую связана с плодородием и бессмертием, реинкарнацией, повторным рождением и новой жизнью.

В религиозной живописи гранат стал олицетворением крови, пролитой Иисусом Христом на кресте, напоминая об искупительной жертве Спасителя и чуде Воскресения. Действительно, характерология Желткова раскрывается в «сцеплении» с пасхальным мотивно-образным комплексом: в христианской традиции яйцо является церковно-обрядовой пищей и ключевым символом праздника Пасхи, который воплощает воскресение Христа, победу над смертью и вечную жизнь. Лексема «Пасха» встречается в «Гранатовом браслете» только один раз, однако играет значимую роль в формировании смысловой концепции произведения. Автор упоминает о том, что после письменной просьбы Веры прекратить настойчивые любовные излияния Желтков «стал писать лишь изредка: на пасху, на Новый год и в день её именин» [10, с. 122].

Пасхальные события связаны с религиозными представлениями о так называемом «обождении» – духовном преображении человеческой природы под влиянием божественной благодати; празднование Нового года соотносится в мифологическом сознании с завершением одного жизненного цикла и началом очеред-

ного; именины, сочетая в себе мифопоэтические представления и христианскую аксиологию, указывают на особую молитвенную связь между именинником и его небесным покровителем. «Да святится имя Твое» – эти слова из молитвы «Отче наш», которую, согласно Евангелию, дал людям сам Иисус Христос, звучат рефреном в финале «Гранатового браслета» под аккомпанемент Второй сонаты Бетховена и становятся связующим звеном между чувством и бытием, между персональным и вечным, трансформируя внутренний, интимный опыт героев произведения в универсальное человеческое переживание.

Христианский реминисцентный фон поддерживается и другими символическими деталями, относящимися к «категории редкости» (термин О. Довгий) [7]. Так, морской петух, которого подают в качестве необычного угощения к именинному столу, может трактоваться как амбивалентная сущность: с одной стороны, ему свойственна подземная (хтоническая) природа, что моделирует комплекс мифопоэтических представлений о цикличности жизни и смерти; а с другой – рыба в христианской «ихтиологической» символике соотносится с плодородием, процветанием, воспроизведением жизни и воскресением. «Это вторжение инородного, экзотического, почти потустороннего мира» [18, с. 49] сразу же нарушает ритм повседневного бытия: «Сегодня утром рыбак принёс морского петуха. Я сама видела. Прямо какое-то чудовище. Даже страшно», – делится своими ощущениями Вера [10, с. 114].

Серьги из грушевидных жемчужин, подарок мужа Веры на её именины, оцениваются исследователями как «профанный» атрибут – предвестник тревоги и слёз. В концепции А.М. Ранчина, «... серьги в отличие от браслета – аналога кольца лишены символики дара, означающего некий мистический союз душ» [17, с. 39]. Однако в христианской мистике, усвоившей гностическое наследие, жемчужина отождествляется с евангельской звездой и наделяется дополнительными коннотациями: это не только Слово Христово, но и Царствие Небесное в человеческой душе – духовное «сокровище на ниве, сокрытое в смерти» (Я. Бёме) [4].

Еле освещённая комната Желткова с двумя круглыми окнами, подобными иллюминаторам, напоминает «кают-компанию грузового парохода», порождая ассоциации с Ноевым ковчегом [8]. Кроме того, в христианской традиции корабль символизирует церковь – место, где верующие обретают спасение.

Ствол акации, к которому в финале повести прижалась плачущая Вера, отсылает к архетипическому образу «мирового древа» как «вегетативной» модели универсума [22] и, реализуя семантику чистоты, невинности, возрождения к новой жизни и человеческого бессмертия, формирует индивидуально-авторский «немиф», в котором любовь предстаёт как сакральная, преображающая, «теургическая» сила.

В обыденном понимании Желтков совершает самоубийство, поскольку не мыслит своего существования без Веры. Однако его любовь сильнее смерти и страха смерти. В мифопоэтическом и религиозно-философском контексте Желткову не грозит небытие, он погибает во имя духовного преображения Веры Шеиной, которое происходит с ней под влиянием всепоглощающей любви: «Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам» [10, с. 125]. Возвышенные чувства способны нивелировать не только светские условности, но и социальные различия: бедный чиновник контрольной палаты и «до смерти», и «после смерти» остаётся «покорным слугой» княгини Веры. В этом отношении слова «серебряного старца» генерала Аносова, давнего друга семьи, оказываются поистине пророческими: жизненный путь героини пересекла редчайшая, подлинная «любовь, о которой грезят женщины и на которую больше не способны мужчины» [10, с. 122].

Выводы

Таким образом, оставаясь в парадигме реализма как художественного метода и литературного направления [5], А.И. Куприн использует в повести «Гранатовый браслет» религиозно-христианский и мифологический мотивно-образный комплекс для философского осмысления, казалось бы, тривиальной житейской истории. В то же время в произведении обнаруживаются не только «глубинные мифопоэтические основы, но и связь с литературой Серебряного века»: усложнённая цветовая, числовая и вещная символика, многослойный и семантически противоречивый лейтмотив гранатового браслета, динамическая контаминация эротических и танатологических мотивов «родственны именно символистской поэтике» [17, с. 45-46].

Функционально-смысловой синкретизм религиозно-христианских и мифологических аллюзий обретает мощный смыслопорождающий потенциал, который позволяет автору преодолеть конкретно-исторические рамки, придать повести универсальное, общечеловеческое звучание, в бытовом увидеть бытийное. Архетипическая символика, сюжетика и метафорика реализуется в произведении имплицитно, формируя «глубинную перспективу» действия и особые «сверхтекстовые» структуры, отражающие онтологическую проблематику: извечный антагонизм жизни и смерти, сакрального и профанного, света и тьмы, продуцирующей силы любви и всепоглощающего хаоса небытия.

Список источников

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л: Наука: Ленинградское отделение, 1972. 216 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М: Астрель: АСТ, 2003. 576 с.
4. Витиска И.А., Шалков Д.Ю. Интерпретация христианского мифа в стихотворении В.В. Маяковского «Послушайте!» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 214 – 216.
5. Волков А.А. Творчество А.И. Куприна. М.: Художественная литература, 1981. 360 с.
6. Гришина А.Б. Христианские мотивы в творчестве А.И. Куприна // Личность и творчество А.И. Куприна в контексте русской культуры XX – XXI вв.: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный университет, 2013. С. 17 – 21.
7. Довгий О.Л. Морской петух и телеграфист П.П.Ж.: категория редкости в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // «Высокий лад, глубокий мир»: между реализмом и постмодернизмом / red. E. Kozak, W. Krupowies, B. Stelingowska, J. Tkaczyk. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. P. 275 – 294.
8. Жукова Ю.А. Парафраза евангельской притчи о сеятеле в повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет». Статья 1. Образ Желткова как аллюзия на Иисуса Христа и Сеятеля // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 1. С. 34 – 51.
9. Ибатуллина Г.М. Миф и символ в эротологической трилогии А.И. Куприна: «Гранатовый браслет», «Олеся», «Суламифь»: монография. М.: Директ-Медиа, 2023. 84 с.
10. Куприн А.И. Олеся; Поединок; Гранатовый браслет. М.: Художественная литература, 1984. 128 с.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 408 с.
12. Мифологический словарь / И.Н. Лосева, Н.С. Капустин, О.Т. Кирсанова, В.Г. Тахтамышев. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 576 с.
13. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. 672 с.
14. Мухамадеева Р.М., Сабитова А.М. Элементы античной мифологии в творчестве А.И. Куприна (на примере повести «Гранатовый браслет») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. Т. 9. № 2. С. 11.
15. Овидий П.Н. Метаморфозы / пер. с лат. С. Шервинского. М. Художественная литература, 1977. 430 с.
16. Пахарева Т.А., Строкина С.П. Миф о юге в прозе А.И. Куприна: пособие по спецкурсу для студентов-филологов. Севастополь: Вебер, 2012. 196 с.
17. Ранчин А.М. Гранатовый браслет в «Гранатовом браслете» Александра Куприна: символика образа // Slavica Orientalis. 2020. Т. LXIX. № 1. С. 33 – 46.
18. Ратке И.Р. От Грибоедова до Зощенко: Лекции о поэтике русской литературы. Ростов н/Д: ГАУ ДПО РО ИРО, 2026. 64 с.
19. Резниченко Н.А. Мифопоэтический подход к изучению рассказа А.И. Куприна «Гранатовый браслет» // Нижегородское образование. 2013. № 1. С. 128 – 135.
20. Чернова М.С. Православная парадигма в творчестве А.И. Куприна: библейские мотивы и христианские архетипы // Религия и общество – 18: сборник научных статей XVIII Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, 2024. С. 237 – 239.
21. Шалков Д.Ю., Колмакова В.В., Шилова Е.С. Жанровый диалог как эйдос нарративного текста (на примере пасторального канона) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 5 (188). С. 151 – 157.
22. Шалков Д.Ю. Поэма В.В. Маяковского «Война и мир»: мифопоэтическая парадигма // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 205 – 207.

References

1. Apollodorus. Mythological Library. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch, 1972. 216 p.
2. Barth R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Translated from French, compiled, edited and introduced by G.K. Kosikova. Moscow: Progress, 1989. 616 p.

3. Borev Yu.B. Aesthetics. Literary Theory: Encyclopedic Dictionary of Terms. Moscow: Astrel: AST, 2003. 576 p.
4. Vitiska I.A., Shalkov D.Yu. Interpretation of the Christian Myth in V.V. Mayakovsky's Poem "Listen!". Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. 2009. No. 2. P. 214 – 216.
5. Volkov A.A. The Works of A.I. Kuprin. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. 360 p.
6. Grishina A.B. Christian Motifs in the Works of A.I. Kuprin. The Personality and Works of A. I. Kuprin in the Context of Russian Culture of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza: Penza State University, 2013. P. 17 – 21.
7. Dovgy O.L. The Gurnard and the Telegraph Operator P. P. Zh.: The Category of Rarity in A.I. Kuprin's Story "The Garnet Bracelet". "High Harmony, Deep Peace": Between Realism and Postmodernism. Ed. E. Kozak, W. Krupowies, B. Stelingowska, J. Tkaczyk. Siedlce: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. P. 275 – 294.
8. Zhukova Yu.A. Paraphrase of the Gospel Parable of the Sower in A. I. Kuprin's Story "The Garnet Bracelet". Article 1. The Image of Zheltkov as an Allusion to Jesus Christ and the Sower. Russian Journal for the Humanities. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 34 – 51.
9. Ibatullina G.M. Myth and Symbol in A. I. Kuprin's Erotic Trilogy: "The Garnet Bracelet", "Olesya", "Sulamith": Monograph. M.: Direct-Media, 2023. 84 p.
10. Kuprin A.I. Olesya; Duel; Garnet bracelet. M.: Fiction, 1984. 128 p.
11. Meletinsky E.M. Poetics of myth. M.: Publishing company "Oriental Literature" RAS, 2000. 408 p.
12. Mythological dictionary. I.N. Loseva, N.S. Kapustin, O.T. Kirsanova, V.G. Takhtamyshev. Rostov-on-Don: Phoenix, 2000. 576 p.
13. Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1. Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1980. 672 p.
14. Mukhamadeeva R.M., Sabitova A.M. Elements of Classical Mythology in the Works of A.I. Kuprin (Based on the Story "The Garnet Bracelet"). The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 11.
15. Ovid P.N. Metamorphoses. Translated from Latin by S. Shervinsky. Moscow: Fiction, 1977. 430 p.
16. Pakhareva T.A., Strokina S.P. The Myth of the South in the Prose of A.I. Kuprin: A Handbook for a Special Course for Students Majoring in Philology. Sevastopol: Weber, 2012. 196 p.
17. Ranchin A.M. The Garnet Bracelet in Alexander Kuprin's "The Garnet Bracelet": Symbolism of the Image. Slavica Orientalis. 2020. Vol. LXIX. No. 1. P. 33 – 46.
18. Ratke I.R. From Griboyedov to Zoshchenko: Lectures on the Poetics of Russian Literature. Rostov-on-Don: GAU DPO RO IRO, 2026. 64 p.
19. Reznichenko N.A. Mythopoetic Approach to the Study of A.I. Kuprin's Story "The Garnet Bracelet". Nizhny Novgorod Education. 2013. No. 1. P. 128 – 135.
20. Chernova M.S. The Orthodox Paradigm in the Works of A.I. Kuprin: Biblical Motifs and Christian Archetypes. Religion and Society – 18: Collection of Scientific Articles from the XVIII International Scientific and Practical Conference. Mogilev: Mogilev State University named after A.A. Kuleshov, 2024. P. 237 – 239.
21. Shalkov D.Yu., Kolmakova V.V., Shilova E.S. Genre Dialogue as the Eidos of a Narrative Text (Based on the Pastoral Canon). Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2024. No. 5 (188). P. 151 – 157.
22. Shalkov D.Yu. V.V. Mayakovsky's Poem "War and Peace": Mythopoetic Paradigm. Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University. 2008. No. 2. P. 205 – 207.

Информация об авторах

Шалков Д.Ю., кандидат филологических наук, Донской государственный технический университет, shalkovdenis@yandex.ru

© Шалков Д.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276.1

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-265-272

¹ Семенова М.Ю.

¹ Донской государственный технический университет

Диахроническая динамика моделей интра- и интерсентенционального переключения кодов в постстандартном испанглийском идиоме США

Аннотация: статья посвящена диахронической динамике моделей переключения кодов (ПК) в постстандартном испанглийском идиоме, функционирующем в среде билингвов США. На материале спонтанных речевых образцов, полученных в ходе глубинных интервью (N=137), и социолингвистических анкет (N=492) из пяти регионов – Нью-Йорка, Майами, Лос-Анджелеса и приграничных биномов Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана – выявляются поколенческие и географические векторы эволюции структурных типов ПК. Установлено, что в восточном мегаполисе (Нью-Йорк) происходит сдвиг от альтернативного ПК, свойственного старшему поколению, к инсерционному ПК с грамматикализацией английских глаголов без морфологической адаптации у представителей младших поколений, что коррелирует с исчезновением просодических швов. В приграничных кластерах альтернативное ПК сохраняется, поддерживаемое постоянным трансграничным движением населения, тогда как в Лос-Анджелесе и Майами доминирует конгруэнтная лексикализация, ведущая к продуктивной адаптации английских лексем в испанские словоизменительные парадигмы. Дивергентные траектории интерпретируются в контексте контактной лингвистики и социолингвистики. Полученные результаты ставят под сомнение универсальность тезиса о неизбежном «падении островных ограничений» в диаспоре и подчеркивают роль региональных факторов в формировании новых смешанных кодов.

Ключевые слова: испанглийский, билингвизм, кодовое переключение, языковые контакты, постстандартный идиом, диахроническая динамика

Для цитирования: Семенова М.Ю. Диахроническая динамика моделей интра- и интерсентенционального переключения кодов в постстандартном испанглийском идиоме США // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 265 – 272. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-265-272

Поступила в редакцию: 22 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Semenova M.Yu.

¹ Don State Technical University

Diachronic dynamics of intra- and intersentential code-switching patterns in the post-standard Spanglish idiom of the United States

Abstract: the article presents the diachronic dynamics of code-switching (CS) patterns in the post-standard Spanglish idiom used by bilinguals in the United States. Drawing on spontaneous speech samples obtained through in-depth interviews (N=137) and sociolinguistic questionnaires (N=492) from five regions – New York, Miami, Los Angeles, and the border binational clusters of El Paso–Juárez and San Diego–Tijuana – generational and geographical vectors in the evolution of structural CS types are identified. The study finds that in the eastern metropolis (New York) a shift occurs from alternational CS, characteristic of the older generation, to insertional CS with

grammaticalization of English verbs without morphological adaptation among younger cohorts, which correlates with the disappearance of prosodic boundaries. In the border clusters, alternational CS persists, sustained by constant cross border population movement, whereas Los Angeles and Miami are dominated by congruent lexicalization, leading to productive adaptation of English lexemes into Spanish inflectional paradigms. The divergent trajectories are interpreted within the frameworks of contact linguistics and sociolinguistics. The findings challenge the universality of the “island constraint collapse” thesis in diaspora settings and highlight the role of regional factors in the emergence of new mixed codes.

Keywords: Spanglish, bilingualism, code-switching, language contact, post standard idiom, diachronic dynamics

For citation: Semenova M.Yu. Diachronic dynamics of intra- and intersentential code-switching patterns in the post-standard Spanglish idiom of the United States. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (9). P. 265 – 272. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-265-272

The article was submitted: June 22, 2026; Approved after reviewing: July 26, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

Испанглийский идиом в США переживает фундаментальную трансформацию: из стигматизированной формы смешения кодов, воспринимавшейся как промежуточный этап на пути к полной языковой ассимиляции, он превращается в маркер панлатинской идентичности и полноценную коммуникативную систему новых поколений билингвов [16]. Традиционное описание испанглийского как набора интерференционных явлений, возникающих вследствие недостаточной компетенции в одном из языков, уступает место его концептуализации в качестве самостоятельного постстандартного идиома, обладающего собственной диахронической динамикой и внутренней вариативностью [1, 11]. Кризис «стандартного» испанского в диаспоре третьего и четвертого поколений проявляется в постепенном размывании прескриптивных норм и формировании нового узуса, который уже не может быть адекватно описан в терминах отклонения от монолингвального стандарта [6, 17]. Если для первого поколения иммигрантов испанский остается языком первичной социализации с относительно стабильной грамматической системой, то для херитажных носителей второго и последующих поколений характерна перестройка всей языковой архитектуры: морфосинтаксическая редукция, генерализация аналитических конструкций и, что наиболее значимо, формирование новых, интернализованных правил переключения кода (ПК).

Несмотря на растущий объем социолингвистических описаний испанглийского, в литературе сохраняется значительная лакуна: недостаток диахронически ориентированных работ, сопоставляющих динамику моделей ПК в различных географических кластерах проживания латиноамериканской диаспоры – в исторических анклавах восточного побережья, в зоне влияния карибской диаспоры Флориды, в трансформирующихся сообществах Запада США и в новых приграничных урбанизированных кластерах, где контакт с испанским не прерывается. Если статические синхронные срезы позволяют зафиксировать состояние системы, то для понимания векторов ее эволюции необходим анализ межпоколенческих и межрегиональных различий в репертуаре стратегий ПК [7, 10].

Теоретической рамкой настоящего исследования выступает типология ПК П. Мюйсена [7], разграничивающая альтернативное ПК (т.е. попеременное использование грамматик двух языков с минимальной интерференцией), инсерционное ПК (т.е. вставку лексических единиц одного языка в матричную рамку другого) и конгруэнтную лексикализацию (т.е. порождение высказываний из общего лексикона при сходстве грамматических структур). В дополнение к этому используется модель маркированности К. Майерс-Скоттон [8] которая позволяет анализировать прагматический и идентичностный аспект выбора того или иного кода. Однако применительно к постстандартному сообществу, где смешанная речь становится немаркированным выбором по умолчанию, данная модель требует пересмотра: индекс маркированности смещается, и то, что ранее было стилистически окрашенным переключением, становится фоновым режимом коммуникации [4].

Концепция транслингвизма, развиваемая Л. Вей и О. Гарсия [14, 15], предлагает рассматривать билингвальную практику как целостный, унитарный лингвистический репертуар, из которого говорящий черпает ресурсы в соответствии с коммуникативными нуждами. При всей эвристической ценности такого подхода для образовательной и социополитической сфер, он подвергается критике со стороны структурной грамматики за недостаточное внимание к формальным ограничениям, регулирующим дистрибуцию элементов

разных языков в смешанном высказывании [5]. Настоящее исследование придерживается методологической позиции, согласно которой признание системности ПК и наличия структурных запретов (например, ограничения на переключение между функциональной вершиной и комплементом) не противоречит пониманию его как легитимной билингвальной практики.

Цель исследования – выявить векторы диахронической эволюции структурных моделей интра- и интерсентенционального ПК в речи билингвов-носителей испанглийского, проживающих в мегаполисах Нью-Йорка, Майами, Лос-Анджелеса и в приграничных кластерах Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана.

Материалы и методы исследований

Работа реализована в рамках смешанных методов. Количественный компонент основан на анкетировании и включает социолингвистические переменные (демографические характеристики, самооценку языковой компетенции, сферы использования языков, установки по отношению к испанглийскому, идентификационные категории). Качественный компонент опирается на корпус спонтанной речи, собранный в ходе полуструктурированных интервью, и последующий структурный анализ транскрибированных образцов с детальной разметкой моделей ПК.

Совокупная выборка составила 492 респондента, из которых 137 человек прошли процедуру глубинного интервью, остальные предоставили только анкетные данные. Географически выборка охватывает пять кластеров: Нью-Йорк (57 интервью), Майами (32), Лос-Анджелес (26), приграничный кластер Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес (7 интервью в Эль-Пасо и 5 в Сьюдад-Хуаресе) и бином Сан-Диего–Тихуана (5 интервью в Сан-Диего и 5 в Тихуане). Критерии включения в основную анализируемую группу: возрастные группы 18–35 лет (для фиксации формирующейся постстандартной нормы) и 50+ лет (для диахронического среза); самоидентификация в качестве херитажных носителей или билингвов с ранним усвоением обоих языков; рождение в США или прибытие в дошкольном возрасте (для младшей возрастной группы), либо проживание в США не менее 10 лет (для старшей возрастной группы) [12]. Стратификация по происхождению соответствует демографическим профилям регионов: в Нью-Йорке преобладают носители пуэрториканского, доминиканского и мексиканского наследия, в Майами – кубинского, в Лос-Анджелесе – мексиканского и центральноамериканского, в приграничных кластерах – мексиканского. Профессиональный состав намеренно гетерогенен (строители, механики, медицинские работники, учителя, представители творческих индустрий, студенты, предприниматели и др.) для анализа моделей ПК вне жесткой привязки к социальному классу [4].

Анкетирование охватывало социолингвистический блок: демографические сведения (возраст, пол, место рождения и взросления, текущее место жительства), миграционную историю семьи, языковую биографию (первый язык, язык общения родителей), самооценку компетенций в испанском и английском по пятибалльной шкале для понимания, говорения, чтения и письма, основные сферы использования каждого языка, а также блок металингвистических установок – признание использования испанглийского, круг собеседников и контексты употребления, субъективно воспринимаемые триггеры ПК, общее отношение к смешанной речи, оценка ее восприятия другими и культурная самоидентификация. Никаких грамматических тестов или заданий на порождение либо оценку конструкций в анкету не включалось.

Интервью длительностью 60–90 минут проводились в удобном для информанта месте (как правило, дома). Аудиозаписи интервью транскрибировались в орфографической записи с избирательным применением нотации для отражения просодических характеристик, релевантных для анализа ПК (паузы хезитации, изменения темпа и громкости, просодическая интеграция иноязычных вставок) [2]. Каждый случай ПК категоризировался в соответствии с типологией П. Мьюскена [7]: альтернативное ПК, инсерционное ПК и конгруэнтная лексикализация. Для каждого информанта подсчитывались индекс плотности ПК (число ПК на 100 слов), распределение структурных типов ПК и степень соблюдения островных ограничений. Социолингвистические переменные, полученные из анкет (поколение, возраст, регион, самооценка компетенций, установки и идентификационные маркеры), были использованы в качестве независимых факторов при статистическом анализе.

Результаты и обсуждения

Анализ нью-йоркского субкорпуса (57 интервью, 1540 случаев ПК) обнаруживает выраженный межпоколенческий сдвиг в структурной организации ПК. В старшей возрастной группе (50+) альтернативное ПК, при котором две грамматики активируются попеременно на границах клауз или дискурсивных единиц, составляет 42% от общего числа переключений, тогда как в младшей группе (18–35) его доля падает до 16%. Одновременно плотность инсерционных ПК – вставок лексических единиц в матричную рамку – возрастает с 3,1 до 7,4 случаев на 100 слов.

У старшего поколения альтернативное ПК реализуется преимущественно как переключение на границе клауз или как вставка устойчивых английских выражений, часто предваряемая хезитационной паузой, например:

- *¿Tú estás kidding me?* («Ты шутишь надо мной?»; англ. *kidding* «шутящий») – единичная лексическая инсерция в испанскую вопросительную рамку, сохраняющая английскую морфологию причастия;
- *Cógelo con take it easy* («Относись к этому спокойно»; англ. *take it easy*) – вставка английской идиомы в испанскую императивную конструкцию; в речи информантов старшего поколения такая вставка, как правило, отделялась микропаузой;
- *El paciente en el room 3* («Пациент в 3-й палате»; англ. *room* «комната, палата») – инсерция существительного без артикля, типичная для носителей с доминантным испанским.

В противоположность этому, младшие информанты демонстрируют плотное инсерционное ПК, при котором английские элементы интегрируются в испанскую матричную рамку без просодических швов и с минимальной морфосинтаксической адаптацией, либо вовсе без нее, например:

- *Estoy ready* («Я готов»; англ. *ready*) – инсерция прилагательного без какой-либо морфологической адаптации;
- *No me hables, estoy en mi mood* («Не говори со мной, я не в духе»; англ. *mood* «настроение») – инсерция существительного с сохранением английского написания и фонетики;
- *Me estás dando anxiety* («Ты вызываешь у меня тревогу»; англ. *anxiety* «тревога, беспокойство»).

Особо показателен процесс грамматикализации, при котором английский глагол без какой бы то ни было морфологической адаптации начинает занимать позицию смыслового глагола в испанской предикативной группе, например:

- *Vamos a chill un rato* («Пойдем потусим немного»; англ. *chill* «расслабляться, тусоваться»; ср. невозможность *vamos a descansar* без спряжения);
- *Eso fue un fail total* («Это был полный провал»; англ. *fail* «провал, неудача»).

У младших носителей подобные конструкции уже не являются окказионализмами: коэффициент лексикализации английских глаголов в функции испанских предикатов составил 0,68, что значительно выше порога, определяемого как факультативное заимствование. Данный феномен свидетельствует о формировании в постстандартном идиоме Нью-Йорка новой, аналитической модели предикации, не требующей морфологической адаптации глагольной лексемы.

Сопоставление пяти кластеров выявляет значимые региональные различия в распределении структурных типов ПК. Приграничные кластеры (Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана) заметно превосходят мегаполисы-анклавы по доле альтернативного ПК (35% и 30% соответственно против 14-26% во внутренних кластерах). Альтернатива в данных зонах часто принимает вид межклаузалных переключений или вставки автономных дискурсивных единиц с сохранением полной грамматической автономии каждого фрагмента, например:

- *We were hanging out at the park and then got some raspas* («Мы тусовались в парке, а потом взяли фруктовый лед»; *hanging out* от англ. *hang out* + *-ear*, *raspas* – мекс. *raspados*, «ледяная стружка с сиропом»). Здесь первая клауза содержит адаптированный глагол, вторая инсерцию испанского культурно-специфического существительного, причем матричный язык остается английским;
- *I need to hacer la grocery shopping* («Мне нужно сходить за продуктами»; англ. *I need to* + исп. *hacer la compra* с калькой *grocery shopping*) – английская модальная рамка + испанская инфинитивная группа (структура, встречающаяся исключительно в приграничье);
- *Mi roommate es cool, pero no entiende cuando le digo '¿qué pasa, güey?'* («Мой сосед классный, но не понимает, когда я говорю ему «как дела, чувак?») – переключение с инсерции английского прилагательного *cool* на полностью испанскую клаузу с прямой речью.

«Эффект маятника» – постоянная циркуляция населения через границу – поддерживает чувствительность к морфосинтаксической автономности двух систем. В Тихуане и Сьюдад-Хуаресе английские заимствования часто сохраняют исходную фонетику и не включаются в продуктивные испанские словоизменяемые парадигмы, ср. *wachale* (*watch out* + *le* «осторожно, смотри»), где английский элемент застывает в форме, не порождая дальнейших дериватов.

Напротив, в Лос-Анджелесе и Майами английские глагольные лексемы систематически встраиваются в испанскую флективную морфологию с образованием продуктивных парадигм, что указывает на формирование конгруэнтной лексикализации – такого режима ПК, при котором оба языка активируют общие грамматические структуры и делят единый лексикон. В Лос-Анджелесе зафиксировано 72% глагольных инсер-

ций с испанскими глагольными окончаниями (-ear, -ar, -ir), в Майами – 68%, тогда как в Эль-Пасо и Сан-Диего этот показатель составляет лишь 38% и 42% соответственно.

Примеры продуктивной глагольной адаптации в Лос-Анджелесе и Майами:

- *Vamos a parquear el carro* («Пойдем парковать машину»; *park* + -ear), с возможным местоименным клитиком: *parquéalo* «припаркуй его»;
- *Te voy a textear más tarde* («Я напишу тебе позже»; *text* + -ear);
- *Vamos a lonchar a las doce* («Пойдем обедать в 12»; *lunch* + -ar, местная техано-мексиканская форма);
- *Está snowing afuera* («На улице идет снег»; *snow* + -ing, без адаптации, поскольку используется герундий) – однако параллельно существует и адаптированная форма *está snoweando*;
- *Lo checkié y está bien* («Я проверил это, и все в порядке»; *check* + -é, претерит 1 л. ед. ч.).

Данный системный сдвиг не является простым расширением словаря: как показал анализ дистрибуции, в Лос-Анджелесе и Майами адаптированные английские глаголы начинают вытеснять исконные испанские эквиваленты в базовых бытовых контекстах. Например, глагол *parquear* используется в 78% контекстов, где стандартный испанский требовал бы *estacionar*; *lonchar* – в 65% случаев вместо *almorzar*. Это свидетельствует о глубинной перестройке лексико-грамматической системы, характерной для формирования смешанного кода.

Аудиозаписи интервью позволили количественно оценить степень просодической интеграции ПК. В старшей возрастной группе всех регионов пауза хезитации перед английской вставкой в испанский контекст или на границе клауз составляла в среднем 320 мс (SD = 95 мс). Эта пауза часто сопровождалась заполняющими элементами типа *este, como*, и падением темпа речи. У младших носителей (18-35) в Майами средняя длительность паузы перед переключением сократилась до 90 мс (SD = 40 мс), а в 41% переключений пауза не фиксировалась вовсе: переход осуществлялся в рамках единой интонационной группы без каких-либо просодических маркеров смены кода.

Особенно показателен следующий пример, извлеченный из непринужденного диалога между двумя молодыми билингвами в Майами:

- *Voy a hacer el pickup en la escuela y después vamos al mall.* («Я заберу детей из школы, а потом пойдем в торговый центр».) Оба переключения (*pickup, mall*) реализованы без пауз, с равномерным темпом и громкостью, что акустически неотличимо от полностью монолингвального высказывания.

Аналогичная картина наблюдается в Лос-Анджелесе. Запись разговора двух студенток (18 и 20 лет) демонстрирует сходную просодическую слитность:

- *Ay, estoy feelin' so lazy today, ni ganas de hacer nada.* («Ой, мне сегодня так лень, никакого желания что-либо делать».) *Feelin'* – вставка без паузы и с сохранением разговорной редукции -ing.

В противоположность этому, у пожилых билингвов (например, 60-летняя кубинка из Майами) даже одиночные инсерции вроде *el parking* или *la highway* сопровождаются заметной микропаузой, свидетельствующей о том, что говорящий все еще воспринимает английскую лексему как чужеродный элемент, требующий дополнительного когнитивного усилия для активации.

Исчезновение хезитационных пауз в речи молодых билингвов Майами и Лос-Анджелеса является надежным просодическим коррелятом перехода феномена из категории ПК в категорию устойчивого смешанного кода, в котором элементы обоих языков хранятся и извлекаются из единого ментального лексикона без дополнительных операционных издержек. Такая просодическая слитность отсутствует в приграничных кластерах: даже младшие носители в Эль-Пасо и Тихуане демонстрируют более высокую частоту микропауз (средняя длительность 180 мс, 22% переходов с паузами), что согласуется с сохранением у них альтернативной модели и более четкого разграничения языковых систем.

Полученные результаты демонстрируют, что постстандартный испанглийский идиом в США развивается по дивергентным траекториям, задаваемым сочетанием историко-демографических, социально-экономических и географических факторов.

Обнаруженный в Нью-Йорке межпоколенческий сдвиг от альтернативного ПК к инсерционному, сопровождающийся грамматикализацией английских глаголов без морфологической адаптации, может быть осмыслен как переход от субординативного билингвизма, при котором две системы удерживаются раздельно, к составному билингвизму, где элементы двух языков смешиваются на уровне ментального лексикона. У старшего поколения даже лексические вставки вроде *cógelo con take it easy* обрамляются просодическими паузами и сохраняют чужеродность заимствуемого элемента; у младших возрастных групп такие же вставки полностью интегрированы в интонационный контур высказывания, что акустически фиксируется как исчезновение хезитационных пауз. Подобная просодическая интеграция рассматривается как надежный индикатор формирования единой производственной системы [3]. Переход от ПК к смешанному коду,

фиксируемый по исчезновению просодических швов, показывает, что при достаточной частотности контакта инсерционные паттерны подвергаются схематизации и становятся дефолтной стратегией [12].

В приграничных кластерах (Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес, Сан-Диего–Тихуана) альтернативное ПК, напротив, сохраняет значительную долю и у молодых носителей, а паузы перед переключениями остаются более частотными и длительными. Данный результат хорошо согласуется с теорией мобильности [9]: высокая трансграничная циркуляция населения, ежедневные переходы через границу и постоянный приток носителей «стандартного» испанского из Мексики создают прагматическое давление в пользу сохранения четких границ между языковыми кодами как навигационных ресурсов в бинациональной коммуникации. Данная прагматическая потребность тормозит грамматикализацию инсерционных моделей в смешанный код, несмотря на присутствие в речи приграничных билингвов многочисленных лексических заимствований (ср. *wachale*, *troquear*, *lonchar*). Иными словами, приграничный кластер представляет собой контактную зону, в которой «эффект маятника» функционирует как механизм стабилизации альтернативной границы.

Конгруэнтная лексикализация, доминирующая в Лос-Анджелесе и Майами и проявляющаяся в систематической адаптации английских глаголов с помощью испанских флективных парадигм (*parquear*, *textear*, *checkear*), подтверждает положение П. Мюйсена [7] о том, что данный тип ПК возникает в условиях длительного и интенсивного языкового контакта при структурном сходстве контактирующих языков. Вытеснение исконных испанских глаголов (например, *parquear* вместо *estacionar*) служит эмпирическим свидетельством того, что мы имеем дело с глубинной релексификацией, характерной для формирования смешанного региолекта [13, 16]. Именно в подобных регионах исчезновение просодического шва и грамматикализация английских элементов достигают кульминации, превращая постстандартный испанглийский идиом в автономную систему с собственной предикативной логикой.

Хотя профессиональный состав выборки намеренно гетерогенен, анкетные данные позволяют проследить связь между социально-экономическим профилем информанта и предпочитаемым типом ПК [4]. Молодые представители профессиональных слоев (журналисты, юристы, учителя, маркетологи), особенно проживающие в джентрифицирующихся районах Нью-Йорка и Майами, демонстрируют высокую плотность инсерций и продуктивную грамматикализацию, в то время как среди молодых рабочих строительных и ремонтных специальностей (Эль-Пасо, Сан-Антонио) инсерции чаще носят характер изолированного лексического заимствования без образования парадигм. Подобный контраст коррелирует также с трансформацией этнических кварталов: процессы джентрификации и вытеснения латиноамериканских сообществ [16] сокращают возможности для повседневного использования испанского в публичном пространстве, что ускоряет сдвиг к английской матрице у молодежи и, как следствие, к инсерционным моделям с аналитическими конструкциями. Напротив, в трансграничных кластерах, где испанский сохраняет институциональную и экономическую значимость (фабрики «макиладорас», трансграничная торговля), структурное давление к аналитизму ослаблено. Таким образом, грамматическая сложность постстандартного испанглийского идиома оказывается частично функцией социоэкономического контекста и степени укорененности испанского в локальной экономике.

Выводы

Проведенный анализ спонтанной речи и социолингвистических анкетных данных 492 билингвов из пяти регионов США выявил дивергентные траектории эволюции постстандартного испанглийского идиома. В восточных мегаполисах (Нью-Йорк) диахронический дрейф ведет к формированию закрытой инсерционной системы, в которой английские предикаты грамматикализуются без морфологической адаптации, а просодические швы исчезают, превращая смешанную речь в единый код. Напротив, в трансграничных кластерах (Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес, Сан-Диего–Тихуана) альтернативное ПК сохраняет устойчивость, а два языка продолжают существовать как прагматически разграниченные ресурсы, что обусловлено постоянной циркуляцией населения и институциональной поддержкой испанского по обе стороны границы. Майами и Лос-Анджелес представляют собой промежуточные, но интенсивно инновативные зоны, в которых конгруэнтная лексикализация становится ведущей стратегией, порождая продуктивные парадигмы и новую, региолектно специфичную предикативную модель.

Теоретическая значимость работы заключается в эмпирически обоснованном пересмотре тезиса об универсальности падения падежных ограничений [5] и генерализации аналитических структур в условиях диаспоры: региональные и поколенческие данные показывают, что направление структурных изменений модулируется как интенсивностью и длительностью контакта, так и характером социальной мобильности и экономической интеграции испаноговорящего населения.

В качестве перспектив будущих исследований целесообразно проведение лонгитюдных наблюдений, которые позволили бы проследить индивидуальные траектории речевого сдвига, включение в анализ просодических метрик для более точной операционализации степени «смешанности» кодов, а также расширение выборки на внутренние регионы США, где испангоамериканский формируется в условиях менее плотного языкового контакта.

Список источников

1. Carter P.M. English in Miami. In: Immigrant Englishes Around the World. New York, London: Routledge, 2025. P. 201 – 220.
2. Fricke M., Kroll J.F., Dussias P.E. Phonetic variation in bilingual speech: Language switching and code-switching // Journal of memory and language. 2016. Vol. 89. P. 110 – 137.
3. Johns M.A., Steuck J. Is codeswitching easy or difficult? Testing processing cost through the prosodic structure of bilingual speech // Cognition. 2021. Vol. 211. P. 104634.
4. Lynch A. Heritage language socialization at work: Spanish in Miami // Journal of World Languages. 2023. № 9 (1). P. 111 – 132.
5. MacSwan J. A Minimalist Approach to Intrasentential Code Switching. New York: Routledge, 2014. 332 p.
6. MacSwan J. Codeswitching, translanguaging and bilingual grammar // Multilingual perspectives on translanguaging. 2022. P. 83 – 125.
7. Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
8. Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Oxford University Press, 1993. 177 p.
9. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
10. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching // Linguistics. 1980. № 18 (7/8). P. 581 – 618.
11. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains // International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
12. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism // Rupkatha Journal. 2023. № 15 (3). P. 1 – 10.
13. Silva-Corvalán C. Language Contact and Change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
14. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project // Applied Linguistics. 2022. № 44 (3). P. 519 – 537.
15. Wei L., Phylak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
16. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
17. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

References

1. Carter P.M. English in Miami. In: Immigrant Englishes Around the World. New York, London: Routledge, 2025. P. 201 – 220.
2. Fricke M., Kroll J.F., Dussias P.E. Phonetic variation in bilingual speech: Language switching and code-switching. Journal of memory and language. 2016. Vol. 89. P. 110 – 137.
3. Johns M.A., Steuck J. Is codeswitching easy or difficult? Testing processing cost through the prosodic structure of bilingual speech. Cognition. 2021. Vol. 211. 104634 p.
4. Lynch A. Heritage language socialization at work: Spanish in Miami. Journal of World Languages. 2023. No. 9 (1). P. 111 – 132.
5. MacSwan J. A Minimalist Approach to Intrasentential Code Switching. New York: Routledge, 2014. 332 p.
6. MacSwan J. Codeswitching, translanguaging and bilingual grammar. Multilingual perspectives on translanguaging. 2022. P. 83 – 125.
7. Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

8. Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Oxford University Press, 1993. 177 p.
9. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
10. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980. No. 18 (7/8). P. 581 – 618.
11. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains. *International Journal of Bilingualism*. 2025. No. 29 (1). P. 269 – 291.
12. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism. *Rupkatha Journal*. 2023. No. 15 (3). P. 1 – 10.
13. Silva-Corvalán C. Language Contact and Change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
14. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project. *Applied Linguistics*. 2022. No. 44 (3). P. 519 – 537.
15. Wei L., Phylak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
16. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
17. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2026. No. 47 (3). P. 1323 – 1336.

Информация об авторах

Семенова М.Ю., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, msemenova@donstu.ru

© Семенова М.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2026, Том 6, № 9 / 2026, Vol. 6, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42:004.738.5

DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-273-280

¹ Якиш

¹ Государственный университет просвещения

Диахрония русских переводов «Бхагавадгиты»: сравнительно-сопоставительный и лингвопереводческий анализ (1788–1984)

Аннотация: в статье впервые предпринят диахронический сравнительно-сопоставительный анализ четырёх исторических вех русского перевода «Бхагавадгиты», охватывающих период с конца XVIII до конца XX века: прозаического переложения А.А. Петрова (1788), выполненного с английской версии Ч. Уилкинса; теософского перевода А.А. Каменской и И.В. де Манциарли (1914), опирающегося на английский перевод А. Безант и Бх. Даса; академического перевода Б.Л. Смирнова (1956), сделанного непосредственно с санскрита; и конфессионально-комментаторского издания А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады «Бхагавад-гита как она есть» (рус. изд. 1984). Единицей сопоставления избран стих II.20 – формульное определение природы атмана. Методы исследования: сравнительно-исторический, сопоставительно-лингвистический и лексико-семантический анализ переводческих трансформаций. Установлена четырёх-фазная эволюция стратегий: от двойного опосредования и просветительской доместикации через теософскую ресакрализацию к филологическому буквализму и далее к конфессиональной экспликации с паратекстовым возвращением звуковой формы оригинала. Показано, что опосредованный перевод наследует интерпретационные решения языка-посредника вплоть до противоположного истолкования грамматической структуры оригинала, а суггестивно-сакральная функция текста в диахронии не исчезает, но мигрирует между уровнями: от лексики к синтаксической формуле и затем в паратекст.

Ключевые слова: «Бхагавадгита», диахрония перевода, опосредованный перевод, язык-посредник, санскрит, переводческие трансформации, сакральный текст, магическая функция языка, эквивалентность

Для цитирования: Якиш. Диахрония русских переводов «Бхагавадгиты»: сравнительно-сопоставительный и лингвопереводческий анализ (1788–1984) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 9. С. 273 – 280. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-273-280

Поступила в редакцию: 22 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июля 2026 г.; Принята к публикации: 20 августа 2026 г.

¹ Yakshik

¹ Federal State University of Education

Diachrony of Russian translations of the Bhagavad Gita: a comparative-contrastive and translation-linguistic analysis (1788–1984)

Abstract: the article offers the first diachronic comparative-contrastive analysis of four historical milestones of the Russian translation of the Bhagavad Gita spanning the late 18th to the late 20th century: the prose rendering by A.A. Petrov (1788) made from Charles Wilkins's English version; the Theosophical translation by A.A. Kamenskaya and I.V. de Manziarly (1914) based on the English translation by A. Besant and Bh. Das; the academic translation by B.L. Smirnov (1956) made directly from Sanskrit; and the confessional-commentarial edition by A.C. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, *Bhagavad-gītā As It Is* (Russian edition 1984). Stanza II.20 – the formulaic definition of the nature of the ātman – serves as the unit of comparison. The methods employed are com-

parative-historical, contrastive-linguistic, and lexico-semantic analysis of translation transformations. A four-phase evolution of strategies is established: from double mediation and Enlightenment domestication, through Theosophical re-sacralisation, to philological literalism, and further to confessional explicitation with a paratextual return of the original's sound form. It is shown that indirect translation inherits the interpretive decisions of the intermediary language, up to an opposite construal of the original's grammatical structure, and that the suggestive-sacral function of the text does not vanish in diachrony but migrates between levels: from lexis to the syntactic formula and then into the paratext.

Keywords: *Bhagavad Gita, diachrony of translation, indirect translation, intermediary language, Sanskrit, translation transformations, sacred text, magical function of language, equivalence*

For citation: Yakshik. Diachrony of Russian translations of the Bhagavad Gita: a comparative-contrastive and translation-linguistic analysis (1788–1984). *Philological Sciences Bulletin*. 2026. 6 (9). P. 273 – 280. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-9-273-280

The article was submitted: June 22, 2026; Approved after reviewing: July 26, 2026; Accepted for publication: August 20, 2026.

Введение

История русских переводов «Бхагавадгиты» насчитывает без малого два с половиной столетия и представляет собой редкий по протяжённости и внутренней контрастности материал для диахронического переводоведения. Один и тот же санскритский памятник – религиозно-философская поэма из шестой книги «Махабхараты» – последовательно проходил через принципиально различные культурно-языковые фильтры: просветительскую словесность конца XVIII века, теософскую среду Серебряного века, советскую академическую индологию и конфессиональную издательскую практику конца XX века. Каждая эпоха не просто по-новому переводила текст – она по-новому определяла, что именно в этом тексте подлежит переводу: понятийное содержание, поэтическая форма, ритуально-суггестивное действие или вероучительная функция.

Материал ценен по двум причинам. Во-первых, он позволяет наблюдать переводческие стратегии не в синхронном срезе, а как исторический процесс, в котором смена стратегии коррелирует со сменой социокультурного заказа. Во-вторых, в русской традиции «Гиты» дважды представлен особый лингвистический феномен – опосредованный перевод (перевод через язык-посредник): первое русское переложение 1788 года выполнено с английской версии Ч. Уилкинса (1785), а теософский перевод 1914 года – с английского перевода А. Безант и Бх. Даса (1905). Это даёт возможность на едином материале сопоставить прямой и опосредованный перевод и проследить, какие именно свойства оригинала утрачиваются, искажаются или, напротив, парадоксально сохраняются при двойном языковом преломлении.

Актуальность работы определяется растущим вниманием современного переводоведения к феномену непрямого, опосредованного перевода [11, 13] и к судьбе воздействующих, суггестивно-сакральных свойств религиозного текста при межъязыковом переносе [5, 9, 12]. Научная новизна состоит в том, что четыре хронологических среза русской «Гиты» впервые сопоставляются на едином стиховом материале – стихе П.20, формульном определении природы атмана, – с систематическим учётом фактора языка-посредника и с оценкой того, на каком языковом уровне в каждую эпоху локализуется сакрально-суггестивная функция текста.

Цель статьи – выявить диахроническую эволюцию переводческих стратегий передачи ключевых санскритских понятий и формульной структуры «Бхагавадгиты» в русской традиции 1788–1984 годов. Задачи: охарактеризовать четыре переводческие вехи с точки зрения источникового статуса (прямой / опосредованный перевод) и культурного контекста; выполнить сопоставительный лингвопереводческий анализ стиха П.20 в четырёх версиях на лексическом, грамматико-синтаксическом и функционально-стилистическом уровнях; установить направленные диахронические тенденции и их социокультурную обусловленность.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования служат четыре полных русских перевода «Бхагавадгиты», каждый из которых доступен в открытых электронных архивах. Первый – «Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном» (М., 1788) в переводе А.А. Петрова, изданный в университетской типографии Н.И. Новикова [1]. Уже титульный лист издания эксплицирует опосредованный характер перевода: книга представлена как переведённая с подлинника, писанного «на древнем браминском языке, называемом санскритта», на английский, «а с сего на российской язык» – то есть через версию Ч. Уилкинса (1785), первый европейский перевод по-

эмы. Второй – «Бхагавад-Гита, или Песнь Господня» в переводе А.А. Каменской и И.В. де Манциарли (изд. журнала «Вестник теософии», 1914) [2], выполненный, по признанию самих переводчиц, на основе английского теософского перевода А. Безант и Бх. Даса (1905); Б.Л. Смирнов впоследствии охарактеризовал эту версию как «перевод перевода А. Безант» [3]. Третий – академический перевод Б.Л. Смирнова (Ашхабад, 1956) [3], выполненный непосредственно с санскрита и снабжённый двумя параллельными версиями (буквальной и литературной), обширными примечаниями и толковым словарём терминов. Четвёртый – «Бхагавад-гита как она есть» А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады в русском издании 1984 года [4]: конфессионо-комментаторский тип издания, в котором каждый стих сопровождается санскритским текстом, транслитерацией, пословным разбором, переводом и богословским комментарием; русский текст восходит к английскому изданию 1968–1972 годов, однако снабжён полным санскритским аппаратом.

Единицей сопоставления избран стих II.20 – классическое формульное определение неуничтожимости атмана: *na jāyate mriyate vā kadācin nāyaṃ bhūtvā bhavitā vā na bhūyaḥ / ajo nityaḥ śāśvato 'yaṃ purāṇaṃ na hanyate hanyamāne śarīre*. Выбор мотивирован тремя свойствами стиха: (1) высокой плотностью отрицательной формулы (четырёхчленная цепь отрицаний *na... na... na... na hanyate*), выполняющей суггестивно-мнемоническую функцию; (2) терминологической нагруженностью (цепочка эпитетов *ajo – nitya – śāśvato – purāṇa*, «нерождённый – постоянный – вечный – древний»); (3) наличием специфической санскритской грамматической конструкции – локативного абсолютива *hanyamāne śarīre* («при убиваемом теле»), передача которой является диагностической для оценки переводческой стратегии. Существенно и то, что данный стих не входил в материал предшествующих публикаций автора, что исключает дублирование анализа.

Методы исследования: сравнительно-исторический метод (установление источниковой цепи и культурного контекста каждой версии); сопоставительно-лингвистический анализ (межъязыковое и межверсионное сопоставление на лексическом и грамматико-синтаксическом уровнях); лексико-семантический анализ переводческих трансформаций – калькирования, экспликации, семантического сдвига, доместицирующей замены [7, 8]; функционально-стилистический анализ формульной организации стиха в свете концепции магической (заклинательной) функции языка Р.О. Якобсона [5] и её суггестивных реализаций [9]. Дополнительно привлекались историко-переводоведческие данные о русской рецепции «Гиты» [6, 10], положения теории опосредованного перевода [11, 13] и работы о границах переводческой свободы применительно к Священному Писанию [12].

Результаты и обсуждения

Санскритский инвариант: формула и её носители

Прежде чем обратиться к переводам, зафиксируем структурные носители смысла и воздействия в оригинале. Стих II.20 организован как замкнутая отрицательная формула: четыре отрицания *na* выстраивают исчерпывающий перечень невозможных для атмана событий (рождение, смерть, возникновение, уничтожение), а завершающий локативный абсолютив *hanyamāne śarīre* синтаксически отделяет судьбу тела от судьбы воплощённого. Цепочка эпитетов *ajo nityaḥ śāśvato 'yaṃ purāṇaḥ* построена без единого союза. Для реципируемого текста это не мелочь: асиндетон разгоняет ритм, и формула легче ложится на память. Обратим внимание и на субъект. Оригинал называет его одним указательным местоимением *ayam* – «этот», – отсылая к деятелю предыдущих стихов; термина здесь нет, референция намеренно оставлена открытой. В дальнейшем сопоставлении мы будем держаться трёх опор: отрицательной формулы, эпитетной цепочки и местоименной референции субъекта. Именно по их судьбе в переводе виднее всего, что происходит с воздействующей стороной текста.

Первая вежа (1788): просветительская доместикация в условиях двойного опосредования

Издание 1788 года – вообще первый русский перевод санскритского памятника – целиком принадлежит просветительской книжной культуре. Вышло оно в университетской типографии Н.И. Новикова, прошло университетскую цензуру; перед нами учёное чтение с предисловиями и примечаниями, унаследованными от английского издания. Стихов читатель здесь не увидит. Текст разбит на «Беседы» (так переданы английские *Lectures*), и стиховые границы подлинника растворяются в сплошной периодической прозе XVIII века. Уже на уровне композиции, стало быть, теряется первый носитель суггестивной функции – метрическая замкнутость шлоки: формула, рассчитанная на произнесение, превращена в рассуждение, рассчитанное на чтение.

Лексический ряд издания в основе доместицирующий: ключевые понятия передаются словами русской религиозно-философской традиции («Божество», «Всевышний», «должность» в значении 'долг'); санскритская же терминология, не имеющая соответствий, транслитерируется и разъясняется в подстрочных примечаниях переводчика. Показателен приём с термином *yoga*: стих II.48 (*samatvaṃ yoga ucyate*) передан «такое равнодушие называется Йогъ», а примечание поясняет, что в санскрите нет слова, которое можно было бы

«толковать столь многообразно», и что первое его значение – «связаніе или соединеніе» [1]. Уже первый русский перевод, таким образом, сталкивается с непереводаемостью ключевой терминологии и решает её тем способом, который спустя полтора столетия избрёт и академическая традиция, – транслитерацией с комментарием.

Стих II.20 в Беседе II передан следующим образом: «Она не такое существо, о которомъ бы можно сказать, что оно было, начинается быть, или нѣкогда будетъ; ибо она есть существо нераждаемое; она древна, постоянна и вѣчна и не можетъ разрушена быть въ семь смертномъ ея видѣ» [1]. Сопоставление с оригиналом показывает, как далеко зашла перестройка. Отрицательная формула исчезла первой: вместо заклинятельного перечня невозможных событий читаем метаязыковую дефиницию – рассуждение о том, чего о существе «сказать нельзя» («не такое существо, о которомъ бы можно сказать...»), и ход этот в точности повторяет рационалистическую фразу Уилкинса. Изменилась и референция: там, где оригинал обходится местоимением, русский текст называет субъект – «душа» введена ещё в предыдущем периоде, к ней добавлено родовое «существо». Эпитеты уцелели, но не как цепочка: аја стало «существомъ нераждаемымъ», а *purāṇa*, *nitya* и *śāśvata* разошлись по предикативной конструкции «древна, постоянна и вѣчна». Наконец, локативный абсолютив *hanyamāṇe śaṅṅre* передан предложной группой «въ семь смертномъ ея видѣ» – калькой английского оборота; ни страдательный глагол, ни корневой повтор при такой передаче не выживают. Что в итоге? Перевод 1788 года знакомит просвещённого читателя с мудростью «браминов» – и делает это добросовестно, – однако суггестивно-формульное измерение текста не воспроизводит, а замещает философским рассуждением о нём.

Веха вторая (1914): теософская ресакрализация и наследование конструкции посредника

Перевод А.А. Каменской и И.В. де Манциарли создавался в принципиально иной установке: для теософской среды «Гита» – не памятник чужой словесности, а живое священное писание. Переводческая программа сформулирована самой А. Каменской в предисловии: из всех европейских языков именно «русский язык способен наиболее совершенно передать поэтическую санскритскую речь» [2]. Показательно, однако, что эта программа реализуется поверх английского посредника: как признают сами переводчицы и как констатирует Б. Л. Смирнов, в основе лежит перевод А. Безант [3]. Стих II.20 передан так: «Он не рождается и не умирает; раз получив бытие, он не перестаёт существовать. Нерожденный, постоянный, вечный и древний, он не убит, когда тело его убивают» [2].

Этот фрагмент – редкий по наглядности случай, когда опосредованный перевод наследует грамматическую интерпретацию посредника вплоть до смыслового переворота. Вторая пада оригинала (*nāyaṁ bhūtvā bhavitā vā na bhūyaḥ*) в прямом академическом переводе Смирнова получает истолкование «не возникая, Он вновь никогда не возникнет» – атман никогда не возникал и не возникнет. Версия 1914 года передаёт ту же паду противоположно: «раз получив бытие, он не перестаёт существовать» – то есть атман однажды возник и с тех пор не прекращает быть. Ошибки в санскрите тут, строго говоря, нет. Переводчицы аккуратно следуют синтаксическому решению английского посредника и переносят его конструкцию в русский текст – со всеми последствиями. Внутри строфы возникает противоречие: субъект, «раз получивший бытие», здесь же назван «Нерожденным». Случай, на наш взгляд, диагностический для лингвистики опосредованного перевода. Язык-посредник передаёт следующему звену не одну лишь лексику – вместе с ней наследуются грамматико-интерпретационные решения, и как раз этот канал смыслового сдвига остаётся для читателя невидимым.

Было бы, однако, несправедливо сводить версию 1914 года к её потерям. На функционально-стилистическом уровне она делает то, чего перевод 1788 года не делал вовсе: возвращает стиху литургическую тональность. Торжественная лексика, архаизирующий синтаксис, сохранённая цепочка эпитетов («Нерожденный, постоянный, вечный и древний») – всё это работает на частичную ресакрализацию текста. Суггестивное начало восстанавливается, но средствами лексико-стилистическими, не метрическими: перевод остаётся прозой, только проза эта – молитвословная.

Веха третья (1956): филологический буквализм прямого перевода

Перевод Б.Л. Смирнова знаменует смену парадигмы: впервые русская «Гита» переводится непосредственно с санскрита, в академическом формате, с двумя параллельными версиями – буквальной и литературной, – примечаниями и толковым словарём. Буквальная версия II.20 гласит: он никогда не рождается и не умирает, не возникая, вновь никогда не возникнет; «нерождённый, постоянный, бесконечный, Он, Древний, не убивается, когда убивается тело» [3]. Здесь сохранены все три диагностических параметра оригинала. Во-первых, четырёхчленная отрицательная формула воспроизведена полностью и в исходном порядке – переводчик удерживает саму синтаксическую фигуру перечислительного отрицания, являющуюся структурным носителем суггестивности. Во-вторых, локативный абсолютив *hanyamāṇe śaṅṅre* передан макси-

мально близкой русской конструкцией «когда убивается тело» с сохранением страдательного залога и – что особенно показательно – однокоренного повтора «не убивается ... убивается», зеркально отражающего санскритский корневой повтор *hanu*ate – *hanu*amāne. В-третьих, субъект остаётся местоименным («Он»), как в оригинале: Смирнов не эксплицирует референт термином, а сакральную маркированность передаёт графически – капитализацией «Он», «Древний».

Таким образом, стратегия Смирнова – форенизирующий филологический буквализм: перевод ориентирован на структуру оригинала и готов ради неё жертвовать гладкостью русской фразы. Существенно, что суггестивно-формульное начало при этом не исчезает, а сохраняется именно на синтаксическом уровне: отрицательная формула и корневой повтор действуют и в русском тексте. Двухверсионная система издания (буквальный + литературный перевод) институционализирует само различие точности и воздействия, которое предшествующие эпохи решали в пользу одной из сторон.

Веха четвёртая (1984): конфессиональная экспликация и паратекстовое возвращение звуковой формы

Русское издание «Бхагавад-гиты как она есть» переносит в русскую традицию новый, комментаторский тип сакрального издания. Стих II.20 передан: «Душа не рождается и не умирает. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет» – далее следует эпитетный ряд и утверждение о её сохранности при гибели тела [4]. Лингвистически значимы четыре трансформации. Первая – субъектная экспликация: местоимение оригинала (*ayam*) заменено богословским термином «Душа»; открытая референция закрывается вероучительной. Вторая – синтаксическая сегментация: единый стих расчленён на четыре коротких самостоятельных предложения катехизического типа, каждое из которых пригодно для цитирования как самостоятельный тезис. Третья – темпоральная амплификация: конструкция *bhūtvā bhavitā* развёрнута в трёхчленную видо-временную парадигму «не возникала, не возникает и не возникнет», эксплицирующую (и дидактически усиливающую) вневременность. Четвёртая – паратекстовая реставрация: в отличие от всех предшествующих версий, издание сопровождает каждый стих санскритским текстом, транслитерацией и пословным разбором (на – «никогда не»; *jāyate* – «рождается»; *ajāḥ* – «нерождённый» и т.д.), благодаря чему звуковая форма оригинала – первичный носитель мантрической, рецитационной функции – впервые возвращается русскому читателю, хотя и не в переводе, а рядом с ним.

Показателен парадокс источникового статуса: русский текст 1984 года вновь опосредован (он восходит к английскому изданию), то есть формально возвращает традицию к схеме 1788 и 1914 годов. Однако это опосредование качественно иное – оно осуществляется с постоянной опорой на печатаемый рядом санскритский оригинал и пословный разбор, что резко сужает пространство неконтролируемого семантического дрейфа, продемонстрированного версией 1914 года.

Диахронические тенденции

Сведём результаты сопоставления в обобщающую таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Диахрония переводческих решений (стих II.20).

Table 1

Diachrony of translation decisions (verse II.20).

Перевод	Источник и форма	Субъект (<i>ayam</i>)	Отрицательная формула	Стратегия и носитель суггестивной функции
1788, Петров	с англ. (Уилкинс); проза «Бесед»	«душа», «существо»	заменена дефиницией	доместикация; функция не воспроизводится
1914, Каменская, Манциарли	с англ. (Безант, Дас); молитвословная проза	«он»	пада b – по посреднику	ресакрализация; лексико-стилистический уровень
1956, Смирнов	с санскрита; буквальная и литературная версии	«Он»	сохранена полностью; корневой повтор	буквализм (форенизация); синтаксическая формула
1984, Прабхупада	с англ., санскр. аппарат; катехизическая сегментация	«Душа»	расчленена; временная триада	экспликация; паратекст (санскрит, транслитерация)

Из таблицы читаются три устойчивые линии. Первая касается источниковой дистанции: посредник (1788) – снова посредник (1914) – оригинал (1956) – и опять посредник, но уже с оригиналом в паратексте (1984). Линейного «прогресса» здесь, как видим, нет: конфессиональная фаза возвращает опосредование, компенсируя его печатаемым рядом санскритом. Вторая линия – судьба субъектной референции. Эксплицируют субъект те полюса традиции, что идеологически нагружены сильнее прочих: просветительский («душа», «существо», 1788) и конфессиональный («Душа», 1984); теософская и академическая версии (1914, 1956) сохраняют местоимение, как в оригинале. Закрытие открытой референции оказывается тем самым маркером интерпретирующей установки перевода. Третья линия – самая существенная для нашей темы. Сакрально-суггестивная функция не исчезает: утраченная вместе с метром в 1788 году, она возвращается на лексико-стилистическом уровне (1914), закрепляется в синтаксической формуле (1956) и наконец уходит в паратекст, где звучит уже сам санскрит (1984). Функция меняет носителя – вот, пожалуй, самая короткая формула наблюдаемой диахронии.

За каждой фазой при этом стоит свой социальный заказ. Просветительскому универсализму новиковского круга отвечает domesticiрующий пересказ «мудрости браминов»; теософскому проекту Серебряного века – ресакрализация поверх английского посредника; советской академической индологии – филологический буквализм с научным аппаратом; позднесоветскому религиозному книгоизданию – катехизическая дидактика с мантрическим паратекстом. Диахрония перевода прочитывается, по существу, как диахрония заказа на определённый тип функциональной эквивалентности.

Выводы

Русская переводческая традиция «Бхагавадгиты» 1788-1984 годов складывается в четырёхфазную диахронию стратегий: просветительская domestикация, теософская ресакрализация, филологический буквализм, конфессиональная экспликация. Показательно, что смена фаз не описывается накоплением переводческой «точности»: менялся не уровень мастерства, а социокультурный порядок типов эквивалентности.

Фактор языка-посредника заслуживает статуса самостоятельной лингвистической переменной. Опосредованный перевод наследует у посредника не только лексику – вместе с ней транслируются грамматико-интерпретационные конструкции; противоположное истолкование пады II.20b в версиях 1914 и 1956 годов демонстрирует это с наглядностью, редкой для переводческого материала. Непрямой перевод сакрального текста, выполненный без опоры на оригинал, способен, как видим, переносить смысловой сдвиг, противодействующий эксплицитной семантике той же строфы.

Третий вывод касается самой магической – в терминологии Р.О. Jakobsona – функции. В диахронии перевода она не гибнет: она мигрирует между уровнями языковой структуры, лексико-стилистическим, синтаксическим и паратекстовым. Диагностическими носителями функции в стихе II.20 служат отрицательная формула, эпитетная цепочка и корневой повтор; по степени их сохранности переводы разных эпох и парадигм поддаются операциональному сравнению.

Остаётся наметить перспективу. Полученная периодизация задаёт рамку, естественным продолжением которой станет включение в диахронический ряд академического перевода В.Г. Эрмана и ритмизованного перевода В.С. Семенцова, равно как и расширение стихового корпуса за пределы II.20. Предложенный набор диагностических параметров – источниковый статус, судьба формулы, референция субъекта, локализация суггестивной функции – применим, на наш взгляд, и к диахроническому анализу русских переводов других сакральных памятников Востока.

Список источников

1. Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Аржуном / пер. с англ. А.А. Петрова. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788. URL: http://az.lib.ru/i/indijskaja_1/text_bhagavat-gita_oldorfo.shtml (дата обращения: 09.07.2026).
2. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня / пер. с англ. и санскр. А.А. Каменской и И.В. де Манциарли. [Калуга]: Изд. журнала «Вестник теософии», 1914. Оцифровка РГБ/НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004464084/ (дата обращения: 09.07.2026).
3. Бхагавадгита / пер. с санскрита, введ., примеч. и толковый словарь Б.Л. Смирнова. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1956. URL: <http://bhagavadgita.ru/> (дата обращения: 09.07.2026).
4. Бхактиведанта Свами Прабхупада А.Ч. Бхагавад-гита как она есть. М.: Бхактиведанта Бук Траст, 1984 (рус. изд.). URL: <https://vedabase.io/ru/library/bg/> (дата обращения: 09.07.2026).
5. Jakobson Р.О. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193 – 230. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения: 09.07.2026).

6. Серебряный С.Д. Многозначное откровение «Бхагавад-гиты»: из истории переводов // Древо индуизма. М.: Вост. лит., 1999. URL: <https://www.portal-vostok.ru/index.php/indiya/religy/induizm/drevo-induizma-stvol-mnogoznachnoe-otkrovenie-bkhagavad-gity/329-drevo-induizma-stvol-mnogoznachnoe-otkrovenie-bkhagavad-gity-iz-istorii-perevodov-bkhagavad-gity-chast-2> (дата обращения: 09.07.2026).
7. Бурмистров С.Л. Бхагавадгита – памятник интеркультурного диалога // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 1 (25). С. 7 – 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bhagavadgita-pamyatnik-interkulturnogo-dialoga> (дата обращения: 10.07.2026).
8. Автандилян Е.А. Игры со смыслами: различные уровни понимания текста на примере Бхагавад Гиты // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 1. С. 68 – 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-so-smyslami-razlichnye-urovni-ponimaniya-teksta-na-primere-bhagavad-gity> (дата обращения: 10.07.2026).
9. Бутыльская Л.В. Реализация суггестивно-магической функции языка в текстах заговоров и рекламы // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 33 – 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-suggestivno-magicheskoy-funktsii-yazyka-v-tekstah-zagovorov-i-reklamy> (дата обращения: 09.07.2026).
10. Глушкова И.П. Способы существования сакрального индусского текста и образ России в Индии // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 138 – 145. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000794098/SOURCE1> (дата обращения: 10.07.2026).
11. Прошина З.Г. Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 9 – 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannyu-perevod-v-perspektive-ekotranslatologii> (дата обращения: 10.07.2026).
12. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. «Предел свободы» в переводе Священного Писания: языковой и культурный аспекты // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 41 – 57. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.07.2026).
13. Иванкова Т. Опосредованный перевод как инструмент международного культурного обмена на Дальнем Востоке России // Гуманитарные и социальные науки на Дальнем Востоке. XXII. 2025. С. 132 – 140. URL: <https://www.researchgate.net/publication/396816836> (дата обращения: 10.07.2026).

References

1. Baguat-Geta, or Krishna's Conversations with Arjun. Translated from English by A.A. Petrov. Moscow: N. Novikov's University Printing House, 1788. URL: http://az.lib.ru/i/indijskaja_l/text_bhagavat-gita_oldorfo.shtml (accessed: 09.07.2026).
2. Bhagavad-Gita, or the Song of the Lord. Translated from English and Sanskrit by A.A. Kamenskaya and I.V. de Manziarly. [Kaluga]: Publishing House of the Journal "Bulletin of Theosophy", 1914. Digitized by the Russian State Library. New Electronic Library. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004464084/ (accessed: 09.07.2026).
3. Bhagavad-gita. Translated from Sanskrit, introduction, notes and explanatory dictionary by B.L. Smirnov. Ashgabat: Publishing house of the Academy of Sciences of the TsSR, 1956. URL: <http://bhagavadgita.ru/> (accessed: 09.07.2026).
4. Bhaktivedanta Swami Prabhupada A.C. Bhagavad-gita As It Is. Moscow: Bhaktivedanta Book Trust, 1984 (Russian edition). URL: <https://vedabase.io/ru/library/bg/> (accessed: 09.07.2026).
5. Jacobson R.O. Linguistics and Poetics. Trans. from English. Structuralism: Pros and Cons. Moscow: Progress, 1975. P. 193 – 230. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (accessed: 09.07.2026).
6. Serebryany S.D. The Polysemantic Revelation of the Bhagavad Gita: From the History of Translations. The Tree of Hinduism. Moscow: Vost. lit., 1999. URL: <https://www.portal-vostok.ru/index.php/indiya/religy/induizm/drevo-induizma-stvol-mnogoznachnoe-otkrovenie-bhagavad-gity/329-drevo-induizma-stvol-mnogoznachnoe-otkrovenie-bhagavad-gity-iz-istorii-perevodov-bhagavad-gity-chast-2> (accessed: 09.07.2026).
7. Burmistrov S.L. Bhagavad Gita – a monument of intercultural dialogue. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2009. No. 1 (25). P. 7 – 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bhagavadgita-pamyatnik-interkulturnogo-dialoga> (accessed: 10.07.2026).

8. Avtandilyan E.A. Games with meanings: different levels of text understanding on the example of the Bhagavad Gita. Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2018. No. 1. Pp. 68–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-so-smyslami-razlichnye-urovni-ponimaniya-teksta-na-primere-bhagavad-gity> (accessed: 09.07.2026).

9. Butylskaya L.V. Implementation of the Suggestive-Magical Function of Language in the Texts of Spells and Advertisements. Scientific Notes of the Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies. 2011. No. 2. P. 33 – 36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-suggestivno-magicheskoy-funktsii-yazyka-v-tekstah-zagovorov-i-reklamy> (accessed: 09.07.2026).

10. Glushkova I.P. Modes of Existence of the Sacred Hindu Text and the Image of Russia in India. Bulletin of Tomsk State University. History. 2013. No. 4 (24). P. 138 – 145. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000794098/SOURCE1> (accessed: 10.07.2026).

11. Proshina Z.G. Mediated translation in the perspective of ecotranslatology. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2013. No. 4. P. 9 – 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovanny-perevod-v-perspektive-ekotranslatologii> (accessed: 10.07.2026).

12. Khukhuni G.T., Osipova A.A. "The Limit of Freedom" in the Translation of the Holy Scripture: Linguistic and Cultural Aspects. Russian Social and Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 41 – 57. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.07.2026).

13. Ivankova T. Mediated Translation as a Tool for International Cultural Exchange in the Russian Far East. Humanitarian and Social Sciences in the Far East. XXII. 2025. P. 132 – 140. URL: <https://www.researchgate.net/publication/396816836> (accessed: 10.07.2026).

Информация об авторах

Якшик, Государственный университет просвещения, yakshikmudgal@yandex.ru

© Якшик, 2026